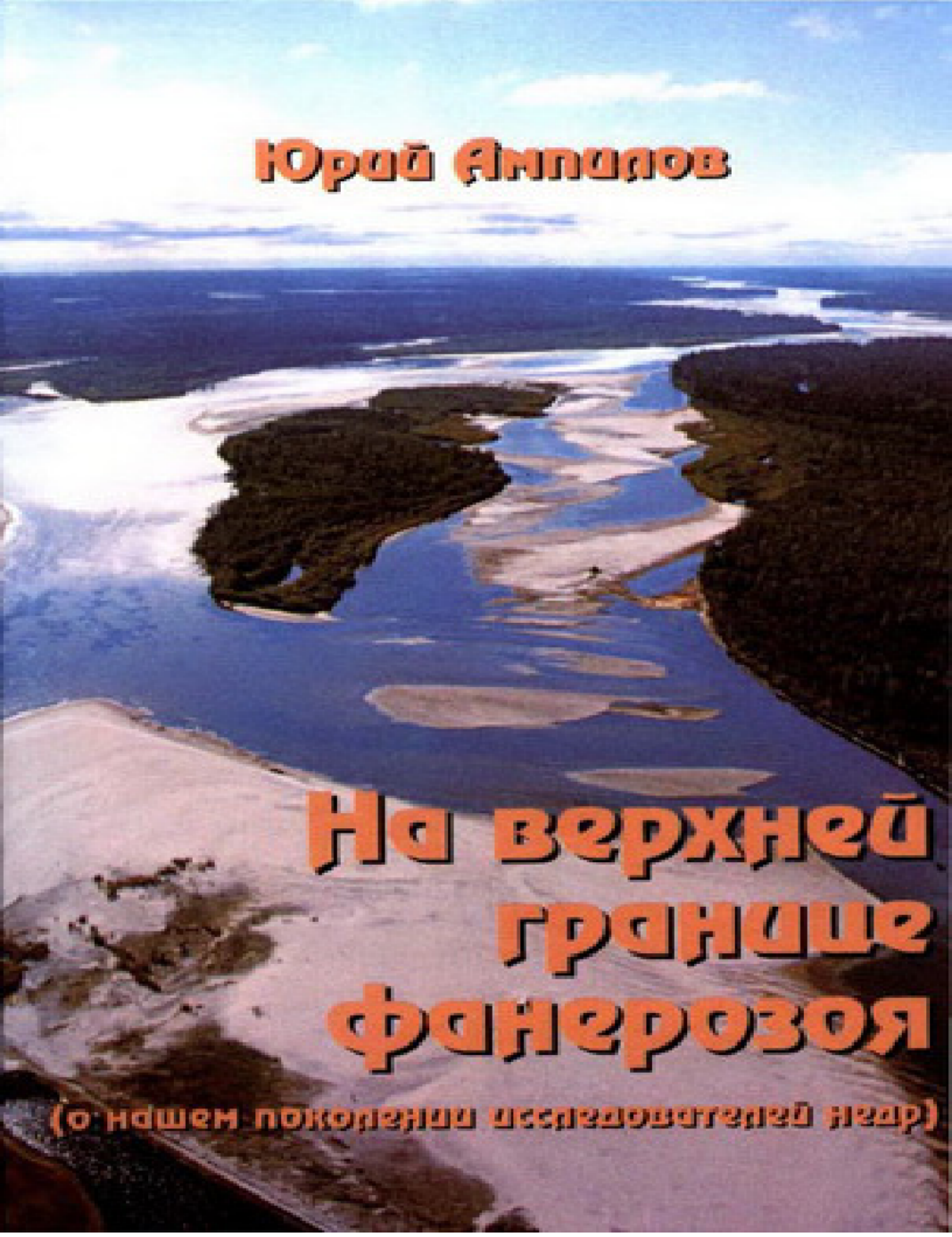

Юрий Анпилов
На верхней границе фанерозоя
(о нашем поколении исследователей недр)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге известный российский ученый-геофизик размышляет о судьбах людей геологических профессий в сложный для России период на рубеже тысячелетий

Рассказывая о постижении науки, он одновременно воссоздает широкое полотно с изображением десятков людей, с переплетением событий, характеризует их, поэтому книга приобретает общественное звучание, В ней можно найти изображение провинциальной России и столицы. Во второй части содержится увлекательное повествование о разных странах и народах. На ее страницах можно познакомиться с людьми очень известными и рядовыми, зримо представить их если не по внешним описаниям, то по роду занятий, по отношению к ним самого автора. Не менее важно и то, что автор, словно художник-мозаик, может объединять детали в полную картину, и они тогда воспринимаются не сами по себе, а как части единого целого…

Большинство любителей чтения с удовольствием поместят книгу Юрия Ампилова на книжные полки.

- Юрий Ампилов
  - Слово к читателю

Юрий Ампилов
На верхней границе фанерозоя (о нашем поколении исследователей недр)

Слово к читателю

Люди геологических профессий – это особая человеческая среда. Дружба и любовь, чувство долга и взаимовыручка для них не пустые слова, а главные ценности жизни.

Поэтому большинству из них было совсем непросто пережить то недавнее десятилетие на рубеже веков, когда в сознании многих людей эти простые и понятные слова отошли на задний план, уступив место материальным устремлениям.

Эта книга о том, как переплелись геологические судьбы нескольких поколений в сложные 90-е годы, и как мы ощущаем себя после этого в современности. Она заставляет, вспомнив о прошлом, задуматься о настоящем и на этой основе попробовать заглянуть в будущее.

Автор – выпускник нашей кафедры. В профессии прошел большой путь, некоторое время возглавляя Государственную комиссию по запасам полезных ископаемых. Теперь свой опыт и знания передает студентам, являясь по совместительству профессором нашего факультета.

Долгие годы нашего знакомства, начиная с аспирантских времен автора, и сотрудничества в настоящее время позволяют мне оценить эту книгу как искреннюю и правдивую повесть о жизни. Книга интересна, прежде всего, отражением личности автора и его оценкой непростого периода нашей общей истории.

Хочу обратиться ко всем коллегам и читателям: больше пишите друг для друга стихов, песен, книг о настоящих чувствах и прекрасных поступках. Тогда мы поймем, что нас много, и наша жизнь во многом покажется нам более содержательной и интересной.

Заведующий кафедрой сейсмометрии и геоакустики
геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор физико-математических наук, профессор
М.Л. Владов

ПОСВЯЩАЮ
выпускникам моего родного факультета
в канун его 70-летия

Почему я написал эту книгу

Здравствуй, дорогой читатель!

Если ты меня не знаешь, то вряд ли тебе будет интересна эта книга. Но если ты принадлежишь к касте геологов в широком смысле этого слова (в том числе геофизики, геохимики, гидрогеологи, нефтяники, полезники и т. д.), или просто если ты в душе романтик, то, пожалуй, и тебе будет любопытно пролистать отдельные ее страницы.

Я долго думал над названием и не нашел ничего лучшего, как обозначить нашу современность геологическим термином. Ведь фанерозой (от греческого «фанерос» – явный и «зой» – жизнь) – крупнейший этап в геологической истории Земли, охватывающий палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую эры. Он насчитывает примерно 570 миллионов лет и продолжается сейчас. В его начале зародились самые первые примитивные формы жизни, которые геологи могут хотя бы косвенно заметить по древним окаменелостям на отдельных участках планеты. А на верхней границе фанерозоя мы живем сейчас. И в масштабе геологического времени жизнь человека, как и жизнь целого поколения – это миг, который даже невозможно измерить, настолько он мал. В истории человечества есть целые сотни лет и десятки поколений, от которых ровным счетом ничего не осталось в памяти цивилизации.

Но здесь я попытался написать именно о нашем геологическом поколении – о тех, кто выбрал этот путь и получил свой диплом в 70-е и 80-е «доперестроечные» годы, Ведь мы уже немало знаем о геологах довоенной, военной или послевоенной поры, на долю которых пришлись грандиозные открытия. Мы представляем себе и романтиков-шестидесятников с их светлыми мечтами о будущем. А кто же мы? Неужели потерянное поколение, которому по большому счету нечего записать в свой актив? Вопрос сложный, и ответ на него далеко не однозначен.

Я в свои 50 с небольшим лет побывал в различных ипостасях нашей иерархии и даже добрался до вершины нашего «геологического Олимпа», возглавив несколько лет назад на 8 месяцев «священный» для геологов орган – Государственную комиссию по запасам полезных ископаемых – ГКЗ. Но и я не могу дать ответа на этот вопрос. В книге я попытался вместе с Вами в ненавязчивой, а иногда шутливой форме порассуждать на эту тему. Несмотря на кажущееся относительное благополучие времени, в котором мы росли (отсутствие больших войн и серьезных катаклизмов, хорошее образование и т. д.), на нашу

долю пришлось немало проблем. Ведь в период пика нашей профессиональной формы – в начале 90-х годов – на страну обрушились такие перемены, которые фактически полностью разрушили геологическую отрасль. Перестали отправляться в поле отряды. Вороватые чиновники уводили деньги через подставные конторы. Страна просто проедала те богатства, что открыли наши предшественники, а частично и мы, и во многом выжила только за счет труда геологов тех поколений.

Но на нашу долю пришелся и нынешний период, когда, пусть медленно, шаг за шагом, мы еще можем вновь построить свой «геологический» дом, а затем и понемногу обустроить всю улицу – страну. А много ли нас осталось в отрасли после этого лихолетья? Пожалуй, меньшинство. Остальные в трудные для геологии времена нашли себя в других сферах. Остается уповать на молодежь, которая в последние годы вновь почувствовала вкус к нашей профессии и активно пополняет ряды исследователей недр.

Ну да что там теперь говорить и ворчать чуть ли не по-стариковски? Давайте немного сменим тон. Ведь мы еще можем…

Кстати, об этом самом тоне, а точнее, о жанре, в котором я собираюсь писать эту книгу. Вольно или невольно передо мной возникает образ Виктора Конецкого с его великолепными, иногда грустными, а чаще комичными рассказами, как бы «перетекающими» один в другой. Я, конечно, далеко не Виктор Конецкий, и никакого литературного опыта у меня нет. Те полторы сотни научных статей да дюжина монографий и учебников, которые я написал за эти годы, вряд ли будут служить мне подспорьем в этом новом для меня деле. Да и можно ли назвать это делом?

Некоторые мои коллеги, наверняка, осуждающе посмотрят на мои литературные экзерсисы. Ему что, делать нечего? Если честно, то этих самых дел хватает. Когда одновременно выполняем работы по семи-восьми договорам для различных заказчиков, забывая о выходных и отпусках, очень хочется хотя бы какое-то время заняться «ничегонеделанием». Но этого не получается. Видимо, уже не избавиться от нажитой годами привычки быть постоянно занятым. Эта книга писалась преимущественно в минуты перелетов и переездов между различными городами и странами, «Писания» давали своеобразный отдых голове от «роящихся» в ней формул, схем. разрезов, карт и прочей околонаучной и производственной шелухи, сопровождающей выполнение конкретных проектов. Ловлю себя на мысли, что это мне нравилось, и потому я писал эти строчки, Я представлял, дорогой читатель, что Вы когда-

нибудь их прочтете и вместе со мной погрузитесь в наши общие воспоминания, веселые и грустные. Поскольку жизнь нас так разбросала, что большинству из нас не суждено встретиться наяву, считайте, что я Вам всем написал письмо. А еще лучше представьте, что сидим за одним столом: разливаем, закусываем, веселимся, грустим, вспоминаем…

Почему-то в эти минуты представляю улыбающиеся сквозь очки глаза моего давнего и хорошего приятеля по Мурманску Андрюши Скрицкого, который сейчас в далеком Вьетнаме. Он держит в руках эту книжку и произносит: «Вот чертяка! Он все-таки сделал это!» И мне, ей богу, будет приятно.

Часть 1 КАК МЫ «ГРЫЗЛИ ГРАНИТ НАУКИ»

Я далек от мысли превратить эту книгу в нудный автобиографический очерк, который будет интересен, разве что самым близким. Однако неизбежно придется время от времени возвращаться *к* этому стилю, поскольку как иначе можно передать наши ощущения происходящего тогда и сегодня? Но при этом основное внимание я постараюсь уделить взаимоотношениям с другими людьми, с которыми приходилось сталкиваться по жизни в различных ситуациях. Как человек, связанный сначала с фундаментальной, потом с прикладной наукой, а также с большой производственной практикой по внедрению и использованию различных методик и технологий, я имел по жизни много личных контактов с сотнями, а то и тысячами людей. И именно через эти связи и взаимоотношения я намереваюсь понять вместе с Вами, кем же мы были тогда и кто мы есть сейчас?

ШКОЛА ЖИЗНИ

«Школьные годы чудесные… Как они быстро летят, их не воротишь назад», – слова из пионерской песни 60-х годов. Но попробуем хоть немного вернуть их назад в своих мыслях и воспоминаниях. Ведь мы действительно в основном сформировались именно в эту пору. Иначе говоря, обычная средняя школа была для большинства из нас в то время и школой жизни. Именно благодаря ей мы довольно мягко вошли во взрослую жизнь.

Школьные годы прошли у всех по-своему, но и во многом похоже. Учились мы по одним учебникам. Родители наши получали примерно одинаковую зарплату, у большинства семей были и схожие проблемы, чаще материального плана.

Мой отец был военным и по тем временам относился к высокооплачиваемой категории работников. Однако помню, что все мало-мальски серьезные покупки (пылесос, стиральная машина и даже мой велосипед) делались в долг, преимущественно через офицерскую кассу взаимопомощи при областном военкомате Родился я в Румынии, где после войны находились наши войска. Однако школьные годы встретил в маленьком районном городке Щигры Курской области (Помните «Гамлет Щигровского уезда» у Тургенева?). Мама работала техником в конструкторском бюро завода геологоразведочного оборудования, производившего легкие буровые установки на колесной базе небольших грузовиков. У меня еще была сестра Татьяна, на четыре года младше меня. Жили мы в небольшой двухкомнатной квартире, в трехэтажном угловом доме с относительно неплохими по тем временам удобствами: водопровод с холодной водой, канализация и центральное отопление. Готовили на керогазе и электроплитке, и только в начале 70-х перешли на баллонный газ. В «банные» дни топили дровами титан, находившийся в ванной комнате, совмещенной с туалетом.

Один из фактов того времени поражает меня до сих пор. Речь о качестве медицины, о котором столь много говорим сегодня. И о том, как же это качество поднять. У мамы появились очень серьезные проблемы со щитовидной железой, и требовалась немедленная операция. Воспитательница в детском саду, Ада Михайловна, помню, уговаривала меня не хулиганить, чтобы не расстраивать маму, которая тяжело больна. Она, видимо, считала, что даже ее жизнь под угрозой. Мне было пять лет, а сестренке не было и двух. Так вот, простой хирург районной больницы

маленького городка (с населением тогда 9000 человек) сделал в 1960 году серьезную полосную операцию, да так, что мама и сейчас, в 2007 году, в возрасте 73 лет, не имеет с этим проблем. Думаю, что такой результат и для современной оборудованной московской больницы не всегда достижим…

Отец был с нами довольно строг. У меня был полувоенный распорядок дня, написанный его рукой, и письменный перечень постоянных обязанностей по дому. День обязательно начинался с зарядки. Думаю, что это в существенной мере приучило меня к жизненному порядку и самоорганизации. Я искренне благодарен своим родителям, которые, слава богу, живы. Здоровье, конечно, у них не ахти, но более или менее терпимо, словом – по возрасту.

Помню, что в возрасте шести-семи лет я был изрядным фантазером. Летними вечерами во дворе рассказывал сверстникам всевозможные сказки, которые сочинял тут же. Сам заранее не знал, чем заканчивать ту или иную историю, но как-то удавалось.

Потом, а старших классах, это куда-то пропало, и учителя литературы поругивали меня за «сухость» и полуофициальный язык школьных сочинений, хотя в большинстве случаев с оговорками «пять с минусом» все же ставили.

Но в том предшкольном возрасте «буйство» моей фантазии не знало границ. Сейчас я все это подзабыл, но недавно посетивший меня на 50-летнем юбилее друг детства Олег Певнев (ныне москвич) напомнил мне эти события, и я отчетливо все воспроизвел в своей памяти. Дело в том, что тогда прошел всего год со времени полета Юрия Гагарина. А людей в офицерской форме во всем городе было пять человек – работников райвоенкомата, включая моего отца. И когда он возвращался с работы, малыши иногда кричали: «Юрий Гагарин!». Я гордился этим и решил пофантазировать дальше на эту тему. Когда отец заступал на суточное дежурство, мне приходилось носить ему еду из дома, приготовленную мамой. Идти было неблизко – минут 20 в одну сторону, и я, чтобы мне было нескучно, пытался взять с собой кого-нибудь из ребят со двора. Тому же Олегу я говорил:

– Хочешь посмотреть ракету в военкомате?

– Еще бы.

– Пойдем со мной – покажу, но никому не говори, это секрет.

Придя в военкомат и дожидаясь пока отец перекусит, чтобы забрать затем посуду и возвращаться домой, мы обходили двор, где было несколько гаражей с большими воротами. Я подводил его к самым большим закрытым воротам, в которых была маленькая щель, и говорил: «Смотри – вон ракета, сегодня ночью полетит. Видишь?». Олег, приникнув глазом к щели и с трудом

различая неясные очертания защитного цвета и слабые блики от какого-нибудь автомобильного стекла, уверенно говорил:

– Да, вижу: здорово. Давай ночью придем, посмотрим.

– Давай, – отвечал я, будучи уверенным, что тетя Зина, его мать, ни за что Олега не отпустит, и он всю ночь проспит, как сурок.

Естественно, спал и я, но на следующее утро ему говорил:

– Ну, что ж ты? Я тебя ждал. Было здорово. Грохот слышал?

– Не-е, мамка не пустила, и я заснул.

В следующий раз это были Вовка Шабанов, Мишка Пауков или кто-то еще из дворовых ребят.,

Впоследствии, классе в пятом, я сам пытался делать модели ракет из подручного материала: фольги от чая, картонки от обувных коробок, простого клея и т. д. Краской подписывал на них начальные буквы имен девочек, которые мне нравились (например, УТ-1, Усова Таня), и большими буквами – СССР, Самое интересное, что метров на десять они взлетали. В качестве топлива использовал старые фотопленки (я фотографировал с десяти лет), которые тогда делались из материала, который очень быстро горел, почти как порох…

Хулиганили мы много, но родители и учителя об этом даже не догадывались, считая, по крайней мере, меня и моего друга Славку Бочкаря почти примерными детьми, а основном потому, что мы были отличниками. Но пару раз мы «прокалывались», и мне доставалось. А по более мелким проступкам стоять наказанным в углу периодически приходилось.

До сих пор удивляюсь, как наши шалости не привели к серьезным последствиям. Про то, что мы бегали по вечерам в сумерках и громко стучали в окна и двери, я даже не говорю: это все безобидно. Но вот другие случаи могли закончиться печально.

Был у нас свой «штаб» на чердаке нашего трехэтажного дома. Туда можно было проникнуть через люк по лестнице с площадки третьего этажа, что мы и делали почти ежедневно, выбирая моменты, когда взрослые нас не видели. Там был какой-то большой металлический бак диаметром метра полтора – видимо, часть системы отопления дома от котельной. Вокруг этого круглого бака была сооружена из деревянных досок квадратная обшивка, причем таким образом, что можно было на ней вокруг сидеть, а бак выполнял функцию стола. Там мы иногда держали котят, которых ходили кормить, рассказывали тайком анекдоты, иногда «с матерщиной», – в общем, там проходили наши тайные встречи.

Однажды зимой нам стало зябко, и мы запалили костер прямо на железном баке. А огонь заполыхал так, что занялась и

деревянная обшивка. Мы испугались, но не растерялись, стали тушить чем придется. Пожара удалось избежать чудом.

В другом случае мы с Сережкой Носовым обнаружили, что свинец хорошо плавится на костре в консервной банке, а пластилин хорошо горит, и решили сделать что-то очень громко стреляющее, Нашли большую охотничью гильзу, наскребли туда серу с двух десятков спичечных головок, положили вату и все это залили жидким свинцом. Дождавшись, когда свинец застынет, загнули края гильзы плоскогубцами, чтобы свинец не выбило раньше времени. Облепив все пластилином, подожгли, а затем положили эту горящую конструкцию в цементированное длинное углубление: макет реки на школьном «метеогеографическом» участке. Дело было на каникулах, и рядом никого не наблюдалось. Нам казалось, что таким образом мы приняли все меры безопасности. Сами в кустах стали ждать взрыва с сильным грохотом. Тут совсем некстати к нам стал приближаться хулиганистый подросток с явным намерением нас поколотить. Мы стали махать руками и кричать, чтобы он не подходил, чуя, что вот-вот грохнет. Он, не понимая в чем дело и чувствуя свое явное превосходство над мелюзгой, не собирался останавливаться. И тут действительно страшно грохнуло. Кусок свинца пролетел в метре от него, а мы бросились наутек…

Другие наши многочисленные самостоятельные химические эксперименты, конечно, приводили к различным интересным эффектам, но были более безопасны.

Еще был период, когда мы делали всевозможные устройства на резинках, стреляющие проволочными шпильками. Однажды мама поехала навестить отца в Саратов, где он находился на шестимесячных офицерских курсах, и взяла сестру Татьяну с собой, чтобы по пути оставить ее в Москве у бабушки. За мной попросила посмотреть свою подругу по работе, тетю Свету Бочкарь (мы дружили семьями). Чтобы мне было не страшно одному ночевать в квартире, тетя Света отправляла со мной своих двух сыновей – Славку, моего ровесника и приятеля еще с детского сада, и его младшего брата Юрку. Тут для нас наступало полное раздолье. Погасив свет, чтобы нас не было видно, и, высунувшись в три открытые форточки (две комнаты и кухня), мы ожидали прибытия вечернего пригородного поезда из Курска. Наконец, когда он приходил, мы «открывали огонь» по тротуарам плохо освещенной улицы, по которой шли поздние пассажиры. Дело было в ноябре, все были хорошо одеты, а расстояние приличное, и наши шпильки даже в случае попадания не могли доставить какую-либо боль. Зато было любопытно наблюдать, как люди не могут понять, что происходит и откуда «ведется

обстрел».

Сейчас, конечно, эти шалости кажутся просто глупыми и непозволительными.

А однажды с чердака уже Славкиного двухэтажного дома мы обстреливали этими шпильками стоящий «газик», норовя попасть в лобовое стекло. Шофер тоже ходил вокруг и не мог понять, что происходит. Увлекшись, мы не заметили, как он исчез. А спустя несколько минут люк чердака открылся, шофер схватил меня «за шкирку» и проговорил: «Ну вот, братец, а теперь едем в милицию». Славка, первоначально схоронившийся в темном углу и оставшийся незамеченным, меня не бросил. Выйдя из укромного места, он сказал: «Дяденька, отпустите его, это я стрелял по вашей машине». Шофер, видимо, оценив его благородство, произнес: «Давайте ваши пистолетики, сорванцы». Изучив с любопытством нашу незамысловатую конструкцию, он со словами: «Чтоб я вас здесь больше не видел» – отпустил меня. Следов на стекле «газика» от наших шпилек с такого расстояния остаться не могло. Потом выяснилось, что нас выдал Витька Лобов из третьего подъезда, указав на чердак. С того случая эра наших «стрелялок» закончилась. Мы потеряли к ним всякий интерес. Видимо, это надо было перерасти.

Славка, отработав после «политеха» на севере 15 лет на газовом промысле в Вуктыле (республика Коми), переехал в Краснодар, где построил себе великолепный 3-этажный дом и вместе с женой Аней воспитывает трех дочерей. Он стал настоящим талантливым инженером, унаследовав способности и смекалку своего отца дяди Феди. Однажды, оказавшись на конференции в Ухте в 1985 году, я на одной из главных площадей перед Горкомом партии увидел его портрете надписью «Лучший рационализатор Коми АССР». Недавно по пути в Геленджик на конференцию «Геомодель-2006» я заехал к нему в Краснодар, и мы с удовольствием вспоминали эти и многие другие случаи. Теперь он занялся строительством, открыл фирму и делает все объекты «под ключ», начиная от проектирования и заканчивая сдачей в эксплуатацию…

В то время было общепринято, что у каждого хорошего ученика обязательно была пара подшефных из отстающих. Одним из моих подшефных был Вовка Сериков, отпетый лентяй и второгодник. Почти каждый день он приходил ко мне, чтобы делать уроки. Причем я должен был все подробно объяснять ему и проверять, как он понял. Но суть не в этом. В один из дней нам поставили телефон – почти неслыханная роскошь для маленького городка того времени. Во всем городе было не больше сотни номеров, и весь справочник умещался на одном большом

двойном листе. Он очень заинтересовался этим делом и предложил:

– А давай кому-нибудь позвоним.

– Так у наших ни у кого нет телефона, – ответил я.

– Сейчас найдем, кому позвонить, – сказал он и, взглянув в листок, набрал короткий трехзначный номер (все номера были всего из трех знаков):

– Алло, я говорю с директором кирпичного завода?

– Да.

– Твоя харя просит кирпича, – сказал он и положил трубку…

* * *

Коль уж речь зашла об учебе, думаю, следует поразмышлять об уровне образования того времени с точки зрения сегодняшнего дня.

Я учился в школе с 1963 по 1973 год. Как Вы поняли, это была обычная средняя школа в самой что ни на есть глубинке. Всего в городе было три аналогичных школы. В начальных классах было не менее 40 человек, а в старших – 35. Занятия шли в две полных смены в здании, построенном еще до войны и ремонтируемом каждое лето. Контингент учеников по классам самый разношерстный: никто никого не сортировал. Как получилось, так и учились все десять лет. По современным понятиям в таких условиях ничему научить нельзя. Ан, нет. Учили великолепно даже в такой глуши и в таких условиях. И это почти необъяснимый феномен того времени.

Недаром в те годы комиссия Госдепартамента США в ответ на запрос своего президента подготовила доклад, в котором объясняла успехи СССР в космосе и ядерной энергетике системой образования.

Не берусь утверждать, так ли это на самом деле, но, скорее всего, значительная доля истины в этом есть. Взять хотя бы и сравнить простейшие учебники математики, тогдашние и теперешние. В старой системе вплоть до 5-го класса была одна арифметика, которая сама по себе совершенно конкретна и приучала очень конкретно мыслить. И только с 6-го класса на уже подготовленную этой конкретикой почву «мягко ложилась» абстрактная алгебра с «иксами» и «игреками». Такой подход был понятен даже ученику с ограниченными математическими способностями. Случившийся впоследствии переход математики почти с первых уроков на абстрактные понятия сразу ставил барьер для многих учеников, обреченных потом многие годы

ходить в отстающих. А между тем из-за неравномерности возрастного развития совсем не очевиден факт, что из них впоследствии не могли бы получиться неплохие математики. Просто в силу индивидуальных особенностей на начальном этапе они были не подготовлены к абстрактному мышлению.

Листая большинство современных школьных учебников, поражаешься: как можно писать о простых вещах так сложно? Авторы, что ли, самоутверждаются таким способом, демонстрируя свой интеллект перед маленькими детьми? Результат не заставил себя долго ждать: наш хваленый уровень школьного образования скатился донельзя. Конечно, дело тут не только в учебниках, а и в кадровом составе учителей и в отношении государства и общества *к* учительскому труду, и во многих других причинах.

А современные вузовские учебные пособия или статьи по узким техническим дисциплинам – это вообще отдельная больная тема. Как только вижу, что автор отгораживается от учащихся или читателей трехэтажными формулами, сразу становится понятным, что он сам не разбирается а сути дела, а попросту «слямзил» этот кусок из другой «умной» книжки, переставив несколько слов и сменив обозначения, дабы не быть обвиненным в плагиате. В западной переводной литературе, как правило, все просто и понятно.

Я в своей жизни успел написать четыре вузовских учебника и учебных пособия и всегда следовал жесткому правилу – рассчитывай на заочника в какой-нибудь глубинке, который остался один на один с твоей книжкой. Он все должен понять. Среди читателей этой книги, надеюсь, немало моих учеников. Если я в этом плане где-то не доработал, дайте знать. Я буду Вам очень благодарен.

Но вернемся к средней школе 60-х – 70-х годов.

Моя первая учительница, Ольга Федоровна Шеховцова, жила на первом этаже в нашем же подъезде. При всех житейских неурядицах, доставшихся на ее долю (фактически без мужа растила двух дочерей), она очень старалась научить нас всему, что знала и умела сама. При этом в классе из 44-х человек всегда на уроках была полная тишина, причем никаких дополнительных «драконовских мер» Ольга Федоровна для этого не предпринимала. В первых двух классах она вела у нас абсолютно все предметы, включая даже труд, физкультуру, пение и рисование. Уже позже появилась хотя бы «певичка», Для меня, конечно, было совсем неудобно, что учительница живет в нашем подъезде. В результате этого «частота» моего стояния дома в углу по поведенческим мотивам была явно в два раза выше нормы. По

учебе, правда, претензий не было. Все же надо сказать, что «напраслину» она не возводила. Все было по делу.

Переход к учителям-предметникам в 5-м классе произошел достаточно мягко. Запомнилась учительница математики Раиса Степановна Щекина, которая добросовестно и доходчиво могла «достучаться» до головы самого слабого ученика, А классным руководителем у нас стала учительница русского языка и литературы Римма Константиновна Тимошенко. Она бесконечно любила свой предмет и пыталась привить нам чувство прекрасного, даже иногда в ущерб обязательной школьной программе. Мы знали столько поэтов и произведений помимо обязательных, что я, переехав впоследствии в другой город, в 10-м классе на викторине во Дворце культуры, где по стихам надо было угадать авторов, один из многолюдного зала выкрикивал правильные ответы. Помню, что это были стихи молодых поэтов-фронтовиков, погибших в первые годы войны: Павла Когана, Михаила Кульчицкого и других. Римма (как мы ее звали между собой) считала, что любой человек должен ежедневно читать художественную литературу. Каждый раз при встрече вместо слов «как дела, как здоровье?» она спрашивала: «Что ты сейчас читаешь?». И это продолжалось даже после окончания школы. И если вдруг ты ничего не читал в данный момент, приходилось придумывать что-то из прочитанного раньше, чтобы ее не расстроить. Читали мы со Славкой Бочкарем Мопассана, «охотно Апулея, а Цицерона не читали». К сожалению, привить чувство прекрасного лично мне ей в полной мере не удалось. Я к тому времени уже становился «сухарем», и лирические нотки плохо доходили до моей души. Уже был занят естественно-научными и техническими изысканиями. Разводил рыбок в аквариуме, сделанном своими руками из металлических уголков, стекла и самостоятельно приготовленной замазки (по рецепту из книжки для аквариумистов). Купить настоящий аквариум в маленьком районном городке было негде. Строил «ракеты», мастерил «перископы» и «телескопы», находя чертежи в журнале «Юный техник». Изучал звездное небо, думал о далеких мирах и занимался фотографией. В этом увлечении меня сильно поддерживал в старших классах наш завуч по внеклассной работе Михаил Васильевич Зайцев. Впоследствии он очень долго и увлеченно занимался историей нашего города.

Кстати, тогда никто и нигде еще не видел цветных фотографий, а я их сделал в первый раз в 1969 году, когда мне было 14 лет. Цветную негативную пленку ДС-2 купил в местных «Культтоварах», где она давно лежала невостребованной и заканчивался срок ее годности. Первую советскую цветную

фотобумагу «Фотоцвет-1» где-то достал мне дядя Вася Чикунов – военком. Он и Павел Николаевич Антонов – тоже офицер военкомата – мои первые учителя в фотографии. Химикаты готовил по фоторецептурному справочнику, взятому в районной библиотеке. С трудом удалось найти все компоненты. И когда, наконец, фотографии получились, пусть на розовом фоне, но все же цветные, сбежался весь двор. Потому что на них, в основном, была наша ребятня.

Однако в начале 9-го класса меня вдруг опять «потянуло на лирику». Я напросился пионервожатым в 7-й «А». Уж очень мне понравилась одна девочка – Лида Жиронкина, В этом же классе учились и ребята с соседнего двора – Рома Латышев и Сергей Викторович, Я в течение года проявлял «чудеса»: писал им сценарии для КВН со стихами, придумывал и ставил «сценки». Учителя и старшая пионервожатая не вмешивались в наш творческий процесс. В школе нам удалось без труда выиграть КВН, однако на районном уровне мы проиграли в финале, т. к. команду Железнодорожной школы готовили все же взрослые. Но мы считали, что нас засудили. Поднялся шум на уровне райкома комсомола, т. к. сестра нашей старшей пионервожатой была одним из секретарей и пыталась вступиться за нас. Бедные члены жюри (методисты из Дома пионеров) – их «разбирали» в райкоме комсомола. Сейчас-то я понимаю, что соперники были обьективно лучше подготовлены. Что мог сделать мальчишка-девятиклассник, пусть и «на крыльях любви»? Кстати, Лида Жиронкина полгода ничего не знала о моих чувствах, а когда все же догадалась, взаимностью не ответила. Ей тогда нравился красавец Сережка Плотников из нашего класса. Интересно, где она сейчас и как сложилась ее судьба? Собиралась стать юристом. Меня «пожалела» ее подружка Наташа Турищева, с которой я дружил, а потом переписывался какое-то время после переезда в Железногорск.

Однако, еще немного о том, как нас учили.

Поскольку вся система школьного образования была рассчитана на «среднего» ученика, хорошисты и отличники временами были недогружены. Это уже потом появились факультативы и иные формы «дообразования». Некоторые учителя намечали себе какого-то ученика и готовили его для олимпиад по своей инициативе. При этом у них не было абсолютно никакой материальной мотивации. Так в 7-м классе я попал в поле зрения нашей химички Антонины Гавриловны Телегиной. Прозвище у нее было «пистолет». Кто и когда это придумал, установить вряд ли удастся, но происхождение его было понятно. Оно соответствовало первым буквам ее имени и

фамилии: Тоня Телегина – сокращенно ТТ, а это всем известная марка советского пистолета с большой убойной силой, Антонина Гавриловна в некотором смысле оправдывала это прозвище тем, что часто очень метко «стреляла» своими остроумными искрометными фразами, не оставляя шансов выкрутиться нерадивому ученику или нашкодившему шалопаю. Она очень любила химию и глубоко разбиралась в ней. Мне она в начале 7-го класса дала «Пособие по химии для поступающих в вузы», которое я запоем прочитал, После этого химия на два года стала моим любимым предметом, и я даже занял 3-е место на областной олимпиаде. Если бы в 10-м классе, уже в другой школе, мое впечатление не испортилось бы органической химией с ее скучными «бензольными» кольцами и длинными абстрактными названиями, кто знает, кем бы я был сейчас.

Отдельного внимания заслуживает наш математик в 9-м классе – Арсений Корнеевич Комков. По-моему, он уже был в пенсионном возрасте, когда его вновь позвали в школу подтянуть старшие классы. И надо сказать, что это ему удалось с успехом. Во всяком случае, я никогда не считался до этого сильным школьным математиком, увлекаясь преимущественно естественнонаучным направлением. Но он дал мне такой «разгон», что я довольно быстро по общепринятым меркам «доехал» до ученой степени доктора физико-математических наук в возрасте 37 лет, а кандидатом наук стал еще в 26. Думаю, что в этом его заслуга основная. Он почти принудительно посылал нас в книжный магазин, когда туда поступало какое-нибудь очередное пособие по математике для поступающих в вузы или удачный задачник с примерами решений. К концу школы их у меня скопилось на целую полку. Он был человеком «с юмором» и зачастую «похулиганивал» словами со старшеклассниками. На зимних каникулах он повез нас – человек пять от района – на областную олимпиаду в Курск. Мы тогда оказались вместе с моим другом детства – Славкой Бочкарем, о котором я выше писал. Славка тогда, кажется, выиграл районную олимпиаду, а я просто показал неплохой результат, и меня взяли вроде как запасным. Так вот, в какой-то городской столовой, куда нас привели пообедать по выданным талонам, Арсений вдруг меня спрашивает (он нас называл только по фамилиям):

– Ампилов, а как назвать подругу Леопарда?

– Леопардиха, – немного подумав, ответил я.

– А вот и неверно, правильный ответ – Леопердиуца, – сказал он с ударением на последний слог…

То ли эта шутка меня зарядила, то ли настроение было хорошим, но на областной олимпиаде в этот раз я набрал баллов

больше, чем Славка, чего раньше никогда не случалось, Он объективно был сильнее меня в математике, но, видимо, в этот раз что-то у него не сложилось. Призового места нам все равно было не достать, т. к. в Курске уже набирала обороты специализированная физ. – мат. школа, ученики которой выступали на общих основаниях с нами – простыми пацанами из глубинки.

«Арсюша» (так его звали мы) был, видимо, не очень удобен школьной администрации, т. к. с большим удовольствием занимался с сильными учениками и безбожно ставил двойки «лоботрясам», понижая показатели успеваемости. Один из таких – Вовка Русанов, пользуясь относительной глухотой Арсения, однажды готовился у доски доказывать какую-то теорему, которую видел в первый раз, и настроил свои уши-локаторы на подсказки Люды Зиминой (впоследствии моей однокурсницы по МГУ). Арсений на второй половине доски за спиной у Вовки стал, тщательно выводя мелом, рисовать огромную двойку.

– За что? Я же учил? – залепетал Вовка, оглянувшись и поняв, что это ему.

– Русанов, – сказал Арсюша, – посмотри на нее и вспомни слова старой песни – «Зачем, зачем ты повстречалась мне на жизненном пути?».

Слова песни Арсюша, конечно, немного переиначил…

Историю у нас в старших классах преподавала сама директор школы Софья Федоровна Астахова, женщина весьма серьезная и строгая. Мы ее изрядно побаивались, особенно вначале. Но следует сказать, что она практически никогда не повышала голоса и, в принципе, не помню случая, чтобы кто-то незаслуженно пострадал от нее. У нее были свои принципы преподавания. История фактически превратилась для нас в письменный предмет. За одно полугодие полностью исписывалась толстая общая тетрадь в 96 страниц. Причем это были не какие-то там сплошные тексты и абзацы из учебников – отнюдь нет. Шла ли речь о причинах поражения французской революции или принципах диктатуры пролетариата – все это превращалось в блок-схемы, таблицы и т. п., которые, благодаря зрительной памяти и времени, потраченному на заполнение, запоминались надолго, При опросе у доски одновременно готовились три-четыре человека. Пока один отвечал, другие воспроизводили эти самые таблицы с признаками революционной ситуации и т. п. и потом, при устном ответе, их комментировали, Когда я сменил в выпускном классе город и школу, мне это здорово пригодилось. Я сэкономил кучу времени на том, что ни разу не открыл учебник обществоведения и мог сходу отвечать по любому вопросу.

Потом, спустя лет десять, в прессе подобные подходы будут рекламировать как опыт учителей-новаторов с их так называемыми опорными конспектами. Что же касается того времени – начала 70-х, то с точки зрения сегодняшнего дня можно сказать, что каждый второй учитель в простой средней школе в глубинке был учителем-новатором.

Понять этот феномен до сих пор очень трудно. Никакой материальной заинтересованности у них не было. Люди работали на совесть, любили свою работу, уважали себя и уважали нас. Увы, ситуация в нынешних школах далека от этих принципов. А в специализированных элитарных школах, где «властвует рубль», она еще хуже. Мало того, что отбор туда идет преимущественно по толщине кошелька родителей, и это никак не повышает уровня интеллекта их чад. В таких школах во взаимоотношения учеников, как между собой, так и с учителями, неизбежно вплетаются положение и статус их родителей. Учитель там находится только в роли наемного гувернера и не имеет права поставить низкую оценку сыну спонсора или внуку высокопоставленного чиновника и даже пожурить их. Несколько моих знакомых преподают в таких школах и долго не выдерживают, несмотря на высокий уровень оплаты. Пожинаем эти плоды сполна мы уже сегодня. Например, я, недавно задавшись целью набрать себе в лабораторию хороших молодых специалистов, обеспечивая им изначально высокий уровень зарплаты, просмотрел 16 выпускников лучших московских вузов и смог принять всего трех. Речь шла отнюдь не о накопленных знаниях, а о способностях и умении получать эти знания самостоятельно и стремиться к этому. Увы, такова реальность.

А в те годы из нашего Щигровского выпуска две девчонки, Люда Зимина (потом Приходько) и Таня Ряполова (сейчас Хорошкеева), стали моими однокурсницами в МГУ, без проблем пройдя вступительные экзамены, в то время как почти 100 % москвичей уже тогда прибегали к услугам репетиторов. Практически все желающие поступили в те вузы, которые себе выбрали. Я не раз убеждался и тогда, на собственном опыте, и потом, по своим детям, и сейчас, по студентам, что в провинции уровень школьного образования как минимум не хуже столичного, а зачастую выше. Главная причина – более человечные отношения людей между собой, в том числе между учителями и учениками. Исключение, конечно, составляют маленькие сельские школы, где попросту не хватает учителей и нет элементарных условий.

Еще один урок из моей «школы жизни», которую я почти приравниваю для себя к обычной средней школе, – это

способность учителя выступать в качестве старшего друга. У меня был такой пример. Разумова Валентина Ивановна, учитель немецкого языка, была готова оставить меня на год до окончания школы у себя, когда родители переезжали в другой город, а я категорически этого не хотел по личным мотивам (та самая Лида). В то же время она понимала абсурдность моего разлучения с семьей и долго и терпеливо работала со мной, «разрулив» тем самым назревавший конфликт с родителями. Я переехал в самый престижный город Курской области – Железногорск, куда моего отца Петра Ампилова переводили на должность военкома. Можно сказать, что во многом с этого момента, а не с окончания школы началась для меня и новая эпоха в моей жизни. В этом городе я встретил свою будущую жену Людмилу, с которой мы вместе по сию пору вот уже без малого 30 лет. Но тогда об этом я еще не знал, и этот переезд представлялся мне почти трагедией.

* * *

Волей судьбы жизнь мне подготовила приятный сюрприз: летом 1972 года, в перерыве между 9-м классом Щигровской школы и 10-м классом Железногорской школы, я оказался в лагере комсомольского актива школьников Курской области «Комсорг-72». Вообще-то говоря, ни пионерским, ни комсомольским активистом быть никогда іе стремился. Мне это откровенно не нравилось, поскольку существенно ограничивало мою свободу заниматься тем, чем хочется. Я мечтал, что вот вырасту, стану взрослым и никакой общественной работы больше у меня не будет. А я буду только заниматься работой, которая мне нравится. Как же я заблуждался! В активисты меня постоянно записывали «старшие товарищи» по причине того, что я был хорошим учеником, а для них это были почти что синонимы. И по жизни я постоянно «убегал» от этих общественных постов, а они меня постоянно «догоняли». Мне говорили: «Надо! Если не ты, так кто же?». Поскольку для отказа обычно требовались серьезные аргументы, а необходимость более глубокой учебы или срочной работы в расчет не принималась, я в очередной раз заступал на очередной общественный пост. Слава богу, далеко вверх меня по этой линии не продвигали, поскольку особого энтузиазма я на этом поприще никогда не проявлял.

Все же воспоминания о лагере «Комсорг-72» остались самые хорошие. Никто, как принято сейчас говорить, не «напичкивал» нас коммунистической идеологией. Это был период потепления в советско-американских отношениях, и, видимо, поэтому

максимально идеологизированным мероприятием того периода были лекции о международном положении. А это самое положение в тот момент было относительно спокойным. Мы культурно отдыхали: разучивали песни туристическо-лирического направления, которые потом пели у костра, устраивали турниры от футбола до шахмат, читали стихи на вечерах, играли в КВН, загорали и купались, Нашими вожатыми (их называли шефами) были студенты старших курсов Курского пединститута. Волею судьбы у нашего отряда шефом был Юрий Зубков, оказавшийся из Железногорска. Именно по этой причине он и назначил меня командиром отряда. (Я же писал выше, что причина для моего назначения всегда находилась). Собственно, в тот момент, в отличие от других периодов, я этим сильно не тяготился. Все же мы были на отдыхе, хоть и «активном». Эти возникшие контакты как нельзя оказались кстати в связи с моим переездом в Железногорск. Но о них несколько ниже.

И вот 1 сентября очень строгая, как мне показалось, женщина – Нина Ивановна Чемоданова – привела меня в 10-й «Г» класс школы № 2. Она представила меня классу и посадила за третью парту у окна рядом с Наташей Лупановой. Больших проблем с моим вхождением в новый коллектив я не помню. Наверное, их и не было. Класс был на редкость дружный, что, как потом оказалось, было заслугой этой самой Нины Ивановны, которая до этого много лет была здесь классным руководителем, а теперь передала класс физику Петру Николаевичу Богословскому. Она стала завучем и продолжала преподавать в этом классе русский язык и литературу, и по-прежнему очень ревностно относилась к своим питомцам. Ко мне она подошла поначалу настороженно, поскольку неизвестный претендент на золотую медаль – это «кот в мешке». Среди новых учителей бытовало мнение, что Щигры, откуда я приехал, это такая глушь, что тамошний медалист, дай бог, учился бы здесь на твердую тройку. Я тоже поначалу сильно «комплексовал». Но очень быстро выяснилось, что уровень учительских требований здесь на удивление оказался невысоким. Я, почувствовав слабину, сразу сбавил темп. Это явно было мне во вред, но природная лень все же часто давала о себе знать, и я ко многим устным урокам просто не готовился, будучи уверенным, что выкручусь на старых запасах. В общем-то, так все и было, за исключением литературы, с которой у меня наметились проблемы уже с 8-го класса и в щигровской школе, когда я перешел на сухой официальный стиль в своих сочинениях и ничего не мог с собой поделать. Судя по этой книжке, дорогой читатель, я не избавился от этого стиля до сих пор и, наверное, порядком Вам надоел, описывая эти подробности. Думаю, что

самое время Вам отвлечься, выпить чайку, а то и пропустить несколько страниц.

В этом же классе училась моя будущая жена Люся. Она пошла в школу с шести лет и была на полгода или год младше большинства. Но при этом роль первой ученицы принадлежала ей, к тому же она была старостой класса, и между нами развернулось что-то вроде соперничества за лидерство. Хотя, все же думаю, что это преувеличение, Я об этом как-то не думал. А еще в классе был самородок – Сашка Бородин, приходивший в школу на занятия пешком из соседнего села Разветье. По природной смекалке ему не было равных.

Мы с Люсей сразу не слишком понравились друг другу. Помирились мы уже позже, через пару лет после окончания школы, на зимних студенческих каникулах, когда студенты съезжались к родителям. Надо сказать, что класс был все же действительно очень дружным, и мы даже сейчас, спустя более чем 30 лет, «держим» в поле зрения друг друга и иногда по случаю встречаемся. Так вот, моя жена до сих пор помнит случай, когда Нина Ивановна вызвала меня отвечать на тему «Образ Наташи Ростовой в романе «Война и мир». А по моим расчетам, меня не должны были еще спрашивать, т. к. текущих оценок в журнале было достаточно. Естественно, из принципа «экономии мышления» я учебник не открывал, а сам роман читал, пропуская «переживательные» любовные темы и следя в основном за сюжетом. Если бы в тот раз я не так испугался, думаю, удалось бы выкрутиться более достойно. Но от неожиданности кровь прилила к голове, и я начал что-то мямлить на эту тему, постоянно лихорадочно думая, о чем же говорить дальше, В общем, мне поставили четверку, хотя можно было точно ставить трояк. А Люсе было обидно, потому что ей, скорее всего, такого снисхождения не было бы. Правда, нельзя себе даже и представить, чтобы она пришла неподготовленной к уроку. Единственная четверка в аттестате по русскому языку не позволила ей получить золотую медаль, а серебряных тогда не давали. Сейчас, слава богу, за тот случай она больше на меня обиды не держит. Надеюсь, написав это длинное сочинение, которое сейчас перед вами, я «честно отработал» тогдашнюю итоговую пятерку по литературе. Хотя еще как посмотреть, может, и наоборот. Ведь фраза из известного анекдота: «Чукча не читатель, чукча – писатель», – не позволяет «простить» мне некоторые недочитанные романы. А в фонд литературного наследия современности данное мое произведение уж точно не попадет.

Втянувшись в учебу уже в новом окружении, я в мыслях

постоянно возвращался в наши Щигры, где, провел свое детство. Мне пришла в голову мысль, почему бы не организовать сотрудничество двух школ? Недолго думая, я написал письмо в штаб «Комсорг-72», где изложил эту идею, а потом на какое-то время забыл об этом. Спустя примерно месяц встречаю в коридоре школы сильно озабоченную Валентину Ивановну – нашего завуча по воспитательной работе.

– Ты писал письмо в Обком?

– Нет.

– А куда ты писал?

– В штаб лагеря «Комсорг».

– Ах, у нас теперь столько проблем.

Надо представить себе комсомольских руководителей того времени. Идея была мгновенно поднята на щит и уже представляла собой инициативу обкома комсомола по налаживанию параллельных связей между школьными комсомольскими организациями разных районов. И это был первый опыт, который надо было сделать показательным. Бедная Валентина Ивановна теперь должна была организовывать поездку большой делегации школьников аж за 200 км, «выбивать» транспорт, организовывать питание в дороге, ночлег и прочее. Зачем ей эта головная боль? Нина Ивановна, сочувствуя ей, сказала: «Заварили кашу – не жалей масла». Я стал невольным свидетелем этого разговора в школьном коридоре. Сейчас-то мне все это понятно, а тогда я думал: «Вот странные люди, это ж так здорово!»

Итак, рано утром мы выехали делегацией примерно из 40 человек (сколько вошло в один большой автобус) в Щигры. В составе делегации были две команды баскетболистов старших классов – мальчики и девочки, несколько школьных активистов и лучших учеников. При этом большую часть составлял наш 10-й «Г», в котором я теперь учился. Дорога заняла четыре часа: 130 км до Курска и потом еще 60 км до Щигров.

В день приезда в Щиграх организовали торжественный вечер в школьном актовом зале, на котором все говорили о том, как это здорово, что можно дружить школами. Потом была дискотека. Надо сказать, что железногорские ребята оказались более раскованными и танцевали свободно: кто как хотел. В Щигровской же школе царили достаточно строгие нравы, и «кривляние» в быстрых танцах явно не приветствовалось. Помню, еще в 9-м классе, до моего переезда, на одном из вечеров, где в общем-то хороший ученик Сашка Доценко танцевал «шейк», директор Софья Федоровна воскликнула: «Вот, Доценко, потому ты и «баранку» получил на районной олимпиаде, что голова у

тебя такими танцами занята».

А в этот вечер все участники встречи с Щигровской стороны усилиями школьной администрации были одеты в парадную школьную форму: темные костюмы и белые рубашки у ребят, а у девочек – белые школьные фартуки. В такой одежде по тому времени быстрые танцы действительно смотрелись комично, и под быстрые мелодии танцевали, в основном, железногорцы.

Поскольку гостиница в Щиграх была совсем маленькая, большинство гостей распределили на ночлег по домам щигровских учеников. А я, несмотря на приглашение друзей, остался ночевать в гостинице вместе с уже новыми одноклассниками, чтобы никого не обидеть из своих старых приятелей. Номер в гостинице представлял собой одну большую комнату с девятью кроватями, а удобствами в коридоре.

Следующий день был спортивным. Железногорцы, чувствовавшие себя несколько амбициозно как представители большого города, явно недооценили соперника и проиграли, как мальчишки, так и девчонки, правда, с небольшой разницей в очках. Основными в железногорской «девчачьей» команде была Люся, моя будущая жена, и Люда Петушкова. Они играли блестяще, но больше в команде помочь им было фактически некому. А каждая из щигровских девчат в отдельности играла послабее, но команда была более ровной и слаженной, и это привело к победе. Примерно то же было и у ребят. Я даже не знал, за кого болеть. Скорее, за щигровцев, чтобы показать своим новым одноклассникам: «Смотрите: мы отнюдь не деревенская шпана и вас сделали».

А Люся моя (потом уже моя, а тогда у-у-у…) вообще была, кроме всего прочего, спортсменкой. Незадолго до этого она заняла первое место в области по бегу на 800 м. Бегает и сейчас по утрам, иногда выталкивая и меня, заспанного, по выходным. А если только войдет в бассейн, то не выйдет из него, пока 1000 м не проплывет. Тогда, правда, бассейнов у нас не было, а в пруду, на глубине, плавать она боялась.

Месяца через полтора был ответный визит щигровцев в Железногорск, но он уже мне менее запомнился. Помню, что девчонки взяли реванш в баскетболе, а ребята все равно проиграли щигровцам с разницей всего в один бросок.

Остаток учебного года пролетел быстро, мы сдали выпускные экзамены, и я все же получил золотую медаль. Что же дальше?

А дальше вспомнились стихи Маяковского «Кем быть?». Этот вопрос оставался открытым.

По мере того как я рос, мои мечты о будущей профессии постоянно менялись. В дошкольном возрасте я хотел стать

машинистом электровоза. Мы с младшей сестренкой сооружали в комнате из столов и стульев воображаемые составы, накрывали все это покрывалами, затем залезали в эти вагоны и «ехали» в дальние страны. А примерно классу к пятому, походив немного в авиамодельный кружок дома пионеров и смастерив одну модель для воздушного боя, решил стать авиаконструктором. Рисовал самолеты от пассажирских до истребителей, подписывал на их борту «Амп-1» или что-то вроде этого. Еще клеил всевозможные пластмассовые модели самолетов и вертолетов из продававшихся тогда простых конструкторов.

Спустя года два, собирая из различных линз какие-то подобия простейших телескопов и рассматривая в них воображаемые далекие миры на ночном небе и читая космическую фантастику, хотел быть, по крайней мере, если не космонавтом, то астрономом. Потом решил связать свое будущее с химией. А к 10-му классу, уже изучая справочники для поступающих в вузы, решил готовиться на физический факультет МГУ: физики тогда были в почете. И даже закончил заочные подготовительные курсы физфака, аккуратно выполнив все контрольные работы и получив официальное приглашение на вступительные экзамены. Но в последний момент, начитавшись художественной и популярной литературы о геологии, неожиданно «поменял ориентацию» в сторону геологического факультета. Но тут «восстали» мои родители. «Как же, у геологов нет дома, а крыша – это небо над головой в тайге или пустыне?» – говорили они. Но именно эта романтика меня и привлекала больше, чем перспектива «протирать штаны» в каком-нибудь НИИ, изучая частные проблемы физики. И, наконец, был найден семейный компромисс: не геология и не физика, а геофизика. Хотя по скудной аннотации в справочнике МГУ мы себе не могли представить, что же такое геофизика. Отделение геофизики было и на физическом, и на геологическом факультете. Знакомым я говорил что-то вроде того, что я буду спускаться с приборами в жерла спящих вулканов и таким образом изучать земные недра.

Подводя итог этому периоду своей жизни, все же следует признать, что существовавшая тогда система образования была довольно эффективной и вместе с полученными вполне приличными знаниями мы прошли и первую «школу жизни».

Итак, школа закончена. Понятно, что «грызть гранит науки» нам было еще нечем. Считай, что у нас только выросли «зубки», которые еще надо было заточить, чтобы примериться к этому граниту. Почему-то на всю жизнь «впечатались» в память слова, которые в школьном актовом зале были написаны на стене слева от сцены:

«В науке нет широкой столбовой дороги. И только тот может достичь ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам».

Впереди нас ждала неизвестность: и желанная, и пугающая.

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Поехали мы поступать в Москву с Галей Покушаловой, второй золотой медалисткой нашей школы, учившейся в параллельном классе, серьезной и упорной девочкой. Тогда ежедневно ходил автобус «Железногорск-Москва», который преодолевал этот небольшой в общем-то маршрут длиной в 480 км аж за 13 часов, останавливаясь чуть ли не в каждом райцентре. После бессонной ночи в автобусе мы оставили свои вещи в однокомнатной квартире у моих бабушки с дедушкой – родителей мамы. Первую ночь мы по договоренности должны были ночевать у них, в этой тесной квартирке в Новогиреево. До этого мы с родителями почти каждое лето наведывались в Москву и гостили здесь «в тесноте, да не в обиде». В этой же квартире уже спустя двадцать с лишним лет я тоже впоследствии жил какое-то время, вернувшись в Москву после 15-ти лет работы в Заполярье.

А в тот последний июньский день 1973 года, наспех перекусив, мы поехали сдавать документы в Приемную комиссию МГУ: она на Химфак, а я почти до последнего момента колебался: то ли на физфак, то ли на геофизику геологического. Интуитивно казалось, что на геологический поступить легче. Однако все было не так просто.

Для начала со свидетельством об окончании «заочных подготовительных курсов» я зашел в помещение на первом этаже зоны «Д», где располагался офис этих курсов (в приглашении они просили туда зайти). Поинтересовавшись, могу ли я с этим же листочком, где значился физфак, идти на геофизику геологического и сохранятся ли хоть какие-то преференции окончившим курсы, я получил ответ: «Без проблем. Но никаких привилегий Вам это в любом случае не даст, разве что при прочих равных условиях. Но при сдаче документов это приглашение надо отдать в приемную комиссию факультета».

– А где больше будет конкурс: на физфаке или на геофизике геологического?

– Этого Вам никто заранее не скажет, но, по моим пометкам, среди окончивших заочные курсы на геофизику Вы пришли первый, а на физфак уже 45 человек.

Это было для меня определяющим, хотя выборка, очевидно, являлась некорректной: на физфак принимали 500 человек, а на нашу геофизику – 50, В итоге в 1978 году у нас оказался рекордный конкурс – около десяти человек на место для школьников, а на физфак – 5,5, хотя и это не показатель, т. к. состав поступающих на физфак мог оказаться сильнее. Но, тем не

менее, именно это случайное высказывание дежурного сотрудника по подготовительным курсам определило в конечном счете мою дальнейшую жизнь.

В приемной комиссии факультета у меня приглашение не взяли, грамоты с районных и областных олимпиад тоже, да и на аттестат золотого медалиста посмотрели, как мне показалось, с пренебрежением. Настроение сразу испортилось, и я понял, что удача от меня отворачивается и надо готовиться к худшему. При этом подавленном настроении и при сильном волнении прошли все вступительные экзамены.

Накануне первого и, как водится, наиболее ответственного письменного экзамена по математике я от волнения не мог заснуть почти всю ночь. Когда я получил свой вариант задания, оно мне показалось весьма несложным. Я выполнил все за два часа (отводилось на все четыре часа) и. особо не задумываясь, сдал работу. Все делал в каком-то мысленном оцепенении, плохо осознавая происходящее. Видимо, сказалась бессонная ночь. А когда уже возвращался домой в метро и мысленно прокручивал решения, сразу понял, что последнюю задачу сделал неверно из-за собственного небрежного геометрического рисунка, а в предпоследней задаче в логарифмическом неравенстве не рассмотрел дополнительный случай, когда основание, заданное параметрически, да еще с модулем, меньше единицы, т. е. решение получил неполное. Было совершенно обидно, что правильные решения я знал сам и тут же воспроизвел их, как приехал в Новогиреево к бабушке. Если бы «справился с нервами», то результатом была бы пятерка, и я мог ехать домой после первого же экзамена как медалист. Увы, получил трояк, и мои шансы приблизились к нулю, хотя на первом экзамене «срезались», т. е. получили двойку, более половины абитуриентов. Все же задачи по сравнению со школьными требовали дополнительно небольшой смекалки.

Устную математику сдавал двум довольно молодым экзаменаторам. Они мучили меня все пять часов, пока шел экзамен, давая новые и новые задания. Я был удивлен, но они поставили мне пятерку. Шанс снова появился.

На третьем экзамене – сочинении – я из трех предложенных выбрал тему «Воспитательное и историко-литературное значение романа Островского «Как закалялась сталь», потому что другие темы показались совсем неприемлемыми. Насчет воспитательного значения все было понятно, а вот с историко-литературным ясности не было. Я решил по этой позиции последовательно доказывать, что этот роман являет собой пример произведения социалистического реализма, который был основным в

литературе того времени. Однако, как мне потом сказала наша Нина Ивановна, этот вопрос в такой постановке вообще находится за рамками школьной программы. Получается, что я его неверно осветил. Тем не менее, поскольку в довольно длинном сочинении не было ни одной ошибки, его оценили на «хорошо». Справедливости ради надо сказать, что из нескольких сотен абитуриентов, оставшихся к третьему экзамену, пятерка была всего одна. Как потом выяснилось, ее получил мой будущий однокашник Миша Троянский (Захаров).

Чтобы поступить наверняка, оставшийся устный экзамен по физике надо было сдать на «5». Но тут «непруха» пошла опять. Экзамен, по правилам, должны были принимать два экзаменатора. Мне досталась пара, состоящая из пожилого доцента и молодого аспиранта. Но этот доцент был старшим по большой аудитории, где работало примерно пять пар экзаменаторов, и потому часто для контроля он подходил к другим отвечавшим. Билет у меня был несложный, задачка тоже. Я вполне неплохо ответил. Но тут в очередную отлучку доцента «молодой» начал меня заваливать всевозможными качественными вопросами из различных областей физики, выдумывая часто совершенно нереальные абстрактные ситуации. Правильность ответов на такие вопросы никак не могла быть объективно проконтролирована, кроме как его согласием с моими ответами. Когда подходил доцент, я успокаивался и нормально отвечал даже на каверзные вопросы. Но подходил он нечасто. Уж не знаю, чем я тогда не понравился «молодому», но он меня явно «валил». В результате после полуторачасового ответа я вышел с трояком. Практически это был конец надеждам. В результате прихоти молодого аспиранта, который, видимо, на таких как я пытался показать себе и нам, какой он умный, моя судьба могла сложиться совершенно по-иному.

Я запомнил того пожилого доцента по редкой фамилии – Дмитрий Данилович Гуло. Впоследствии он вел у нас в течение трех семестров практикум на физфаке и не ставил мне ничего, кроме пятерок. Я тогда напомнил ему о случае со мной на вступительном экзамене, но он не вспомнил или сделал вид, что не вспомнил. Самое интересное, что потом физика у нас была в течение первых трех курсов, т. е. шесть семестров, и я всегда на экзаменах получал только «отлично» у разных преподавателей.

Итак, шансы мои фактически «обнулились». К набранным мной 15 баллам прибавился средний балл аттестата – 5 и сумма в 20 баллов не дотягивала до ожидаемого проходного балла 20,5. Приехавшие в срочном порядке родители пытались как-то повлиять на ситуацию. Ясно, что не могло быть и речи о каких-то

финансовых благодарностях. Папа сумел добраться до заместителя декана и рассказать о том, «какой я хороший». Мама написала заявление о том, что я не буду претендовать на место в общежитии все пять лет обучения. В общем, мой балл оказался «полупроходным». Это означает, что с проходным баллом 20,5 заполнялись 47 мест из 50 имеющихся, а с баллом 20, как у меня, – 57 мест. Таким образом, из десяти человек с 20-ю баллами надо было взять только три. И я оказался среди них благодаря золотой медали и заявлению об отказе от места в общежитии. Так после тяжелых и изнурительных экзаменов я пришел в геофизику. А ведь мог бы оказаться за бортом МГУ и выбрать дальше совершенно иной путь. К счастью, этого не произошло. Сейчас из нашего выпуска в геофизике или смежных с ней областях работают не больше 8-10 человек из 50-ти поступивших тогда, причем большинство из них представляют интересы зарубежных компаний. А кто же за Расею порадеет?

Галя Покушалова сдала на химфак все экзамены на четверки и не прошла по конкурсу, поскольку для иногородних проходной балл был на единичку выше из-за ограниченности мест в общежитии. Именно одного балла ей и не хватило. Это была явная несправедливость, которую приемная комиссия исправила на следующий год, отрегулировав эти места каким-то иным образом. Но ей от этого было не легче. Она с набранными баллами поехала и поступила без дополнительных экзаменов в Белгородский технологический институт – туда переехали ее родители, Поскольку она училась не в нашем 10-м «Г», а в параллельном классе, я больше с тех пор о ней ничего не слышал.

* * *

Итак, я пришел 1 сентября 1973 году в МГУ полностью «закомплексованный» после таких вступительных экзаменов. Ожидал увидеть полную группу вундеркиндов. В принципе, способных ребят было много. Больше половины закончили московские физико– математические школы или 18-й математический интернат МГУ, Да и вообще: немосквичей было всего человек десять из пятидесяти, включая меня (у геологов иногородних была примерно половина). Но углубленная школьная математическая подготовка некоторым из них принесла вред. В первом семестре, когда по математике шли знакомые им разделы, некоторые, что называется, «расхолодились», и, в определенном смысле, разучились работать. Все их преимущество исчерпалось первым семестром. Конечно, это касалось не всех.

Наши выпускники Илья Цванкин и Саша Литвин не поддались этой кажущейся «легкости», всегда докапывались до сути и сейчас по праву являются одними из ведущих специалистов в мире по отдельным проблемам разведочной геофизики.

Мне учеба давалась нормально, и в конце концов я получил «красный» диплом с отличием. Поскольку приходилось преодолевать собственные возникшие комплексы, на первых порах требовалось работать несколько больше, чем я привык. Однако первая же сессия была сдана досрочно и на отлично, и я уже спокойно поехал на зимние студенческие каникулы к родителям в Железногорск. Туда в эти дни съезжались все наши студенты-одноклассники. Четверо из нас учились в Москве, двое – в Харькове, одна – в Ленинграде, остальные – в Курске.

Каникулы той поры – это наиболее приятные периоды жизни. Наше будущее уже на ближайшие пять лет было устроено, и мы расслаблялись, отдыхая на полную катушку. Кроме заполуночных посиделок с одноклассниками дома у Сереги Тарасова, мы ходили «на природу» как на лыжах, так и выдумывая собственные экстремальные виды спорта. Курская область, как известно, славится своими многочисленными оврагами. Мы нашли где-то крупные металлические листы – остатки дверей списанных большегрузных карьерных автомобилей. Надевали на всякий случай на голову мотоциклетные шлемы, ложились плашмя на эти листы и скатывались с крутых склонов оврагов, выбирая трассы с естественными трамплинами, чтобы подбрасывало посильнее. Наиболее привлекательные и крутые овраги были километрах в пяти от города за селом Разветье, куда мы добирались на лыжах, волоча за собой эти листы на веревках. Мы однажды катались до заката, который зимой наступает рано, а потом зашли к Сашке Бородину, бывшему однокласснику, погреться и попить чайку (родители его жили в этом селе). А наши родители после наступления ранней январской темноты подняли настоящую тревогу и организовали поиски. Дело в том, что бабушка Мишки Бычкова видела, в какой амуниции мы уходили кататься на лыжах, и это привело в ужас родителей. Слава богу, мы нашлись, возвратившись в город своим ходом через поле и лес, но уже в полной темноте, хотя было еще совсем не поздно. В одни из таких каникул на очередных сборах нашего дружного 10-го «Г» мы помирились и с моей будущей женой Людмилой, благо делить нам уже было нечего.

Учили нас в МГУ лучшие профессионалы того времени. С различными математическими дисциплинами нас знакомили М.А. Крей– нес, И.А. Вайнштейн, А.С. Калашников и другие замечательные преподаватели механико-математического

факультета.

Лекции по общей геологии вела Александра Федоровна Якушева, приглашая иногда Георгия Петровича Горшкова. С удовольствием вспоминаю и манеру преподавания «Геологии СССР» Николаем Владимировичем Короновским, который поставил мне экзамен-«автомат», По-другому выучить и сдать этот предмет было попросту невозможно из-за обилия разнородной информации. На учебниках этих корифеев выросло не одно поколение геологов.

А геофизические дисциплины мы тоже постигали из уст классиков: В.В. Федынского и М.К. Полшкова, чьими именами сейчас названы крупнейшие геологические структуры и научно-исследовательские суда. В тот период они занимали ключевые руководящие «геофизические» посты в СССР. Однако при этом находили время и добросовестно готовились к лекциям.

Всеволод Владимирович Федынский был очень интеллигентным и добрым человеком. Однако однажды на экзамене по гравиметрии наша Вера Гайдукова умудрилась довести и его. Она в тот период практически перестала готовиться и приходила на экзамен со стерильно чистой от информации головой. Однако Вера была видной девушкой, голос у нее был хорошо поставлен, и начинала отвечать она всегда уверенно по списанным тут же во время подготовки в аудитории чужим конспектам. На экзамен она всегда приходила в числе последних. Если уставший преподаватель не уточнял каких-либо деталей, она получала «5». Но стоило ему задать хотя бы один вопрос, дело часто заканчивалась двойкой. В этот раз Всеволод Владимирович, вытягивая ее на тройку, попросил пояснить, что такое f в простейшей формуле о притяжении двух точечных масс, известной школьникам еще с 8-го класса. В лекциях через f была обозначена гравитационная постоянная вместо привычной g, Поскольку Вера до этого таким же образом сдавала радиотехнику, где через f обозначалась частота, она, не задумываясь, ответила: «частота». «Вон!!!» – закричал Федынский и с силой швырнул ее зачетку в сторону двери, Наверное, это был единственный случай в его жизни, когда он был во гневе. К сожалению, недолог был жизненный путь этого замечательного человека, который очень много успел сделать для российской геофизики.

Михаил Константинович Полшков возглавлял в то время НПО «Союзгеофизика» вместе с институтом «ВНИИГеофизика», который был тогда действительно передовым научным центром не только в СССР, но и в мире. Сейчас, в эпоху почти полного импорта геофизических технологий, в это трудно поверить, но остается очевидным тот факт, что все крупнейшие открытия

нефтяных и газовых месторождений СССР были сделаны с помощью отечественного оборудования, в том числе и геофизического. Так что факт о мировом лидерстве российской геофизики в некоторых областях в 60-е и 70-е годы XX века не является преувеличением.

М.К. Полшков был чрезвычайно занятым человеком, однако с удовольствием занимался нашим обучением. На некоторые лекции он присылал своих сотрудников – ведущих ученых и конструкторов в соответствующих разделах сейсморазведки. Однако зачеты или экзамены принимал всегда сам и был довольно снисходительным. Зато говорят, что в качестве руководителя «Союзгеофизики» он был жестким и требовательным человеком.

После многочисленных математических дисциплин многое в нашей голове привел в порядок своими лекциями по теории поля Марк Наумович Бердичевский. Он совершенно открыто разрешал пользоваться конспектами на экзамене, что освобождало мозги от ненужного зазубривания и сосредоточивало нас на усилиях по глубокому пониманию предмета.

Многому нас научили А.Г. Гайнанов, братья Калинины – Аркадий и Виктор, М.К, Крылов, Ф.М. Ляховицкий, В.Р. Мелихов, Т.И. Облогина, А.А. Огильви, В.К. Хмелевской, Ю.В, Юнаковская и многие другие. Некоторых преподавателей я откровенно побаивался, особенно братьев Калининых и немного Юлию Вадимовну Юнаковскую. Хотя это было напрасно. Их напускная строгость и отчасти сарказм не могли заслонить нормального благожелательного отношения к студентам.

В те годы я впервые столкнулся и с Людой Золотой, посетив несколько занятий на кружке «Метеориты и геофизика», который она вела вместе с А. Дабижой. Сейчас она со своей неутомимой энергией «раскрутила» всем известную компанию «Геомодель», на конференциях которой многие из нас встречаются друг с другом.

Как я не раз уже писал, общественная работа меня по жизни буквально преследовала, причем в таких формах, которые вызывали явное внутреннее сопротивление и необходимость насилия над собой. Однако привитое мне, скорее всего, родителями гипертрофированное чувство долга не позволяло с порога отказываться от этих предложений. Так и случилось в очередной раз: «на картошке» в совхозе «Цветковский» Можайского района в начале 2-го курса. Наш комсорг Игорь Дмитриев – неплохой в общем-то парень, отслуживший два года в погранвойсках, «слямзил» вместе с местным водителем мешок картошки из числа убранных нами на совхозном поле и пытался «загнать» его кому-то из местных за бутылку самогона. Тут их и

«взяли» тепленькими как расхитителей социалистической собственности. Актив нашего курса – также преимущественно армейские и рабфаковские парни – «жаждал крови» и требовал исключения его из комсомола и отчисления из университета. Соответствующее решение требовалось от собрания нашей группы. На группе мы ограничились строгим выговором, поскольку Игорь собственно к «хищению», с его слов, непричастен, а просто оказался в кабине с водителем, который вез этот мешок, и «не проявил бдительности». Когда автоматом встал вопрос о кандидатуре комсорга группы, все почему-то посмотрели в мою сторону. Понятно, что никому не хотелось брать это на себя, как и мне. Но обычный для меня вопрос: «Если не ты, так кто же?» – заставил меня тянуть эту лямку до конца 5-го курса. Слава богу, что пришлось по этим моментам контактировать с абсолютно нормальными и адекватными людьми: факультетским комсомольским секретарем Михаилом Георгиевичем Поповым и куратором нашей группы Татьяной Ивановной Облогиной, которые прекрасно понимали всю щекотливость ситуации при наличии «руководящей и направляющей роли партии» буквально во всем. Мы если и занимались чем по комсомольской линии, то, в основном, бытовыми вопросами: ходатайствовали о назначении стипендии кому-либо из нуждающихся и получивших тройку и т. п. Обязательные официозные мероприятия «спускали на тормозах», за что мне периодически «ставили на вид». В параллельной группе геофизиков комсоргом был Леня Зимаков, «свинтивший» потом после окончания куда-то в США, а куратором – И.А. Копосов, преподававший у нас электрический «каротаж». Потом, на последних курсах, обе группы смешались и разделились по специализациям. Да и до этого с первого курса практически на всех занятиях мы были вместе.

Одним из мероприятий, которые надо было обеспечивать по «комсомольской линии», – это коммунистические субботники. Чаще всего они проходили у нас на большой спортивной арене в Лужниках. Иногда, при хорошей погоде, раскидать на свежем воздухе оставшийся по весне нерастаявший снег было даже приятно. У меня сохранилось много фотографий и фильмов на 8-миллиметровой кинопленке с тех времен. Очень часто наш чудак Олег Озмидов придумывал какие-нибудь «хохмы». Я вообще никогда не видел его серьезным. Все время он и жил, и разговаривал как бы в шутку. Запас его оптимизма не иссякал никогда, и тем самым он всегда создавал вокруг себя положительную ауру. Однажды, когда уже все собрались на очередной субботник и ждали последних распоряжений, кому и

где работать, вдруг видим, что со стороны метро «Спортивная» движется Олег и несет прикрепленный к палке довольно большой транспарант на полном листе ватмана с каким-то лозунгом. Когда он подошел ближе, мы прочли: «Работа, ты нас не бойся. Мы тебя не тронем». Эта фотография до сих пор в моем альбоме.

Еще один случай «чудачества» чуть не вышел ему боком. В дни, когда в Москве проходил очередной съезд КПСС, Олег возвращался с друзьями из какого-то ресторана в районе канадского посольства. Лишнего он никогда особенно не пил и потому мог привлечь внимание милиции разве что громким разговором с приятелями. Поскольку милиция в дни съезда была в состоянии повышенной бдительности, а особенно в районе иностранных посольств. то они задержали подозрительную компанию молодежи. Остальных довольно быстро отпустили, а с Олегом стали разбираться. Надо знать нашего Олега, чтобы правильно реагировать на его шутки. Он начал шутить и в отделении милиции. На предложение назвать домашний адрес он ответил словами популярной тогда песни: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». В милиции шутку не поняли и прислали бумагу на факультет, Нам стоило немало усилий, в том числе и по комсомольской линии, чтобы его не исключили из МГУ. Как и в случае с Игорем Дмитриевым, ограничились строгим выговором. Этим удалось «спустить пар-, и ситуация успокоилась. А факультетскому руководству было чем отчитаться о принятых мерах. Так что в определенном смысле комсомольская организация приносила немалую пользу, служа не только дополнительным понукающим, но и одновременно защитным средством для вольнолюбивой студенческой молодежи. Взыскания по комсомольской линии многих защищали от исключения по принципу «за один проступок дважды не наказывают».

* * *

Совершенно особое место в процессе нашего геологического и геофизического образования занимали учебные практики. Первые три курса после каждого учебного года мы приезжали в Крым. В ожидании этого замечательного периода незаметно пролетал и учебный год.

После первого курса Крымская практика была самой мобильной со множеством перемещений. Мы объездили и обошли ногами большую часть этого прекрасного и уникального в своем роде полуострова, знакомясь наяву как с геологической историей,

так и с современными геологическими процессами.

На втором курсе получили навыки геологического картирования на полигоне, где наилучшим образом *в* естественных условиях представлены самые разнообразные структурно-геологические формации: от терригенного флиша «таврической серии» и перекрывающих их меловых карбонатов до палеогеновых квест. Лучшего места для такого обучения просто не найти.

Крымская практика третьего курса дала нам основные навыки по всем геофизическим методам: гравиметрии, магнитометрии, электроразведке, каротажу и сейсморазведке. И завершающим аккордом была великолепная морская геофизическая практика на корабле «Московский университет» в Черном море. Думаю, что на тот момент ни один университет в мире не мог похвастаться таким уровнем учебных полевых практик.

Однако нам вспоминается больше не учебный процесс, а всевозможные случаи, приключившиеся с нами в этот период.

Один из них произошел прямо в первые дни самой первой практики. Тогда на несколько дней мы остановились на турбазе «Ангарский перевал», справа от шоссе Симферополь-Алушта.

Условия нашего проживания здесь были самые что ни на есть «приближенные к боевым»: простые палатки на десять человек и каждому – по спальному мешку, разворачиваемому прямо на земле. Ночью – весьма свежо (высота 752 м) и полный набор местных комаров, а днем – изнуряющая жара. Однако никто не жаловался, всем было очень даже интересно. Отсюда у нас было несколько маршрутов. Первый – на гору Демерджи с ее причудливыми формами выветривания. Второй – на интрузивные образования, горы Маяк и Кастель, с возможностью изучения эндо– и экзоконтактов интрузивных тел. Третий – по побережью с изучением современной деятельности моря, и четвертый – на гору Чатыр-Даг для знакомства с карстовыми явлениями. Именно на этом четвертом маршруте нас ждали небольшие приключения.

Ранним утром двумя группами примерно по 20 человек каждая мы собрались в маршрут. Первоначально всех нас вел начальник практики профессор Славин. Запомнилось, как он представлялся еще в Москве в 611-й аудитории перед отъездом в Крым: «Вы ни за что не забудете, как меня зовут, потому что зовут меня Владимир Ильич». Действительно, мы не забыли этого уже спустя 33 года. Итак, мы двинулись в маршрут на нижнее плато Чатыр-Дага. Первоначально по утренней прохладе да еще в тени деревьев идти, вдыхая чистый горный воздух, было приятно. Затем растительность быстро исчезла, дорога очень круто пошла вверх, и в конце концов мы стали карабкаться по почти

вертикальной стене – по крайней мере, ощущения были именно такими. Когда мы достигли плато, от бессилия распластались на земле и долго пытались отдышаться. В это время между нами легким шагом прохаживался Владимир Ильич, который был в разы старше нас, и приговаривал: «Ничего, ребятки, попривыкнете. Передохните немного и пойдем», Нижнее плато Чатыр-Дага представляло собой практически абсолютно ровную, как стол, равнину на высоте примерно 1000 м над уровнем моря, простирающуюся на несколько километров в длину и 2–3 км в ширину. Со всех сторон оно ограничивалось крутыми обрывистыми склонами, и то место, где мы поднялись, было единственным, где этого плато можно было достичь без специального альпинистского снаряжения. Говорят, что где-то с противоположной стороны есть дорога, по которой туда выгоняют овец для выпаса. Однако до нее было далеко, и где она находится, надо было знать точно.

Мы провели полдня на этом плато, осмотрели много карстовых воронок, посетили две пещеры: тысячеголовую и холодную, исходили ногами несколько километров – в общем, получили полное представление о карстовых явлениях. После этого Владимир Ильич предложил желающим пойти с ним на верхнее плато Чатыр-Дага, т. е. подняться еще на 200 м, а тем, кто желает вернуться на базу, надо было возвращаться с его помощницей – аспиранткой Наташей. Мы с моим приятелем Костей Вагиным решили возвращаться, надеясь еще успеть «смотаться» в Алушту за 12 км и купнуться в море. Я вообще по жизни с раннего детства люблю любые водоемы, в которых можно поплавать. Если проходит лето, а ты не имеешь возможности этого сделать, у меня возникает ощущение, что жизнь проходит зря. Поэтому в тот момент мне было очень досадно находиться вблизи моря и не искупаться в нем.

Наташа повела нас к тому месту, где можно было спуститься с плато. Казалось, что до него не более 2 км, т. е. около получаса хода, Ровное плато не имело никаких ориентиров, за которые мог бы «зацепиться глаз». А солнце за полдня переместилось. Но оно нам вряд ли помогло бы, т. к. перед выходом на плато мы не стали определяться по сторонам света, надеясь на наших проводников. И почему-то там, где мы предполагали увидеть спуск, был лишь непреодолимый крутой обрыв. Осмотревшись, мы решили, что немного промахнулись и забрали метров на 500 левее. Так решили и мы, и Наташа, которая нас сопровождала. Однако кроме еще более крутого обрыва мы на новом месте ничего не нашли. Забрали еще левее, все повторилось снова. А солнышко уже начало садиться. Тут почему-то вспомнилась

сказка «Как муравьишка домой спешил», которую я слушал десятки раз в раннем детстве на пластинке с голосом сказочника нескольких поколений советских детей – Литвинова. До заката солнца надо было попасть в свой муравейник. Надежды на вечернее морское купание в Алуште таяли с каждым часом. Мы поняли, что окончательно заблудились. Вдали виднелась отара овец, и мы пошли в этом направлении в надежде найти пастуха и спросить дорогу. Пастуха не было, но ближе к закату он появился. Выяснилось, что мы первоначально почти точно подошли к нужному месту и вместо того, чтобы повернуть на 500 м вправо, мы пошли в противоположном направлении. Причем это было коллективное заблуждение: зрительная память подвела всех. Пока мы вновь шли еще несколько километров к нужному месту спуска, солнце уже совсем село. Спускались мы уже на ощупь и потому довольно долго.

А группа профессора Славина, достигнув верхнего плато, через два с половиной часа уже вернулась на базу. Они с удивлением обнаружили, что нас еще нет. Вооружившись минимальным набором спасательных средств и большим количеством фонарей, они пошли искать нас. Мы увидели их свет уже на подходе к лагерю. Так, вместо того, чтобы искупаться в море, мы «намотали» лишних километров двадцать и уставшими «упали» в свои спальные мешки, чтобы на следующее утро идти в новый маршрут.

Этим блужданием дело не ограничилось. Видимо, надо было приобретать свой собственный жизненный опыт, накручивая его в буквальном смысле е виде лишних километров на свои собственные ноги.

По вторникам у нас на практике были выходные. С вечера в понедельник мы старались уехать как можно дальше от полигона, расположенного вблизи села Прохладное в Бахчисарайском районе, недалеко от Крымской астрофизической обсерватории. Стремились посмотреть новые неизведанные места на побережье. Ночевали обычно под открытым небом, на следующий день купались, загорали, а к вечеру вторника возвращались на полигон. При этом мы умудрялись проехать огромные расстояния бесплатно на попутках, развлекая водителей разговорами и разжалобив байками о бедном студенческом существовании чуть ли не впроголодь. Некоторые понимали и относились с юмором. Другие ворчали, но довозили. Если повезет, то все дорожные траты составляли 8 копеек на человека: по 4 копейки на городской троллейбус в Симферополе, чтобы переехать с одного шоссе на другое по пути туда и по пути обратно. А для того, чтобы попутки останавливались, мы применяли простейшую

хитрость. Голосовать на дорогу выставляли девчонок, а когда машина останавливалась, из кустов вываливала вся братия. Поскольку всем уехать одновременно не удавалось, встречались потом в условленном месте на побережье. Про чудо техники – мобильные телефоны – тогда еще и не мечтали.

Однажды, уже после второго курса на Крымской практике, накануне очередного выходного мы с Костей Вагиным решили найти альтернативный путь к морю, минуя большие города. Просмотрели внимательно туристическую карту Крыма и обнаружили, что кратчайший путь от полигона к побережью, если мерить по прямой, проходит через Бахчисарай в Ялту, что позволит не заезжать ни в Симферополь ни в Севастополь. Получалось, что до Бахчисарая мы сможем дойти пешком напрямую от полигона через Чуфут-Кале всего 11 км, а там очень близко до села Соколиное, от которого на карте до Ялты показана широкая дорога республиканского значения через первую гряду Крымских гор в районе Ай-Петри. По масштабу получалось, что этот последний участок всего 12 км. Понятно, что в горах это расстояние увеличится из-за дорожных серпантинов. Тем не менее, мы решили попробовать. После обеда, как только нас отпустили на выходной, мы направились кратчайшим путем в Бахчисарай через остатки древнего города Чуфут-Кале. Этот город сам по себе очень интересен. Хорошо сохранившиеся здесь с древности остатки улиц и домов, по которым когда-то ходили люди, просто завораживают. Это настоящий рай для туристического бизнеса, и непонятно, почему он до сих пор здесь не развит. Мы достигли Бахчисарая в запланированное время – менее чем за три часа. Оказались на городской автостанции и посмотрели расписание. Был всего один автобус Бахчисарай-Ялта, который ушел еще в 10 утра. Насторожило то, что, судя по расписанию, он в пути до Ялты четыре часа. Однако менять планы было уже поздно, дело шло к вечеру, и мы взяли билеты на автобус до ближайшего к Ялте пункта в том направлении. Это оказалось село Соколиное, которого мы достигли довольно быстро. Село располагалось у подножия первой Крымской гряды со стороны полуострова. С противоположной стороны горной гряды, совсем рядом, в каких-то 12 км по прямой, плескалось море и была Ялта. В горах быстро темнело, и нам надо было найти место для ночлега. Рядом располагался живописный Большой каньон Крыма, который нам был знаком по геологическим экскурсиям, Мы вошли в этот каньон и на берегу быстрой горной реки, протекающей через него, нашли относительно ровное место у водопада, на котором можно было развести костер и прилечь на ночь под открытым небом. Все это

мы сделали успешно, перекусили консервами, что взяли с собой, и легли спать. При этом костер оставили гореть, поскольку ночи в горах были холодными даже в июле. Мы были уверены, что все идет по плану, и завтра утром быстро достигнем Ялты. Ночь была довольно беспокойная. Та часть тела, что находилась ближе к костру, страшно перегревалась, в то время как противоположная от костра ягодица чуть ли не примерзала к земле. Мы, конечно, подстелили какие-то ветки, но это не помогало.

Наступил рассвет. Не мешкая, мы вышли на дорогу, ведущую вверх на гору, и по километровому столбику поняли, что до Ялты 47 км. Это явно озадачило, но было еще 6 утра, и мы решили, что времени достичь цели у нас достаточно. Дорога оказалась абсолютно пуста, никаких попуток, но мы были уверены, что скоро машины пойдут, а пока двинули пешком в гору вдоль дороги. Горные лесные пейзажи вокруг были просто изумительны, но поскольку задача наша еще не была решена, мы не слишком ими любовались, а сосредоточенно шли в довольно хорошем темпе, со скоростью около 6 км в час. Это легко было определить по километровым столбикам. Дорога так петляла, что, пройдя 3 км, мы обнаружили, что поднялись лишь метров на 150 вверх по склону, оставшись в абсолютных координатах почти на той же точке. Был соблазн в некоторых местах, где возможно, карабкаться по склону, а не идти по петляющей дороге, чтобы сэкономить время. Но мы боялись, что пропустим попутку. Часа полтора никаких машин не было. Потом пошли единичные автомобили, натужно ревя двигателями на подъеме на первой передаче. Надо иметь ввиду, что тогда на дорогах были не новенькие современные иномарки, а изрядно поношенные отечественные автомобили, на которые в условиях тотального дефицита невозможно было достать необходимые для нормальной эксплуатации запчасти. Поэтому, если бы на таком крутом подъеме машина остановилась, не факт, что она смогла бы снова тронуться. Стало понятно, что пока мы не достигнем вершины, рассчитывать на попутку не стоит. Пройдя 20 км по серпантину от подножья, мы, наконец, вышли на Ай-Петринскую яйлу, которая вперед простиралась на несколько километров. Не верилось, что такая большая и ровная поверхность находится относительно высоко в горах. Нечто похожее было и на нижнем плато Чатыр-Дага. Оглянувшись назад, мы увидели, что, пройдя эти 20 км, мы не сильно отдалились от села Соколиное, а только поднялись на высоту чуть более 1000 м. Тут стала окончательно понятной загадка туристической карты Крыма. Опять жизненный опыт приобретался только пройденными собственными ногами километрами. За 19 лет, прожитых к тому времени, этих

километров было пройдено немало, а опыта – чуть.

Тут мы, наконец, уже рассчитывали, что на равнине остановится первый же попутный автомобиль. Но они, как нарочно, кончились. Под палящим солнцем ровная ленточка пустынной дороги уходила вперед до самого горизонта. Изредка попадались лишь встречные. Ничего не оставалось делать, как идти дальше. Еще через час нас обогнал, не остановившись, тот самый единственный автобус Бахчисарай-Ялта. Это был совершенно маленький остромордый автобус на базе грузовика ГАЗ-51, где одна единственная дверь открывалась водителем вручную. Видимо, на таком серпантине даже обычный ЛАЗ не впишется в поворот. Автобус был набит битком. Из окон не торчали разве что ноги пассажиров. Мы уже философски отнеслись к тому, что дальше надо опять идти пешком. Наконец спустя еще час мы подошли к противоположному краю яйлы. Вот она, Ялта, – перед нами, до нее рукой подать! Посмотрели на километровый столбик. Он неумолимо показывал, что до Ялты еще 22 км. Получается, что с утра мы прошли 25 км, причем преимущественно на крутом подъеме. Эх, жалко, что тогда не было канатной дороги. Съехали бы теперь вниз с ветерком. Но, увы, пошли вниз по дорожному серпантину опять на своих двоих. Вскоре удача нам улыбнулась, нас подобрал УАЗик, и мы минут через двадцать въехали в Ялту. Доковыляли кое-как до городского пляжа, искупались, устроились в тенек и заснули. Разбудила какая-то тетенька в белом халате. К этому времени тень давно ушла, и мы абсолютно сгорели. Повернуться было невозможно. Вместо кожи был какой-то панцирь. Назад поехали уже без всяких приключений по длинному цивилизованному пути: три с половиной часа троллейбусом до Симферополя, потом – автобусом до Ново-Павловки по Севастопольскому шоссе, а дальше – 12 км до нашего полигона в сторону обсерватории. Обычно в 9 вечера здесь у поворота к обсерватории нас поджидала машина с полигона. Но если опоздал, добирайся сам, как знаешь. Поскольку мы после такого сложного маршрута опоздали, а по ночам попуток не поймаешь, то эти последние километры опять шли пешком и добрались до полигона к двум часам ночи. Ноги гудели, обожженные спина и руки горели. Так и замкнулась наша Крымская кругосветка. А в 7 утра были подъем и полный рабочий день с маршрутами. Как нельзя кстати вспомнить слова известной шуточной студенческой геологической песни:

Я иду, сутулясь, не дойду никак,
Больно бьет лопатки каменный

рюкзак,

Лямки режут плечи, жив еще пока,

Выбрал специальность, как у ишака.

Припев:

Ну, как у ишака.
Совсем как у ишака.

Так приобретался жизненный опыт.

За эти три года наших практик мы добрались до самых укромных уголков Крымского полуострова и не переставали восхищаться его красотой, которая остается незамеченной заезжими отдыхающими. Чего стоят ночевки под открытым звездным небом у Золотых ворот Кара-Дага и купание с восходом солнца в нежных и ласковых утренних водах львиной и сердоликовой бухты! А неповторимая красота и прозрачность морской воды в бухте Ласпи! Мы с размаха бросали нераспечатанные банки с консервами в морскую пучину, не боясь потерять, а потом перед обедом без труда отыскивали их на дне в абсолютно прозрачной воде. На рейде этой бухты мы писали отчет по морской геофизической практике на борту судна «Московский университет». Тогда нам команда устраивала купание с борта судна в открытом море. Эту чудесную бухту я посещал многократно и позже, когда, будучи аспирантом, приезжал в Крым в качестве преподавателя на учебную практику по сейсморазведке.

Было во время наших выходных и несколько случаев, которые могли закончиться серьезными проблемами, но, слава богу, этого не произошло. Однажды мы с Сергеем Апанасенко, Леной Мозгановой и Надей Невесской в очередные выходные добрались до Нового Света. Отдохнули на славу: накупались, попили вполне неплохого белого сухого вина производства местного завода шампанских вин, которое продавалось в розлив. С собой на пляж купили в красивой плетеной бутылке болгарское красное вино «Гымза». Но оно нам тогда не понравилось, и мы его выливали в море с высокого обрыва из грота Шаляпина. Почему-то эта сцена нам запомнилась. Кстати, недавно в Болгарии я попробовал настоящую «Гымзу». Очень неплохое и богатое по вкусовым ощущениям вино.

Но настало время возвращаться на полигон. Мы дошли пешком от Нового Света до Судака и, не поймав никакой попутки, пошли дальше в сторону Грушевки, к трассе Феодосия –

Симферополь, где, по нашему разумению, без проблем можно было найти, на чем добраться. Наконец, девчонок удалось пристроить в какую-то машину прямо до Симферополя. Мы с Сергеем уже спокойно пошли дальше в ожидании следующей попутки, сопровождаемые заходящим крымским солнцем. Редкие машины не останавливались. Мы шли быстрым шагом и нагнали по дороге отару овец в сопровождении четырех пьяных пастухов. Увидев нас, пастухи забыли про овец и явно жаждали развлечься и поколотить ненавистных туристов. Один, наиболее агрессивный, обращаясь к Сергею, который был в очках, прокричал;

– Ну, ты, четырехглазый, куда прешь? Всех барашков распугал, Или глаза тебе поправить?

Я, чувствуя остроту ситуации, не нашел ничего лучшего, как сказать: «Не трогаем мы ваших барашков. И вообще мы «не местные», а Вы, вместо того, чтобы помочь заблудшим путникам, придираетесь. Так нормальные люди не поступают».

– Че ты несешь, корреспондент хренов? (на мне было два фотоаппарата). С какой радости мы будем Вам помогать? Счас мы Вам так поможем, что мало не покажется.

По-хорошему надо было уносить ноги, т. к. силы явно не на нашей стороне, но как-то стыдно драпать от пьяных «придурков» и тем самым потерять уважение к себе. К тому же мы были со всех сторон окружены баранами (настоящими и на двух ногах), и пространства для этого простого маневра не хватало. Вступать в драку с превосходящими силами противника да еще на его территории было явно бесперспективно для нас. Хорошо, среди этих пастухов один относительно трезвый мужик постарше пытался осадить своих подвыпивших дружков, но, похоже, они его не слушали и уже намеревались с нами разобраться. Тут помог случай. Из-за поворота со стороны Судака показался маленький автобус и, сигналя, прокладывал себе дорогу среди стада. Мы начали решительно «голосовать», и он притормозил. Быстро прыгнули в пустой салон и покинули «баранов». Водитель, правда, через 3 км нас высадил возле какого-то забора, т. к. дальше он не ехал, но этого было достаточно, чтобы «оторваться от преследователей». Оставшиеся несколько километров до Грушевки мы быстро прошли пешком и достигли феодосийского шоссе уже в темноте. Редкие машины в это позднее время не рисковали останавливаться, чтобы подобрать двух подозрительных парней. Мы уже не чаяли добраться до полигона к утру, как вдруг повезло. В проходящем автобусе Новороссийск-Севастополь оказалось два места, и мы напрямую без лишней пересадки в Симферополе достигли Ново-Павловки, откуда в

крайнем случае прошли бы в сторону от основной трассы оставшиеся 12 км пешком, Но тут повезло еще раз. Какой-то колхозный грузовик «подкинул» нас до Трудолюбовки, а там, сами знаете, до полигона за час можно спокойно дойти, а ночью по пустой дороге под звездным небом даже быстрее. Мы всего-то на пару часов позже наших девчонок добрались до места.

* * *

Картина нашего образования была бы неполной без упоминания о военной подготовке, которую мы проходили на военной кафедре. По окончании МГУ нам присваивалось воинское звание лейтенанта запаса. Готовить из нас офицеров начинали со второго курса, а на первом какой-то отставной полковник (фамилию не помню) преподавал нам гражданскую оборону – сокращенно ГРОБ. Столь многозначительное сокращение было написано крупными буквами на обложках большинства студенческих конспектов по этому предмету и, видимо, в нашем представлении свидетельствовало об эффективности всех этих мероприятий в случае реального ядерного или химического нападения вероятного противника.

Потом из нас стали делать командиров саперных взводов. Начальником кафедры был полковник Варенышев, Основные занятия вели подполковник Гавриш и майор Полянский. Относились они *к* нам по-отечески, да и мы в основном вели себя прилично. Кроме аудиторных занятий с плакатами, иногда спускались в подземные убежища, где было и достаточное количество наглядных пособий, и макетов различных мин и устройств. Конечно, основные минимальные практические навыки мы получили лишь на двухмесячных военных сборах, которые были летом 1978 года, сразу после госэкзаменов и защиты дипломов.

На сборы меня провожала, почти как в армию, моя будущая жена Людмила, с которой как раз непосредственно перед этим мы подали заявление в ЗАГС одновременно в Москве и Железногорске, чтобы в условиях товарного дефицита воспользоваться дополнительными талонами в магазины для новобрачных.

Сборы проходили недалеко от Москвы, в гвардейской Таманской дивизии. Дивизия была «придворной» и больше показушной, т. к. туда постоянно привозили высшее начальство или иностранных гостей для демонстрации военной техники на продажу – дружественным» режимам. До нас никому дела не

было – мы были досадной обузой для них. Интендантская служба явно не подготовилась к приему будущих офицеров запаса в нашем лице. Питание и размещение было организовано из рук вон плохо. Расселили в легких палатках на наспех сколоченных нарах по десять человек в каждой, в то время как туда с трудом входило восемь. Помещались без проблем только в случае, если лежали на боку. Если бы все одновременно захотели лечь на спину, крайние свалились бы на землю с низких нар прямо наружу за полог палатки. Но это еще полбеды – солдат должен быть неприхотливым. Правда, не дай бог, какая серьезная инфекция, сразу заболели бы все. Но обошлось. Хуже было то, что солдатская столовая в саперном батальоне располагалась в 6 км от места сборов, и мы три раза в день ходили туда есть в течение первой недели. Нетрудно посчитать, что только для приема пищи требовалось пройти 36 км в день.

Наши университетские преподаватели военной подготовки Гавриш и Полянский проходили сборы вместе с нами, обучая нас азам военного мастерства уже на реальной матчасти. В столовую и обратно они тоже нас сопровождали. По возвращении из столовой, есть уже хотелось снова. На собственно военную подготовку времени не оставалось. Наш солдатский юмор стразу «загрубел» и нашел выход в «хулиганских» строевых песнях, которые мы распевали по пути в столовую и обратно:

Там, где пехота не пройдет
И бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет —
Туда наш взвод ходил мочиться.

А когда подполковник Гавриш, шедший рядом, начинал скучать, он просил: «Ребят, спойте про Чебурашку». И мы, печатая шаг по пыльной обочине, начинали совсем уж непристойные песнопения:

Прилетит Чебурашка
В голубой комбинашке
И бесплатно покажет стриптиз,
А потом дядя Гена
Вынет… до колена:
Это будет наш главный сюрприз.

Подполковник Гавриш довольный расплывался в улыбке.

А что Вы хотите? 36 км в день, чтобы просто покушать, и через час снова быть голодным? И это кроме того, что была еще и боевая подготовка, и хоть иногда марш-броски, и маскировка и

т. п. Посмотрел бы я на вас, как бы вы организовали свой досуг по пути в столовую и обратно и какие пели бы песни. Мы такие тоже пели, но писать об этом уж совсем неприлично.

Когда дней через десять все же кончилось это головотяпство и нам организовали питание в месте нашего базирования, то и репертуар строевых песен стал помягче. Пели «Маркитанку» Окуджавы, «Не плачь девчонка» и другие традиционные солдатские строевые. Но иногда по личной просьбе подполковника Гавриша все же исполняли что-нибудь из старого.

В части нам назначили «ротного» от дивизии – грубоватого и сутулого капитана, к которому тут же приклеилась кличка «Гнутый». Некоторые полевые занятия с нашим взводом проводил симпатичный и вполне адекватный молодой лейтенант, фамилии которого, к сожалению, не помню. Несмотря на трудности повседневного бытия и очевидные промахи командования Таманской дивизии, негативных моментов, связанных с этими сборами, в памяти не осталось. Напротив, запомнились некоторые комичные случаи.

На занятиях по подрывному делу в конце надо было зажечь запальный шнур, прикрепленный к боевой тротиловой 200-граммовой шашке, положить шашку с горящим шнуром в указанное место на земле и только по команде бежать в укрытие. Подрывали группами по пять человек, причем шашка была у каждого своя. В нашей группе оказался Виталий Сенников по кличке – дух», человек по натуре флегматичный и явно далекий от армии, к тому же неважно подготовленный физически. Бегал он очень медленно и в строю постоянно отставал, несмотря на свои длинные ноги. Но тут, едва только остальные успели по команде развернуться, чтобы бежать в укрытие, Сенников со скоростью метеора уже достиг опушки леса и распластался на земле. Похоже, он был близок к мировому рекорду по скорости бега на короткие дистанции. Народ развеселился: «Дух, да ты три года сачковал на физкультуре и здесь прикидываешься. Тебе бы немного потренироваться и будешь нашей олимпийской надеждой». Тогда все с нетерпением ждали олимпиаду в Москве 1980 года.

Наши «старослужащие» нередко ходили в самоволку. Однажды и я попытался это сделать, и попытка удалась. Совсем недалеко от нас был поселок Селятино, куда из городка нашего детства Щигров переехали близкие знакомые моей мамы по работе и друзья Бочкарей – семья Рябченко: тетя Валя и дядя Коля. Родители иногда вместе встречали праздники или ездили в лес по грибы с Бочкарями. Их адрес я запомнил по поздравительным открыткам, приходившим домой к праздникам.

Вот я и решил их навестить, чтобы хоть как-то разнообразить армейские будни. Надел потрепанные спортивные «треники», кеды и футболку – все, что удалось раздобыть из гражданской одежды – и под видом любителя бега проследовал трусцой по широкой лесной аллее, где было много прохожих. Пару раз попадался военный патруль, но поскольку покинуть территорию удалось незамеченным, здесь в лесу мне достались только подозрительные взгляды как прохожих, так и патруля. Или мне так казалось. В Селятино застал только дядю Колю. Попил чаю и также незаметно вернулся в часть. На этом мое любопытство к самоволке было удовлетворено, и, честно сказать, особой радости не вызвало. Я понял, что надо отлучаться из части с выездом в Москву. Но тайком это сделать было опасно, и мы с Ильей Цванкиным нашли повод. Я тогда был «вооружен» двумя фотоаппаратами и много фотографировал. Поскольку приближалось окончание сборов, мы взялись сделать фотоотчет как для части, так и для военной кафедры в МГУ. У Ильи отец работал в Институте химии Академии наук, где была прекрасная фотолаборатория. В итоге удалось официально уехать на три дня и тем самым приблизить окончание сборов.

Был случай, когда наши товарищи-сослуживцы решили подкрепиться лесными грибами, собранными здесь же на опушке и по виду явно похожими на белые. Несколько человек попали в лазарет, и их откачивали пару дней. В последний день сборов многие писали на пилотках друг у друга кому что вздумается. Одному из тех грибников написали крупными буквами «Грибоедов». Он шутки не понял и даже обиделся.

Сборы кончились, мы вернулись в Москву, получили дипломы и последнюю стипендию. В день стипендии подъехал наш ротный Гнутый, чтобы собрать деньги с курсантов за испорченное имущество. Его встретили как родного, деньги без вопросов собрали и на радостях напоили. Дошло до того, что кто-то помог ему под ручки погрузиться в милицейский «воронок» и доехать до ближайшего вытрезвителя, потому что ехать обратно в дивизию он в таком виде явно не мог. За компанию вместе с ним в вытрезвителе переночевало и несколько наших. Но серьезных последствий это иметь не могло, т. к. дипломы уже были получены, а к трудовой деятельности приступить еще не успели.

Сразу после сборов состоялась моя свадьба, и мы с Люсей поехали провести медовый месяц в Хосте близ Сочи. Так «наотдыхался», что опоздал со сроком сдачи документов в аспирантиуру. Однако об этом позже.

ПРАКТИКА ВЫЖИВАНИЯ

Кроме учебных практик у нас были две настоящие производственные геофизические практики: после 3-го и 4-го курса, на которых мы занимали должности рабочих 3-го разряда. Причем с обеими практиками мне очень повезло. Чтобы не оказаться потом без выбора и уехать по «обязаловке», мы стали искать место для летней практики еще зимой. Я был дружен с молчаливым студентом нашей группы Сашей Череповским, а у него отец, Виктор Фомич Череповский, как потом выяснилось, был начальником управления в министерстве геологии СССР. Кстати, Виктора Фомича знают и уважают почти все угольщики бывшего СССР. Он до сих лор, несмотря на серьезный возраст, очень активно работает, сотрудничая с различными компаниями и консультируя их по научным и производственным вопросам.

Тогда морская сейсморазведка только зарождалась, и мне очень хотелось побывать в рейсе на научном судне. Я поделился своими мечтами с Сашей, которому перспектива морской практики тоже понравилась, и он поведал о нашем желании своему отцу. В один из февральских дней 1976 года мы с Сашей поехали в министерство и оказались у Виктора Фомича в кабинете. У него находился очень колоритный усатый мужчина в какой-то непонятной форме. Это был Николай Николаевич Трубятчинский, начальник КМАГЭ – комплексной морской арктической геофизической экспедиции, базировавшейся в Мурманске (ныне – МАГЭ). Это личность почти легендарная и заслуживает того, чтобы о нем вспомнить. Я потом уже во взрослой жизни с ним сталкивался много лет спустя. Это тот самый «подполковник Трубятчинский», которому известный бард Александр Городницкий посвятил песню с таким названием. «Труба» – так его звали в простонародье – успел повоевать в конце войны, и не раз потом уже в 80-90-х годах, когда мы оказались вместе в одной организации – НИИ морской геофизики в Мурманске, в день победы делился фронтовыми воспоминаниями. Он был и участником одной из первых советских антарктических экспедиций, А подполковником он стал, отслужив в военной гидрографической службе в послевоенные годы, В общем, личность во многих отношениях незаурядная и вызывающая много теплых воспоминаний. Но в конце жизни, уже в почтенном возрасте, в середине 90-х годов, когда наступило лихолетье, он, поддавшись на уговоры новой жены, работавшей «плановичкой» в НИИМоргеофизике, уехал в Израиль, где через несколько лет умер. Собственно, об этой

грустной судьбе замечательного человека и песня Александра Городницкого, где каждое слово берет буквально за душу, поскольку перед глазами, словно живой, улыбающийся Николай Николаевич с извечной своей щеткой седых усов.

Подполковник Трубятчинский,
бывший сосед по каюте,
С кем делили сухарь и крутые
встречали шторма.
Не качаться нам впредь в
корабельном суровом уюте,
Где скрипят переборки, и к небу
взлетает корма…
Опрокиньте стакан, чтобы
сердце зазря не болело,
Не кляните судьбу, обо всем не
судите сплеча
В зазеркалье у Вас все Вы пишете
справа налево,
В иудейской пустыне нашли Вы
последний причал.
Подполковник Трубятчинский – в
прошлом надежда России,
Он сидит у окна, а в глазах его
черных тоска.
Позади океан ядовитый,
пропитанный синью,
Впереди океан обожженного
солнцем песка.
Подполковник Трубятчинский,
что Вам мои утешенья?
Где бы ни жили мы и какое б ни
пили вино —
Мы один экипаж, все мы жертвы
кораблекрушенья.
Наше старое судно ушло
невозвратно на дно.
Подполковник Трубятчинский,
моря соленого житель,
Как попасть Вы смогли в этот
город безводный Арат?
Надевайте погоны, цепляйте
медали на китель,
И равненье на флаг: наступает

последний парад.

Не могу спокойно слушать эту песню и писать эти строчки: комок подступает к горлу. Сколько человеческих судеб лучших наших сограждан изломано вовсе не войной, нет (это понятно), а бездарными власть предержащими, на которых России слишком уж часто «везло», и в новейшей истории особенно.

Пару лет назад, оказавшись на концерте Городницкого в известном бардовском кафе «Гнездо глухаря», мы попросили его исполнить эту песню, а в перерыве подошли поговорить о нелегкой судьбе Н.Н. Трубятчинского. Впрочем, нелегкая судьба и у многих лучших наших соотечественников. Да и у нас самих, оказавшихся на крутом переломе истории, она тоже непростая. Кстати, Александр Городницкий имеет прямое отношение к нашему отделению геофизики: он в свое время защищал здесь диссертацию, а на банкете в честь 60-летия нашей кафедры, в конце мая 2004 года в ресторане гостиницы «Рэдисон-Славянская», мы были свидетелями и участниками прекрасного вечера, подпевая знаменитому барду.

Однако в тот февральский день 1976 года ничего этого еще не было. Перед нами в кабинете Виктора Фомича сидел бодрый и жизнерадостный Николай Николаевич и интересовался нашими планами. Обещал посодействовать и взять на одно из судов, а пока велел оформлять медицинские книжки моряка и проходить медкомиссию. До осуществления мечты было рукой подать.

Время пролетело быстро, и вскоре после летней учебной геофизической практики в Крыму мы втроем: Саша Череповский, Миша Лежнев и я – оказались в Мурманске. Знал бы я тогда, что через несколько лет вернусь в этот город и проживу здесь лучшие годы своей жизни, что тут вырастут мои дети.

Поначалу никакого моря не было. Мы поселились в общежитии на Свердлова, а работали в ГМЛ (Геофизическая мастерская-лаборатория), располагавшейся в последнем здании в городе, справа при выезде в Североморск, где к тому времени был и вычислительный центр КМАГЭ с отечественной ЭВМ – «Минск-32». Руководил нами бывший выпускник нашей кафедры Сергей Чуранов. Во дворе разделывали многожильный кабель, постепенно разматывая его с огромной бобины. По замыслу главного инженера КМАГЭ Яковлева, должна была получиться сейсмическая коса для работы в транзитном мелководье с обычными сухопутными вертикальными сейсмопремниками, устанавливаемыми в специальный герметичный контейнер с карданным подвесом. Так, чтобы он мог принимать в любом случае вертикальное положение. Это принципиально отличало

данную конструкцию от использовавшихся повсеместно в морских сейсмических косах пьезоприемников давления. На мелководье в неоптимальных условиях сигнал при этом регистрировался слабый, и была надежда, что такой вариант будет лучше. Однако, как я потом интересовался, работу над этой косой так и не завершили.

Недели через три удалось при первой подвернувшейся возможности, на которую я сразу же согласился, пойти в море на небольшом судне «Смелый» – бывшем китобойном траулере водоизмещением 800 тонн. Он должен был использоваться в качестве судна-источника при работах КМПВ в Баренцевом море в паре с другим судном-приемником. Ребята остались пока на берегу, ожидая лучшего варианта морских работ.

Комфорта на «китобое» никакого не было; обстановка близка к. спартанской. Мне кто-то из команды сказал: «Иди в кормовой кубрик, там тебе покажут место». Спустившись в тесное трюмное помещение кубрика, я в слабом свете прикрепленной к потолку лампы разглядел шесть коек, расположенных тремя парами одна над другой, а посередине был маленький, прикрепленный к полу «замызганный» стол. Никого не было, и какую койку занять, я не знал. Как выяснилось, один моторист стоял на вахте, а остальные по случаю отхода где-то на судне вливали в себя горячительное. Никого не дождавшись и оставив свои вещи в кубрике, я решил посмотреть на отход на палубе. Ведь я в первый раз выходил в настоящее море, не считая прогулочных черноморских теплоходиков.

Картина открывалась великолепная: в красном закатном солнце, освещавшем сопки по берегам, виднелись, как игрушечные, городские кварталы и множество похожих на пеликанов портовых кранов по берегам. Солнце только с виду казалось закатным: по времени была полночь, но в полярный день к этому времени оно лишь спускалось к горизонту, но не пряталось за него. И над всем этим великолепием на самой высокой сопке возвышался величественный огромный памятник защитникам Советского Заполярья – мурманский Алеша, как его прозвали. Судно медленно скользило по глади Кольского залива. Кольский залив по виду похож на широкую полноводную реку, по берегам которой расположены многочисленные сопки, сложенные серыми архейскими гнейсами и гранито-гнейсами и поросшие тундровым разнотравьем да карликовыми березками. Собственно, со стороны суши залив и начинается в месте слияния двух рек, Колы и Туломы, и протягивается до выхода в открытое Баренцево море немногим более чем на 30 км. Суда в зависимости от погоды проходят залив за промежуток времени от четырех до восьми

часов, а в густые туманы могут вообще остановиться или «ползти» очень медленно. В этот раз погода была ясная, и мы шли довольно бойко. Благо, «Смелый» как бывший китобой мог без труда идти на скорости 20 узлов. Но в тесном заливе не разгонишься, а на сейсмическом профиле больше 4–5 узлов никогда не ходят, дабы не повышать уровень шумов при буксировке сейсмокосы, так что «Смелый» мог вспоминать о своих бывших скоростных погонях за китами лишь на длинных переходах. Налюбовавшись сопками, освещенными оранжевым «ночным» солнцем, я изрядно продрог на ветерке и решил все же спуститься в кубрик. Там по-прежнему никого не было. Делать было нечего, я занял первую попавшуюся койку, естественно, как потом оказалось, не ту, и задремал.

Проснулся я от какой-то крепкой ругани наверху. Было понятно, что судно стоит. Поднялся по трапу на палубу и увидел, что находимся в какой-то бухте, у небольшого причала, без какого-либо видимого поселения людей на берегу. Оказалось, что это пристань Порчниха, расположенная на побережье Баренцева моря примерно посередине между выходом из Кольского залива и поселком Териберка. Здесь зачастую суда КМАГЭ отстаивались во время шторма, смены экипажа, дозаправки пресной водой. На палубе стармех громко отчитывал вахтенного моториста. Оказалось, что в машинном отделении на полу полно солярки: примерно по щиколотку от пола. Стало понятно, что пьяными были не только свободные от вахты. Хорошо, еще никто не закурил там. Мы чудом не сгорели. Стало как-то не по себе. Видимо, к такой «морской романтике» я после третьего курса был еще слабо подготовлен.

Между тем, люди потихоньку трезвели, становились вполне вменяемыми нормальными мужиками и принимались за работу.

Запасы спиртного на борту кончились, и все пошло в обычном рабочем ритме. Правда, прежде чем окончательно закончить с возлияниями, один из мотористов поинтересовался, не одеколоном ли я освежаюсь после бритья. Когда я сказал, что кремом, он был здорово разочарован.

В этот же день были и приятные сюрпризы. Я увидел, как просто можно в этих краях ловить рыбу. Когда судно стоит на якоре или дрейфует, бросаешь за борт нехитрую рыболовную снасть: простой толстый крючок на крепкой леске безо всякой наживки и даже блесны – и начинаешь методично опускать и поднимать его резкими движениями руки. Улов обычно не заставлял себя долго ждать. Через минуту другую какая-то рыба с килограмм весом обязательно попадалась: пикша, треска или морской окунь. Тот же простой метод мы успешно применяли

несколько лет спустя и на Балтике. Тогда удалось вытащить очень большую треску, килограммов на пять. Не знаю, как обстоят дела с этим делом сейчас, спустя тридцать с лишним лет. Рискну предположить, что рыбные запасы оскудели, и так просто рыбку не вытащишь.

Второй приятный сюрприз состоял в том, что кормежка была довольно вкусной. Потом стоимость питания вычиталась из заработка, но это были разительно небольшие деньги. И еще оказалось, что на борту хорошая фильмотека и можно почти ежедневно в свободное от вахты время прямо в столовой смотреть кино. Потом в море, встречаясь с другими судами, обменивались фильмами, и хотя бы такая условная связь с цивилизацией была. Телевизор в открытом море не принимал. Можно было еще через радиста давать радиограммы родным, которые трансформировались для них в обычные телеграммы, приносимые почтальоном, и получать от них такие же. В общем, жизнь потихоньку налаживалась.

На следующий день приступили к работам по корреляционному методу преломленных волн (КМПВ) в паре с НИС (научно-исследовательское судно) «Север». Если мы, т. е. НИС «Смелый», были судном-источником, на борту которого должны были производиться «взрывы», то НИС «Север» должен был регистрировать эти сигналы, которые прошли через земные недра и несли информацию об их строении. Удаление одного судна от другого в процессе работ изменялось от нуля до примерно 40 км, что позволяло исследовать глубины до 6–8 км. Поскольку реальные взрывы на море уже к тому времени были запрещены (морская сейсморазведка, как и сухопутная, до 60-х годов XX века оперировала с настоящими взрывами зарядов), наше судно было оборудовано специальными мощными компрессорами, создававшими давление сжатого воздуха в магистралях до 150 атмосфер. С помощью специального пневмоисточника объемом 30 л, буксируемого на глубине от 5 до 20 м, создавались пневмоудары, производившие достаточный эффект для возбуждения сейсмического сигнала. При этом в отличие от взрывов никакого заметного отрицательного эффекта, опасного для жизни морских обитателей, не наступало.

В принципе весь штат специалистов, обеспечивающих работу пневмоисточника на судне, был укомплектован, и мне работы по большому счету не было. Тем не менее, я сделал необходимые в дальнейшем для моей курсовой записи и копии сигналов. В то же время оказалось, что на судне не хватает одного гидрографа, чтобы обеспечить нормальную трехсменную непрерывную работу. Старший гидрограф Александр Соколовский – довольно

колоритный солидный мужчина с большой бородой – предложил мне научиться этому делу с тем, чтобы затем самостоятельно «стоять» на капитанском мостике вахты: с 4 до 8 утра и с 16 до 20 часов. Он сам и второй гидрограф стояли вахты соответственно с 8 до 12 и с 12 до 16 часов. Вахта с 4 до 8 утра, как самая неудобная, называлась «собачьей». Процесс моего обучения занял один день. Надо было вести судно точно по профилю по так называемому предрасчету – предварительно рассчитанной на ЭВМ и распечатанной ленточке с относительными гиперболическими координатами, которые обеспечивались работой трех радиогеодезических станций, расположенных на Кольском полуострове и полуострове Канин. Необходимо было одновременно фиксировать фактическое местоположение судна на специальном планшете. При этом следовало постоянно отдавать команду рулевому «право руля», «лево руля». Несмотря на большое напряжение – четыре часа непрерывного внимания, – работа понравилась, поскольку мне, простому третьекурснику, был доверен один из самых ответственных участков на судне. При этом штурманы во время своих вахт фактически ничего не делали, т. к. их функции при работе на профиле выполняли мы. Точность обычной штурманской прокладки (1–2 км) никак не соответствовала требуемой погрешности в определении местоположения судна для сейсморазведочных работ (не более 10–15 м). Сейчас, конечно, все это обеспечивается соответствующими спутниковыми системами навигации, но тогда об этом речи не было.

При очередном заходе в Порчниху на «Смелый» прибыл недостающий гидрограф, а меня, к моему удовольствию, перевели на НИС «Север», Это было значительно более комфортабельное судно водоизмещением 2500 тонн, переоборудованное из бывшего БМРТ – большого морозильного рыболовного траулера. Здесь я поселился в двухместной каюте вместе с Владимиром – инженером из Ленинграда. Мы отвечали за сейсмическую косу, которая при данном специфическом виде работ должна была располагаться на дне, в отличие от традиционной морской сейсморазведки, когда коса буксируется за судном. Мы заполняли косу с пьезоприемниками соляркой так. чтобы обеспечить отрицательную плавучесть. За нами были также и все спуско-подъемные операции с косой.

На судне проходила практику еще одна студентка из Санкт-Петербурга, Лена Карасик. Все члены экипажа ходили за ней буквально по пятам и пытались привлечь ее внимание. Еще бы, молодая симпатичная девушка никого не оставляла равнодушным. Я, правда, не «выходил из тени», чувствуя себя на

судне «на птичьих правах» среди видавших виды «морских волков». С тех пор нигде ничего о ней не слышал. Но, как справедливо говорят: «Мир тесен», и мы случайно встретились с ней совсем недавно, спустя более чем 30 лет, на 50-летнем юбилее моего приятеля и однокурсника Толи Никишина, ныне зав. кафедрой на нашем факультете. Она замужем за успешным геологом Сергеем Драчевым, близким знакомым нашего Толи. Мы совершенно не узнали друг друга и лишь из беседы за столом поняли, что тогда, в августе 1976 года, были вместе на одном судне.

После НИС «Север» я возвратился в Мурманск, где вновь встретился со своими однокашниками Сашей и Мишей, вернувшимися из рейсов на других судах, и уже думал, что на этом моя морская часть практики заканчивается. Однако неожиданно оказалось, что все лучшее еще впереди. В порт пришло первое специализированное геофизическое судно, построенное в Финляндии – «Профессор Куренцов» (до сих пор все геофизические суда переоборудовались из траулеров, китобоев и т. п.). Оно было великолепно. Новенькие прекрасные каюты, спутниковая навигация, специальная лебедка для косы, гравиметрическая, магнитометрическая лаборатории, и сам весь беленький и чистенький. Настоящую финскую сауну тоже впервые увидели здесь, т. к. ничего подобного ни в Мурманске ни в Москве тогда еще не было. Попасть в самый первый рейс на это судно и идти на нем работать в фиордах Шпицбергена было настоящим везением. Нам бесспорно повезло. Тут, конечно, не обошлось без протекции отца Саши Череповского, Виктора Фомича, и Николая Николаевича Трубятчинского.

Мы все втроем оказались в этом рейсе: и Саша, и Миша, и я. Были и еще две студентки – Наташа Павленкова и Таня Калинина из МИНХ и ГП им. Губкина (сейчас Российский университет нефти и газа им. Губкина). Всем нам – пятерым студентам – уделялось повышенное внимание. Игорь Яковлевич Французов организовал для нас практические занятия по ознакомлению с геофизическим оснащением и возможностями судна. Сам при этом вместе с Виталием Журавлевым подробно рассказывал о новых гравиметрах и магнитометрах, имеющихся на борту. Кроме этого он очень любил вспоминать то время, когда работал помощником у Всеволода Владимировича Федынского. Слава Поляков, начальник сейсмического отряда, рассказал о задачах предстоящих работ и имеющихся технических средствах для их выполнения, а Марк Михайлович Драбкин, начальник гидрографического отряда, продемонстрировал фантастические по тем временам возможности навигационного и

гидрографического оборудования.

Итак, мы вышли в рейс на Шпицберген, где должны были в двух фиордах выполнить комплекс региональных геофизических исследований: сейсморазведку – методом отраженных волн (МОВ ЦЛ), гравиметрию и магниторазведку. Кроме того, по пути требовалось этим же комплексом отработать несколько региональных профилей в Баренцевом море.

До Шпицбергена было довольно далеко – не меньше 1500 км. Если на карте провести прямую линию от Москвы до этого архипелага, то Мурманск окажется где-то посередине.

Во время работ мы под руководством Сергея Чуранова и Вячеслава Полякова внимательно рассматривали получаемые сейсмические временные разрезы и на двух профилях обнаружили очень крупное структурное поднятие. Волею судьбы спустя двадцать с лишним лет после того рейса и вплоть до сегодняшнего времени эта структура, оказавшаяся впоследствии Штокмановским месторождением, о котором говорит теперь почти весь мир, определяет одно из основных направлений деятельности моей лаборатории. За разработанную нами технологию подготовки запасов, которую мы здесь применили в прошлом году, нашему коллективу присудили первую премию ГАЗПРОМа в области науки и техники за 2006 год.

Однако тогда мы этого еще ничего не знали. Уже после данного рейса в последующие годы на этом участке развернулись интенсивные морские разведочные работы, которые и привели к успеху.

…На полпути до Шпицбергена случился приличный шторм. Как сказали бывалые моряки, его сила составляла около девяти баллов. Спрятаться было негде: что до Мурманска, что до Баренцбурга (поселок на Шпицбергене) было не менее суток хода, В таких случаях, а они нередки в открытом море, экипажу ничего не остается, как «штормоваться». Это означает, что надо развернуться носом на волну, дать самый малый ход. чтобы удерживаться в таком положении и ни в коем случае не стать бортом к волне. И в этом состоянии оставалось только дожидаться, пока шторм стихнет. За пару часов до шторма капитан по судовой трансляции приказал закрепиться в каютах. Следовало все стулья, лампы личные вещи и предметы зафиксировать специальными креплениями или убрать в шкафы. Я как-то сразу не придал этому очень сильного значения, но, когда при маневре судна качнуло так, что я вместе со стулом пролетел от стола до двери каюты и врезался в него, пришлось все соблюсти. Качка разыгралась не на шутку. Все же «Куренцов» не океанский лайнер, а сравнительно небольшое судно

водоизмещением 1700 тонн. Мои соседи по каюте, техники-гравиметристы Коля и Толя, были, что называется, в лежку. А у меня, как это ни странно, разыгрался аппетит. В назначенное время обеда в кают-компании не набралось и половины состава: большинство научного персонала плохо переносило такую болтанку. Поэтому можно было спокойно есть за двоих. Технически это было непросто. Чтобы тарелки с едой не летали от качки, на столах были постелены мокрые скатерти, а борщ, который был в этот раз на первое, в тарелку надо было наливать не более половины. Иначе при сильном крене содержимое выливалось бы на стол. К концу обеда даже эти меры перестали помогать. Пришлось его завершить в ускоренном темпе. Изрядно подкрепившись, попросился на капитанский мостик. Ну, я вам скажу, зрелище не для слабонервных. Судно шло навстречу волнам самым малым ходом. Оно медленно взбиралось на гребень волны, а потом стремительно проваливалось вниз, разбивая корпусом следующую набегающую волну. Вспененная от удара вода захлестывала палубы, и казалось, что и весь теплоход находится в этой сплошной бурлящей и шипящей пене. Всё лобовое стекло ходовой рубки при ударе о волну заливал огромный сноп крупных брызг. В этот момент нельзя было разобрать, где небо и где море: все было однородным. Конечно, люки и двери были задраены. И если бы кто оказался в это время на палубе, его легко могло бы смыть, несмотря на имеющиеся бортики и палубные сооружения. Страха не было, присутствовало какое-то любопытство: а что будет, если еще посильнее разыграется?

После того, как волнение уменьшилось до шести-семи баллов, «профессор Куренцов» снова взял курс на Баренцбург. Качка при этом даже увеличилась, став правда бортовой вместо килевой, поскольку встречная волна «била» преимущественно в левый борт.

Проснувшись на следующее утро и выйдя на палубу, мы увидели на горизонте покрытые снегом острые вершины заветного архипелага. Шпицберген в переводе с немецкого означает буквально «острые горы». Норвежцы называют его Свальбард, а русские поморы в стародавние времена величали его Грумант. Сейчас он находится под протекторатом Норвегии, но по специальному соглашению недра Шпицбергена доступны для разработки любому государству. Поскольку кроме каменного угля среднего качества там ничего пока не найдено, а уголь, добытый там и доставленный на Большую землю, становился по себестоимости почти золотым, то никто, кроме Советского Союза, не мог позволить себе тогда такой роскоши. А наша страна

держала тогда там своих людей и два убыточных рудника, на всякий случай, думая о стратегических интересах. В двух советских поселках Баренцбург и Пирамида проживали около 2000 человек – шахтеры и обслуживающий их персонал. Норвежцев на Шпицбергене было совсем мало – не более 200 на всех островах вместе. В основном, это сотрудники метеостанции, порта, консульства и немного обслуги.

Была середина сентября – почти самое теплое время: дневная температура воздуха около нуля. Небо было ясное, и на этом фоне вечно покрытые снегом острые белые вершины просто завораживали. Осознание того, что до макушки планеты – Северного полюса – совсем немного, захватывало дух и приятно волновало. Вот он – заветный Грумант! Говорят, кто хоть однажды побывал здесь, того постоянно будет тянуть сюда снова.

Глубоким вечером стали на рейде в Ис-фиорде. Полной темноты в это время еще не наступало, поскольку совсем недавно закончился полярный день, а до полярной ночи оставалось еще несколько недель. На небе уже были видны звезды и месяц, но высокие острые снежные вершины еще слабо светились в лучах недавнего заката. И вдруг среди этой идиллии на еще сумеречном звездном небе «зашуршала», переливаясь, зеленовато-розовая лента северного сияния. Создавалось ощущение нереальности происходящего, вечности бытия, бесконечности времени и пространства. Эта картинка до сих пор перед глазами. Незабываемое впечатление.,

На следующий день подошли к Баренцбургу – маленькому поселку, где жили и трудились наши шахтеры. Виз ни у кого из нас не было, поэтому права высадки на берег ни у кого, кроме как у капитана и начальника рейса, тоже не было. Швартоваться к пристани тоже нельзя, а можно лишь стоять на рейде. Однако наши все равно причалили, пока норвежцев в Баренцбурге не было. Несколько человек, которых делегировали, пошли на берег хотя бы прикупить на всех какие-то пустяковые сувениры и открытки по талонам объединения «Арктикуголь», которые использовались здесь вместо денег. Кто-то смог достать их в Мурманске. Пока наши люди были на берегу, поступила информация, что на подходе норвежский катер с кем-то из официальных представителей власти на борту. Пришлось в срочном порядке отшвартоваться и встать на рейд, оставив своих на берегу. Потом высылали за ними шлюпку.

Отработали несколько сейсмопрофилей в Ис-фиорде и Ван-мейен-фиорде. На одноканальных экспресс-выводах не было ничего видно, кроме полнократных отражений от «звенящего» дна. Для сейсморазведки того времени это была почти слепая

зона. Что-то можно было «вытянуть» потом при обработке на берегу, но это принципиально ситуации не меняло. В полном объеме провели набортные гравиметрические и геомагнитные измерения, которые также были не слишком информативны.

Во время работ оба берега фиорда были в зоне видимости. Обнаженные в нижней части скалы, припорошенные снегом, выглядели довольно безжизненно. Однако один раз белый мишка прогуливался по берегу и с любопытством смотрел в нашу сторону. Крупная стая белух проплывала параллельным курсом невдалеке, периодически показывая из воды свои крупные белые спины. Кто нас никогда не покидал, так это чайки и альбатросы, постоянно сопровождавшие нас за кормой в ожидании пищи. Какой-то норвежец в ярком бушлате на быстрой лодке обогнул «Куренцов», помахав нам рукой. В остальное время – лишь торжество снега, скал и холодной синей воды, подбирающейся к самому основанию отвесных склонов. Как-то увидели остатки маленького одноэтажного строения на пустынном берегу у подножия скал. Говорили, что это домик Русанова – знаменитого русского полярника, не вернувшегося из последней экспедиции к Северной земле. Но кто знает, так ли это на самом деле.

Время пролетело быстро. Завершив программу работ, легли на обратный курс к Мурманску и пришли туда через двое суток. А через несколько дней вернулись в Москву, немного опоздав на занятия. Получилась великолепная практика, превзошедшая все наши ожидания. Кроме большого количества новых впечатлений, приобретенных знаний и навыков, удалось очень неплохо по тем временам заработать даже на должностях рабочих 3-го разряда, которые мы занимали. Дело в том, что при пересечении 72 градуса северной широты районный коэффициент становился максимальным и равнялся двум. Кроме этого был еще ряд доплат и, прежде всего, так называемые «морские» – аналог «полевых» на суше. В результате я смог купить себе новый хороший фотоаппарат и кинокамеру и неплохо приодеться.

Как ни разнообразна была эта практика, все же проходила она преимущественно в цивилизованных условиях, даже когда мы были в море.

Настоящую практику выживания вне цивилизации мы приобрели только на следующий год.

* * *

Когда наступило время определяться с преддипломной практикой, вопрос о месте ее проведения для нас уже не стоял –

настолько здорово оказалось в КМАГЭ в Мурманске в предыдущий год. Пришлось опять попросить Николая Николаевича Трубятчинского через Виктора Фомича Череповского, чтобы нас взяли. Миша Лежнев решил стать электроразведчиком, и делать в КМАГЭ ему по этой специализации было особенно нечего. Он поехал в Якутию. В результате мы с Сашей Череповским отправились в Мурманск вдвоем. Прибыв туда в начале июня, мы удивились, что, оказывается, в это время здесь еще может идти снег. В предыдущий год, находясь здесь с июля по сентябрь, мы застали первых «снежных мух» лишь в самом конце своего пребывания.

В этот раз программа нашей практики выстраивалась совсем по-друг-ому, и мы были готовы к любой тяжелой работе в трудных условиях. Нам сполна ее и обещали, готовясь забросить в устье Печоры для подготовки работ на мелководье в транзитной зоне «суша-море», где обычные морские суда с осадкой пять метров пройти не могут, а сухопутная сейсморазведка исключена. Это сейчас, с помощью современных телеметрических систем, данные работы достаточно технологичны, а тогда это был лишь первый опыт без всякой телеметрии.

Нас «погрузили» в самолет ИЛ-14, Именно погрузили, потому что самолет был грузовым, в салоне не имелось кресел. Вместе с нами на правах таких же пассажиров, как и мы, летели 12 бочек бензина для нашей будущей полевой базы. Их расставили по левому борту и лишь слегка прихватили тонкой бечевкой. Сесть было не на что, кроме как на свои рюкзаки, Тяжело взлетев и натужно ревя двигателями так, что разговаривать было невозможно, самолет взял курс сначала на Архангельск, У меня уже была кинокамера, купленная на шпицбергенские заработки, и я пытался снять виды за бортом. По белоснежным сопкам стало понятно, что в июне на Кольском не всегда еще наступает весна. Минут через десять после набора высоты стало совсем холодно, ведь в грузовом самолете салон негерметичен. Красивые пейзажи за иллюминатором волновать перестали, потому что от холода зуб на зуб не попадал. Тут еще началась приличная болтанка, и мы стали опасливо поглядывать на перехваченные легкой бечевкой бочки с бензином, которые слегка ожили и покачивались в такт раскачивающемуся в облаках самолету. Когда началось снижение и стало понемногу теплеть, мы облегченно вздохнули. В Архангельске во время короткой дозаправки мы пытались согреться, купив в аэропортовском буфете по два стакана чуть теплого чая, но это не сильно помогло.

– Ну что, студенты, замерзли? – спросил второй пилот.

– Да уж, нежарко тут у вас.

– Ладно, если серьезной болтанки по трассе не будет, полетим пониже, чтоб вас совсем не заморозить.

И действительно, остаток пути до Нарьян-мара был полегче.

Нарьян-мар встретил солнечной погодой. Самолет мягко приземлился и после рулежки встал на отдаленную стоянку. Мы вышли на край полосы, с любопытством оглядывая местную растительность: нереальное сочетание карликовых берез, к которым уже привыкли по Кольской тундре, и небольших песчаных дюн, похожих на маленькие барханы.

Прошел час, но никто не спешил к нашему самолету. Это показалось странным. Наконец приехал небольшой грузовик с водителем, трезвость которого была явно под сомнением.

Вышел бортинженер из кабины самолета и произнес: «Ну что, пацаны, быстро катаем бочки на машину. Больше к вам на подмогу ваше начальство никого не прислало, а нам надо лететь обратно. И так задержались».

Пришлось нам вдвоем справляться с этим делом. Водитель выдал нам две доски, по которым следовало из самолета на борт автомобиля скатывать бочки, а сам курил в сторонке. Получалось это у нас явно не здорово, и в конце концов он стал нами командовать и давать советы, а потом, матерясь, залез и сам. После того как с большим трудом данная операция была завершена, грузовик подвез нас к какому-то сараю у здания аэропорта, мы сбросили бочки с бензином прямо на песок, где они потом валялись несколько дней. Здание аэропорта выглядело очень странно. Это был маленький дощатый домик с одной дверью и деревянным крыльцом. Ничего похожего на зал ожидания там не было. «Вам туда», – произнес шофер, махнув рукой в сторону сарая неподалеку, а сам сел в кабину и уехал.

Мы поплелись к этому сараю, совсем не воодушевленные столь радостным приемом и ожидая дальнейших неприятностей. И не ошиблись. Войдя в раскрытую дверь сарая, мы обнаружили, что на расставленных кроватях вповалку лежит с десяток человек в верхней одежде и обуви, никак не отреагировавших на наше появление. Стоял стойкий запах пота, алкоголя и табака. Свободных мест не было. Лишь на одной из кроватей были свалены в кучу несколько рюкзаков и спальников. Присмотревшись, я узнал в одном из спящих бородачей пневматика Пашу Балабанова, с которым вместе был в рейсе на китобое «Смелый» в предшествующий год. Я попробовал растормошить его, и это удалось.

– А? Что? Чего надо? – пробубнил он, протирая опухшие от пьянства и похмельного сна глаза.

– Паша, ты не узнаешь меня? Вспомни «Смелый» в прошлом году.

– А… Студент. Водка есть?

Мы с Шуриком, хоть и были еще почти зелеными пацанами, но запасли по бутылке на дорогу. Одну из них тут же достали. Воодушевленный Паша открыл ее, согнал мух с немытых алюминиевых кружек на тумбочке, на которой еще были грязные консервные банки и засиженные мухами нарезанные куски хлеба, плеснул каждому по глотку и произнес: «За встречу». На стук алюминиевых кружек стали просыпаться другие обитатели сарая. Бутылку тут же распили, потом у кого-то нашлось еще две бутылки питьевого спирта. Короче, спустя час все опять продолжили прерванный похмельный сон, благо, что наступило ночное время, хотя солнце в полярный день и не думало скрываться за горизонтом. Мы освободили от рюкзаков кровать и, сидя в полудреме, в весьма непривычных, мягко говоря, условиях дождались утреннего рейса из Архангельска, которым прилетел начальник мелководной партии Сергей Алехин, после чего началось какое-то движение.

За нами подошел скрипучий и дребезжащий старенький ПАЗик, на котором мы поехали в Нарьян-мар, причем, как оказалось, пока лишь к месту следующего ночлега. Вспомнились слова популярной тогда песни:

Нарьян-мар мой, Нарьян-мар,
Городок не велик и не мал,
У Печоры у реки,
Где живут оленеводы
И рыбачат рыбаки.

Судя по этим словам, ожидали увидеть что-то похожее на Мурманск или Архангельск, просто в несколько раз поменьше. Сейчас, говорят, город стал получше, а тогда увиденное повергло в шок. По единственной асфальтированной (весьма условно) улице Смидовича бегали облезлые собаки и стояли невысыхающие лужи. Весь жилой фонд города, представлявший собой сгнившие деревянные бараки, находился в аварийном состоянии. Единственным небольшим кирпичным зданием в городе был горком партии, а из деревянных построек самым интересным было здание почты со шпилем. Здесь у почты в первый же день нашего пребывания произошла неожиданная встреча с нашим однокашником Женей Фельдбаргом, который вдвоем с нашим же одногруппником Костей Китом оказался тут на практике от другой организации – на магнитной вариационной станции в заброшенной деревне неподалеку. Как потом

оказалось, в той же деревне Никитцы в устье Печоры, куда направлялись и мы.

Переночевали мы (если это можно назвать ночевкой) на борту бывшего десантного судна с откидной аппарелью, предназначенного в свое время для перевозки танков и БТР, а сейчас примитивно переоборудованного под мелководные работы. Ночевка в тесном кубрике на шесть человек превратилась опять в пьяную оргию бывалых мореманов, на которой мы должны были присутствовать в качестве благодарных слушателей былей и небылиц об их приключениях преимущественно на сексуальном фронте.

На следующий день мы все же оказались на временной базе мелководной сейсморазведочной партии в устье Печоры в 12 км ниже Нарьян-мара по течению. Каково же было наше удивление, когда геофизиков-дипломников нашего курса оказалось здесь – в забытой богом и заброшенной людьми деревне Никитцы – шесть человек: Костя Кит, Женя Фельдбарг, Леня Зимаков, Вася Попов, Саша Череповский и я. Причем прибыли мы сюда, не сговариваясь, различными путями и от различных организаций. Можно было бы усмотреть в этом какой-то высший смысл, но его не было. Тем не менее, такая невероятная случайность произошла.

Выбрали понравившуюся нам избу, привели ее в порядок, расставили раскладушки, натянули пологи от комаров и стали обживаться.

Была середина июня, и по ночам, несмотря на незаходящее солнце, было еще прохладно. Заготавливали дрова и топили печь в избе, причем не столько для тепла, сколько для борьбы с комарами, которых здесь в болотистом устье Печоры с ее многочисленными рукавами и протоками было великое множество. Не спасали ни накомарники, ни диметилфталат, выданный начальником отряда Дьяченко для смазывания открытых частей тела. Немного помогала купленное еще в Мурманске средство «Дэта», которое отпугивало комаров хотя бы на час. Когда мы, растопив печь, умышленно закрывали заслонку, наполняя избу угарным газом, выходя при этом на улицу, то после двух-трех часов такой обработки из избы выметали два почти полных ведра погибших комаров.

Поскольку жили мы в «автономе» от цивилизации, важна была хоть малейшая связь с ней посредством лодки с подвесным мотором, на которой можно было ловить рыбу и достичь обитаемой еще деревни в шести километрах ниже по течению, куда два раза в неделю привозили хлеб. И вот однажды этот мотор вышел из строя. Механик Гарнольд Сергеевич Лукьянов,

взявший над нами шефство и реально давший нам потом несколько уроков выживания в тундре, начал его чинить, сняв крышку кожуха. После очередной попытки запустить двигатель маховик мотора слетел и упал в воду. Это было похоже на катастрофу. Бесспорно, надо было пытаться его достать. Бросили жребий, и лезть в воду с температурой не больше 8-10 градусов выпало мне. День между тем был довольно теплый и безветренный с температурой воздуха выше 20 градусов, в результате чего «вылет» комаров был просто грандиозным. Я разделся, надел маску с трубкой и стал пытаться погрузиться в эту почти ледяную воду, что требовало серьезных усилий над собой. Тут же на мое оголенное тело набросились тысячи комаров. Никогда не забуду этого жуткого ощущения: сверху меня жалило полчище комаров, а снизу была ледяная вода, Для спасения от них требовалось нырнуть в эту ледяную воду, что я и сделал. После первого же моего заплыва взмученный ил не дал возможности разглядеть маховик в этой воде. Однако после трех-четырех заходов удалось на ощупь его обнаружить и в конце концов починить лодочный мотор хотя бы по временной схеме. После этой бодрящей водной процедуры меня как следует растерли и принудили выпить стакан разведенного спирта «через не могу». Это помогло, и обошлось без простуды. Ребята засняли самые интересные фрагменты моего погружения на любительскую кинокамеру, которую я купил в предыдущий год на заработанные «шпицбергенские» деньги. Благодаря этому некоторые кадры 30-летней давности сохранились.

Мылись мы в деревенской бане «по-черному», которую разыскали возле одной избы. «По-черному» означает то, что пламя с примитивной вытяжкой через крышу находится тут же, в помещении парилки, являющейся одновременно и помывочной. При неправильной эксплуатации можно было вместо того, чтобы попариться и помыться, оказаться самому в копоти и саже. Однако мы приспособились, и этого удалось избежать. Но не удалось избежать другого. Протапливая однажды баню, мы не заметили, как занялся дымом, а потом и пламенем старенький истлевший рубероид на ее крыше. Схватили тут же огнетушитель, пытаясь затушить пламя, но проку от него было мало. Гораздо эффективнее оказалась организованная цепочка из нас самих, передававших друг другу по эстафете ведра с водой от ближайшей лужи. Крышу затушить удалось, но зияющая в ней кое-как заделанная нами дыра явно снизила эффективность использования баньки.

Главной задачей нашего предполагаемого десятидневного проживания здесь была подготовка сейсмической косы для

мелководья к приходу судна «Аквамарин», который должен был затем проводить неподалеку в Печорской губе сейсморазведку в старт-стопном режиме. Работали мы под руководством опытного «косаря» Степана Прокофьевича, который выполнял все квалифицированные операции с паяльником, в то время как мы подтаскивали на колесных тачках 100-метровые секции косы, помогали заправлять готовые приборные секции в шланги, затягивали и ремонтировали соединительные муфты и т. д. и отвозили готовые секции под навес на берегу. Кроме нас здесь же, на берегу, в другой избе, жил начальник мелководной партии Сергей Алехин, а также женщины-интерпретаторы Светлана Скобельская и Татьяна Попова, которые потом уехали.

Прошли запланированные десять дней, потом еще неделя, а «Аквамарин» так и не пришел. Запасы продуктов, рассчитанные на 10–15 дней, иссякли. Мы делили одну банку тушенки в день и полкило риса на десятерых. Поступила информация, что «Аквамарин» задержится еще на пару недель. Надо было что-то предпринимать, имея ввиду, что в заброшенной деревне, кроме нас, никого не было.

Тут-то и понадобилось организующее начало и опыт заядлого охотника и рыболова – старшего инженера Гарнольда Лукьянова, на попечение которого мы фактически и остались – несколько неопытных студентов. Во-первых, слава богу, наступил пик короткого северного лета и начался грибной сезон, а во-вторых – охота и рыбалка. Грибов разных видов, особенно подберезовиков и подосиновиков росло столько, что их не надо было специально искать: вышел за калитку метров на сто и набрал тут же сколько надо, будто на своей грядке. Гарнольд научил нас не только варить и жарить их по-особенному, но также правильно сушить и мариновать, В результате в тот сезон я съел столько грибов, что потом несколько лет не мог на них смотреть. Охота не принесла сколько-нибудь заметного разнообразия в рацион. Кроме мелкой птицы неизвестных названий с подозрительными вкусовыми качествами ничего не было. Зато рыбалка была на славу. На моторном ботике мы уходили в многочисленные малые протоки, на которые разбивалась Печора в своем устье, и там, в тихих заводях, ловили рыбу в огромных количествах на простую удочку. Тут же на берегу в котелке варили тройную уху. Тройная означает то, что в одном и том же бульоне варится три партии рыбы. Сначала отбирается самая мелкая, тщательно отваривается и выбрасывается, если нет поблизости кошки или собаки, которым можно ее скормить. Затем в том же бульоне варится еще одна партия рыбы чуть покрупнее, которую ждет та же участь быть выброшенной. И, наконец, в последнюю очередь отбираются для

варки крупные куски наиболее ценных пойманных рыб, уже оставляемые в ухе, которую мы затем с удовольствием уплетаем.

Поскольку съесть такое количество рыбы быстро невозможно, то после рыбалки следовало значительную часть улова переработать и заготовить впрок, поскольку никаких холодильников при отсутствии электричества не имелось. У нас, конечно, был маленький дизельный «движок», обеспечивающий один киловатт мощности, но запускали мы его только в случае крайней необходимости, когда это требовалось для работы, В тех условиях полярной тундры, в которой мы находились, у нас осталось два способа, которым нас также обучил Гарнольд Лукьянов, – вяление и копчение.

В первом случае после предварительной непродолжительной засолки надо было вывесить рыбу в хорошо проветриваемое сухое место, чтобы она быстро высохла до состояния привычной нам воблы. Главная трудность тут была в том, чтобы не позволить назойливым мухам отложить яйца, что привело бы к появлению в рыбе личинок мух и быстрой ее порче. Вторым доступным способом было копчение, которое, как и в первом случае, начиналось с предварительной непродолжительной засолки. В земле вырывали неглубокую канаву длиной метра два и перекрывали ее сверху досками или кусками фанеры, присыпая затем землей. С одной стороны образовавшегося горизонтального дымохода разводили костер, а с другой ставили бочку без дна. Нанизанную на веревках рыбу на горизонтальных деревянных жердочках опускали в бочку и накрывали все это обычным мешком. Через пару часов рыба горячего копчения была готова. Особенно вкусным и сочным получался обычный речной окунь, который в здешних местах был чаще всего весьма крупным. Ничего более вкусного в магазине не купишь даже и сейчас. Щуки и сороги явно уступали ему по вкусовым качествам. Для того, чтобы получать рыбу холодного копчения, надо было удлинить дымоход, понизить температуру и поддерживать костер в тлеющем состоянии более суток. Соблюсти такую технологию в тундровых условиях было невозможно.

Так мы прожили еще пару недель. Что и говорить, многим полезным в жизни хитростям мы научились за этот месяц жизни на Печоре.

Долго ли, коротко ли, но пришел наконец «Аквамарин» – маленькое суденышко, переоборудованное из бывшего водолазного бота водоизмещением не больше 200 тонн. А с ним и второе судно, чуть покрупнее – «Сазан», переоборудованный из бывшего СРТ – среднего рыболовного траулера. Нас распределили по судам: меня с Леней Зимаковым – на «Аквамарин», а Сашу

Череповского с Васей Поповым – на «Сазан». «Аквамарин» как судно, приспособленное для работы на мелководье с осадкой два метра, взяв нас на борт, остался работать неподалеку, в Печорском море, на Дресвянской структуре, а «Сазан» ушел подальше, в сторону Новой Земли, Недели через две мы тоже пошли в ту сторону, чтобы подзаправиться из его топливных танков, и где-то у полуострова Гусиная земля (южная часть Новой Земли) встретились борт к борту и вновь повидались с Васей и Сашей.

Из персонала на «Аквамарине» запомнились тогда старший оператор Слава Туманов, колоритный пневматик и матершинник Саня Мамченко и еще – спившийся бывший учитель английского языка Гена, с которым мы всегда были вдвоем на спуско-подъемных операциях с сейсмической косой. Ввиду недостатка места на судне жил я, расставляя на ночь раскладушку, в помещении лаборатории, где стояла сейсмостанция. Штормов особых не было, в отличие от предыдущего года. Напротив, в теплые денечки свободные от вахты члены экипажа собирались на верхней палубе, оголяясь до пояса по крайней мере в полдень, когда становилось совсем тепло. Но это продолжалось лишь несколько дней короткого полярного лета.

Работы в старт-стопном режиме с донной косой на мелководье сильно отличались от обычной морской сейсморазведки с плавающей косой, большое значение приобретало умение маневрировать скоростью судна с подматыванием и отпусканием сейсмической косы с помощью барабана лебедки во время движения. Производительность работ по километражу была в несколько раз ниже и в свою очередь стоимость одного километра профиля в несколько раз выше, чем при обычных работах. Мой полевой опыт морского сейсморазведчика продолжал быстро пополняться, К тому моменту вместе с предыдущей практикой я уже участвовал практически во всех известных видах сейсморазведочных работ: инженерной сейсмоакустике, КМПВ, МОВ ЦЛ, МОВ ОГТ, как на открытой воде, так и на мелководье, не говоря уже о набортных гравимагнитных измерениях. Не знаю, имел ли кто еще в силу складывающейся уже тогда специализации, столь разнообразный производственный опыт. Конечно, это все благодаря тому самому Николаю Николаевичу Трубятчинскому. И, видимо, уже тогда у меня закладывалась привычка в своих исследованиях захватывать как можно более широкий круг вопросов, чтобы лучше научиться понимать даже частную проблему и ее место в общей иерархии научных и практических ценностей. Увы, если работать слишком узко, как учит современный стиль образования, можно «за

деревьями не увидеть леса». Заметьте, все виды работ выполнялись полностью с использованием отечественного оборудования, а результаты по качеству ничуть не уступали тогда зарубежным аналогам. Сейчас, к сожалению, все аналогичные работы даже в российских компаниях делаются только на импортном оборудовании.

Вскоре мы с Леонидом вернулись в Мурманск, в то время как Вася с Сашей оставались в рейсе на «Сазане», Мы уже подумывали было о возвращении в Москву, как вдруг нам предложили пойти в двухнедельный рейс на «профессоре Куренцове». Да, на том самом, на котором в предыдущий год мы ходили на Шпицберген. Отказаться было невозможно, т. к. лучшего геофизического судна в Советском Союзе тогда еще не было. Судно стояло в той самой бухте Порчниха на Кольском побережье и добираться туда пришлось несколько часов по бездорожью, трясясь в кунге геофизического внедорожника ГАЗ-66. «Куренцов» немного изменился за год и встретил нас стоящим у причала со слегка «подбитой» скулой и поцарапанной от неудачной швартовки и замазанной суриком щекой. Что и говорить, наши мореходы особенно не церемонились с новой техникой. «Ничего, – говорили они, – то был граф Куренцов, а теперь это нормальная рабочая лошадка». Действительно, парадный лоск слетел, но теплоход был в полном порядке.

Предстояло отработать несколько региональных сейсмопрофилей в нейтральных водах – в зоне спорных экономических интересов СССР и Норвегии. В этом же рейсе в группе гравиметристов был Дима Корякин – студент нашего отделения геофизики, учившийся на курс младше нас. Здесь же на борту я впервые познакомился с Ринатом Мурзиным, который только что окончил геофизику Казанского университета и прибыл работать в КМАГЭ. Это был его первый рейс в качестве уже дипломированного молодого специалиста. Впоследствии, через много лет с подачи Н.Н. Трубятчинского он возглавит эту экспедицию, а потом, перебравшись в Москву, будет руководить одним из департаментов Министерства природных ресурсов.

Еще в этом же рейсе я впервые познакомился с Марком Леонидовичем Вербой, – наверное, лучшим знатоком геологии Баренцева моря на то время, да, пожалуй, и на теперешний момент тоже. Помню, он демонстрировал нам в кают-компании снятые ранее в различных экспедициях любительские фильмы на 16-миллимитровой кинопленке. Это было, как сейчас говорят, «круто», т. к. большинство кинолюбителей в тот период, в том числе и я, снимали на 8-миллиметровую пленку. Леня Зимаков слегка «поцапался» с Марком, скорее всего, из-за повышенного

внимания, которое тот проявлял к грудастой студентке-практикантке из Калининграда – Алле Сокол. Впрочем, с таким же успехом он мог повздорить с любым представителем мужского пола на борту, в том числе и со мной. На Аллочку глазели все и фамильярничали по мере возможности тоже.

Вообще-то, Леня любил всякие хохмы. Он, видать, скучал по своему другу Васе, оставшемуся на «Сазане», и потому хотя бы заочно пытался пообщаться с ним. На верхней палубе, под навесом за трубой, были привязаны накачанные воздухом резиновые кухтыли в брезентовой оболочке, которые использовались для подвязывания к концевому фалу сейсмокосы при буксировке. Они по форме напоминали головы. На одном из них Леня нарисовал улыбающуюся рожицу, написал на ней «Вася», после чего стал нещадно колошматить кулаками, поглядывая в объектив кинокамеры, которой я его снимал. Предполагалось, что потом в Москве мы это покажем Васе.

Еще на борту были так называемые «кондепы» – стабилизаторы глубины, поддерживающие сейсмокосу при буксировке в воде на заданном уровне. По форме они напоминали реактивные снаряды для «Катюши». Поскольку работы проводились в нейтральных водах ближе к побережью Норвегии, то практически ежедневно нас на очень низкой высоте облетал норвежский военный самолет, делая пару кругов над судном. Мальчишества в нас еще было хоть отбавляй, и мы с Леней решили подготовиться к очередной встрече с «НАТОвским агрессором». Перетащили на верхнюю палубу несколько «кондепов», привязали их к спинке вращающегося стула, который принесли туда же из верхней лаборатории. Когда появился патрульный самолет, мы уже были во всеоружии: острие наших «ракет» неумолимо следовало вслед за траекторией пролетающего самолета. Леня при этом взмахивал рукой, имитируя команду «огонь!». В этот раз вместо положенных обычных двух кругов самолет сделал все десять, пока мы не демонтировали нашу «пусковую установку». Конечно, мирового скандала не случилось, но уверен, что наши снимки изучали в норвежском штабе ВВС, привлекая своих экспертов-геофизиков и в очередной раз удивляясь выходкам этих русских. И мы были этим весьма довольны.

Вскоре практика закончилась. Действительно, кроме большого количества профессиональных знаний и навыков, удалось получить и первые уроки выживания в суровой северной природе. В Мурманске уже кружились в воздухе снежные «мухи». Мы вернулись в Москву в начале сентября и еще пару недель умудрились провести на Черноморском побережье, отогреваясь от

полярных холодов.

АСПИРАНТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Куратором нашей студенческой группы была Татьяна Ивановна Облогина, широко известная уже в те годы как ведущий ученый в сейсмике неоднородных сред. Многие поколения университетских сейсморазведчиков ее хорошо знают, и многим из них она дала путевку в жизнь. Ее первым дипломником был Алексей Всеволодович Николаев, ныне ведущий ученый России во многих направлениях сейсмических исследований, член-корреспондент РАН, а первой аспиранткой – Валентина Борисовна Пийп, ныне доктор наук, посвятившая всю жизнь работе на нашей кафедре.

Я, как комсорг группы, наверное, чаще всех других студентов находился в контакте с Татьяной Ивановной. И когда зашла речь о руководстве дипломной работой, само собой получилось так, что моим руководителем стала она. Поскольку по формальным признакам советского времени (общественная работа в качестве группкомсорга и «красный» диплом) я вполне устраивал партийные органы, меня из нашего выпуска 1978 года рекомендовали в очную аспирантуру. Предполагалось, что она и будет моим научным руководителем по кандидатской. В то время в отличие от сегодняшнего поступить в аспирантуру сразу после окончания вуза было очень престижно. Если ты не бьешь баклуши, и хоть немного варит твой котелок, то не существовало более быстрого и легкого пути получить ученую кандидатскую степень и тем самым обеспечить себе безбедное существование на всю жизнь. Наши признанные лидеры – Илья Цванкин и Саша Литвин, несмотря на блестящие показатели, не могли получить рекомендацию в очную аспирантуру «по пятому пункту». Увы, такое было тогда время. (Они, слава богу, и так безо всякой аспирантуры быстро и без проблем защитили свои кандидатские диссертации).

Итак, после защиты дипломных работ и сдачи госэкзамена по научному коммунизму мы отправились на двухмесячные военные сборы, о которых речь шла ранее. Вступительные экзамены назначены были на октябрь.

Так получилось, но меня никто не предупредил о том, что документы в аспирантуру надо сдать до 15 сентября. За это время я не только прошел военные сборы, но и успел 26 августа жениться, отдохнуть три недели с молодой женой Людмилой на Черноморском побережье в Хосте. Лишь 20 сентября приехал в Москву, и тут выяснилось, что со сдачей документов я опоздал. В отделе аспирантуры и на кафедре решили, что я просто

передумал. Говорят, такие случаи когда-то были. Поначалу я растерялся, т. к. никакого другого распределения у меня не было, и куда идти дальше не представлял. Однако после консультаций со знающими людьми выход нашелся. Я написал заявление на имя заместителя декана по научной работе А.А. Архипова о том, чтобы меня допустили к вступительным экзаменам, и все устроилось. Экзамены сдал без проблем, и новая жизнь началась.

Традиционно многие называют студенческие годы самыми счастливыми в своей жизни. Однако для меня три аспирантских года были многократно счастливее студенческих, и вспоминаю я о них с большой теплотой. Дело в том, что в наших студенческих группах преобладали москвичи, у которых сложились свои компании в школьные годы, и университет был для них лишь местом учебы. Да и в силу особой привилегированности москвичей в советское время многие из них были чересчур амбициозны и эгоистичны, в отличие от более открытых провинциалов.

Совершенно иная картина сложилась в нашем аспирантском коллективе, при том, что все мы были представителями различных кафедр и специальностей. Уж не знаю почему, но абсолютное большинство очных аспирантов нашего года оказались немосквичами, и всех нас поселили на первом году обучения в обычных квартирах в новом московском районе Ясенево по два человека в комнате, т. к. общежития главного здания МГУ готовили к Олимпиаде-80. Мы все очень крепко сдружились с первых дней нашей учебы и во многом сохраняем близкие дружеские отношения до сих пор. Мой близкий друг Сережа Бухарин любит вспоминать, что, когда он, приехавший из Риги, робко переступил порог Ясеневской квартиры, спрашивая, туда ли он попал, я встретил его как родного, хотя виделись с ним до этого лишь однажды мимолетом на вступительном экзамене по немецкому языку. На первых порах я жил в одной комнате с Ильгизом Усмановым. Костяк компании насчитывал семь-восемь человек: вышеупомянутые Сергей, Ильгиз и я, еще Сосо Гудушаури, Толя Никишин, Витя Лычаков, Шейшен Усупаев, а также время от времени примыкающие к нашей тесной компании Сергей Тагильцев, Юра Коновалов, Саша Калинин, потом иногда аспиранты других выпусков Саша Афанасенков, Нурдин Яндарбиев и многие другие. Притягательная сила нашей компании была настолько велика, что вокруг нас собиралось и много иностранных аспирантов: вьетнамец Чан Дык Тьинь, афганец Наджиб, мексиканец Космэ и особо колоритная личность – представитель иракского Курдистана Сахиб, женатый на москвичке и постоянно скрывающийся от контактов со своей

тещей в нашем коллективе. Словом, вместе с нашими родными советскими грузинами, татарами и киргизами получался настоящий «интернационал». Самое интересное, что всем друг с другом было настолько хорошо и комфортно, что ни национальные, ни религиозные различия ни разу за три года не омрачили нашу дружбу. Никто об этом даже не задумывался.

Однажды в нашу компанию нечаянно попал даже гражданин США Брюс Уайт, что абсолютно неслыханно для того времени. Визиты американцев в СССР были единичными и должны были жестко контролироваться спецслужбами, равно как и их контакты с гражданами СССР. Брюс был, видимо, советологом в каком-то органе в США по вопросам геологии и полезных ископаемых и приехал на стажировку в ведущий вуз нашей страны, чтобы на месте изучить ситуацию. Говорил он по-русски неважно, зато неплохо знал французский и немецкий. А поскольку наша компания подобралась так, что кандидатские экзамены по иностранному языку каждый из нас сдавал на каком-то из этих трех: английском, немецком, французском, – то общаться в нашей компании ему не составляло труда. «Надо же, – воскликнул он, пытаясь однажды понять замысловатый киргизский тост Шейшена с нашей помощью, – Нигде в мире раньше я не использовал все мои языки одновременно».

Брюсу по условиям пребывания в СССР нашими органами запрещено было отлучаться из Москвы. А что было ему делать, если прекрасным жарким июльским днем мы собрались на пикник с ночевками во Владимирскую область, в заповедную Мещеру? Здесь, на базе экспедиции Нечерноземья МГУ, жили с семьями и трудились наши выпускники. По приглашению Сергея Каменева мы и ехали к нему в гости по классическому «литературному» маршруту «Москва – Петушки». Ну, не бросим же мы Брюса в жаркой Москве! Мы решили «прикрыть» его в течение двух с лишним часов езды в переполненной пригородной электричке. Что бы ни говорили сейчас гоняющиеся за дешевой популярностью политики и журналисты, время «диссидентства» было довольно демократичным, особенно в сравнении с нынешними двойными стандартами демократии в мире. Никому из нас и в голову не приходило, что надо бояться всемогущественного КГБ. Все разговоры и современные публикации являются явным преувеличением, по крайней мере, для начала 80-х. Так или иначе, нам удалось без труда «прикрыть Брюса от слежки» и благополучно довезти его до места «возлияния» на берегу замечательного озера, где он точно не мог увидеть секретных оборонных объектов. Напротив, после своего пребывания в России он, напичканный до этого в своей Америке

антисоветскими идеологическими штампами, как и мы антизападными, совершенно очевидно изрядно переместился влево в своих политических воззрениях, в чем искренне признавался после нескольких тостов. Нам оставалось этому верить, имея ввиду известную поговорку: «Что у пьяного на языке, то у трезвого в голове». Уезжая, Брюс, растрогавшись, одарил всех подарками на память.

Весь наш тогдашний и нынешний, уже весьма богатый опыт общения с зарубежными гражданами различных национальностей и вероисповеданий доказывает, что простые люди всегда договорятся между собой по самым сложным вопросам, если им не мешают бездарные политики. Главное объяснение этому феномену в том, что таким людям присущи обычные человеческие ценности, а не жажда власти или стяжательства.

С периодом нашего обучения в аспирантуре, с конца 1978 и до конца 1981 года, у меня связаны только самые светлые и приятные воспоминания. Причем их было так много, что перечислять все это бессмысленно. Чего стоит пример дружбы нашего «грузинского князя» Сосо со своим однокашником Колей Мочаловым. Однажды Коля прилетел с Сахалина в позднее время и прибыл в наше аспирантское общежитие навестить Сосо, когда многие из нас уже спали. Тут же все были подняты и собрались в комнате у Сосо. Коля привез очень много вкусной и свежей сахалинской икры двух видов, которую разложили в две огромных кастрюли. Бутылочку-то мы нашли, а вот хлеба найти не удалось: магазины ночью были закрыты, а будить весь этаж с вопросом «нет ли хлеба?» не стали. На всю жизнь запомнилось ощущение, когда маленький глоток водки закусываешь большими столовыми ложками икры. Но больше запомнилось даже не это (похожее ощущение я еще раз в жизни испытал в круизе по Амуру десять лет спустя), Сосо и Коля вспомнили тогда, что после выпускного банкета по окончании МГУ они как-то в суматохе не успели пожелать друг другу хорошей дороги. Сосо улетел к себе в Грузию, приехал в родительский дом, отгулял свое окончание МГУ со всей родней и проспал много часов напролет. Проснулся он, когда солнце было уже высоко, от какого-то ощущения нереальности происходящего. Ему показалось, что он во дворе слышит голос своего друга Коли. Подумалось вначале, что это продолжение сна. Пришлось встать и выглянуть во двор, чтобы воочию убедиться, что это именно Коля беседует с его родителями. Обнявшись, Сосо произнес:

– Коля, ты как добрался?

– Очень просто, самолетом и автобусом. Адрес же я знал.

– А что случилось, почему не предупредил? Я бы тебя

встретил.

– А случилось то, Сосо, что ты уехал, и мы не успели попрощаться.

И друзья провели вместе еще несколько прекрасных дней. Все это произошло за два года до того, как мы узнали нашего настоящего геолога и философа Сосо, который поступал в аспирантуру, уже имея за плечами двухлетний опыт работы.

Запомнилась его великолепная свадьба с прекрасной грузинской девушкой Мариной в одном из московских ресторанов. На свадьбе мы отведали хорошего грузинского вина, привезенного его родственниками, которого невозможно было и тогда купить е московских магазинах. Помню Сергей Тагильцев, строго следовавший своей собственной версии системы йогов в полностью безалкогольном варианте, так раскраснелся от атмосферы веселья, царившей на свадьбе, что казалось, будто он перещеголял всех нас, вместе взятых, осушая до дна бокал после каждого произнесенного кем-либо тоста. Это было действительно так, но в его бокалах были только сок или вода. Вот что значит степень самовнушения, которой он смог достичь.

Трудно найти на Земле народ прекраснее, добрее и гостеприимнее, нежели грузинский. Столетиями русские и грузины жили как братья, К сожалению, многие современные политики своими сознательными или неуклюжими действиями готовы пожертвовать этой дружбой в угоду личным амбициям. Это настоящее преступление перед десятками наших предшествующих поколений с обеих сторон. Дай бог, чтобы мудрость народная не дала свершиться этой непоправимой ошибке.

* * *

Первый год нашего совместного жития в Ясенево привел к организации своеобразного колхоза. Мы взялись по очереди готовить пищу на всю нашу команду, установив своеобразный график. Речь шла о плотном ужине и легком завтраке, поскольку обедали все в разных местах, там, где застанет их голод в течение рабочего дня, если обедали вообще. На первых порах идея всем понравилась. Какое-то время мы даже под тренерским руководством Вити Лычакова начали изучать каратэ, проводя перед ужином тренировки, после которых с аппетитом сметали все, что было на столе. Однако колхоз был возможен при строгом соблюдении дисциплины дежурными. Но то ли увлеченность работой и плотный график у некоторых, то ли простая

неорганизованность зачастую приводили к тому, что дежурный появлялся с продуктами к позднему вечеру, когда остальные уже были страшно голодными. Поскольку у меня уже намечались проблемы с системой пищеварения, и такие задержки были явно не на пользу, да и довольно острый или жирный рацион уже не вполне устраивал мой желудок, пришлось мне объявить о выходе из колхоза. Он тут же и развалился, как будто все этого только и ждали. На самом деле слишком разный рабочий режим был у каждого из нас, на который еще накладывались личные контакты с другими людьми в вечернее время, нередкие отъезды и т. д. Но Сережа Бухарин любил повторять: «Петрович, это ты развалил колхоз». На самом деле ничего страшного и не произошло, ужинали более мелкими группами из тех, кто был в наличии, С переездом в главное здание старались успеть поужинать в столовой, а чаи по вечерам все равно «гоняли» вместе.

С Сергеем Бухариным мы были особенно близки, Я неоднократно останавливался в Риге у его родителей, когда ездил туда во ВНИИМОРГЕО по делам аспирантуры и моей диссертации. Застал тогда еще во здравии его бабушку – Марию Васильевну – старейшего геолога довоенной закалки и очень эрудированного и интересного человека. А его отец, настоящий генерал, Николай Сергеевич, служивший в горячих точках, находясь проездом в Москве, всегда нас навещал, принося с собой несколько бутылочек «Столичной» в качестве угощения. Мы в таких случаях обычно собирались в полном составе и с нехитрой закуской, собранной на скорую руку, общались в тесном дружеском коллективе. Нас довольно быстро «забирало» от весьма скромных доз, в то время как высокий и статный генерал, выпивая вдвое больше нашего и только слегка раскрасневшись после этого, всегда уходил от нас твердой уверенной походкой, и казалось, он может перейти и на четкий строевой шаг, если это потребуется.

Мои приезды в Ригу были связаны с возникшими контактами с Юрием Алексеевичем Бяковым, с которым я до этого состоял в переписке и к которому намеревался приехать работать после 5-го курса, если бы не возникшая возможность очной аспирантуры при своей же кафедре, Юрий Алексеевич продолжал шефствовать надо мной и по сути был моим вторым научным руководителем, обеспечивая возможность получения необходимых экспериментальных материалов, которых на кафедре в Москве было попросту негде взять, Я ему до сих пор очень благодарен. Он помогал мне установить контакты со своими сотрудниками. Тогда же в Риге я встретился и с Колей Ивановым, который объяснял мне прообраз нынешней трехмерной сейсморазведки –

систему широкого профиля на примере выполненных экспериментальных работ в Куршском заливе. Потом я с ним пересекался в Мурманске, Мытищах и совсем неожиданно – во Вьетнаме и Венесуэле.

Вместе с Сергеем Бухариным мы каждое лето отправлялись на учебную крымскую практику по сейсморазведке, но уже в качестве преподавателей. Нашим штатным наставником от кафедры был Валерий Гайнанов. За мной был закреплен автомобиль с сейсмостанцией СМОВ-24, на которой мы регистрировали отраженные волны от неглубоких границ. При этом все было «по-взрослому», включая настоящие взрывы в неглубоких скважинах, которые делали для нас специалисты предприятия «Крымвзрывпром». Применяли также и невзрывные источники типа ГСК, хотя сейсмограммы от них получались существенно хуже. Для инженерной малоглубинной сейсморазведки использовали и обычную кувалду со стальной плитой.

На первую практику в июне 1979 года пришлось задержаться на несколько дней по весьма уважительной причине. Моя супруга Люся ждала со дня на день появления нашего первенца, и я находился «при ней» у наших родителей в Железногорске. Время шло, а «разрешиться» не удавалось. Когда прошел оговоренный мной с В.Г. Гайнановым допустимый срок моего опоздания на практику, пришлось уезжать. И лишь через неделю я, находясь на нашем полигоне в Крыму, получил долгожданную телеграмму, что у нас родился сын Антон. И мы отметили это событие на полную катушку. Съездили в совхоз в село Чистенькое и закупили целого барана и двух кроликов. Сергей, выросший в Баку, по своему рецепту замочил шашлык, и к вечеру мы со всем этим скарбом отправились на вершину Сель-Бухры, у подножия которой располагался наш полигон. Всю ночь пили вино, ели шашлык, готовили кролика на вертеле, пели песни. В общем, отметили это событие на славу. А еще через год все повторилось, поскольку теперь уже у Сережи родился сын Николай.

Как и в студенческие годы, наиболее желанным днем на этой практике был вторник, т. к. в этот день у нас был выходной, и мы отправлялись в поездки по Крыму. Теперь у нас, как у преподавателей, была привилегия – вместо «попуток» до места отдыха нас доставляли наши геофизические машины – ГАЗ-66. На следующий день в условленном месте и в условленное время они нас забирали. Ночевали мы, как и прежде в студенческие годы, на каком-нибудь диком морском берегу под открытым звездным небом.

Во время крымских практик мы много общались и с другими

нашими преподавателями-геофизиками: Еленой Андриановной Ефимовой, Михаилом Владовым, Леонидом Кульницким, Владимиром Снегиревым, Михаилом Георгиевичем Поповым, а также с нашими коллегами-электроразведчиками: Игорем Модиным и Александром Мусатовым.

Благодаря этим трем практикам и плановой преподавательской нагрузке в период учебного года, я хорошо узнал три последующих выпуска наших геофизиков. В большинстве своем это были толковые ребята и девчата: Миша Петровский, Боря Гуревич, Костя Одинцов, Миша Токарев, Таня Маркина (Урупова), Лена Ляпунова (Вороновичева), Аня Попова, Сергей Шапиро и многие другие. С некоторыми из них потом довелось пересекаться «по жизни», особенно в период работы в Мурманске: Димой Батуриным, Геной Бойко, Андреем Виноградовым, Игорем Янсеном и его супругой Резедой. К сожалению, в период лихолетья 90-х многие из наших выпускников оставили геофизику, но зато достигли серьезных успехов в бизнесе. Чего стоит фирма «Юнит», которой фактически владеет Коля Дорофеев или мощная строительная фирма Москвы «Геоком» во главе с Мишей Рудяком, сооружающая уникальные подземные объекты, включая комплекс «Охотный ряд». А еще Андрей Яковлев, широко развернувшийся в бизнесе автомобильных смазочных материалов и охлаждающих жидкостей и вложивший львиную долю своих средств в строительство и содержание университетского учебного геофизического полигона. Благодаря серьезному спонсорству всех этих успешных ребят, наше отделение геофизики не только выжило в тяжелые 90-е годы, но и получило возможность для технического перевооружения, в то время как госбюджет был способен выделять средства лишь на мизерную зарплату преподавателей.

И мне приятно думать, что хоть в малой степени, но все эти парни и девушки тоже являются и моими учениками в том числе.

Во время учебного года большую часть времени мы довольно усердно работали. В первый год много времени ушло на подготовку и сдачу кандидатских экзаменов. Одновременно вместе с научным руководителем Татьяной Ивановной думали над темой диссертации и проблемами, которые предполагалось решить. Все это происходило очень непросто, и временами казалось, что ничего не получится. Но в конце концов постепенно контур будущей работы вырисовывался и обозначались основные задачи, требующие решения. Ежедневно бывал на вычислительном центре в корпусе факультета Вычислительной математики и кибернетики. Каждый день стоял в очереди на

устройства по подготовке перфокарт с программами для ЭВМ, набивал перфокарты, затем оставлял колоду оператору и только на следующий день получал результат отладки какой-либо подпрограммы. Персональных компьютеров тогда, наверное, не было даже в проекте. Самое интересное. что принцип численного решения обратной задачи рефрагированных волн для двухмерно-неоднородной среды мне приснился. Я вскочил, сделал пометки на листочке и снова уснул. Наутро, проснувшись, я ничего не помнил, однако взгляд на эти записи сразу все восстановил в голове.

Естественно, что наша дружная компания не могла остаться без внимания женской половины человечества. Уж не помню как, но в нашем корпусе «Г» вдруг стала появляться некая компания женских особей, в составе которой, как оказалось, были, в основном, девушки-лимитчицы, работавшие на каком-то из московских хлебокомбинатов. Они выступали у нас под условным названием «булочницы». Я в этот период в связи с рождением Антона при первой возможности отлучался в Железногорск, а некоторые наши ребята не в шутку зачастили к ним в общежитие. Кончилось это тем, что сначала Толя Никишин, а потом Ильгиз Усманов на них переженились. Толя, правда, со своей Верой вскоре развелся, успев при этом стать отцом Валерия – нынешнего студента нашего факультета, а Ильгиз и по сей день живет с Натальей в Сургуте, где по доносящимся оттуда сведениям стал «олигархом» местного масштаба. Пару лет назад получил от него по электронной почте фотографию счастливого семейства с двумя милыми и уже большими детками да еще двумя холеными бультерьерами, возлегающими на дорогих коврах. Что-то он давно не появлялся на нашем горизонте, да и на встречах выпускников нашего курса тоже ни разу не был, А пора бы дать о себе знать.

Толя Никишин, нынешний профессор МГУ и заведующий кафедрой исторической геологии, тогда на всех нас написал эпиграммы, а Сережа Бухарин, прирожденный художник, изобразил дружеские шаржи. Мы выпустили нечто вроде стенгазеты, а я все это перефотографировал и постарался на каждого подготовить небольшие «дембельские альбомы» к окончанию аспирантуры. Ниже некоторые выдержки из этих эпиграмм.

На Сосо Гудушаури:

Важный, солидный князь наш Сосо,
Наука и женщины его колесо.

Морозов боясь за тонким стеклом.

Он крутит его, запивая вином,

Сосо импозантный, в очках иногда.

Себя уважает и ценит всегда.

Рукой волосатой Москву покоряет,

Науку Кавказа у нас выпрямляет.

На Ильгиза Усманова:

Наш татарин – бай и барин,
Он комфортом окружен
И толпою милых жен.
Чисто выбрит, слегка пьян,
С дипломатом – деловая.
Он в любые двери входит,
Все находит, достает.
Вокруг пальца многих водит.
На глазах у нас растет.

На Сережу Бухарина (увлекающегося культуризмом и ожидающего, когда его супруга Оля принесет ему сына)

Очки и мышцы, гладкая кожа
Славный парень Бухарин Сережа.
Душа коллектива, гроза сионистов,
Сторонник неведомых нам коммунистов.
Умом математик, а пьет, как геолог,
Отец-ожидатель, и всем нам так дорог.

Требуется пояснить, что внешне Толя Никишин немного напоминает Наполеона и на шарже изображен в наполеоновском мундире и треуголке. Тема его диссертации была связана с дешифрированием снимков Марса и звучала так «Сравнительно-планетологический анализ рифтоподобных структур Марса». Теперь Вам будет ясен смысл эпиграммы:

Толя Никишин (сам на себя)

На марсианском поле он
Единственный Наполеон.
И гордо бродит средь вулканов.
Свои владенья обходя.
А пропустив пяток стаканов.
Ему плевать, что есть Земля.

Эпиграмма на меня тоже требует комментариев. Поскольку ожидалось, что на презентацию этой стенгазеты к 23 февраля подъедет моя супруга Люся, мой образ был слегка идеализирован и отлакирован. Отдавалась также дань моей теще, которая из Курских краев исправно поставляла на наш скудный аспирантский стол маринованные грибочки, варенье и прочие переработанные дары природы.

Краса и гордость коллектива,
Блестит улыбка, как утюг,
Веселый, радостный и милый,
Отец и муж, и тещин друг.
Рубашка, галстук и костюм.
Солидный внешний вид.
Высокий строгий ум
На нас всегда глядит.
Не пьет, не курит, бед не знает,
Всегда спокойно засыпает
Ученый – альтруист.

Удивительно то, что вся наша дружная аспирантская компания в срок подготовила и представила к защите диссертации, в то время как около половины аспирантов того времени, да и сейчас тем более, не укладывались в сроки или вообще не становилась кандидатами наук до конца своей карьеры. Мы умели отдыхать, но умели и работать. Этот период, бесспорно, был для нас хорошей жизненной и научной школой, после которой мы стали почти настоящими исследователями, способными самостоятельно ставить и решать серьезные задачи.

«НЕ БЫВАЕТ НЕКРАСИВЫХ ЖЕНЩИН…»

Все прекрасно знают вторую часть этой поговорки: «…бывает мало водки». Однажды мне удалось воочию убедиться в полной справедливости этого утверждения.

После второго года аспирантуры в год Московской олимпиады я отправился на морские сейсмические работы КМПВ в Балтийском море в рамках международной программы «Петробалт». Благодаря любезной помощи Ю.А. Бякова и Д.Г, Хакимова я не только оказался непосредственным участником этих работ, но и был введен в штат научно-исследовательского судна «Циркон» на время рейса и даже получал за это приличную по тем временам зарплату в инвалюте (в специальных чеках для валютных магазинов «Альбатрос»).

Руководство и административный штат экспедиции БМГЭ базировались в Калининграде на дебаркадере «Преголь». Тогда этот очень своеобразный город удивил меня большим количеством летних дождей. Бытовала шутка: «Если Москва – сердце России, то Калининград – ее мочевой пузырь». Однако не будем отвлекаться от главной темы этой истории. Впрочем, женщинам дальше лучше не читать, чтобы совсем не разочароваться в представителях мужского пола.

Отход судна был назначен на 12 часов дня. Среди членов научного состава и экипажа за предыдущие рейсы сложилась традиция: спиртное на рейс закупают те, кто в предыдущем рейсе проиграл в преферанс как раз на сумму проигрыша. Поскольку работа в рейсе была организована по вахтам, оставалось время, которое заполнялось не только сном, но и длительными преферансными поединками. В этот раз кто-то оказался очень крупно проигравшим в предыдущем рейсе. Заготовленные ящики с водкой ждали своего часа, т. е. отхода судна от причала. Каждый прибывающий на судно перед отходом считал своим долгом заглянуть за полог в трюме для проверки наличия запаса и затем, отходя, удовлетворенно хмыкал: «Ну этого уж точно на весь рейс хватит».

Все были на борту. С родными и домашними уже попрощались, но отход по каким-то причинам задерживался. Ситуация была непонятная: уже не дома, но еще и не в море. Занять себя большинству было нечем, разве что опять начать новую преферансную серию.

– Ну. что, давай по одной накатим на дорожку? – предложил

кто-то.

– Давай, чего уж там ждать. Кто его знает, когда отойдем.

Порезали нехитрые домашние припасы: огурчиков, сальца, лучка – и разлили по стопарику. В общем, дело пошло.

– Слышь, Михалыч, – обращаясь после первой стопки к пожилому механику Борису Гребневу, произнес оператор сейсмостанции Сергей Демин, – ты ведь старший: давай командуй, мы подчинимся.

– А чего тут командовать: наливай да пей, – незамысловато ответил Михалыч.

– Нет, мужики, погодите, прервал его Саша Елкин, выпускник нашей кафедры, который впервые шел начальником рейса и потому чувствовал ответственность, – Нам же еще погранцов надо пройти на ногах.

– Да что там погранцы? Мы же идем без заходов в иностранные порты. Они в таких случаях ставят штамп у капитана в судовой роли и никого не трогают. Да мы и не будем напиваться. Сейчас еще грамм по сто – и на боковую, А так – ни то ни се.

– Ну ладно, давай, но только по сто и притормозим.

– О чем разговор? Конечно.

Потом, как водится, никто не вспомнил, что собирались «притормозить», Одна бутылка, вторая, третья… Ящик подходил к концу. За иллюминатором уже стемнело, но никто туда и не смотрел. Дело происходило в операторской – наиболее просторном помещении в полутрюме. где даже днем был включен дневной свет. Было уже десять вечера, а судно по-прежнему стояло у стенки. Наконец, это было замечено.

Погодите, мужики, мы еще стоим.

– Да, черт, узнайте на мостике, когда отход.

– Они говорят, что уже в шесть утра.

– Знали бы раньше, ночевали бы дома.

– Да теперь домой в таком виде не пойдешь.

– Так, и по бабам опоздали. Там «раздача» до одиннадцати.

Итак, речь зашла о проститутках. На полуофициальной «панели» основной товар расходился до 10–11 вечера. Потом заступали ночные милицейские патрули и гоняли жриц любви из людных мест. Те, которые остались невостребованными, пересаживались в такси и разъезжали в районе порта, ожидая, что подвыпившие морячки начнут искать приключений. При этом было правилом, что «снимающий» расплачивается с таксистом, оставляя ему приличные чаевые сверх счетчика. В этот раз такими морячками оказались наши.

Я, несмотря на предшествующую арктическую «закалку» в

производственных практиках, никак не мог пить вровень с компанией, и потому «тормоза» у меня еще не отказали. Но как ни уговаривал их остановиться, меня никто не слушал. Народ был совсем в другой кондиции и требовал «продолжения банкета» уже на новом уровне. Через полчаса моторист Паша и наш «косарь» (отвечающий за сейсмическую косу) Володя Скомаровский привели на борт двух ночных бабочек: блондинку и брюнетку. На мой относительно трезвый взгляд это были не бабочки, а нечто среднее между бегемотихами и слонихами с ярко размалеванными глазами и губами, что придавало их облику дополнительный кошмар. Неудивительно, что они остались без работы в основное время до 23 часов, и потребовался «дополнительный тайм» в такси, чтобы они оказались у нас на борту. Кроме брезгливости, их вид ничего у меня не вызывал. Совершенно очевидно, что мне было мало водки, поскольку для тех, кому ее было достаточно, они казались просто красавицами.

Тут же было выделено две каюты по правому и левому борту, и народ выстроился в очередь по вкусовым предпочтениям. Временно свободные от «удовлетворения сексуальных потребностей» продолжали выпивать и закусывать. Алкогольная кондиция большинства позволяла им действовать уже без всякого осмысления, а только на уровне условных и безусловных рефлексов. После того как клиент побывал в одной каюте, и если он еще был в состоянии передвигаться и выполнять соответствующие функции, то после пары стопок он пытался переползти в другую каюту для смены партнерши. Я к этому времени ушел спать в свою каюту, потому что был чужим на этом «празднике жизни». Где-то к раннему утру оргия затихла, поскольку вместе с последними силами закончился и запас алкоголя, который видавшие виды морячки всерьез рассчитывали на весь рейс. Водки оказалось мало.

Рейс отложили еще на сутки по техническим причинам на топливозаправочном причале. К полудню проснулся Саша Елкин и, выяснив, что еще сутки никуда не уходим, сказал: «Надо бы где-то голову поправить». Я всегда был рад лишней возможности «макнуться» в море и предложил: «Давай махнем в Зеленоградск, и там на пляже пивка попьем». Предложение ему понравилось и мы направились на вокзал. До Зеленоградска, расположенного на Калининградском взморье, было около часа езды на пригородной электричке. Основная часть горожан отдыхала там в теплые летние дни.

Едем мы в электричке, и естественно разговор пошел о вчерашнем. В разговоре участвуют два персонажа: один – тот, которому было мало водки, – это я, а другой – тот, которому

водки было более, чем достаточно, – Елкин.

– Слушай, вчера баба была классная, да еще красивая. Давно такой не попадалось.

– Ты что, какая красивая? Я такой страшной еще не видел. Во сне приснится – испугаешься.

– Нет, ты неправ просто завидуешь. А кто тебе не давал, мог бы сам попробовать?

– Ну нет, извини. Лучше я пару недель перетерплю.

Он был действительно уверен, что переспал с красавицей. Мы вышли на перрон Зеленоградска и направились к пляжу. И тут произошло невероятное. Из толпы, которая тянулась из этой же электрички, раздался голос: «Саня!». Оглянувшись на голос, мы увидели вчерашнюю толстушку-блондинку Вику. Она решительно направилась к нам.

– Кто это? – спросил Сашка, хотя по его изменившемуся лицу было видно, что он сейчас и сам догадается, но больно уж не хотелось ему в это верить.

– Да твоя вчерашняя пассия.

– Не может быть, та была симпатичная.

– Вчера и ты другой был.

Хоть он еще и не окончательно протрезвел, но уже находился в кондиции «мало водки», чтобы оценить по достоинству «красоту» партнерши. Делать было нечего, к пляжу поплелись вместе. Настроение было испорчено, и разочарование не сходило с его лица.

Однако неожиданно появился шанс, чтобы исправить ситуацию. Когда Вика зашла в раздевалку, чтобы переодеться в купальник, Елкин потянул меня за руку. Мы схватили свои вещи в охапку и быстро ретировались, затерявшись в многочисленном скоплении отдыхающих на пляже.

«Да, надо прекращать пить», – произнес Елкин. И действительно, до конца этого 15-дневного рейса практически не пили, т. к. на борту ничего не осталось. А вместо той, единовременно выпитой, партии к отходу принесли лишь несколько бутылок, поскольку денег уже у народа было в обрез.

После этого случая мужики, осознавшие ситуацию на трезвую голову, выгребли из судовой аптечки все антибиотики и на всякий случай употребляли их горстями, просыпаясь каждое утро в напряженном ожидании худшего. Однако на этот раз вроде бы обошлось.

Действительно, не бывает некрасивых женщин… С этим не поспоришь.

ХИВИНСКИЕ РАПСОДИИ

8 декабре 1981 года аспирантура была закончена. Предварительная защита диссертации на кафедре сейсмометрии и геоакустики прошла нормально, назначили ведущую организацию – ВНИИМОРГЕО из Риги и официальных оппонентов: Иду Владимировну Померанцеву из ВНИИГЕОФИЗИКИ и Игоря Николаевича Галкина из института Физики Земли. Окончательную защиту в диссертационном совете назначили на февраль, однако это мероприятие уже официально не входило в учебный план аспирантуры. Надо было устраиваться на работу.

В те годы существовала система распределения специалистов по предприятиям и организациям как после окончания вуза, так и после аспирантуры. Однако на практике, если ничего не предпринимать, ты мог попасть в такую организацию, где пришлось бы заниматься совершенно другими вещами, нежели те, которыми ты хорошо владеешь, причем, возможно, совсем не по профилю полученного образования. Поэтому на самотек эту проблему пускать не следовало. Поскольку за время аспирантуры я имел много контактов по теме диссертации с заместителем директора по научной работе ВНИИМОРГЕО Ю.А. Бяковым, о котором уже писал выше, то позаботился о том, чтобы они официально оформили через свое министерство заявку на меня. О том, чтобы остаться в Москве, речи не было. В те годы получить московскую прописку иногороднему человеку можно было лишь двумя путями: жениться на москвичке, у которой в семье есть 9 мг лишней площади, или, имея рабочую специальность, временно прописаться в рабочем общежитии по лимиту, чтобы затем, много лет работая именно по этой специальности, дожидаться получения государственного жилья, где можно было прописаться постоянно. Ясно, что ни тот, ни другой пути мне не подходили. Даже прописаться в квартире моей родной бабушки я мог лишь временно, на срок учебы – была такая официальная формулировка. А учеба была закончена. Так власти боролись с перенаселенностью Москвы. Собственно, особого желания оставаться в Москве и не было, хотелось поскорее начать творить самостоятельно, что в столице, переполненной научными кадрами, было невозможно.

Ю.А. Бяков обещал мне должность старшего научного сотрудника и получение квартиры в Саласпилсе близ Риги. Однако директором ВНИИМОРГЕО тогда был А.И. Павленков, который в официальной заявке существенно снизил гарантии по

трудоустройству до должности младшего научного сотрудника. Про квартиру в запросе была очень туманная фраза, которая могла быть истолкована в зависимости от обстоятельств и не в мою пользу. Ясно, что такое распределение меня не устраивало, и я от него отказался. В этом смысле я даже благодарен А.И. Павленкову, который своей непривлекательной заявкой избавил меня от больших жизненных проблем впоследствии, после развала СССР.

Однако просто так отказаться от уже официальной плановой заявки было непросто. Сначала надо было найти замену, а уже потом все оформлять с серьезными хлопотами через несколько министерств. Как нельзя кстати, в этот момент в университете навещал свою дочь – студентку нашего отделения геофизики Марину Павловскую – ее отец доктор наук Виолен Иосифович Павловский, работавший в Геологическом институте Кольского филиала Академии наук СССР, что в городе Апатиты Мурманской области. Институт был довольно известным: раньше его возглавлял, ставший впоследствии министром геологии СССР академик Сидоренко. А у истоков организации всего Кольского филиала Академии наук СССР, в который в 1982 году входило шесть академических исследовательских институтов, был академик Ферсман. В тот момент привлекала и возможность сразу получить достойный по тем временам заработок с учетом районного коэффициента и полярных надбавок, что было немаловажно для нашей молодой семьи.

Виолен Иосифович с пониманием отнесся к моей просьбе и сказал, что в рамках лаборатории региональной геофизики формируется неплохая группа сейсмиков под руководством Николая Шарова. Обещал посодействовать в быстром оформлении заявки на меня, и буквально уже через пару недель запрос поступил в отдел аспирантуры нашего факультета. Однако, чтобы все стало официальным, надо было открепиться в МИННЕФТЕПРОМе, куда входило ВНИИМОРГЕО, получить по новой заявке одобрение в секретариате Президиума Академии наук и все это зарегистрировать в МИНВУЗе. Вооружившись официальным письмом декана факультета, я в течение двух недель обошел все эти ведомства. Удивительно, но вопросы решались оперативно. Зная нынешние аппараты большинства министерств, понимаешь, что нечто подобное заняло бы несколько месяцев или не было бы решено вовсе. Наконец, все было оформлено, и я на поезде «Арктика» 22 января 1982 года прибыл в Апатиты, что 200 км не доезжая Мурманска.

Встречал меня на вокзале Михаил Иванович Крылов, бывший офицер здешнего военкомата, знакомый моего отца по

Железногорску, куда после службы на севере он собирался переезжать со своей новой супругой Валентиной. Он здорово помог мне в первые дни устроиться в незнакомом городе.

А сам этот небольшой и уютный городок в Заполярье мне сразу очень понравился, несмотря на то, что в конце января после только что закончившейся полярной ночи было довольно холодно. Но этот холод с лихвой компенсировался теплом и приветливостью людей, которые здесь жили и работали.

В институте и лаборатории меня встретили очень дружелюбно. Игорь Владимирович Бельков, тогдашний директор института, по отечески меня приветствовал, поинтересовался жилищными проблемами, потребностью в детском садике, был удовлетворен тем, что через месяц будет окончательная защита диссертации в МГУ. Заведующий лабораторией Николай Владимирович Шаров также проявил максимум заботы и участия. Сразу же мне предоставили небольшую комнату площадью 12 мг в семейном общежитии с видом на заснеженные вершины Хибин. Моя жена Людмила должна была приехать вскоре следом за мной, а трехлетнего сына Антона мы решили пока оставить в Железногорске у бабушек, чтобы забрать его в конце лета, не подвергая его сильным климатическим контрастам.

А пока я был один, то решил сначала поближе познакомиться с непосредственно меня окружавшей мужской половиной коллектива. В один из первых же вечеров я позвал ребят к себе в гости, приготовив по аспирантской привычке нехитрую закуску к небольшому количеству алкоголя для завязывания знакомства. Пришли два Сергея из сейсмической группы: Дьяков и Зубарев, Миша Сазыкин, да два гравиметриста Виктор Глазнев и Леша Раевский.

Все ребята были немного постарше меня и также женаты. Посидели и пообщались очень неплохо. Запомнился возникший между ними спор о степени независимости мужчины в семье и опасности стать подкаблучником. Каждый пытался показать, что он хозяин в семье. Сергей Зубарев предложил, по его мнению, объективный метод измерить степень мужской самостоятельности количеством карманных денег, которое в данный момент находится в кошельке каждого из присутствующих. Не все согласились с этим критерием. Не помню, чем закончился этот забавный спор, но после этого «мальчишника» мы совершили небольшую прогулку по городу, заходя по пути к каждому домой. Так я познакомился и с их женами. У всех оказались замечательные крепкие семьи.

Да и все женщины, как в нашей сейсмической группе, так и во всей большой и дружной лаборатории, насчитывающей около

40 человек, были очень приветливы. Непосредственно по вопросам интерпретации данных метода ГСЗ – глубинного сейсмического зондирования, являющегося основным видом деятельности нашей группы, я контактировал с Ирмой Яковлевной Азбель – ярким представителем группы сейсмиков-теоретиков школы Татьяны Борисовны Яновской из Ленинградского университета. Ее муж, уже тогда широко известный ученый с международным именем Игорь Толстихин, также работал в институте, но в лаборатории абсолютной геохронологии. Тогда, в период «железного занавеса», он был нашим единственным «окном в западный мир», показывая слайды после своих многочисленных зарубежных поездок. Они оба, как и многие в институте, были заядлыми горнолыжниками, благо, что Хибины с оборудованными подъемниками были рядом. К сожалению, веселая и жизнелюбивая Ирма из-за тяжелой болезни слишком рано ушла из жизни и завещала свой прах развеять по ветру на горнолыжном склоне, что и сделал Игорь Толстихин, спускаясь на лыжах с одной из Альпийских вершин.

Трагично сложилась и судьба другого талантливого ученика школы Ленинградского университета – молодого ученого Саши Буянова, который пришел в наш коллектив через год после меня, и мы работали вместе около двух лет. Он, как и его жена Таня, безвременно ушли из жизни из-за той же самой неизлечимой болезни, оставив сиротами двух своих детей. Это случилось через несколько лет после моего переезда в Мурманск, Потом в этой группе работал еще и Юра Рослов, один из ведущих ныне геофизиков Санкт-Петербурга.

Однако вернемся в январь 1982 года. Еще в группе сейсмиков-интерпретаторов работали замечательные женщины: Валя Шарова, Валя Ионкис, Люда Иевлева, а рядом с нами на этаже – петрофизики Вера Старикова и Лариса Галичанина. В этом же домике уютного Академгородка располагалась вся группа петрофизиков, руководимая Вадимом Алексеевичем Тюремновым, а также Виолен Иосифович Павловский, руководивший группой прогноза горных ударов, в которую еще входили Юра Иванов, Боря Берман, Сергей Рубинраут. В другом домике располагались наши электроразведчики во главе с А.А. Жамалетдиновым и гравиметристы: Виктор Глазнев, Леша Раевский, Галя Скопенко, Люда Осипенко, Валя Филатова.

Исследования ГСЗ с использованием промышленных взрывов на Кольском полуострове были начаты благодаря энтузиазму И.В. Шарова за несколько лет до моего появления в Апатитах. А в период моей работы здесь стали выполняться и планомерные исследования ГСЗ по региональным профилям различными

организациями: ПГО «Севзапгеология» СРГЭ (впоследствии «Геон») и другими. Одновременно с плановыми регулярными взрывами на профиле сейсмическими расстановками регистрировались и промышленные взрывы в карьерах и рудниках Кольского полуострова и Карелии. Задачей моего отряда была запись промышленных взрывов в ближней зоне и передача их отметки момента на профиль за десятки и сотни километров от карьеров, где находились отряды с сейсмостанциями. Команду операторам на включение станций я передавал по радиосвязи в эфире словом «Работа!», поскольку «взрыв» говорить не разрешалось.

Этому предшествовали договоренности с начальниками буро-взрывных работ в карьерах и рудниках, которые за минуту до подрыва сообщали мне об этом по внутренней связи. Большинство взрывов в подземных рудниках: Кировском, Расвумчоррском – происходило ранним утром, в 5–6 утра, поэтому в эти дни мне доставалась бессонная ночь. А взрывы в открытых карьерах: Центральном, Коашвинском, Ковдорском, Костомукшском, Заполярном и других – происходили днем, однако добираться до многих из них на автомобилях ГАЗ-66 с аппаратурой мне приходилось иногда сотни километров, что тоже было не слишком комфортно. Зато удалось повидать практически все промышленные центры Мурманской области и Карелии. Чаще других посещал самый крупный рудник «Центральный», расположенный на вершине Хибин на высоте свыше 1100 м над уровнем моря на плато Расвумчорр, поскольку взрывы там производили чаще всего. Там даже в разгар лета, когда внизу все цвело, стоял сплошной туман из-за низко висящих облаков, «зацепившихся» за плато, а иногда и заметал снег. Настоящая Арктическая пустыня: ни единого кустика или даже травки, а только свист пронизывающего холодного ветра. Нередко вспоминались слова песни Юрия Визбора именно об этих местах:

На плато Расвумчорр
Не приходит весна,
На плато Расвумчорр
Все снега да снега…

В этой жуткой хмари при порывах ветра мне приходилось лезть по отвесной лестнице на стене здания рудника, перехватываясь одной рукой и держа в другой конец радиоантенны, который надо было зацепить как можно выше, чтобы меня услышали за сотни километров. Вниз было лучше не смотреть. Отряд мой был совсем маленький; я, техник Саша Андрианов, который обычно был на другом карьере, и водитель. В

кратчайшее время перед взрывом приходилось самому выполнять довольно большой объем работ: разворачивать аппаратуру, договариваться с взрывниками, которым было не до меня в этот ответственный момент, когда в породы заложено 200–300 тонн взрывчатки, а также связываться по рации с далекими отрядами. Обычно перед самым взрывом напряжение возрастало. Ведь если пропустишь его, то следующий на этой точке будет только через неделю, а на профиле надо успеть перелететь вертолетами и переехать вездеходами на новые точки.

Иногда приходилось в перерывах между взрывами облетать на маленьком вертолете МИ-2 эти точки с отдаленными сейсмостанциями, где были наши другие ребята – Зубарев и Дьяков со студентами-практикантами. Цель этого облета: собрать магнитные ленты с записями и передать им какие-то продукты. Вертолет обычно давали в последний момент, и надо было с помощью карты и жестов при шумящем двигателе объяснить пилоту, где среди этой бесконечной тундры сидят наши люди. При ясной погоде и наличии сигнальных ракет у ребят задача решалась пилотом самостоятельно, без моей сомнительной помощи.

В некоторые свободные дни можно было изредка съездить на этих же машинах и за грибами или ягодами, тем более, что водители были не против. Поскольку на Кольском много зон и территорий с ограниченным доступом, иногда удавалось в некоторые из них проникать с небольшой хитростью. На руках у нас был некий мандат – официальное письмо директора института к местным органам и должностным представителям с просьбой оказывать нам содействие в проведении важных исследований. Действовала она лишь на некоторых сторожей охраняющих какой-нибудь нережимный загон или ведомственную турбазу. Но и это иногда было неплохо, чтобы на берегу живописного озерца приготовить шашлык, развернув для вида радиоантенну и выставив пару сейсмоприемников.

После полевого сезона материалы затем неспешно обрабатывались, как это делается в академических организациях, потом по ним публиковались статьи. Все это многократно обсуждалось затем на конференциях, но практическая ценность получаемых результатов была сомнительной. Мне психологически, по своему менталитету требовалось создавать что-то более конкретное, чем умозрительные глубинные построения подошвы земной коры, которые не удастся проверить ни сейчас, ни через сто лет, да и проверять не к чему, потому что это решительно не имеет никакой практической пользы. А когда региональные геологи института пытались увязывать зоны

металлогении Кольского полуострова с градиентом поверхности Мохо, у меня это ничего, кроме улыбки, не вызывало, поскольку я сам участвовал в построении этой поверхности и вполне представлял те огромные погрешности, с которыми она может быть определена. Геологи об этом не имели ни малейшего представления и все принимали за чистую монету. Это впервые заставило усомниться в серьезности академической геологической науки, особенно когда, казалось бы, уважаемые доктора наук говорили о некоторых геологических волнах – солитонах или чем-то подобном, что также по большому счету, кроме кажущегося наукообразия, ничего не давало для практики и ничем не было обосновано.

Я в зимнее время, между полевыми сезонами, старался заниматься более универсальными проблемами, которые были применимы к различным сейсмическим данным, а именно – разработкой способов приближенного решения обратных динамических задач для рефрагированных волн. При поддержке Николая Владимировича Шарова я стал готовить монографию, куда наряду с результатами по кандидатской диссертации включил и первые полученные решения. В 1983 году она вышла под названием «Методы определения поглощающих свойств неоднородных сред». Мне тогда было лишь 27 лет, и по рекомендации комитета комсомола я подал цикл своих первых научных работ, включающий и эту монографию, на соискание премии Мурманского комсомола в области науки, техники и производства.

В Апатитах мы по настоящему весело и непринужденно научились встречать праздники и вообще отдыхать в свободное время, В этом немалая заслуга моей жены Людмилы, которая всегда придумывала что-то интересное. Например, встреча Нового года в нашей однокомнатной квартире (мы ее получили через два года) с многочисленными друзьями и знакомыми превращалась в настоящий маскарад, от которого всем становилось празднично и весело. Все готовились, шили великолепные костюмы и придумывали соответствующие им сценарии и тосты. Причем костюмы у многих были весьма серьезные, несмотря на то, что были сделаны своими руками. Так, Люда Раевская однажды нарядилась в яркое, оригинальное красное платье с соответствующей отделкой и аксессуарами, в результате чего однозначно угадывалось «пламя». А ее муж Леша при своем высоком росте весьма комично выглядел в костюме «Синяя борода». Сергей Зубарев нарядился в разбойника, в то время как его супруга Люся, уже беременная второй дочкой, была звездочетом. Наташа Сафаргалеева с большой выдумкой и

оригинальностью соорудила себе костюм «Пеппи – длинный чулок», в то время как ее муж Володя, и без того вылитый Карлсон, а еще и с пропеллером, был просто неотразим. Хозяйка дома – моя жена – нарядилась цыганкой, а я, густо вымазав лицо в черный грим и оттенив эту черноту абсолютно белым нарядом: белой шляпой, белыми брюками и белой рубашкой с черной бабочкой – был самым настоящим негром из ансамбля Бони-Эм. Узнать меня было абсолютно невозможно. В обстановке этого веселья и непринужденности даже немного застенчивая чета Глазневых абсолютно раскрепостилась. Не помню, чтобы нам было тесно в этой маленькой квартирке. В результате вместо банальной объедаловки и выпиваловки, мы встречали Новый год весело и с хорошим настроем на предстоящий год. Состояние абсолютной уверенности в завтрашнем дне и ближайшем будущем было отличительным признаком того времени. Нагулявшись и наплясавшись, отправлялись поздравлять знакомых по городу. Заходили к Шаровым, Токаревым, Вере Стариковой и другим.

Устраивали сами праздники и своим детям. Можно было заказать Деда Мороза и от института, причем бесплатно, но гораздо интереснее было сделать это самим. Помню, попросили Володю Сафаргалеева поздравить нашего Антона, потому что никакой заказанный Дед Мороз с ним просто не мог сравниться. Выполнив обязательную программу, Володя присел за стол, чтобы подкрепиться. Однако усы и борода если и позволяли с трудом выпить, то закусить уже никак. А это явно грозило быстрым опьянением. Пришлось мне деда Мороза проводить за дверь, снять с него все аксессуары и спрятать их, а через минуту Володя, позвонив в дверь, заходил как бы в гости по-соседски, садился за стол и уже спокойно закусывал. Антон возбужденно рассказывал ему: «Дядя Володя, сейчас к нам дед Мороз приходил». – «Неужели? – спрашивал Володя. – И что он тебе подарил?». В другой год собирали детей у Сафаргалеевых вместе с девчонками-близняшками семьи Каменских.

Основательно и фундаментально отмечали в начале апреля День Геолога всем институтом, выезжая за город, где в глубоком снегу отрывали окопы, ставили мангалы, готовили шашлыки. Была избушка, в которой топили печь, чтобы можно было погреться тем, кто замерз. Кроме этого выходили на лыжах и сами, лабораторией, за город вместе с детьми, где также устраивали игры, конкурсы, готовили шашлыки.

Жили все очень дружно. Вот только один пример. Мы с Сергеем Зубаревым, взяв своих детей, поехали в начале июня отдыхать в Крым. Моя жена Людмила, с трудом оформившись в

турпоездку в Венгрию (тогда это было очень хлопотно), собиралась выехать туда, а потом, уже по возвращении, присоединиться к нам в отпуске на Большой земле, но вместо этого неожиданно оказалась в Апатитской городской больнице. Мы вернуться уже не могли, тогда были очень большие проблемы с билетами на северные направления в связи с массовым выездом целых городов в летний период. Как же были поражены ее соседки по больничной палате, когда ежедневно, сменяя друг друга, ее навещали сотрудники нашей лаборатории, и особенно часто Валя Шарова, хотя работала Люся в производственном объединении «Апатит». Такое не забывается никогда.

На фоне этих прекрасных примеров человеческих взаимоотношений у меня назревал внутренний психологический конфликт, который в конце концов определил мой уход из института при первой же представившейся возможности. И дело было отнюдь не в работе, где все складывалось нормально. Опять меня в очередной раз «достали комсомолом». Секретарь парторганизации института Виктор Мележик сразу взял меня в поле зрения и буквально через месяц начал обработку как меня самого, так и все начальство, внушая всем мысль о том, что лучшей кандидатуры для секретаря комсомольской организации института не найти. Это, конечно, все было на общественных началах, т. к. в институте было чуть больше 50 комсомольцев. Я, как мог, сопротивлялся первый год, но в конце концов он сумел меня поставить в такие условия, что отказаться было нельзя. Я сделал последнюю попытку и к сроку отчетно-выборного комсомольского собрания напросился на обследование в стационаре нашей весьма неплохой академической больницы (при переезде на север стало поначалу скакать давление). Но Виктор добился того, что собрание отложили до моей выписки. В то время к парторганизации относились очень серьезно, и всякое сопротивление воле ее секретаря неминуемо сказалось бы и на повседневной жизни, и на работе, и на карьере. Заседания партбюро института, в которых я должен был непременно участвовать как секретарь комсомольской организации, зачастую превращались в перепалку между директором института и секретарем партбюро Мележиком. И при этом Игорь Владимирович Бельков, человек широкой научной эрудиции и признанный ученый, участник Великой Отечественной войны, вынужден был нередко соглашаться с решениями, на которых настаивал Мележик. Прямо какой-то театр абсурдов. Сам Виктор Мележик был довольно неплохим и толковым кандидатом наук в области геохимии, труды его, несмотря на сравнительную молодость, признавались специалистами. Но, как показало время,

он был образцом типичного карьериста от науки и использовал партию для «мощного старта» в своей научной карьере. Иначе как можно объяснить что он. делегат съезда комсомола (вскоре после которого он, кстати, стал партсекретарем института), всегда убежденно говоривший правильные коммунистические вещи, вдруг в одночасье отрекся от всего, когда стало невыгодно быть членом КПСС? Сделано это, правда, было «по-тихому» и отнюдь не демонстративно. Он попросту уехал по контракту консультантом в Норвегию, когда подвернулась такая возможность в самом начале 90-х годов, разведясь с женой и оставив ее с тремя детьми в Апатитах. В самом факте отъезда по контракту ничего зазорного нет, но меня поразило то, что он так легко отрекся от всего того прошлого, которое фактически его и сделало. Я услышал это от него, побывав у него в гостях в квартире в Тронхейме в свою первую поездку в Норвегию в начале 90-х. Я тогда был не готов к огульному охаиванию прошлого, да и сейчас никто из нормальных людей уже не будет отрицать, что было и много хорошего в том времени, хотя негатива и абсурда тоже было достаточно. А что, разве его сейчас меньше? Мы довольно мило беседовали с ним тогда в Тронхейме, да и до этого никогда не ругались. Возможно, я не имею права осуждать Виктора, да я и не делаю этого по большому счету. Просто он был тем человеком в свое время, который, «поставив меня на комсомол», сразу определил мой уход из института, хотя и не сиюминутный. Да, мы все выросли в советской системе, принимали многие ее ценности, по молодости не задумываясь об их истинности, и нечего этого стыдиться и от всего открещиваться, как делали наши дешевенькие демократы начала 90-х, бывшие в свое время в первых рядах «строителей коммунизма». Просто, когда уже достигаешь сознательного возраста, начинаешь понимать, что тот лицемерный общественный строй и уклад, в котором мы тогда жили, был так же далек от коммунистических идеалов, как и нынешний. Будучи комсоргом института, я постоянно испытывал некое раздвоение личности, играя как бы одновременно две роли, которые долго не могли существовать вместе, в результате чего и пришлось менять свою жизнь.

Что там говорить! Если быть честным к самому себе, то нельзя отрицать, что этот самый комсомол помогал и моему продвижению, как на этапе окончания МГУ и получении рекомендации в очную аспирантуру, так и здесь, в Апатитах. Ведь присудили же мне первую премию Мурманского комсомола в области науки и техники за цикл научных работ, и именно этот факт немало помог мне в следующие два года. Дело в том, что в

начале 80-х годов началась полномасштабная разведка нефти и газа на шельфе Арктики. В Мурманск во вновь организованные предприятия съезжались лучшие кадры со всей страны. Здесь стали выделять жилье для приглашенных специалистов, которого коренные мурманчане дожидались по 20–30 лет после постановки на очередь. Появилось и морское научно-производственное геофизическое объединение «Союзморгео», которое возглавил известный ученый и организатор науки Яков Петрович Маловицкий. В этом объединении был и головной научно-исследовательский институт морской геофизики – НИИМоргеофизика, куда Обком комсомола передал на экспертизу и рецензию мой цикл научных работ, выдвинутый на соискание премии. Было получено положительное заключение, и премию мне присудили в Мурманске в торжественной обстановке с широким освещением в областной прессе. Дальше события развивались очень быстро, одновременно по двум направлениям. Яков Петрович предложил мне переехать в Мурманск на должность старшего научного сотрудника с быстрым предоставлением трехкомнатной квартиры, а обком комсомола предложил на общественных началах возглавить областной совет молодых ученых и специалистов. От первого предложения отказаться было невозможно, а со вторым можно было вполне мириться, поскольку «неидеологизированная» работа по оказанию помощи творческой молодежи – это уже совсем другое дело. И так хотелось вырваться из цепких партийных лап Мележика, что лучшего случая не могло и представиться.

Все же, как ни суди, эти три года, проведенные с такими чудесными людьми, каковым был коллектив лаборатории, оказались незабываемыми.

Так закончился еще один прекрасный и насыщенный период моего становления. Теперь, к 29 годам, гранит науки стал уже понемногу поддаваться. Меня очень тепло провожали сотрудники нашей лаборатории региональной геофизики, а Федор Иванович Свияженинов написал напутственные стихи, которые до сих пор у меня хранятся:

Наш дом теперь для Вас стал мал —
Настолько быстро Вы растете.
Что ж, жребий брошен, час настал:
Вы как орел на мощном взлете!
Вы наш коллега, друг, товарищ,
Пример достойный для других.

Вы и талантов целый кладезь —
На многих смертных хватит их.,
Вы так вписались в коллектив,
За краткий срок мы к Вам привыкли,
Нам по душе Ваш тон и стиль,
Сердечность, добрая улыбка.
Идите смело на подъем
Путем нехоженых дорожек,
И станьте сейсмокоролем
Морским (да и прибрежным тоже).
Мы знаем – Ваш достойный труд
Венец вознаградит красивый,
И люди в карточках прочтут:
Профессор Юрий П. Ампилов.
Лишь в Мурманск – в недалекий край
Вы улетаете надолго…
Так пусть Вас ждет научный рай
И счастье, шириной как Волга.

Может быть, благодаря этим напутственным строкам я потом и стал профессором, стремясь оправдать надежды товарищей?

МУРМАНСКАЯ ЗАКАЛКА

И вот в конце J984 года я опять оказался в прекрасном городе своей молодости – Мурманске и снова вернулся в морскую геофизику, азы которой начал познавать здесь же еще в студенческие годы. Все же предполагая работать в конечном счете на разведку нефти и газа, я ощущал больше возможностей принести пользу, чем делая гипотетические предположения о строении земной коры и верхней мантии, ценность которых по большому счету сомнительна.

В первое время, когда семья еще оставалась в Апатитах, я каждые выходные ездил к ним. Дорога в одну сторону занимала около пяти часов, А сам поселился s общежитии, поначалу прямо в том же доме на Гагарина, 41, где на первом этаже располагалась и вся администрация «Союзморгео». Со мной в одной комнате жили еще два приглашенных специалиста: Эдик Шипилов из Краснодара и Юрий Иннокентьевич Дмитриев из Риги, Потом, когда еще подъехал Утнасин Владимир Константинович, стало тесновато, и я переселился в домик на Инженерной улице. Здесь мы некоторое время жили с сотрудником лаборатории Дмитриева, бывшим нашим МГУшным физиком – Евгением Копотем, человеком весьма своеобразным, соскучиться с которым уж точно было невозможно. На работу, по мурманским меркам, надо было ездить далековато – более получаса на городском транспорте. Лаборатория располагалась в старом деревянном двухэтажном домике на улице Папанина, где сейчас стоит здание с колоннами, в котором потом располагался печально известный мурманчанам своим банкротством Северо-западный коммерческий банк. Потом, через несколько лет, с окончанием строительства лабораторного корпуса института на Карла Маркса, 17, мы переехали туда.

Работать я начал в лаборатории волновых полей и моделей реальных сред, возглавляемой бывшим пермяком Евгением Федоровичем Безматерных, человеком весьма интеллигентным, спокойным и уравновешенным. Лаборатория поначалу была небольшой – человек восемь, и я долгое время был в ней вторым кандидатом наук, кроме самого Безматерных. Это уже много позже защитились Юрий Шипелькевич, а потом и Саша Токарев, тоже приехавший в Мурманск из Перми, человек дотошный и основательный во всем. В моем непосредственном подчинении была Катя Белонина, дочка директора ВНИГРИ Михаила Даниловича Белонина, и Лина Жицкая – выпускница Грозненского нефтяного института, девушка очень старательная и

упорная, привыкшая всего в жизни добиваться сама, хотя на первых порах образовательной базы ей, конечно, не хватало. Она приехала в Мурманск со своим маленьким сыном Андрюшей, который поначалу много простужался, и Лина часто была вынуждена брать больничный. Когда же основные трудности были позади и она получила просторную двухкомнатную квартиру в доме новой планировки, «нарисовался» ее муж Вадим, полная посредственность, привыкший по жизни получать все готовенькое трудами своей жены. И через несколько лет Лина вынуждена была в конце концов развестись с ним, разделить имущество и уехать сначала в Москву, а потом и в США – наверное, чтобы подальше быть от этого «халявщика», который постоянно пытался поживиться теми благами, которые она с таким трудом зарабатывала, Уверен, что ей удалось встать на ноги и вырастить сына. Жалко, что не в России. А Катя Белонина вскоре ушла в декрет и уехала с мужем Сергеем Смирновым в Санкт-Петербург к своим родителям, где и по сей день работает.

Чуть позже со мной работала еще одна очень упорная и целеустремленная девушка – Света Каплан, приехавшая из Киева. Она честно признавалась, что приехала в Мурманск найти себе мужа, и это ей в конце концов удалось. Она вышла замуж за моего бывшего студента, у которого я вел в аспирантские годы в Крыму практику по сейсморазведке, – Лешу Ершова. Он тогда мне запомнился тем, что отказывался работать на сборе розовых лепестков на плантациях крымских роз. Мы безвозмездно делали это в качестве компенсации совхозу за ущерб, причиняемый некоторым его угодьям нашей практикой. Леша объяснял мне, что он не сачок, а просто у него аллергия на розы. Они со Светой поженились, и у них родился сын Даня. Когда в стране начиналась буза и российский север приходил в упадок, они переехали сначала в Москву, а когда и там стало невмоготу, поехали дальше, в Израиль. Так наша бедная Россия в очередной раз избавлялась от своих лучших тружеников. А то, что Света была самым что ни на есть добросовестным тружеником, ручаюсь головой. Она была великолепным программистом, тщательным и дотошным. Как математику, работающему в не очень знакомой области, ей не хватало геофизического образования, и мне приходилось буквально до мелочей растолковывать ей алгоритмы, зато потом я получал абсолютно надежно работающие программы. Вообще по жизни мне нередко приходилось работать с представителями еврейской нации, и всегда с ними складывались самые добропорядочные или даже теплые отношения. «И чего они к тебе все тянутся?» – шипел сосед по кабинету Юрий Шипелькевич, у которого нередко

возникали с ними осложнения.

Еще в лаборатории был вечный холостяк, усатый очкарик Саша Рожков – математик, «витающий в облаках». Он был немного не от мира сего, долго занимался разными проблемами, но практически ничего не мог довести до конца. «Это ружье, которое в конце концов должно выстрелить», – говорил про него Евгений Федорович. Но, по большому счету, ружье без конца давало осечки. Лет пять назад, уже будучи в Москве, я пытался помочь Саше по его просьбе организовать защиту кандидатской диссертации в его уже явно не молодом возрасте (он старше меня). Но он и этого не довел до конца, ссылаясь на личные проблемы, которые всегда есть у каждого из нас, Тогда я успел со многими людьми договориться о формальных моментах, сопровождающих любую защиту, и Саше даже оформили соискательство для защиты, но все это оказалось ни к чему.

Колоритной фигурой был и наш единственный геолог в лаборатории Геннадий Иванович Киреев. Со временем, увлекшись йогой и став на этой стезе кумиром немолодых женщин, «догоняющих» свое здоровье, он начал философски относиться к течению жизни, сильно не нагружая себя производственными проблемами. Наверное, это правильно. Я тоже под его влиянием некоторое время пытался заняться самосовершенствованием, но земная суета меня не отпускала, и я по сей день «барахтаюсь» в сиюминутных проблемах, тщетно пытаясь их все разрешить. Кстати, сейчас он до сих пор трудится в Мурманске в качестве начальника тематической партии в «Арктикморнефтегазразведке». Если он и изменился, то только в сторону еще большей жизненной мудрости, граничащей, пожалуй, только с вечностью, Меня в свое время поразила его астрологическая логика. Когда мой сын Антон поступал на экономический факультет Мурманского университета, я сильно нервничал, предпринимая все возможные действия. Геннадий Иванович, составив на Антона подробную астрологическую космограмму, уверенно сказал: «Поступит!», После того, как это действительно произошло, я ему пытался возразить, что мол, если бы я не предпринимал целого комплекса мер от натаскивания по математике и физике до душещипательных бесед с преподавателями, ничего бы этого не случилось, несмотря ни на какие астрологические прогнозы. Ответ был настолько прост, что я и не нашелся что возразить: «Звезды знали, что все это ты сделаешь».

Еще у нас трудился молодой специалист из Грозного Миша Базалеев, человек очень добрый и застенчивый. Наверное, именно поэтому он долгое время холостяковал, а активные девушки,

которые в поисках мужей брали инициативу на себя (как Света Каплан), до него еще не добрались. Мы с работавшей тогда в лаборатории Мариной Бажановой решили прекратить это безобразие, В МАГЭ работала скромная девушка Рита, которая поехала в Москву на курсы повышения квалификации, по-моему, в ГАНГ. Мы постарались подыскать аналогичные курсы и Мише в тот же период времени и нашли таковые, кажется, в МГУ. Дальше придумали банальный повод: попросили Мишу разыскать Риту в Москве и передать ей какую-то книгу. К счастью, все получилось, и вскоре мы гуляли на свадьбе, а еще через некоторое время у них родился сын. Надеюсь, и по сию пору у них все хорошо.

В лаборатории в разное время работали также техниками милые девушки: Таня Попова (Пряженникова), Лена Ильина, Галя Перепеченова.

Уже позднее, когда Евгений Федорович на «волне демократии» был избран директором института, а лабораторию возглавил я, у нас работали весьма толковые сотрудники – Володя Колмыков и Юрий Драница. После развала института, случившегося через пару лет после моего отъезда в Москву, они ушли работать в другие организации. За пределами лаборатории в рамках института мы время от времени общались по работе с А.Ю. Юновым, В.А. Дядюрой, Г.В. Матвеенко, А.А. Гагельганцем, Н.Н. Трубятчинским, Э.А. Блясом, А.Г. Мадатовым и другими.

Лаборатория наша занималась преимущественно поиском «скрытых резервов» в сейсмической информации, которая оставалась невостребованной в рамках стандартной обработки и интерпретации данных. Кое-каких вполне успешных результатов удалось достичь уже в то время. Например, широко применяемый сейчас атрибутный анализ а сейсмической интерпретации тогда фактически впервые был поставлен нами на «серьезные технологические рельсы». До этого а лучшем случае проводился лишь качественный анализ мгновенных амплитуд и частот в рамках преобразования Гильберта. Нам же удалось использовать элементы количественной интерпретации, применяя факторный, кластерный и регрессионный анализ, а затем и алгоритмы нейросетей.

Фактически мы на десять лет опередили мировые тенденции в интерпретации, «подсказав» некоторым образом мировым фирмам правильное направление развития. Это было тут же подхвачено и по достоинству оценено. В период уже наступающего упадка всей российской науки, в том числе и геофизики, мы, наверное, единственные в России, кто получал в то время заказы мировых лидеров нефтяной отрасли (Norske SHELL) по количественной интерпретации их материалов. Я тогда

ежемесячно летал в Ставангер сдавать промежуточные результаты. Мы выполняли аналогичные заказы потом, уже в рамках европейской программы «Инко-Коперникус», вплоть до моего переезда в Москву. Этими приработками тогда в значительной степени удалось сохранить коллектив лаборатории. Правда, Саша Токарев немного не дождался этих работ и, защитив диссертацию, почти сразу перешел работать программистом в коммерческий банк, так и не вернувшись в геофизику. В эти же наступающие уже трудные годы я без особого труда подготовил и защитил в родном Московском университете докторскую диссертацию, благодаря свежести наших научных идей. Не хватило тогда буквально пары лет стабильности, чтобы мы могли сами достойно завершить эту работу. Дважды в те годы получал предложения от двух европейских фирм о переезде за рубеж и работе по контракту, но, поразмышляв некоторое время, отказывался. Как показало время, это было верным решением.

Большинство остальных геофизических российских организаций тогда в массовом порядке всеми правдами, а чаще неправдами продавали информацию о «недрах Родины» западным компаниям.

Наш институт почти не выполнял морских работ за исключением испытания экспериментальных образцов техники или проведения опытно-методических работ на чужих судах. Сами полевые работы, включая стандартную обработку и интерпретацию, выполнял производственный трест «Севморнефтегеофизика», также входивший в объединение «Союзморгео». Фактически на тот момент, да и сейчас по своей оснащенности флотом и оборудованием он является лидером морской геофизики в России. Многие кадры специалистов, выросшие там, сейчас являются лидерами основных геофизических компаний, работающих в России. Все эти годы вплоть до сегодняшнего дня трестом руководит бессменная тройка, сумевшая «вырулить» в сложные 90-е годы, сохранив организацию «на плаву»: К.А. Долгунов, Б.Г, Сапожников, В.Н, Мартиросян.

В то же время для того, чтобы сохранить институт в это наступающее тяжелое время, надо было предпринимать экстраординарные шаги. А после того, как МИНТОП по окончании срока контракта не утвердил Е.Ф. Безматерных на новый срок за его строптивость и назначил директором Б.К. Остистого, институт фактически был обречен. Дальнейшее бездарное руководство В.А. Слипченко быстро привело эту организацию к полной деградации, и вскоре там не осталось ни одного сколько-нибудь стоящего специалиста.

* * *

Отдельного внимания заслуживает громкая история с созданием в первой половине 90-х годов акционерного общества «Росшельф».

Всем известное уникальное Штокмановское газоконденсатное месторождение на шельфе Баренцева моря уже несколько лет к тому времени было предметом всевозможных спекуляций с потенциальными иностранными партнерами. Был создан некий консорциум «Арктическая звезда», куда вошли ведущие зарубежные добывающие компании, скупившие у наших организаций всю имеющуюся информацию о месторождении и возлагавшие надежды на свое выгодное участие в проекте. Совсем запутавшееся тогда наше российское правительство, чтобы начать все с чистого листа, придумало создать новую закрытую акционерную компанию и передать ей все права на Штокмановское и Приразломное месторождения. И такая компания «Росшельф» была создана. Список ее акционеров с соответствующим количеством причитающихся им акций был заранее определен. Туда вошли некоторые крупные российские оборонные предприятия, а также профильные научно-исследовательские организации, включая в том числе ВНИИГАЗ (куда я потом перейду работать) и нашу НИИМоргеофизику, где я работал в тот момент, Поскольку у нас были материалы по этим двум месторождениям и их простейшие компьютерные модели, построенные с использованием своего разработанного компьютерного матобеспечения, НИИМоргеофизика поначалу была в большом фаворе в рамках созданной компании. Исполнительный директор «Росшельфа» и его заместители с восторгом знакомились с нашими достижениями. Одним из основных идеологов создания «Росшельфа» был известный академик Павел Евгеньевич Беликов. Он умудрялся быть придворным академиком при всех режимах: Брежневском, Андроповском, Горбачевском, Ельцинском, да и сейчас пытается, несмотря на преклонный возраст, не выпасть из первой обоймы.

Посетил академик тогда и нашу лабораторию и был, похоже, немало удивлен, что в такой провинциальной глуши ребята на слабеньком 386-м компьютере показывают трехмерные сейсмические кубы с приемлемой скоростью, программируют нейросети и другие всевозможные новинки, о которых геофизический мир широко узнает лишь через несколько лет. Все программы были сделаны нашими руками, а экспресс-визуализация конкретно – Сашей Токаревым. Никаких зарубежных специализированных программных пакетов у нас

тогда еще не было, да и во всей стране их были единицы и то с ограниченными возможностями. Это было похоже на известный в то время анекдот, в котором русские с помощью лома, кувалды и «какой-то матери» запускали в сибирской глуши межконтинентальную ракету, поражавшую цель с первой попытки. Академик дал команду сопровождавшему его тогда референту Яснову: «Запиши, надо их отправить посмотреть современные графические возможности в Сан-Диего». Яснов сделал пометку, но в Сан-Диего нас потом никто так и не позвал.

На первой же конференции, организованной в Мурманске АО «Росшельф» в присутствии высокого начальства, каждая организация стала «тащить одеяло на себя», предвкушая финансовые вливания в техническое перевооружение и получение заказов на выполнение работ. Наш институт тут же лишился форы, во многом благодаря тому, что Иван Агаджанян, имевший тогда влияние на члена правления «Газпрома» Б.А. Никитина, нашептал ему о НИИМоргеофизике много нелестного. Иван специалист-то был никакой, чтобы разобраться в чем-то конкретном. Он просто честно оказывал протекционизм другим организациям. И открывшийся было для института шанс на выживание был тут же потерян. Дальше год от года ситуация только ухудшалась.

А что же стало с «Росшельфом»? А то же самое, что и со многими другими детищами академика: истратив огромное количество денег, «Росшельф» попросту лопнул, как очередной мыльный пузырь, и сейчас формально существует, владея лишь маленьким участком трубопровода в Краснодарском крае. Спустя почти 15 лет не построена платформа на Северо-Двинском заводе, и вообще не сделано ничего заслуживающего внимания. Только постоянное переписывание бумаг и проектов да смена потенциальных иностранных партнеров. А то, что было самым ценным для технологического рывка российской промышленности – время – безвозвратно упущено. Лицензии на право разработки месторождений Штокмановское и Приразломное переданы компании «Севморнефтегаз», принадлежащей «Газпрому».

Мое негативное отношение к вопросам руководства академической наукой в России, где многие годы самой влиятельной фигурой был академик, сформировалось задолго до этого, а отрицательный для страны результат каждого следующего деяния лишь убеждал меня в своей правоте.

Вначале я непосредственно столкнулся с опустошительной для бюджета СССР практической реализацией его идеи на Кольском полуострове. В эру своей научной состоятельности

академик был одним из инициаторов строительства и использования магнитогидродинамических (МГД) генераторов. Идея была с точки зрения физики красивая, а вот с ее практическим использованием пока были проблемы. Увлекаясь геофизикой в качестве хобби, он с радостью воспринял идею использовать МГД-генератор в качестве источника мощного электромагнитного сигнала, с помощью которого можно изучать геоэлектрические свойства земной коры и верхней мантии. Бесспорно, академической науке все интересно, но цена вопроса и несомненность практической пользы для экономики страны в данном деле должны быть превалирующими факторами. А что мы получили? Объективная неоднозначность и некорректность обратной задачи геоэлектрики не позволили сколько-нибудь достоверно локализовать в пространстве геоэлектрические аномалии. А даже если предположить, что это удалось сделать на 100 % достоверно (такого объективно быть не может!), то что из того, что где-то на глубине 30–50 км обнаружена проводящая или, наоборот, плохо проводящая зона? Да ничего. Если бы на это были потрачены средства в объеме содержания двух-трех полевых отрядов, то это нормально: человечество ведь должно стремиться к познанию мира. Но здесь-то совсем не тот случай, а дорогостоящий масштабный государственный проект. Из бюджета были истрачены фантастические средства на строительство установки на полуострове Рыбачий, а потом и на содержание в течение нескольких лет серьезного контингента военнослужащих, обслуживающих этот объект. Все это вместе сопоставимо с годовыми бюджетами нескольких среднероссийских городов или с серьезной социальной программой нескольких крупных регионов. А сколько стоили регулярные «холодные» или «горячие» пуски установки, когда сжигаются многие тонны дорогостоящего «пороха», чтобы создать в морской воде вокруг полуострова электрический ток в десятки тысяч ампер? А разве допускали туда независимых экологов, чтобы те посмотрели, что при этом происходит с ихтиофауной, и считал ли кто потом этот ущерб?

Как обычно в то время, эта проблема, вероятно, имела и оборонный аспект, и грамотному физику понятно, какой именно. Иначе такие средства на чистую науку вряд ли выделялись бы. Однако, кто более или менее соображает в данной области, поймет, что закрытая научно-исследовательская часть была обречена на неудовлетворительный результат.

А что происходило в тяжелые дни после чернобыльской катастрофы? Академик бравировал на пресс-конференции перед телеоператорами: «Товарищи, не драматизируйте ситуацию.

Смотрите, я там был, получил дозу радиации, и вот я перед вами, и ничего». Да, конечно, академик получил некоторую допустимую дозу. Но потом вокруг него порхали лучшие доктора страны в лучших санаториях и поликлиниках Союза. А сотни и тысячи людей, лишенных этой возможности, медленно и мучительно умирали. Поскольку среди них были и близкие мне люди, я никак не могу простить академику этой клоунады перед телекамерами.

Мне многие говорят: «Что ты так взъелся на академика? Он, в принципе, неплохой и компанейский мужик и не зазнается особо». Да, для товарища по застолью он вполне добродушен и незлобив и, а принципе, неплохой человек. Но разве этого достаточно? Он же фактически руководил всей наукой Союза и России, а не просто произносил тосты за столом.

А в развале российской науки в тяжелый для страны период разве нет его вины? Или академик оправдывает себя тем, что так складывались обстоятельства, и он не мог преодолеть сопротивление системы? А кто же тогда смог бы, если все нити управления вопросами науки и передовых технологий находились в его руках? Надо было найти или вырастить того, кто был в состоянии это сделать, передать ему эти рычаги и всячески помогать своим авторитетом. Увы, академик этого не сделал. Он сам был частью этой системы, которая привела всю нашу науку в полный упадок.

Так что история с «Росшельфом» – только эпизод в этой бесконечной череде дорогостоящих для страны ошибок.

* * *

Все же следует хотя бы несколько слов сказать о моей общественной работе в тот период. Ведь мой переезд в Мурманск был во многом спровоцирован полученной премией обкома комсомола в области науки и техники, Я действительно возглавил областной совет молодых ученых и специалистов примерно на три года. По большому счету вспомнить кроме многочисленных заорганизованных заседаний и летучек нечего. Основную работу в этом направлении планировали и организовывали инструкторы отдела рабочей молодежи обкома ВЛКСМ (в последний год это был Владимир Шемякин), а меня преимущественно использовали в качестве «свадебного генерала» на обязательных мероприятиях. Такой расклад меня вполне устраивал. Это коренным образом отличалось от общественной работы в качестве секретаря комсомольской организации института в Апатитах. Да и содержание работы, касающееся

преимущественно различных мероприятий и кампаний в рамках системы НТТМ (научно-техническое творчество молодежи), создавало ощущение хотя бы минимальной полезности этой деятельности. Изредка выезжал в краткие командировки по области для оказания помощи советам молодых специалистов на предприятиях, а также для своеобразных инспекций в районные и городские советы молодых ученых и специалистов.

С началом перестройки система НТТМ стала первой ласточкой в преддверии кооперативного движения, которое начало разворачиваться примерно год спустя. Здесь впервые разрешили формировать временные творческие коллективы молодых специалистов различных предприятий для решения каких-либо производственных задач. Это явилось реальным рычагом для легального дополнительного заработка молодым сотрудникам, которые что-то полезное могли делать самостоятельно. При этом предприятие, заключавшее договор с временным творческим коллективом в рамках этой системы, не затрагивало свой собственный фонд оплаты труда, в то время еще строго нормируемый и контролируемый сверху. Нам удалось весьма успешно одними из первых стартовать в этом новом деле.

К тому моменту я попытался завершить эту свою общественную деятельность на посту председателя Областного совета молодых ученых и специалистов. Мне предложили подыскать подходящую замену: молодого парня до 30 лет и, желательно, кандидата наук. Подходящий парень был – это Коля Дорофеев, очень толковый специалист из моих бывших студентов по крымской практике, работавший старшим инженером в МАГЭ. А вот с ученой степенью пока были проблемы. Но, тем не менее, Коля им подошел. Я таким образом освободился от довольно хлопотной общественной работы, а для Коли наступил звездный час, фактически определивший всю его дальнейшую жизнь. Дело в том, что к тому времени перестройка уже раскручивалась, и первыми ее плодами могли воспользоваться как раз комсомольские структуры при обкомах и горкомах, которым первым было разрешено под эгидой той же, но уже модифицированной и более либеральной системы НТТМ фактически заняться коммерческой деятельностью. И почти все они начали с посреднических операций по торговле персональными компьютерами, которые только-только начали входить в обиход на некоторых предприятиях, В Мурманске такое подразделение стало функционировать под названием «Элекс» в единой цепочке с московскими поставщиками. В результате этим структурам при комсомоле благодаря более выгодным стартовым условиям удалось предвосхитить начинающийся компьютерный

бум и таким образом скопить хороший стартовый капитал для дальнейшего бизнеса. Коля Дорофеев, благодаря своей общественной должности председателя областного совета молодых ученых и специалистов, а также хорошей коммерческой жилке, оказался во главе этого мероприятия и стартовал в большой бизнес, которым до сих пор весьма успешно занимается в своей системе «Юнит». Вскоре после хорошего разворота дел в Мурманске он переехал в Москву и продолжил эту деятельность уже на более высоком уровне. Немного жалко, что в нем пропал очень хороший геофизик, ну да что теперь поделаешь? Получается, что невольно я сам этому поспособствовал, порекомендовав Николая на свое место накануне больших перемен в государстве. Думаю, он сам ни в коей мере об этом не жалеет. Теперь он, будучи «владельцем заводов и пароходов», отчасти возвратился в том числе и в геофизический бизнес, купив специализированное судно, выполняющее сейсморазведочные работы по заказам различных компаний.

* * *

В начале 90-х годов ситуация с геологоразведкой в стране резко ухудшилась. Никому из правящей клики и дела не было до восполнения ресурсной базы страны. Все власть имущие с помощью своих придворных нуворишей растаскивали, как могли, народное богатство через уродливые формы приватизации, последствия которой еще до сих сказываются, В этой ситуации многие лучшие специалисты нашей отрасли двинулись в другие сферы, пытаясь найти достойные заработки и прокормить семью. Повальным стало и увлечение экономическим образованием.

Я, завершая работу над докторской диссертацией по геофизике, тоже начал немного увлекаться экономической наукой, почитывая некоторые журналы и статьи.

Во вновь складывающейся ситуации многие люди, получившие экономическое образование в советское время, не могли найти применение своим быстро устаревающим знаниям. Эти знания некоторой степени им даже вредили, мешая понять закономерности рыночных отношений. Недолго думая, я получил двухлетнее дополнительное образование в заочной форме при Государственной академии управления (ГАУ) им. Орджоникидзе на базе уже имеющегося высшего технического образования и стал подумывать, как бы его применить. То, что я стал сравнительно неплохо формировать свой личный инвестиционный портфель из различных финансовых активов,

который приносил мне доходы, опережающие галопирующую тогда инфляцию, это одна сторона дела. Мне постоянно требовалось ощущать хоть какую-то общественную полезность своей деятельности. Не собираясь, как многие, бросать геофизику, которая еще приносила пока доход, но уже в существенной части от иностранных контрактов, я решил заняться преподаванием по совместительству в Мурманском университете, глядя на Эмиля Бляса. Он уже несколько лет читал там математику. Заодно я решил зарабатывать и необходимый тогда пятилетний стаж преподавания в вузе, чтобы затем, при прочих необходимых условиях, подать в ВАК документы на присвоение ученого звания профессора. Я решил, что это мне может пригодиться, и не ошибся. Однако как заявить о своем желании, я не представлял. Ходить по кафедрам и напрашиваться представлялось бесперспективным, поскольку так со своей только что полученной докторской степенью я составлял бы конкуренцию штатным преподавателям, среди которых докторов наук практически не было. Да и во всем городе их тогда были единицы. Я написал письмо ректору и отправил по почте. В нем я отметил, что мог бы преподавать физику, математику, геологию, геофизику, нефтегазовое дело, а на последнем месте я на всякий случай указал пару экономических дисциплин: фондовый рынок и инвестиционный анализ. Самое интересное, что именно это последнее и сработало. Преподавателей со знанием элементов рыночной экономики катастрофически не хватало. Через неделю мне позвонили из приемной Майи Николаевны Чечуриной, возглавлявшей тогда ИМЭП (Институт менеджмента, экономики и права), который входил на правах факультета в местный университет. Приехав на собеседование, я встретил очень приятную интеллигентную женщину, с которой мы сразу же и сработались. Мне было предложено полставки профессора кафедры и для начала преподавать фондовые операции. Для тех, кому непонятно, что это такое, поясню, что почти эквивалентное по смыслу название звучит «Рынок ценных бумаг». Вскоре я еще подучился этому делу в течение двух недель у преподавателей из университета г. Лулео, что в Швеции. Особенно полезной для понимания сути дела оказалась новая для того времени компьютерная игра на виртуальной фондовой бирже. В общем, этих знаний и хорошей базовой математической подготовки хватило, чтобы разобраться в этом новом для меня деле. Никаких учебников по этим предметам еще тогда не было. Это потом, через пару лет, их стало уже в избытке. Студентам, особенно заочникам, при полном отсутствии литературы по этим разделам было очень трудно осваивать азы новой для России дисциплины.

Мне пришлось оперативно подготовить и издать два учебных пособия. Потом довелось преподавать и много смежных экономических дисциплин: «Портфельный анализ и инвестиционные риски», «Биржевое дело», «Инвестиционный анализ», «Элементы экономико-математического анализа» и т. п. Причем разбираться во всем приходилось досконально, поскольку кроме бюджетных студентов у меня появились очень дотошные взрослые слушатели с факультета переподготовки. Они или сами платили серьезные деньги за обучение, либо за некоторых из них (например, за офицеров, подлежащих досрочному увольнению) платили различные городские или областные фонды переподготовки, После лекций или семинаров ко мне с вопросами обращался почти каждый второй слушатель в отличие от обычных студентов, которые еще не чувствовали ответственности за свое образование и будущую работу. Чтобы ответить на любой неожиданный вопрос взрослого человека, а не отмахнуться от него, надо было серьезно разобраться в новых для меня предметах. И я это старался делать, поскольку больше им ответить было некому. Штат профессиональных преподавателей был довольно скуден, а уровень их подготовки в совершенно новых экономических областях был совсем невысоким. Привычка не бояться ничего нового, а смело пытаться разобраться в незнакомых проблемах, которую нам привили в МГУ, очень пригодилась.

В то же время на факультете было немало прекрасных преподавателей по отдельным дисциплинам, с которыми приходилось сталкиваться по разным вопросам. С большой теплотой и благодарностью вспоминаю Елену Константиновну Медко, Светлану Борисовну Савельеву, Игоря Георгиевича Нешатаева, Андрея Ивановича Кибиткина, Ольгу Николаевну Меркулову и многих других. А Ольга Ивановна Соколова всегда так оптимизировала расписание, что я еще долгое время приезжал из Москвы, чтобы довести свои предметы и подготовить себе смену из молодых.

Мне нравилось тогда работать с такой заинтересованной аудиторией, каковой были взрослые люди с факультета переподготовки, решившие коренным образом поменять свою жизнь. Было ощущение, что я реально приношу им хоть какую-то пользу. «А может быть, это вообще самое полезное, что я сделал в жизни?» – задавал я сам себе этот вопрос. Пусть даже один из десяти потом сможет реально использовать эти знания хотя бы для того, чтобы обеспечить свою семью, то уже и это неплохо. Работа с абстрактными сейсмическими записями не давала такого ощущения. Поэтому я до сих пор по мере возможностей

занимаюсь преподавательской работой, хотя основной остается работа в геологии и геофизике.

Полученные знания и навыки я сравнительно успешно использовал и для увеличения личного благосостояния. Средства на новенькую «Лада-21093» в экспортном варианте – практически лучший легковой автомобиль того времени – были получены мной исключительно от доходности личных финансовых операций. Хотя и обычная официальная зарплата за преподавание именно здесь, в ИМЭПе, была в разы выше по сравнению с той, которую получали преподаватели на чисто бюджетных технических факультетах. Пожалуй, она была и выше моего основного заработка в НИИМоргеофизики, который в эти наступившие трудные для геологии времена был не очень высоким.

Все же моя работа в этих двух «параллельных мирах» оказалась незряшной. Кроме очевидной материальной выгоды я получал моральное удовлетворение, наблюдая, как некоторые ученики занимают затем ключевые посты на местных предприятиях и в банках. А два моих аспиранта, у которых я был научным руководителем, защитили диссертации и получили ученые степени кандидатов экономических наук. Да и потом, благодаря в том числе и этой преподавательской деятельности, я в 2000 году получил, наконец, ученое звание профессора и соответствующий аттестат ВАКа.

* * *

Самое замечательное, что вспоминается о мурманском периоде нашей жизни, это великолепный и разнообразный досуг. Во многом это было возможно потому, что окружающие люди были чрезвычайно доброжелательны и открыты друг к другу, любили общаться и отдыхать вместе. Думаю, что это именно Север так сортирует людей. Ведь в Апатитах было то же самое. И на других «далеких северах» в то время чувство товарищества и взаимопомощи проявлялось в не меньшей степени. Случайные и неискренние люди «с камнем за пазухой» здесь надолго не задерживались. К сожалению, таких взаимоотношений нет ни в Москве, ни на юге России, Там, скорее, определяющим чувством у многих является зависть. Наибольшая радость у человека наступает не тогда, когда у него самого все хорошо складывается (это воспринимается как должное), а когда у соседа, образно говоря, «корова сдохла». А если, не дай бог, у соседа что-то лучше, чем у тебя, то места себе уже не находишь, и кажется, что

нет в жизни счастья. Это, конечно, утрированно, но серьезные элементы такого поведения наблюдаются. На севере в большинстве своем люди умеют радоваться чужим успехам и удачам, часто воспринимая их как общие для коллектива единомышленников, потому что так ближе ощущается локоть друга и плечо товарища. Иначе здесь нельзя.

На протяжении последних семи лет моего пребывания в Мурманске моим любимым днем недели был четверг. Объясняется все предельно просто: в этот день после работы мы собирались дружным мужским коллективом и шли в баню. Чаще это была баня № 1 на Комсомольской недалеко от вокзала, А когда она была на ремонте, хаживали и во вторую баню, в конце проспекта Ленина. Особенно все хорошо было организовано в первой бане. Первую половину сеанса парились всухую – по сценарию сауны. Во второй половине начинали подливать и париться с веничками. Причем этот уклад сохранялся годами и никто из вновь прибывающих парильщиков, пытавшихся навести свои порядки, не в силах был его изменить. Это был знак уважения к привычкам, предпочтениям и вкусам друг друга. Каждый мог выбрать для себя подходящий интервал времени в парилке, либо воспользоваться обеими, что большинство и делало. В конце сеанса мы всегда собирали столик с нехитрой закуской и немного «принимали» после баньки, как учил Суворов. Бабушки-банщицы всегда отгораживали нам уголочек как многолетним завсегдатаям. Сейчас, спустя годы, кажется, что на этом свете трудно придумать что-либо более приятное и душевное, чем эти дружеские мужские посиделки после бани за кружкой пива с непринужденными разговорами. Как не хватает этого в сегодняшнем бешеном темпе жизни!

Параллельно было две банных компании. В одну входили Саша Боголепов, два Валерия: Петрикевич и Ковригин, Гриша Кривицкий, Толя Михин, Паша Никитин, Эдик Шипилов и я, а во вторую – Аркадий Мадатов, Миша Гелетуха, Володя Середа. Иногда появлялась еще группа наших: Слава Юсов, Валентин Дойников. Сергей Гудименко. Потом, по мере того как народ стал разъезжаться из Мурманска, все наши компании объединились и переместились во вторую баню, где открылся неплохой пивной бар.

Наиболее грандиозная баня у нас была в канун католического рождества. И хотя католиком никто не являлся, это было наиболее удобное время для нашего традиционного мероприятия, поскольку после этого уже начинались традиционные предновогодние хлопоты как дома, так и на работе. Мы заказывали отдельный большой банный номер на первом этаже, с

большим предбанником и бассейном, на несколько часов. Тщательно готовили закуску и напитки. Эта символическая, очищающая физически и духовно предновогодняя парилка была фантастической по своему благотворному воздействию на тело и дух и создавала мощный заряд бодрости и оптимизма на весь следующий год.

Когда я, уже много лет спустя работая в Москве, оказывался в командировке в Мурманске, обязательно старался попасть с ребятами в баню и хотя бы на мгновение почувствовать себя в прошлом чудном времени, Когда трое из нас переехали в Москву, а Гриша Кривицкий подъезжал к нам в командировку, мы собирались сперва в Астраханских банях в Москве, пытаясь воссоздать те прошлые ощущения. Конечно, было приятно попариться и пообщаться, но ничего похожего в чужой обстановке смоделировать не удалось. В Москве, в принципе, нет и никогда не будет той доброй и душевной человеческой ауры, которая еще существует в далеких уголках России.

* * *

Чем особенно богато было Кольское Заполярье, так это обилием грибов и ягод в период короткого северного лета. Предприятия в выходные дни заказывали для своих коллективов автобусы для выезда за дарами природы. Весь почти полумиллионный город выезжал в ближние и дальние окрестности для сбора осеннего урожая. И всем этих даров хватало: приезжали с полными корзинами и доверху забитыми коробами. Помню, вдвоем с сыном, приехав на нашем институтском автобусе на 63-й км Печенгского шоссе, за пару часов собрали полные рюкзаки и ведра крепеньких подосиновиков, и складывать их уже было некуда. А до отхода автобуса еще было четыре часа. Пришлось перебрать все, что насобирали, и оставить лишь самые крепенькие и молоденькие, а остальные – просто выложить кучкой на траве. Но через час все емкости опять были заполнены. Тогда пришлось еще раз навести ревизию. Отрезали все ножки и оставили одни шляпки, чтобы место еще освободилось. Все равно потом все быстро заполнилось. Труднее было собирать ягоды: морошку – в начале августа, чернику и голубику – в середине и конце августа, а бруснику – попозже, в первой половине сентября. Причем за брусникой обычно ездили подальше – на Марфу или в сторону Лотты, за 100–120 км от Мурманска. Конечно, мы были привязаны к транспорту, выделяемому институтом. О своей

машине как-то не думали. Тогда свой транспорт был не у многих.

У моих родителей своей машины никогда не было, поэтому и я по своему образу жизни к этому не стремился, хотя зарабатывали мы тогда неплохо и могли купить автомобиль. Тем более, что любительские права я получил еще в 10-м классе. Вместо уроков труда у нас было автодело, и перед окончанием школы нам устроили экзамены в ГАИ. Однако для покупки надо было встать в очередь на предприятии и ждать несколько лет. У меня сложился тогда стереотип, что своя машина будет отнимать все свободное время. Надо будет постоянно ее ремонтировать, искать дефицитные запчасти, покупать их у спекулянтов и т. д. Перед глазами был пример моего тестя, который всю жизнь был с машиной и почти все свободное время проводил в гараже. Поэтому стремления к покупке собственного автомобиля не было. Однако один случай в 1989 году все же сделал меня автомобилистом, которым я по сию пору и являюсь.

Заместителем директора НИИМоргеофизики по общим вопросам был Виталий Александрович Мамаев, человек очень деятельный, который не мог сидеть сложа руки. Ему постоянно надо было что-то строить, ремонтировать, выбивать фонды и т. п. В пору начавшегося острого дефицита буквально на все, а особенно на автомобили, он каким-то образом сумел договориться с Запорожским автозаводом на поставку в институт 100 автомобилей «Таврия» по договорной цене. При этом половину автомобилей оставляли для сотрудников, а вторую собирались перепродать другим организациям с небольшой прибылью, чтобы собственные сотрудники могли выкупить их по государственной цене. В институте тут же начался ажиотаж, все стали записываться в очередь.

Незадолго до этого записался туда и я – на всякий случай. Часть автомобилей пошла на общую очередь, где я, как вновь записавшийся, был в конце списка, а несколько штук взялся распределять директор в качестве поощрения сотрудников, которым по общей очереди автомобиль не доставался. В его список попал и я. Когда Евгений Федорович вызвал меня и спросил, буду ли брать машину, я попросил один день на размышления. После обсуждения с Люсей решил машину не брать. Вернувшись на следующий день с работы, я ей сообщил: «Ты знаешь, я все же купил машину», А произошло следующее. Зашел я в кабинет директора, а там вместе с ним сидит Владимир Константинович Утнасин и ждет, что я откажусь, чтобы машина пошла кому-то из его сотрудников, кто в директорском списке был дальше меня.

– Ты, я слышал, отказываешься?

– Нет, отчего же? Я беру.

Сам не понял, почему я это произнес. Наверное, инстинктивно. Почувствовал, что уплывает из рук какой-то дефицит и тут же решил, что пусть и у меня это будет на всякий случай. Тем более, что многие брали, чтобы тут же машину потихоньку перепродать втридорога по рыночной цене, Тогда это считалось спекуляцией и даже преследовалось по закону. Хотя доказать факт спекуляции было трудно, т. к. продавец и покупатель никому не говорили о реальной цене сделки. Поэтому мне еще в голову такая мысль не приходила, поскольку в общественной морали интеллигенции спекуляция была делом постыдным. Просто сработало чувство чего-то выгодного, уплывающего из рук. Думаю, если бы Утнасина не было в кабинете, я бы отказался. В этом смысле я ему благодарен, т. к. в тех, мурманских, условиях машина стала настоящей находкой, особенно в период сбора грибов и ягод. Можно было даже после работы, в будний день, выскочить недалеко по Ленинградке или по Серебрянке и успеть набрать пару ведерок грибочков до вечера. Правда, для этого удовольствия вскоре пришлось ночами стоять в очередях на заправках, чтобы дождаться заветных 20 л бензина на месяц, с которыми далеко не уедешь. Тут «Таврия» со своим мизерным расходом горючего (4,5 л на 100 км) оказалась как нельзя кстати. Да и машинка попалась хорошая, благодаря тщательному выбору моего соседа – опытного автомобилиста Володи Кокорина, «прослушавшего» работу двигателя десятка машин, прежде чем остановился на этой. Я без проблем проездил на ней пять лет, почти не заглядывая под капот. Она доставила нам и нашим знакомым столько удовольствия за эти годы. Моя дочь Анюта ласково называла ее – наша «Таврюша». И мы с сыном Антоном даже пару раз проехали на ней в отпуск из Мурманска через Москву в Железногорск – 2500 км в один конец, а потом обратно, в то время как Люся с Аней и еще тремя чужими детьми и нашей собакой летели самолетом и ехали поездом. Тогда таким образом попутно передавали своим родственникам детей на лето те, чей отпуск еще не наступил. Все последующие автомобили были более удобными и комфортными, но «Таврюша» – первая, любимая.

Отпуск – это отдельная счастливая пора нашего северного жития. Летом город становился почти пустым: все, кто мог, выезжали на Большую землю. При этом с учетом «северных», «кандидатских», а потом и «докторских» продолжительность моего ежегодного отпуска составляла 66 рабочих дней или два с половиной месяца. А у супруги Людмилы, как у преподавателя, он вообще длился все лето. И при этом не считалось зазорным

гулять целый отпуск, как сейчас, когда даже на десять дней проблематично отлучиться без ущерба для рабочего процесса. Поскольку выезд был массовым, в организациях, где не было непрерывного производственного цикла, работа месяца на полтора почти прекращалась. Выгоднее было уехать всем сразу, чем растягивать период неполноценной работы предприятия на четыре-пять месяцев.

За такой продолжительный отпуск можно было успеть объехать полстраны. Приведу лишь один, вполне типичный, пример нашего семейного отдыха в 1989 году. Едем в Москву на поезде, где останавливаемся на три-четыре дня у моей бабушки: прогуляться по столице, показать детям зверей в зоопарке, повидаться с родственниками. Потом перемещаемся на поезде еще на 500 км южнее, в Железногорск, к нашим родителям, где к этому моменту уже поспевает клубника на дачах, а чуть позже – вишня, крыжовник, малина, смородина. Подкрепившись в течение дней десяти этими витаминами, дальше едем на море, в Крым (ежегодно!), на 12–15 дней к одной и той же хозяйке – Антонине Дмитриевне Балакиной, которая нам держит лучшие места в доме в 50 м от пляжа. Затем возвращаемся в Железногорск, оставляем Анюту (она еще маленькая) и втроем едем в Воронеж к приятелям Сазыкиным. Оттуда – дальше, вместе с уже их приятелями, перебираемся на поезде в Аткарск, в сторону Саратова, и пятью семьями с детьми и собаками плывем на байдарках вниз по реке Медведица в течение двух недель. По пути останавливаемся на ночлег и отдых в самых живописных местах, где можно наблюдать, как местами бобры строят плотины, а журавли учат летать птенцов. После этого возвращаемся на нашу «базу» – в Железногорск, а потом – опять в Москву, Из Москвы идем в двадцатидневный великолепный круиз по Волге на суперкомфортабельном теплоходе «Михаил Фрунзе», по маршруту «Москва-Астрахань-Москва». И уж потом в полном составе возвращаемся в Мурманск к прекрасному сезону грибов и ягод. На следующий год отпуск почти такой же, только вместо реки Медведица идем на байдарках по не менее чудесной реке Хопер, а вместо круиза по Волге отправляемся в круиз на теплоходе «Ерофей Хабаров» по Амуру, по маршруту «Благовещенск-Хабаровск-Николаевск на Амуре» и обратно. До Благовещенска летим из Москвы самолетом. Разве можно представить сейчас такой насыщенный и разнообразный отпуск, даже если позволяют средства? Увы, это невозможно. Работа, работа и еще раз работа… Иначе «выпадешь из обоймы».

На Амур мы брали еще с собой мою маму, которая свое детство во время войны провела на Дальнем Востоке и хотела

снова взглянуть на эти красоты. В круизе по Амуру мы познакомились с замечательной семей мурманчан: Виктором и Людмилой Кузнецовыми и их почти взрослой дочерью Анютой. Сначала они обратили на себя внимание великолепной манерой «вальсирования» во время вечерних ганцев на палубе. Потом мы вместе отстаивали честь мурманской группы в различных самодеятельных конкурсах на теплоходе, в которых мы сами тоже были горазды. Чего только стоит танец «маленьких лебедей», исполненный мной, Антоном и еще двумя здоровыми дядьками, наряженными в пачки балерин. Кузнецовы оказались настолько «заводными», жизнерадостными и «легкими на подъем» людьми, что мы с ними подружились на многие годы и общались до самого отъезда в Москву. Они почти в то же время, как и мы, переехали в Минеральные Воды на несколько лет, В свободное от работы время они активно участвовали в народном музыкальном коллективе во Дворце культуры им. Кирова. Песни и пляски – неотъемлемая часть любой вечеринки с их участием. Будучи неоднократно у них в гостях и приглашая нередко их к себе, мы познакомились и со многими остальными членами их веселого музыкального коллектива. Все это зарядило нас оптимизмом, жизненной энергией и оставило неизгладимое впечатление на многие годы.

Довольно часто мы ходили в Мурманский областной драмтеатр, где по тем временам славилась очень неплохая труппа и несколько спектаклей в каждом сезоне были вполне удачными.

Очень оригинальным и необычным был кукольный театр, где иногда ставились и спектакли для взрослых. А уж дети были от этих представлений просто без ума. Старались не пропускать и заезжих артистов.

В последние два года нашего пребывания в Мурманске несколько профессиональных музыкантов из числа преподавателей музыкального училища и артистов хора Северного флота организовали великолепный ретро-бэнд «Граммофон», ни одну программу которого мы не пропускали. Все наши друзья восторгались ими, и на их концертах практически всегда был аншлаг. Но с наибольшим удовольствием я наслаждался голосами солистов хора Северного флота, особенно Леонида Цымбала, исполнявшего нежные и мелодичные песни о суровой и красивой северной природе и нелегкой морской службе. Я на всю жизнь полюбил эти края. Несмотря на то, что потом пришлось объездить чуть ли не половину земного шара, нигде мне не было так хорошо и комфортно, как на суровом и прекрасном Кольском севере.

Когда приближался мой 40-летний юбилей в ноябре 1995

года, я еще определенно не знал, но уже предчувствовал, что скоро покину этот город, и потому решил отпраздновать эту дату «на полную катушку». Люся показала чудеса кулинарного мастерства и приготовила своими руками очень хороший стол на 40 человек. Пришлось делать несколько рейсов на машине, чтобы все довезти до института. Отмечали мы это событие в просторном кабинете директора. Присутствовали не только друзья и коллеги, с которыми бок о бок проработал больше десяти лет, но и руководство объединения «Союзморгео»: Яков Петрович Маловицкий, Ярослав Николаевич Протас, Леонид Иванович Кузьменко и другие. Говорили, как в таких случаях водится, что крепко стою на ногах, что состоялся как ученый и много успел сделать к 40 годам, и всякие прочие преувеличения, которые надлежит слушать юбиляру, отчетливо, однако, понимая, что, увы, очень многое не удалось и надо еще очень много постараться, чтобы оправдать свое пребывание на этом свете. А удастся ли? – большой вопрос.

Да, это были, пожалуй, лучшие годы моей жизни, полные романтики, хороших друзей, счастливых надежд. Этот прекрасный город с чудесными и отзывчивыми людьми, готовыми прийти на помощь, навсегда останется для меня лучшим городом на Земле. Мне кажется, что именно в этот период я смог почувствовать, что такое счастье. И ощущение этого почти абсолютного человеческого счастья больше никогда в жизни не повторялось.

До сих пор в моих воспоминаниях слышен голос солиста Леонида Цымбала, исполняющего вместе с хором Северного флота очень красивую и мелодичную песню, которая волнует душу любому, кто прожил долгое время на Севере:

Вот и мне сигналят расставание
Огоньки над взлетной полосой.
Я хотел бы песню на прощание
Увезти, товарищи, с собой.
Север, север – без конца и края,
Ледяных просторов торжество.
Северу навечно оставляем
Мы частицу сердца своего…

ГАЗОВАЯ АТАКА

Отказавшись дважды в свое время от переезда за рубеж и работы в иностранных фирмах по контрактам, я понимал тем не менее, что в данной внутриполитической и экономической обстановке в стране ситуация в Мурманске с течением времени будет только ухудшаться. Конечно, можно было дальше держаться какое-то время на эпизодических заказах зарубежных фирм, которые фактически по бросовым ценам эксплуатировали наш интеллектуальный потенциал. Однако эта ситуация напоминала присловье: «Птица в клетке не поет». Когда твой труд используют наиболее вероятные в будущем конкуренты, большого творческого энтузиазма это как-то не вызывает. По этой же причине я не рассматривал и возможные варианты работы за рубежом. Я уже имел к тому времени немалый и в целом положительный опыт работы с иностранными партнерами, часто выезжая в краткосрочные деловые поездки, но перспектива работать там продолжительное время меня не привлекала. Зарабатывать на жизнь дополнительно можно было и продолжая преподавать на платных факультетах переподготовки в Мурманском университете. Однако складывающаяся общая психологическая обстановка в связи с явным сворачиванием работ на Арктическом шельфе не способствовала свободному научному творчеству и созидательной работе. К тому же приближался 15-летний срок моей работы на Крайнем Севере, дающий в будущем право на определенные пенсионные льготы, а дальнейшее пребывание здесь этих льгот не прибавляло. Так или иначе, на большую землю надо было перебираться, и по совокупности причин время было подходящим.

Тут надо отдать должное моему знакомому – Александру Ивановичу Кабанову. Он предложил попытаться переехать в Москву и устроиться во ВИИИГАЗ, который он хорошо знал по предыдущей работе. У моей мурманской лаборатории тоже был опыт работы с ВНИИГАЗом, но, скорее, отрицательный. Мы, используя свои передовые к тому времени достижения, заинтересовали лабораторию Михаила Осиповича Хвилевицкого, наиболее «продвинутого» здесь на тот момент специалиста по сейсморазведке, и он добился заключения с нами договора на нестандартную интерпретацию данных 3Д-сейсморазведки по Астраханскому месторождению в районе Аксарайской мульды. ВНИИГАЗ оплатил нам небольшой аванс, мы выполнили работы и сдали отчет. Результаты его более чем устроили. Дело в том, что мы тогда, в 1994 году, уже владели технологией нейросетевых

алгоритмов, опередив почти на десять лет их массовое использование в геофизике. Нам из 17 скважин, имевшихся в пределах съемки 3Д, дали материалы только по 13 из них, оставив четыре других в виде контрольных, чтобы нас проверить. Но мы об их наличии ничего не знали. И когда фактические результаты по параметрам в точках этих четырех скважин практически совпали с прогнозируемыми нами, это впечатлило нашего заказчика. Михаил Осипович потом года два показывал наши прогнозные сейсмические кубы результирующих параметров на разных конференциях и семинарах от имени ВНИИ ГАЗа. Самое интересное, что ВНИИГАЗ, кроме того аванса, ничего НИИМоргеофизике так и не заплатил. Сначала нам бесконечное число раз обещали это сделать, а потом, когда инфляция «съела» эти остатки, все стало бессмысленным. Потом, уже работая во ВНИИГАЗе, я понял, что на тот момент это была обычная практика.

Мы договорились с Михаилом Осиповичем о моем переходе в его лабораторию с тем, чтобы в перспективе ее возглавить, а ему по состоянию здоровья и возрасту остаться научным консультантом. Однако вопрос этот был непростым, тем более, что условием моего перевода было предоставление мне квартиры. Мои предварительные контакты во время командировок из Мурманска с Рудольфом Михайловичем Тер-Саркисовым, бывшим тогда заместителем директора по науке, были вполне обнадеживающими. Но все мои письма и бумаги по переводу «похоронил» по своему разумению Николай Блинников, бывший в то время помощником генерального директора.

Поскольку с этой стороны была осечка, А.И. Кабанов посоветовал сделать очередной заход уже со стороны директора отделения «Шельф» ВНИИГАЗа Евгения Владимировича Захарова. Это было предпочтительнее, поскольку мне пришлось бы заниматься теми же месторождениями Арктического шельфа, которые я хорошо знал до этого. Евгений Владимирович оказался человеком настойчивым и заручился поддержкой генерального директора Александра Ивановича Гриценко по поводу моего переходе во ВНИИГАЗ, в результате чего летом 1996 года я уже работал в этой организации сначала в должности главного научного сотрудника. Вопрос с предоставлением жилья, правда, затянулся. Пару лет пришлось жить в служебной квартире, и лишь в начале 1999 года мы въехали в просторную пятикомнатную квартиру на юге Москвы.

ВНИИГАЗ является по сути головным научно-техническим центром Газпрома. Здесь представлены практически все отрасли газовой науки от геологии, оценки запасов и проектирования

разработки газовых месторождений до исследования проблем транспортировки и переработки природного газа, создания синтетического топлива и т. д. Причем вопросы геологии и геофизики имеют скорее подчиненное значение в этом многопрофильном институте. По сию пору здесь трудится свыше полутора тысяч человек, если считать вместе с филиалом и вспомогательными опытными производствами. Не сказать, что столь большая численность положительно сказывается на эффективности прикладных научных исследований.

Отделение «Шельф» являлось достаточно автономной структурой в институте, поскольку здесь в миниатюре был смоделирован весь процесс, который мог бы иметь место в реальности. И каждое звено было представлено отдельным небольшим структурным подразделением. Имелись лаборатории геологии, проектирования разработки, обустройства морских промыслов, морских платформ, оценки экономической эффективности проектов и т. д. Это позволяет делать большинство проектов «под ключ». Главным минусом является то, что реально воплощается в жизнь только начальная часть этой цепочки. Плохо ли, хорошо ли, но поиск и разведка на море ведется, и месторождения открываются. А вот реально обустроенного морского месторождения, на котором уже началась бы добыча, за время деятельности отделения так и не появилось. Если повезет, то года через два начнется добыча на Приразломном нефтяном месторождении, а лет эдак через пять на газовых месторождениях в Обской и Тазовской губах. По нынешним планам добыча газа на Штокмановском гиганте начнется не раньше 2013 года.

Когда я в первый день пришел на работу, что меня поразило больше всего, так это практически полное отсутствие компьютерной техники в лаборатории. А на весь центр из 50 человек было четыре «хиленьких» 286-х, используемых преимущественно как печатные машинки. И это в столичном-то институте, в то время как в нашей заполярной глубинке уже шесть лет как практически все до последнего сотрудника с высшим образованием сидели за персоналками и работали с программами и графикой. А здесь все геологические схемы, карты, разрезы, колонки делались так же, как и 50 лет назад: на кальках, ватманах тушью руками чертежницы Евгении Павловны Ильиной. Это было нормально для предыдущих лет, но ведь сейчас «на дворе» заканчивался XX век. Думаю, что по этой причине и отношение многочисленных иностранцев, которые толпами «кружились» вокруг отделения «Шельф» в связи с перспективными морскими проектами, было примерно таким же,

как к туземцам из племени «Мумба-юмба». Правда, при общении они были предельно корректны и этого не показывали. Хотя надо отдать должное специалистам ВНИИГАЗа: многие из них были корифеями в своем деле. Сам Евгений Владимирович обладал огромным геологическим кругозором. О каком бы регионе Земли не зашла речь, он знал в общих чертах основную информацию о геологии района, основных перспективных комплексах и практически никогда не ошибался в своем геологическом предвидении относительно того или иного участка. После его ухода из ВНИИГАЗа замены ему, по большому счету, так и не нашлось. Прекрасным и опытным специалистом и ученым был и Александр Тимонин, с которым мы по сию пору вместе очень плодотворно сотрудничаем. Он первым из здешних геологов уже тогда «подобрался» к персональному компьютеру. Кроме того, я в первый же день увидел очень знакомое лицо человека, которого неоднократно встречал в Мурманске, но познакомиться с ним тогда лично не довелось. Это оказался опытный геолог-подсчетчик Василий Ягодин, проработавший в «Арктикморнефтегазразведке» три года. Фактически им тогда был подготовлен первый подсчет запасов Штокмановского месторождения в 1993 году. С Василием мы быстро сошлись как бывшие мурманчане, несмотря на разницу в возрасте (он был намного старше). В первые два года мы частенько хаживали вместе в баню. После многолетней мурманской «банной» традиции я долго не мог привыкнуть к отсутствию этой еженедельной процедуры, очищающей тело и успокаивающей душу незамысловатой мужской беседой.

В нашей 207-й комнате третьего корпуса находилась и Нина Реутская, пришедшая во ВНИИГАЗ незадолго до меня. Она была хорошим специалистом в области промысловой геофизики и на равных спорила с иностранными геологами по поводу «отбивок» и «реперов» в разведочных скважинах и заставляла зачастую их соглашаться. А Тамара Толстикова являлась даже в некотором смысле «стержнем» коллектива. Мало того, что без нее из нашей довольно большой лаборатории не выходил ни один отчет, она помнила обо всех днях рождения и была «заводилой» во всех лабораторных мероприятиях. В первые годы мы с ней вдвоем обычно начинали застольные песни, поскольку зачастую оказывались единственными, кто знал слова. Она была со своей открытостью и бескорыстием, пожалуй, нетипичным представителем коренных москвичей. Думаю, ее «перевоспитал» в хорошем смысле долгий период работы вместе с мужем Владимиром во Вьетнаме, где они «варились» в общем котле советского братства. Шучу, конечно. Рискну предположить, что

она родилась и выросла такой доброй и заботливой, как и многие другие нормальные москвичи, на которых провинциалы «возводят напраслину».

Вообще-то так сложилось, что во ВНИИГАЗе работали большинство приезжих. Видимо, сказывалась специфика института, т. к. требовались, в основном, специалисты с производственным и научным опытом, которого по этим специфическим направлениям в Москве приобрести было особенно негде. В нашем отделении «Шельф» наиболее ярким представителем новой волны приезжих из российского «далека» была Наталья Глухова, возглавившая лабораторию оценки экономической эффективности морских проектов. Она со своей неутомимой энергией немало «взбудоражила» застоявшуюся ВНИИГАЗовскую атмосферу. К тому же Наталья сама, как и ее молодые сотрудники, уже владела компьютером на уровне опытных пользователей. Это было ценным кадровым пополнением отделения «Шельф», которое постепенно выходило на передовые позиции во ВНИИГАЗе. Уже позже не без моего участия прибыл в наш отдел и еще один экономист от геологии – мурманчанин и коллега по НИИМоргеофизике – доктор экономических наук Павел Никитин.

Поначалу мне пришлось «поставить на компьютерные рельсы» хотя бы элементарные операции построения карт, подсчета объемов и запасов. Первые года полтора я занимался этим в одиночку, пока не появился молодой специалист Кирилл, который в период магистратуры в ГАНГе специализировался на прикладном пакете «Сурфер», наиболее доступном тогда для этих целей, Кирилл проработал недолго и ушел в коммерцию, испытывая серьезные материальные проблемы в связи с рождением ребенка. Молодым специалистам после окончания вуза тогда у нас платили немного. Но спустя некоторое время мне все же удалось собрать под «наши знамена» несколько молодых парней: сначала Сергея Шарова, потом Яна Штейна и Лешу Ахапкина. Мы, поначалу пять человек, оформились в отдельную лабораторию «Геолого-геофизического моделирования на шельфе» в рамках отделения и начали серьезно штурмовать прикладные научные проблемы в области морской геологии и геофизики,

САРАТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ (старт экономической геологии)

Как становится понятным из предыдущих историй, к концу 90-х годов у меня накопился достаточно солидный профессиональный опыт в двух совершенно разных областях знаний: геофизике, геологии, оценке запасов углеводородного сырья, с одной стороны, и в различных экономических дисциплинах – с другой. Причем обе эти области были серьезно подкреплены как опубликованными научными работами, так и официальными Ваковскими (ВАК – высшая аттестационная комиссия) документами: дипломом доктора физико-математических наук, полученным по разведочной геофизике, и аттестатом профессора, полученным по кафедре финансов. В обеих этих областях у меня уже были аспиранты и соискатели, готовившие кандидатские диссертации под моим научным руководством. Нужен был какой-то случай, чтобы эти два направления сомкнулись воедино. И такой случай вскоре представился, В июне 2000 года я поехал в Шотландию за счет принимающей стороны для того, чтобы сделать доклад на ежегодной конференции Европейской ассоциации геоисследователей и инженеров (EAGE), проводившейся в Глазго. Саму эту историю под названием «Лондонские приключения и геология виски», если Вам любопытно, можете прочесть во второй части данной книги.

После возвращения из Глазго Елена Постнова, с которой мы познакомились на конференции, попросила помочь организовать геолого-экономические исследования у них в отделе. Она тогда (да и сейчас тоже) возглавляла отдел геологии и нефтегазоносности в Нижневолжском НИИ геологии и геофизики, что в Саратове. Я плохо себе представлял, как это можно сделать на таком расстоянии, но настойчивость Елены, проявившей себя не только приятной умной женщиной, но и прекрасным научным организатором, сделала свое дело. Я согласился, хотя сам процесс геолого-экономической оценки ресурсов Урало-Поволжья и Прикаспия, которую надо было поначалу выполнять, еще плохо себе представлял. Та методика, которая была только что утверждена в Министерстве как раз в 2000 году, казалась мне во многом ошибочной. Главная причина в том, что я хорошо представлял себе все звенья этого процесса, в то время как данная методика составлялась как «гибрид» знаний отдельных специалистов, каждый из которых в своем звене этой цепочки был

уверен, что до его звена все было сделано абсолютно точно. Такого не бывает даже при оценке запасов, а о ресурсах и говорить нечего. Тем не менее, для обязательных региональных геолого-экономических оценок пришлось пользоваться этими методами, а для собственных целей предполагалось значительно модифицировать имеющиеся подходы.

Елена дала мне в ученицы молодую девушку – выпускницу Саратовского университета Галю Никишкину. Та пока ничего не знала о сути дела. Для начала я дал ей изучить свои учебники по инвестиционному анализу, вылущенные еще в период моего преподавания в Мурманске. Она оказалась на редкость трудоспособной и очень быстро все поняла. И вообще меня приятно поразил молодежный коллектив этого отдела. В период почти «полной разрухи» в российской геологии ребята смогли найти свою нишу и успешно себя обеспечивали финансированием, компенсируя дефицит бюджетных средств заказами нефтедобывающих фирм.

Галя была хорошим программистом, и буквально через два-три месяца у нас была готова стартовая версия собственного программно-методического комплекса «Геоэкономика», который сразу выдавал десятки необходимых отчетных таблиц по районам и комплексам и соответствующие графические приложения. Оставалось лишь снабдить все это небольшими пояснениями, и отчет был бы готов. Причем все расчеты выполнялись максимально объективно и качественно. Зная как выполнялись аналогичные оценки в других организациях, могу сказать, что над соответствующим объемом работ трудилась группа примерно из пяти человек в течение года. И если в процессе расчетов поступала какая-то другая дополнительная информация, требующая учета (а такое бывало нередко), то на корректировку результатов даже по небольшому району уходили месяцы. И конечный результат все равно оказывался лишь условно корректным и субъективным.

Исполнители, зная о неизбежных своих промахах, старались представлять лишь финальные цифры, опуская промежуточные величины, чтобы их нельзя было проконтролировать. И потом при дополнительных запросах заказчиков находили тысячи причин, чтобы не представлять дополнительные данные расчетов. Когда саратовский институт НВНИИГГ был назначен головным по этой проблеме и организации из соседних с Саратовской областей вынуждены были представлять им свои отчеты, практически все они были «слепыми» и абсолютно непригодными для применения. При грамотном использовании нашего комплекса вся работа для крупного региона занимала три-четыре дня при

участии всего один-два опытных специалистов. И это при том, что полученные результаты были абсолютно прозрачными и проверяемыми, и не надо было «прятать концы а воду», как до сих пор делает большинство специалистов по геолого-экономической оценке. А вообще-то целесообразность геолого-экономической оценки ресурсов под большим вопросом. На ранней стадии геологической изученности все эти величины умозрительные. По-хорошему, аналогичные расчеты следует делать только при подготовке проекта разработки уже разведанного месторождения. Все остальное – от лукавого.

При выполнении всех этих работ я числился на полставки ведущего научного сотрудника в Саратовском НИИ и по преимуществу контролировал Галины расчеты да поначалу писал текстовые части отчетов. Общались, в основном, по электронной почте. Примерно раз в месяц на выходные я ездил на поезде 8 Саратов, чтобы на месте разобраться в каких-то нестыковках и проблемах. Галя вскоре под моим научным руководством защитила кандидатскую диссертацию по данной тематике в диссертационном совете при ВИЭМСе.

А мне тоже стало жалко оставлять эту область, поскольку достаточно детально в ней разобрался, а многие полученные нами результаты представляли научный и методический интерес. В результате я написал две монографии по данной тематике, последняя из которых «Стоимостная оценка недр» имела серьезный коммерческий успех. Всевозможные посреднические фирмы «накрутили» свои проценты, и я встречал в интернете предложения о продаже этой моей книжки перекупщиками по цене 840 рублей за один экземпляр.

Эти работы фактически были в некотором смысле стартом новой учебной дисциплины под названием «Экономическая геология», которую я по инициативе декана Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Д.Ю. Пущаровского начал с 2005 года читать в Московском университете. Первый в России учебник для вузов по этой дисциплине мы выпустили в прошлом году (2006) в соавторстве с ведущим ученым в данной области – Тертом Александром Андреевичем из Новосибирска. Мне приятно вспоминать, как на моем недавнем юбилее в Доме ученых на Пречистенке он в своем поздравлении образно озвучил историю того, как мы нашли друг друга: «Я всю жизнь занимался экономическими проблемами, – говорил он, – и начал со временем интересоваться их приложением к геологии. А в это время Юрий Петрович со стороны геологии двигался в сторону экономических проблем в недропользовании. И тут мы встретились».

И хотя в настоящее время я работаю преимущественно в своей базовой сфере: занимаюсь проблемами геологии и геофизики, мне жаль оставлять открывшуюся для меня благодаря «Саратовским страданиям» новую научную область хотя бы потому, что здесь я могу общаться с такими замечательными людьми. Да еще надо учить новое поколение молодых геологов в своем родном университете этой новой дисциплине.

НЕУЖЕЛИ «ДРУГ СТЕПЕЙ КАЛМЫК» МЕНЯ ЧИТАЕТ?

И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык…

А. С. Пушкин

Странно вспоминать Пушкина в контексте моего повествования, не правда ли? Но почему-то эти строчки пришли на ум после одной любопытной истории.

У меня по жизни выработалось правило: заканчивая определенный этап в своих научных или практических изысканиях, публиковать развернутую статью, а еще лучше монографию, подводя промежуточный итог сделанному. В конце 2001 года я решил, что пора подготовить такую книгу по геолого-экономической тематике и приступил к ее написанию. Поскольку это было моим «научным хобби», а на работе мы занимались совершенно другими очень важными и неотложными проблемами, писал я ее вечерами, по выходным и в отпусках. Особенно много удавалось сделать в перелетах и переездах в самолетах и поездах. Почему-то дорога располагала к продуктивной работе. Через три месяца книжка объемом в 200 страниц была готова, и я дал ей довольно длинное, но зато содержательное название, из которого полностью становилось ясно, о нем речь – «Методы геолого-экономического моделирования ресурсов и запасов нефти и газа с учетом неопределенности и риска».

Выпустить ее в кратчайший срок мне помог мой однокашник по МГУ Женя Порохня, работавший уже много лет в МПР. Издание я оплатил из своих личных средств, благо это было не слишком дорого. Монография многим понравилась и довольно быстро пошла по рукам специалистов, потому что тема эта была острая и актуальная. Немногочисленные публикации этого направления посвящались лишь отдельным частным вопросам и были рассредоточены по нескольким статьям в малочитаемых научных сборниках. В начале октября 2002 года я сделал доклад на научно-практической конференции в Саратове на эту тему, а в конце оставил на столе несколько экземпляров книги, чтобы

желающие могли ознакомиться. Вернувшись в Москву, я забыл об этом, поскольку у нас была горячая пора по текущим работам, связанным с анализом ресурсной базы и подготовкой проектов разработки месторождений Арктического шельфа.

Через некоторое время встречаю во ВНИИГАЗе начальника лаборатории промысловой геологии Бориса Сергеевича Короткова. Он мне и говорит:

– Слушай, тебя даже в степях Калмыкии знают.

– Как так, я там никогда не был?

– Ну уж, братец, получается, что ты там популярен.

И поведал мне следующую историю. Они поехали в командировку в Калмыкию для сбора первичных материалов по одному из направлений плановых научно-исследовательских работ. Добрались сначала до столицы – Элисты. Потом краткий отрезок пути перелетели на вертолете, а затем добирались по бездорожью то ли на вездеходе, то ли на каком-то серьезном автомобиле по бездорожью. Наконец оказались довольно далеко в калмыцкой степи, на одном из объектов Альшанской нефтегазоразведочной экспедиции. Зайдя в кабинет к главному геологу Бармину Владимиру Ивановичу, он увидел на рабочем столе эту самую мою зелененькую книжку.

– Откуда это у Вас? – спросил Борис Сергеевич.

– Автор сам мне подарил на конференции в Саратове. Сижу вот, изучаю. Полезная книжица.

Вот так «мое слово» дошло и до Калмыкии, чему я был несказанно удивлен. Кстати сказать, после выхода книги я стал в избытке получать хорошо оплачиваемые заказы на выполнение работ и оказание всевозможных консультационных услуг по этому направлению от различных компаний и организаций. В результате полученные доходы многократно превысили понесенные мной затраты на издание.

Получается, что совсем не зря я написал эту монографию: и с людьми поделился опытом, и сам неплохо заработал, и «друг степей калмык» меня назвал.

ХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ (ВО ГЛАВЕ ГКЗ)

Эта почти детективная история приключилась со мной в 2003 году. Прежде всего несколько слов для непосвященных.

ГКЗ – это Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых – почти священный орган для геологов во все времена, потому что «квинтэссенция» их труда – это разведанные и подготовленные для промышленного освоения запасы полезных ископаемых. Постановка на государственный баланс этих запасов происходит по результатам их экспертизы в ГКЗ. Эта комиссия была создана в начале 20-х годов и пережила всех правителей: от тиранов до «дерьмократов». В 70-80-е годы XX века ее роль достигла апогея: ГКЗ напрямую подчинялась правительству, т. е. по своему статусу председатель ГКЗ был министром без портфеля. И мне пришлось занимать этот пост в течение восьми месяцев 2003 года. Что ни говори, вершина карьеры.

К тому времени после полной неразберихи начала 90-х годов ГКЗ оказалась в ведении МПР (Министерство природных ресурсов). Однако комиссия продолжала свою профильную деятельность, несмотря ни на что.

Как же меня угораздило туда попасть да еще в качестве председателя? До сих пор плохо это себе представляю. Слишком много случайностей и закономерностей сошлось в одной точке в одно время. Однако, начнем по порядку.

К середине 2002 года мое «научное хобби» – геолого-экономический анализ – материализовалось в виде выпущенной монографии на эту тему, о которой шла речь в предыдущей истории «Друг степей – калмык…». Таким образом, мне удалось, как сейчас говорят, «раскрутиться» и стать известным в кругу ученых и специалистов этой новой для меня области. Книжка попала и в руки сотрудников вновь организуемого в МПР Управления, которое возглавил Алексей Кувшинов, а замом его стал Владимир Кудряшов. Они меня попросили участвовать в качестве соавтора в разработке методических рекомендаций по стоимостной оценке участков недр. В авторском коллективе я тогда действительно оказался среди ведущих ученых России этого направления, хотя сам был еще «новичком». К концу года после многочисленных дискуссий мы сдали этот труд в МПР и даже получили за него какие-то деньги. А поскольку взаимные контакты с Управлением в процессе этой работы сложились неплохие, моя кандидатура, видимо, и всплыла у них в момент,

когда надо было решать вопрос с назначением председателя ГКЗ. Тогда предыдущий председатель Олег Владимирович Заборин, работавший на этой должности со времен перестройки, умер после тяжелой болезни, и его обязанности несколько месяцев исполнял заместитель Валентин Воропаев.

Однажды, в мартовский день 2003 года, я прилично простыл и впервые за много лет взял больничный, поскольку температура поднялась довольно высокая. Намеревался спокойно отлежаться пару дней, насколько это возможно в квартире, где приглашенные мной же за неделю до этого рабочие занимались коренной реконструкцией некоторых комнат. В этом шуме и сутолоке, плотно закрывшись в своем кабинете и приняв жаропонижающее, я задремал. Жена пошла в аптеку купить мне еще какие-то лекарства, продукты и что-то из мелких деталей для ремонта ванной (бригадир нарисовал эскиз и написал название ей на листочке). Вернувшись домой часа через полтора, она меня в квартире уже не обнаружила. На ее вопрос: «Куда делся муж?» – бригадир отвечал что-то невнятное, вроде того, что его вызвал министр и за ним прислали машину. Так он понял ситуацию после моих многочисленных телефонных переговоров, случившихся один за другим за это время. На самом деле произошло следующее. Как только я забылся в тяжелом сне температурящего человека, раздался звонок, и из трубки послышался бодрый и веселый голос Владимира Николаевича Кудряшова:

– Юрий Петрович! Как Вы отнесетесь к тому, чтобы стать председателем ГКЗ?

– Вы шутите?

– Нет, я вполне серьезно.

– Я, право, не знаю, это слишком неожиданно. Я даже не могу себе этого представить.

– Ну хорошо, подумайте, Вам 24 часа на это.

Я не мог отделаться от мысли, что все это мне снится в полуболезненном бреду.

И сразу целый ворох мыслей и сомнений одолел меня. Я? Но с какой стати и почему? Я всю жизнь «бегаю» от серьезных руководящих должностей, позиционируясь, как сейчас говорят, в качестве серьезного исследователя в прикладной науке. И опять меня эти должности «догоняют». Странно, но почему они мне это предложили? Я что, похож на карьериста? Да и нынешняя ситуация с огромным объемом научной и практической работы над конкретными проектами меня устраивает как с материальной точки зрения (хороший оклад и регулярные существенные премии по окончании крупных проектов), так и в плане самореализации

как человека, уважаемого среди ученых и специалистов, а не какого-нибудь функционера. В моих мыслях чаша весов склонялась к отказу. Но с другой стороны, вдруг я потом буду всю жизнь казнить себя: «Был шанс, а ты отказался. Эх, ты, растяпа. Нечего теперь гундеть, что жизнь не так прошла». Далее мысль моя развивалась примерно так: «А с чего я взял, что меня утвердят? Кудряшов стоит в самом низу цепочки людей, принимающих решения. Выше еще много инстанций, на любой из которых меня «задробят». Пусть уж они меня не утвердят, чем я сам откажусь и потом буду жалеть». Я был уверен, что так и будет. Тут мои размышления прервал новый звонок. На этот раз уже мягкий голос начальника Управления Кувшинова произнес:

– Юрий Петрович, а не могли бы Вы сейчас подъехать и переговорить с одним человеком?

– Позвольте, но Кудряшов сказал, что сутками на размышления я располагаю, и к тому же у меня температура приличная: надо бы отлежаться.

– Если все совсем серьезно, вопросов нет, но если Вы по квартире перемещаетесь, то этого достаточно, и я мог бы прислать за Вами машину. Она потом Вас опять доставит прямо к постели.

– Ну, хорошо, давайте.

Собственно, чего тянуть? Пусть все решится быстрее. Авось, на ногах могу держаться. Глотнув аспирина и анальгина, я начал собираться. Довольно быстро подошла машина – большой черный и «навороченный» «Лэндкрузер», и я покатил к министерству, что располагалось на Красной Пресне.

Несмотря на то, что после многочисленных преобразований ГКЗ оказалась в системе МПР, бывший председатель Олег Заборин игнорировал этот факт и вел абсолютно независимую политику. Благо, ему это позволял довольно парадоксальный Устав ГКЗ, утвержденный еще министром Орловым в 1996 году. С одной стороны ГКЗ являлась государственным учреждением, а с другой стороны – хозяйствующим субъектом, который из бюджета не получал ни копейки, а существовал на средства, полученные от недропользователей, оплачивающих экспертизу запасов полезных ископаемых.

В министерстве я встретился с Левоном Аратяном, доверенным лицом тогдашнего министра Тюхова – бывшего автодорожника, про которого среди геологов ходили многочисленные байки и анекдоты. Якобы, выслушав однажды доклад о перспективных отложениях пермского возраста на Сахалине (геологи пермские отложения называют «верхняя пермь», «нижняя пермь» и т. п.), он воскликнул: «Я был на

Сахалине, там нет Перми». Другой анекдот касался гравиразведки – геофизического метода, основанного на изучении аномалий гравитационного поля Земли. Ему приписывают слова: «Зачем нам гравиразведка? У нас что, в стране гравия не хватает?». Конечно, скорее всего, это выдумки. Но почва для этих анекдотов очевидна – полная некомпетентность в том деле, которым руководишь, К сожалению, это относится не только к Тюхову, а и к абсолютному большинству представителей современного топ-менеджмента. Наравне с коррупцией это настоящая беда современной России. Модное среди управленцев новой волны утверждение, что, изучив основы науки об управлении, можно управлять чем угодно, поскольку законы управления универсальны, на поверку оказывается мыльным пузырем.

Левону Аратяну, которого раньше абсолютно не знал, я подарил s начале беседы свою последнюю монографию, благодаря которой меня и узнали в министерстве. После непродолжительной беседы я в принципе дал согласие занять пост председателя ГКЗ. Из беседы я понял, что вопрос еще будет рассматриваться выше и потому втайне надеялся на мое неутверждение. При этом Аратян мне поведал о нескольких небольших трудностях и проблемах в отношениях между министерством и ГКЗ, о которых я в принципе знал и относил это на личный неконтакт тогдашнего председателя с министерским руководством. А чтобы я больше сосредоточился на научно-производственной деятельности, для хозяйственных и организационных вопросов мне дадут заместителя – Виталия Цинидзе, которого я уже немного знал по совместной работе над проектом методических рекомендаций. Между делом было сказано, что ГКЗ предстоит плановый переезд в другое здание с лучшими условиями для работы, но это уже забота министерства, и оно все организует самостоятельно, Я тогда не придал этому значения, тем более, что ни старого, ни нового здания, ни их месторасположения в глаза не видел. А зря. Как потом оказалось, это было одним из ключевых моментов. Но я тогда все еще был уверен, что мое назначение не состоится, т. к. должность Аратяна (начальник департамента управления Госимуществом, как я прочел на табличке при входе), по моему разумению, никак не была определяющей при моем назначении. И тут я тоже ошибался. Оказывается, была, да еще как. Профильного заместителя министра по данному направлению Петра Садовника даже не спросили об этом, и приказ министра о моем назначении выпустили, даже не поставив его в известность.

Меня очень тепло проводили во ВНИИГАЗе на новую должность, а генеральный директор Рудольф Михайлович Тер-

Саркисов сказал: «Если будут проблемы, всегда можешь вернуться. Мы тебя ждем». Эти слова помогли мне сохранить самообладание и уверенность в критические минуты, за что я ему очень благодарен.

Итак, я приступил к обязанностям председателя ГКЗ. Суть дела мне была хорошо знакома: в процессе предыдущей работы я вник в проблемы подсчета запасов месторождений нефти и газа, хотя к моей специальности геофизика это отношения не имело. «Жизнь научила», как принято выражаться. Однако подсчет запасов месторождений твердых полезных ископаемых: золота, серебра, железных и полиметаллических руд и т. п. был для меня в новинку, но привычка разобраться в деле, которым занимаешься, позволила мне понять в общих чертах и этот процесс, благодаря помощи Ю.Ю. Воробьева. В принципе работа на первых порах мне нравилась, и все складывалось весьма неплохо. Можно было отстаивать объективную точку зрения, противостоять конъюнктурному давлению свыше и выносить в целом справедливые решения. Это импонировало, поскольку в головах большинства обывателей сложился стереотип, что честно работать в таких структурах нельзя. Оказалось, что очень даже можно. Система была неплохо продумана. Представленные материалы по одному месторождению рассматривали пять-семь экспертов из числа уважаемых и авторитетных специалистов, привлекаемых по трудовым соглашениям. Они в течение нескольких недель изучали материалы, делали замечания, которые авторы либо исправляли, либо аргументированно отстаивали свою позицию. Затем эксперты собирались на рабочее заседание, где обсуждали работу и вырабатывали проект решения. Наконец, когда основные вопросы были сняты, запасы того или иного месторождения рассматривались на пленарном заседании в присутствии всех авторов и экспертов, где и выносилось решение. Правом голоса обладали на тот момент четыре человека: мои заместители М.Я. Зыкин и В.И. Воропаев, старейший член ГКЗ Ю.Ю. Воробьев и я. На основании этого решения утвержденная величина запасов ставилась на государственный баланс. Такой процесс фактически исключал какие-либо манипуляции. Я вел эти пленарные заседания. В большинстве случаев все проходило нормально, поскольку «сырые» работы не доходили до «пленарки» и возвращались на доработку. Хотя изъяны и в этой системе, бесспорно, тоже были, как и в любой другой. Одновременно с этим рабочим процессом на мне лежали и обычные обязанности руководителя, связанные с функционированием организации и решением хозяйственных вопросов. Заместителя Виталия Цинидзе мне так и не дали,

поскольку, как выяснилось, вопрос с переездом в другое здание отпал и, казалось, навсегда. Некоторые осложнения возникали из-за разногласий между отдельными группами *в* коллективе. Буквально накануне моего прихода в ГКЗ В.И. Воропаев уволил женщину – главного бухгалтера, фактически проработавшую здесь несколько лет по поддельному диплому, и принял на работу нового главбуха и Юрисконсульта, Тут, видимо, и началась борьба за влияние. Я не стал никого трогать и приводить «своих», а решил осмотреться. Однако приходилось ежедневно выслушивать жалобы друг на друга и в конце концов все это пресечь. Тем более, что надвигались весьма серьезные события, которые отодвинули на второй план эти мелкие неурядицы.

Я традиционно участвовал в научно-практической конференции «Геомодель», проводимой ежегодно в середине сентября в Геленджике. Не стал изменять этой традиции и на посту председателя ГКЗ. Все было весьма неплохо – «в плановом режиме»: интересные доклады, научные дискуссии, встречи со старыми знакомыми в бархатный сезон и т. п., когда вдруг *в* один из дней на мой мобильный телефон поступил звонок Владимира Кудряшова из министерства:

– Юрий Петрович, Вас срочно разыскивает руководство в связи с переездом ГКЗ в другое здание и оформлением с Вашей стороны соответствующих документов.

– Как так? Кувшинов еще два месяца назад сказал, что вопрос закрыт.

– Появились новые обстоятельства, и он снова на повестке дня.

Стало ясно, что тучи сгущаются. Я к тому времени понял смысл этой истории, которой первоначально, при заступлении на пост председателя ГКЗ не придал значения и рассматривал как обычное хозяйственное мероприятие. Однако замысел этой «камарильи» состоял в другом. Уже всем известно, что недвижимость в центре Москвы стоит сумасшедших денег и всевозможные фирмы и банки нуворишей пытаются завладеть ею любыми способами. Еще бы! При ежегодном удвоении цены это отличное вложение средств, и здание ГКЗ на Большой Полянке – очень лакомый кусок для них. Очевидны и мотивы министерского руководства во всей этой истории. Однако все это они намеревались сделать моими руками: никто другой ничего подписывать не будет, и все «концы в воду». После того, как неизбежно поднялся бы шум, крайним был бы только я. Такой «статус Герострата» – человека, который «продал ГКЗ» и на этом прославился, меня явно не устраивал.

При первом заходе у них ничего не вышло, т. к. здание

находилось в оперативном управлении (а не в собственности или хозяйственном ведении), поскольку ГКЗ формально имела статус государственного учреждения. Риэлторы не брались за оформление такой сделки, поскольку юридический статус «оперативное управление» фактически не позволял этого сделать. Потому у них и не получилось, и ситуация по первому кругу успокоилась. Однако, если бы здание находилось в «хозяйственном ведении», то ситуация для оформления сделки значительно упрощалась. Тогда и был придуман следующий ход. Здание должно было быть передано на баланс другой организации, входящей в состав МПР и имеющей статус ФГУП – федерального государственного унитарного предприятия. Тогда она могла получить здание в «хозяйственное ведение», и сделке по продаже здания была бы открыта зеленая улица.

Весь этот механизм был тихонько согласован двумя министрами – Тюховым и Зизулиным (Минимущество). Все это было возможно при вседозволенности и молчаливой поддержке со стороны премьера Касьяна, который по жизни много пересекался с Тюховым и с которым они в свое время были дружбанами.

Мне по новому замыслу была отведена участь сделать первый шаг – передать здание на баланс ФГУП «XYZ». Название опустим, но посвященные люди знают, о ком речь. Уже был доставлен готовый акт передачи, а трус-директор этого ФГУП ежедневно звонил мне и спрашивал, когда же я подпишу его, т. к. на него сильно давит министерство. Уж как оно давило на меня – не описать словами. Мне стало понятно, что сходу отказывать нельзя, иначе они предпримут экстраординарные меры, а надо выигрывать время, По всем признакам казалось, что эта «камарилья» долго не протянет. Андрей Караулов в передаче «Момент истины» буквально изничтожал министра Тюхова неопровержимыми фактами чуть ли не еженедельно, а тому «хоть бы хны».

Я быстро воспользовался поводом и уехал в командировку в Саратов на геолого-экономическую конференцию, организованную Нижневолжским НИИ геологии и геофизики, чтобы не подписывать этот акт. Однако и там меня догоняет телеграмма из министерства о том, что я нарушил какой-то приказ о согласовании командировок с руководством министерства, хотя раньше ничего не надо было согласовывать. Напомню, что министерство не финансировало в те годы ГКЗ абсолютно, а по странному уставу, утвержденному самим же министерством ранее, ГКЗ фактически была самостоятельным и независимым хозяйствующим субъектом.

Теперь непосредственным моим раздражителем стала некая экзальтированная дама Галина Ягненкова, севшая в кресло Аратяна и возглавившая департамент по управлению госимуществом. Сам же Аратян пошел «на повышение» и занял пост начальника «Департамента науки» в МПР. Это выглядело совершенно комично. Наукой в министерстве управлял человек с непонятной специальностью, до этого занимавшийся каким-то бизнесом в автосервисе. Все деньги на научные исследования распределял также он, несмотря на видимость конкурсов с заранее известным результатом.

После возвращения из Саратова стало понятно, что таким примитивным способом скрыться от них не удастся и отсидеться где-нибудь в тиши – тоже. Надо было как-то по-иному выигрывать время. Тем не менее, просто избегать встреч и контактов было невозможно, и я приехал к ним в министерство «на серьезный разговор». В кабинете было четыре человека. Против меня в нападении играли три министерских начальника, «особо приближенные к императору»: Аратян, Кувшинов и Ягненкова. Они чувствовали за собой мощь системы, усиленной многократно безнаказанностью и круговой порукой. Я «защищал ворота» один, по крайней мере, в этот период игры. Для подтягивания резервов требовалось применять нестандартные ходы и создать у противника видимость близкой победы. Но «оставлять Москву», чтобы сохранить армию, «Кутузов» не собирался.

– Вы будете подписывать акт?

– Пока Вы не подберете достойное здание взамен и не оформите его в оперативное управление ГКЗ – нет.

– Мы подберем Вам здание, вернее, уже подобрали два хороших варианта.

– Давайте посмотрим, и в случае, если подойдет, я подпишу акт.

– Акт надо оформлять сейчас, но Вы можете не переезжать еще три месяца или даже больше, и за это время мы все устроим.

– Нет, так нельзя, давайте все оформим, а потом акт.

– Тогда министр Вам назначит приказом заместителя – Виталия Цинидзе, и если Вы боитесь сами, он подпишет акт. Вам следует лишь взять больничный, уехать в командировку или отпуск.

– Пусть назначает, это его право (по Уставу ГКЗ это было так).

Так закончился первый раунд игры. С момента ее начала прошел месяц. Появилась краткосрочная передышка. Надо было затягивать вступление Цинидзе в права заместителя, и за это время выводить на поле новых игроков. Один вратарь игры не

сделает.

Один из игроков нашелся быстро. Некая компания «Кеникс-холдинг», арендовавшая один этаж уже два года и имевшая официальный долгосрочный договор аренды, не собиралась в одночасье покидать здание в случае его перехода к новому хозяину. Фирма была серьезная, имела «ноги» в Санкт-Петербурге и строила в Москве новый офис. Она занималась различными видами бизнеса, в том числе и будущими проектами добычи железо-марганцевых конкреций в Финском заливе и даже опробовала опытную технологию извлечения марганца из этого сырья. Как выяснилось, по Питерской линии у кого-то из руководителей компании были дружеские связи с руководителем администрации президента – Дмитрием Казаченко. Информация была «запущена», и содействие в решении проблемы было обещано вполне определенное с положительным результатом. Однако время шло, а результата все не было.

Тут, как нельзя кстати, руководителем аппарата правительства Касьяна был назначен выпускник нашей кафедры геофизики Александр Фигим. Он до этого был заместителем министра Тюхова довольно долго, и казалось, что они устраивают друг друга. Но неожиданно для всех он был уволен с поста заместителя министра, причем довольно демонстративно. Это было похоже на специально режиссированный спектакль. А когда Фигим всплыл в новой, весьма высокой, должности при Касьяне, эти догадки в глазах большинства фактически подтвердились. Мы же помним о тесной связи по жизни Касьяна и Тюхова. Но не в этом дело. Я, выходя на него, надеялся на силу нашего университетского братства. Но куда там. Секретарь ни разу не соединила меня с ним, но суть проблемы ему была передана и не только через секретаря, это я знаю точно. Во время учебы в МГУ он отнюдь не был толковым студентом, а выдвинулся благодаря комсомольской работе. К сожалению, понятие геологической солидарности таким людям незнакомо.

Далее я стал искать поддержки в среде бывших министров геологии СССР и России, и с четырьмя из них удалось встретиться. В.П. Орлов, являвшийся членом Совета Федерации, сказал: «Ты, парень, держись и действуй осторожно. Главное, сохранить ГКЗ, а то они могут ведь и расформировать ее».

Еще два бывших министра в силу их тогдашних возможностей мало что могли сделать и только посочувствовали. Активность как всегда проявил Евгений Александрович Козловский, сохранивший до сих пор жизненную энергию и здоровый заряд духа. Он нещадно и жестко критиковал Тюхова во всех средствах массовой информации. После телепередач с его

интервью на эту тему приходилось только удивляться, как Тюхов еще на свободе. Козловский вместе с питерским Ректором был членом Президентского совета и, по разумению обывателя, мог вполне справиться с ситуацией. Ректор обладал еще большим влиянием. Мало того, что в его вузе защищали диссертации олигархи, сам Президент успешно стал кандидатом наук в стенах его Университета. При мне Козловский многократно пытался связаться с Ректором, набирая номер его мобильного телефона, но безуспешно. «Ладно, я найду его, свяжись со мной через пару дней, и я надеюсь, что мы решим вопрос», – сказал он. Но ни через пару дней, ни через неделю ничего не произошло.

Далее я пошел по уровню бывших заместителей министра, которые были еще в силе. Наибольшее желание решить проблему и сохранить ГКЗ вместе со своим зданием проявил Александр Егорович Наленко. Он при мне дозвонился на мобильник не только тому же Ректору, но и Виктору Христенко, находившемуся тогда в должности первого вице-премьера. Оба проблему уяснили по телефону, обещали посодействовать, но, в конечном счете, вмешиваться не стали. Объяснения были таковы, что надо подождать до выборов в Думу 7 декабря, а до этого не делать резких движений. Ректор, кроме того, был в тот момент активно задействован в компании по выборам Валентины Матвиенко на пост мэра С.-Петербурга. Поговаривали также, что он возглавит избирательный штаб Путина на Президентских выборах 2004 года, но этого, как мы помним, не произошло. А по поводу нашей проблемы общий смысл высказываний был тот же самый: «Пусть парень держится, потом мы разрубим этот узел».

Ситуация складывалась, как в сказке «Мальчиш-Кибальчиш» Аркадия Гайдара: «Нам бы ночь простоять да день продержаться». Парень держался, но сил оставалось все меньше. А топота копыт «Красной Армии», спешащей на помощь, слышно все не было.

В это время «Мальчиш-плохиш» – Виталий Цинидзе, к которому сразу приклеилась кличка Ликвидатор, – заступал на пост моего заместителя с целевой установкой – разгромить ГКЗ и взять здание. Время катастрофически сокращалось. До выборов в Госдуму оставался месяц. Я отдавал себе отчет в том, что после выборов начнется борьба за портфели и всем им снова будет не до ГКЗ, но надежда оставалась. Неделя ушла на оформление приказа министра о назначении Ликвидатора. Потом надо было оформить ему право подписи документов. Слава богу, что эта процедура оказалась столь забюрократизированной, что удалось выиграть еще неделю. О том, чтобы открыто противостоять министерству, речи не было. Этим можно было только спровоцировать ускорение нежелательных событий. Нынешний

результат других сделок с недвижимостью в центре Москвы только подтверждает это: несмотря на телевизионный и газетный шум, всем удалось достичь своей цели. Поэтому надо было хитрить дальше, убеждая их, что дело движется, пусть и не так быстро, как хотелось бы, а самим дожидаться действий высокопоставленных персон. К сожалению, взбудораженный коллектив начал писать письма во все высокие инстанции. Я не мог им этого запретить, но реально эти действия очень мешали. Письма возвращались к тому же Тюхову с резолюцией свыше: «Разобраться!». И они разбирались. Хватка противника усиливалась, а время сжималось в точку. До заветной ожидаемой даты контрнаступления – 7 декабря – было все еще долго.

А что, собственно, могли предъявить Тюхову в то время всевозможные «проверяльщики?» А ничего: ведь формально не было никакого приказа или распоряжения, подписанного им по этому поводу. Он как бы вообще ничего не знал об этом. На мою просьбу дать какое-то официальное письмо, хотя бы от зам. министра, с предложением о переезде, отвечали отказом: «Вам это не надо. Достаточно акта, который мы оформим и утвердим в Минимуществе». Надо было сделать так, чтобы какой-то официальный документ от них появился.

Мне пришлось написать министру Тюхову официальное, почти «нейтральное» письмо о том, что департамент имущества МПР предлагает ГКЗ переехать в другое здание. Мы не считаем это целесообразным, однако если министерство на этом настаивает, мы подчинимся, но просим учесть специфику: возможности размещения тяжелых сейфов с архивами, что требует мощных межэтажных перекрытий, место для 1-го отдела с решетками и защитой и т. д. Министр был обязан поставить на этом какую-то резолюцию, Иначе получалось, что ГКЗ по своей инициативе переезжает, а министерство любезно ему в этом помогает. Чтобы письмо никуда не делось, я собственноручно сдал его в экспедицию МПР и получил входящий номер и штамп на копии письма, которая у меня осталась. Дня через три шум среди своры поднялся неимоверный. Они наверняка изъяли письмо из документооборота, но копия-то у меня осталась.

Далее в условиях жесткого прессинга мы стали подбирать помещение. Этаж в одном из зданий ВИИГЕОСИСТЕМ во дворе на Варшавке более или менее подходил. Ясно, что находящиеся там в кабинетах люди, в том числе сотрудники Евроазиатского геофизического общества (ЕАГО), не жаждали выселения. Тем не менее, я дал согласие, однако требовал оформления его официально в оперативное управление ГКЗ, после чего я подпишу акт. На это ушло бы несколько месяцев, что мне и требовалось.

Ясно, что это абсолютно не устраивало команду Тюхова: они понимали, что время их заканчивается и надо успеть. Их предложения сводились к безвозмездной аренде по договору с ВНИИ ГЕОСИСТЕМ. Почва для компромисса и возможность дальнейшего затягивания времени были практически исчерпаны.

В это время Ликвидатор уже оформился на работу в ГКЗ в качестве моего первого заместителя. На второй день он зашел в кабинет Королькова – сотрудника, занимавшегося подготовкой экспертизы запасов угольных месторождений. Тот разговаривал по телефону с представителем МПР, курировавшим этот вопрос. Ликвидатор, не дожидаясь окончания разговора, потребовал предоставить ему какие-то бумаги. В ответ Корольков знаками показал, что сейчас закончит разговор и все сделает. Ликвидатор, возомнивший себя большим начальником, посчитал это оскорблением, все в нем закипело, глаза его вспыхнули, и он в состоянии аффекта нанес удар острым концом ботинка прямо в колено Королькову и выскочил за дверь. Спустя минуту он позвонил мне на мобильник (я был по делам в ВИЭМСе) и сообщил, что Корольков напал на него и пытался избить. Представить себе, что флегматичный пожилой пенсионер Корольков пытается избить крепкого 40-летнего Ликвидатора, было просто невозможно. Я сообщил, что сейчас подъеду.

Тем временем на колене у Королькова вздулась гематома величиной с футбольный мяч. Сотрудники вызвали скорую. Королькову в больнице прооперировали колено, и он два месяца еще был на больничном. Все это было официально зафиксировано в больнице, и заявление в милицию было подано.

А Ликвидатор сразу после случившегося уехал в министерство, зашел в кабинет к Кувшинову и радостно объявил: «Одного вырубил, завтра займусь другим», – и они оба рассмеялись. Об этом нам сообщил сотрудник, выходивший от Кувшинова и еще не знавший тогда, в чем дело. Коллектив ГКЗ тут же письменно проинформировал министра о случившемся и потребовал снять Ликвидатора, поскольку открыто следствие. Думаю, письмо до Тюхова не дошло, потому что кандидатура Ликвидатора была предложена теми же Аратяном и Кувшиновым, а значит, это был их очередной прокол перед Хозяином. В следующие дни заявление Королькова чудесным образом исчезло из милиции, а сам он надолго замолчал и на вопросы коллег отвечал что-то невнятное вплоть до момента увольнения Ликвидатора, которое случилось еще нескоро. Да, великолепные кадры подобрал себе Тюхов, ничего не скажешь.

Тем временем тройка опричников Тюхова продолжала наращивать давление на меня. Ведь Ликвидатор мог подписать

акт передачи здания на баланс ФГУП «XYZ» лишь в случае, если я на время болезни, командировки или отпуска официально, по приказу, оставлю его исполнять обязанности первого руководителя. Разумеется, я не собирался этого делать. Когда же действительно простудился, видимо, в результате этого постоянного стресса, я тайно уехал на три дня в ближайшее Подмосковье к своему другу Сергею Бухарину, а домашним велел отключить все телефоны. Дочь Анюта – студентка филфака МГУ, привыкшая к общению со своими подружками и не получившая от меня внятных объяснений, – была очень напугана и плакала вечерами, чувствуя опасность. Ничего, кроме слов «так надо», я ей сказать не мог.

Вскоре я получил на мобильный телефон СМС-сообщение с прямыми угрозами, отправленное, как потом выяснилось, из случайного интернет-кафе в Сокольниках. Жизнь превращалась в сущий кошмар.

Тем временем выборы в Госдуму прошли, а никакие поборники справедливости ничего путного не сделали. Все оставалось, как и было, а ситуация вокруг ГКЗ ухудшалась с каждым днем. Надеяться было уже не на кого. Ведущие эксперты ГКЗ, правда, предлагали в прессе опубликовать открытое письмо. Я не возражал, но они так и не смогли организоваться.

Я собрал все бумаги, подготовил официальные письма в правительство и профильный комитет Госдумы нового состава, позаботился о том, чтобы они были переданы через надежных людей и зарегистрированы. После этого 15 декабря подал министру заявление об увольнении по собственному желанию, которое было немедленно удовлетворено. Я понимал, что Ликвидатор, вступив в права, тут же подпишет акт передачи здания. Однако процесс регистрации и утверждения в Минимуществе (здание находилось в федеральной собственности) неизбежно займет не меньше месяца, а за это время мои расставленные «красные флажки» сработают и сделка не состоится. Так все и произошло. После пришедших в Минимущество и МПР запросов акт был положен под сукно, и больше оттуда его не доставали, разве что затем, чтобы выбросить в корзину.

Вы спросите: «А почему этого нельзя было сделать раньше?» Отвечаю: раньше не было ни единого документа, подтверждающего эти намерения, и потому Тюхов легко отмахивался от всех запросов, инициированных коллективом ГКЗ. Мол, ничего такого нет, и я ничего не знаю. Атеперь появился акт, который надо было утвердить и зарегистрировать.

Ликвидатор за три месяца пребывания на посту

исполняющего обязанности председателя ГКЗ не провел ни одной комиссии по экспертизе запасов, хотя в конце года скопились материалы по многим десяткам месторождений. Зато вместе с тюховскими опричниками он «спустил» с расчетного счета ГКЗ примерно миллион долларов в рублевом эквиваленте через всевозможные сомнительные операции и был таков. Нагрянувшие было по сигналам коллектива представители районного ОБЭПа (отдел по борьбе с экономическими преступлениями) таинственным образом исчезли через пару дней, так и не приступив *к* проверке.

Одно радует: здание ГКЗ на Большой Полянке как стояло, так и стоит на своем месте, и в нем находится именно ГКЗ.

Анализируя свои действия в тот период, думаю, что почти все было сделано правильно. Вряд ли у меня был другой путь, чтобы сохранить то, что люди с таким трудом организовывали и создавали до меня. Из всего этого можно извлечь по крайней мере два урока.

Первый урок. Нынешняя власть, как бы ни была она многогранна и противоречива изнутри, не в состоянии себя изменить. Ведь многие влиятельные люди, которые могли бы решить этот вопрос, не стали ввязываться в эту частность, поскольку или они сами, или через своих партнеров «завязаны» с тем же ненавистным им Тюховым, который, наверняка, способствовал получению каких-то лицензий на привлекательные месторождения или лесные угодья и т. п. К нашему большому сожалению и разочарованию, к власти стремятся в большинстве своем весьма посредственные люди, которые не смогли реализовать себя в конкретном деле из-за своей ограниченности. Получение любого поста и возможность командовать другими, гораздо более способными и порядочными людьми, для них единственный шанс не чувствовать себя ущербными. «Раз я ими руковожу, значит я умнее и способнее их», – это и есть ход их примитивной мысли. Увы, с такими людьми нам светлое будущее «не светит».

Второй урок лично для меня: никогда и ни при каких обстоятельствах я больше не буду занимать руководящих постов. В наших современных российских условиях это означает одно: поставить себя в один ряд с ними, а значит перестать себя уважать.

Еще много есть, что делать в науке и производстве. Еще многому надо научить молодое поколение, чтобы оно смогло вывести нашу многострадальную страну из того ужасного состояния, в котором она до сих пор находится. А времени на все это у меня не так уж и много. Надо «поспешать».

…А сам-то Тюхов чистенький. До чего же хитер! Меня пытались разорвать его цепные псы. Слава богу, в последний момент удалось накинуть им намордники. После того как правительство Касьяна «скинули», вся стая «залегла на дно». Однако через пару лет Тюхов вернулся на госслужбу, хоть и не на такой шумный пост, и вновь призвал их к себе. Сейчас они снова успешно опустошают государственный бюджет уже через другую дырку. Бедная Россия…

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВНИИГАЗ

Подав министру заявление об уходе, я сразу же позвонил Рудольфу Михайловичу Тер-Саркисову – генеральному директору ВНИИГАЗа, памятуя о его словах при моем переходе в ГКЗ, что я в любой момент могу вернуться. Более того, в эти несколько месяцев я продолжал курировать своих ребят в лаборатории по поводу завершения работ, которые мы начинали вместе. Все же опыта у них еще было недостаточно. Молодой и перспективный научный сотрудник, кандидат наук Ян Штейн, оставшийся без меня исполнять обязанности начальника лаборатории, периодически приходил ко мне в ГКЗ с материалами, и мы вместе решали, что делать и куда двигаться дальше.

В последние две недели я вел также переговоры о своем трудоустройстве и с некоторыми нефтяными компаниями и в двух весьма известных получил очень заманчивые в материальном плане предложения. Однако они предлагали занять должность управленца довольно высокого уровня, а я, следуя своему второму уроку, был не готов прежде всего психологически занимать такие посты и начинать заново выстраивать цепочку непростых взаимоотношений в новом коллективе. Меня больше тянуло на «созидание» – выполнение конкретных работ с получением ценных практических результатов, а не на руководящую работу с последующей неизбежной и довольно быстрой научной деградацией, Я знал все плюсы и минусы ВНИИГАЗа (неизвестно, чего больше) и потому в конце концов решил вернуться в ту же обстановку, откуда вышел несколько месяцев назад.

– Да, Юра, конечно, приходи и работай, – сказал мне по телефону Рудольф Михайлович, – с радостью возьмем тебя, и готовься возглавить серьезное направление.

К последнему предложению я готов не был, но решил, что потом посмотрим, а пока надо забыть, как страшный сон, то, что со мной произошло за эти восемь месяцев.

Я вернулся и вновь возглавил свою родную лабораторию во ВНИИГАЗе. Работы было через край, да я и не успел за этот небольшой срок, продолжая шефствовать над своими ребятами, потерять из виду наши актуальные прикладные проблемы. Однако состояние сильнейшего стресса, которое я испытывал еще какое-то время после ухода с поста председателя ГКЗ, давало о себе знать. Тем более, что Ликвидатор, выстраивая свою схему увода средств с расчетного счета ГКЗ, постоянно выдергивал меня, шантажируя мнимыми финансовыми нарушениями,

которые, по его разумению, я обязательно должен был допускать в целях личного обогащения. Видимо, он мерил все по себе. Все это кончилось лишь тогда, когда через три месяца его самого с треском выгнали.

Дав мне «отдышаться» несколько недель в составе своей лаборатории, Рудольф Михайлович вызвал меня и предложил через некоторое время занять должность директора центра «Газовые ресурсы», где работало около 130 ученых и специалистов. Работой этого центра он был крайне недоволен и пытался внести «свежую струю» в его деятельность с моей помощью. При этом он предполагал, что из состава нашего морского центра туда кроме моей лаборатории перейдут еще две, во главе с моими коллегами Александром Тимониным и Павлом Никитиным. Логика была такова, что профиль деятельности наших лабораторий не имеет четко выраженной морской направленности, и мы можем заниматься как сушей, так и морем.

Я, памятуя о данном себе слове не занимать более по жизни руководящих постов, в то же время не мог с порога отказать ему, понимая, что человек искренне оказывает мне большое доверие. Мой отказ мог бы незаслуженно обидеть его. А согласие было полностью для меня исключено. Надо было действовать убеждением, на что требовалось время. Заместитель Р.М. Тер-Саркисова Павел Цыбульский методично и настойчиво, день за днем проводил со мной работу, чтобы я готовился приступить к обязанностям директора центра. Неожиданную помощь оказал один из ветеранов ВНИИГАЗа и старинный приятель Рудольфа Михайловича – Владимир Минасович Мурадян. «Оставь ты парня, – говорил он Тер-Саркисову. – Он на своем месте еще успеет что-то полезное в науке сделать». И это оказалось единственно правильным решением.

Фронт работ нашей лаборатории существенно расширялся. В поле нашего внимания оказались почти все перспективные проекты Газпрома на акваториях мира: от Арктики и Сахалина до Вьетнама и Венесуэлы. И, наконец, мы были самым непосредственным образом вовлечены в «проект века» – подготовку освоения уникального Штокмановского газоконденсатного месторождения на шельфе Баренцева моря, к которому приковано внимание всех крупнейших мировых нефтегазодобывающих компаний. Под тщательным контролем ведущих зарубежных специалистов нами создавалась компьютерная геологическая модель, которая, в конечном счете, была всеми высоко оценена и одобрена.

Так постепенно и незаметно, набирая научный и практический опыт, мы оказались в центре важнейших работ

«Газпрома», связанных с подготовкой ресурсной базы газодобычи на ближайшие десятилетия.

«ЛИЦО ГАЗПРОМА»

Так в шутку стали называть в буквальном смысле мою собственную физиономию некоторые близкие знакомые после одного любопытного случая.

В сентябре 2005 года во ВНИИГАЗ пришел новый генеральный директор – Роман Самсонов, работавший ранее здесь в течение нескольких лет в качестве начальника отдела внешнеэкономической деятельности, а затем отправившийся «на вольные хлеба» на несколько лет в другие организации. Его приход неоднозначно был воспринят коллективом. Однако очевидно то, что публичность работы ВНИИГАЗа существенно возросла уже в первые месяцы. Для этих целей специально приняли на работу Татьяну Климову, окончившую в свое время факультет журналистики нашего родного Московского университета им. М.В. Ломоносова.

Бригада телекомпании НТВ, принадлежащей Газпрому, намеревалась подготовить очередную телерекламу о том, «какой Газпром хороший», и пыталась найти какой-то сюжет, в том числе и в нашем институте – головном научном центре Газпрома, где работает больше тысячи человек. Они с Татьяной Климовой ходили по различным подразделениям, пытаясь найти что-то интересное. Видимо, показанная в нашем «суперсовременном» визуализационном центре виртуальная модель Штокмановского месторождения, над которой мы работали, произвела на них впечатление. Чтобы было понятно тем, кто не знаком с этими технологиями, представьте себе, что вы в стереокинотеатре, но только вместо художественного фильма вы изучаете модель месторождения «изнутри», находясь в продуктивном пласте или рядом с забоем скважины. Это достигается с помощью компьютерного программного обеспечения, специальной проекционной аппаратуры и очков со стереоэффектом. Однако как это сделать на плоском экране и одновременно приспособить к смысловой рекламе, им было неясно. Тем не менее, по их замыслу необходимы были реальные персонажи. Благо, ребята в нашей лаборатории видные, а симпатичных девчат – Марину и Женю – мы «взяли взаймы» в соседних лабораториях, «Кастинг» мы прошли, и в назначенный день, в конце февраля 2006 года, нас привезли в нечто похожее на съемочный павильон, собранный временно и наспех в заброшенном огромном цеху какого-то завода в районе Шаболовки. Цех не отапливался, и после каждого дубля мы одевались в теплую уличную одежду. Снимали нас долго – почти целый день – и по многочисленным отдельным

эпизодам. Получалось, что мы сидим в какой-то современной «футуристической» лаборатории не совсем понятного профиля и обсуждаем будущую схему газификации. За окном современный городской пейзаж с небоскребами. Режиссер постоянно руководил нашими действиями и требовал, чтобы мы разговаривали все равно о чем, но чтобы губы шевелились. Марина должна нам вносить материалы, а мы в этот момент – отвлечься от карты и смотреть в эти материалы, что-то обсуждая. В качестве «материалов» в руках у Марины кроме наших рулонов были листки из школьного учебника природоведения для 3-го класса. Снимали нас и общим планом, и вблизи, по отдельным эпизодам. Когда мы с Сергеем Шаровым изображали дискуссию, то я, памятуя о том, что надо шевелить губами, глядя на эти листочки из учебника природоведения, повторил слова Сергея, сказанные на репетиции без съемки: «Смотри, какую чепуху Марина принесла». Это было отчетливо запечатлено на камеру. В результате этих многочасовых съемок родился рекламный ролик «Газпрома» продолжительностью всего секунд 12–15. Если вы не видели его, то ниже привожу сюжет по кадрам:

…

Кадр 1 *На пол перед печкой бросают несколько поленьев дров. При этом внизу кадра надпись: «Дрова».*

Кадр 2. *Со скрипом открывается заржавевшая чугунная дверка деревенской печки, и на лопате туда бросают уголь. Внизу экрана надпись; «Уголь».*

Кадр 3. *На плите деревенской печки стоит абсолютно черный от копоти чайник.*

Кадр 4. *На газовой плите, на голубом пламени конфорки греется чистенький и блестящий никелированный чайник. Надпись внизу кадра: «Газ».*

Кадр 5. *Звучит ритмическая музыка в техностиле. На экране появляется группа людей за столом, что-то обсуждающих, – это мы. За*

окном модернистский пейзаж с небоскребами. Надпись внизу кадра; «НИИ Газпрома».

Кадр 6. *Крупным планом задумчивое лицо Сергея Валькоаского, затем во весь экран мое лицо с шевелящимися губами, устремленное в изучение каких-то схем. Поскольку я знаю, что мы тогда говорили, по губам угадывается фраза «чепуху Марина принесла». Звучание футуристической техномузыки продолжается.*

Кадр 7. *На экране компьютера вращается структурный каркас модели Штокмановского месторождения, и голос диктора за кадром: «Свой век – сбои технологии. Тепло придет в ваш дом. Газпром». Пока диктор заканчивает эту фразу, появляется следующий кадр 8.*

Кадр 8. *Горящая голубым пламенем газовая конфорка и быстрая смена кадра плакатом с надписью: «Газпром: программа газификации регионов России».*

Понять смысл этой «видеокакофонии» невозможно. Ни мы с нашей работой, как и ни один кадр рекламы не имели отношения к газификации, тем более, что прочесть эту фразу на последнем кадре никто не успевал.

Этот ролик крутили пять-шесть раз в день на первом канале и на НТВ в период с 1 марта до 1 октября 2006 года.

Вскоре я начал получать восторженные и шутливые отклики моих многочисленных знакомых. Смысла этого клипа никто не понял, но тот факт, что мою физиономию увидели во весь экран в рекламе Газпрома на двух ведущих российских телеканалах, их впечатлил. Первым откликнулся Сергей Михайленко из далекого Вьетнама, приславший на следующий день по электронной почте сообщение: «Петрович – звезда первого канала!». Легко объясняется тот факт, что именно Сергей первым увидел рекламу. Дело в том, что все нормальные люди привыкли сразу переключать телевизор на другой канал, как только появляется реклама. А во Вьетнаме лишь один русскоязычный канал –

первый, и наши специалисты в часы отдыха смотрят по нему все подряд, включая и рекламу.

Второй откликнулась в тот же день на это событие консьержка из нашего подъезда, которая, сидя на своем посту, также смотрит по телевизору все подряд. Обращаясь к моей супруге Людмиле, возвращавшейся с работы, она спросила: «Это не Вашего мужа показывают там, где дрова?»

Мой приятель из города Апатиты Виктор Глазнев так написал в своем электронном сообщении через несколько дней: «Вы довольно доходчиво показываете роль различных источников энергии в приготовлении традиционного русского напитка – чая».

А Владимир Алекперович Сулейманов, с юмором воспринявший все происходящее, подтрунивая, говорил: «Спасибо Сергею Вальковскому и Вам, Юрий Петрович, что вы открыли человеческой цивилизации такой замечательный источник энергии, как природный газ».

Мой сосед по подъезду, один из ведущих ученых ВНИИГАЗа Анатолий Александрович Клюсов, каждый раз, встречаясь со мной в лифте, шутя, спрашивал:

– Юра, и куда ты денешь столько денег от рекламы?

– И не говорите, Анатолий Александрович. Все комнаты до потолка забил. Не найдется ли у Вас хотя бы лишней кладовочки? – в том же тоне отвечал я.

После этого на несколько месяцев ко мне «приклеилась» кличка «лицо Газпрома».

БЕСПЛАТНЫЙ АВТОСЕРВИС

Оказывается, и такой автосервис бывает. Смотря какие услуги ты желаешь получить. Один такой комичный случай случился и со мной, Я уже писал раньше, что автомобилистом стал сравнительно поздно – в 34 года. Главная причина в том, что, глядя на наших советских автолюбителей, большинство из которых полжизни проводили в гаражах, я думал, что и меня ждет такая же участь, если я куплю машину. Однако все же в конце 80-х я переступил этот психологический барьер, и оказалось, что все не так уж плохо. Если ездить на новой машине не больше четырех-пяти лет, то она практически ничего не просит, кроме бензина, и исправно тебе служит. Надо лишь раз в год приезжать на сервисный центр для плановых работ.

И вот однажды, отъездив на новеньком «Рено» один год и пройдя в срок плановое обслуживание, я выехал в морозное январское утро на работу. Мороз в 30 с лишним градусов пришел как-то совсем неожиданно, и многие автолюбители «не завелись» с утра, что для меня создало дополнительный комфорт благодаря отсутствию изнурительных московских пробок. Однако благостное настроение исчезло на первом же перекрестке. Притормозив на красный свет, я почувствовал отчетливый глухой стук где-то под днищем. Перспектива оказаться на сильном морозе в неисправном автомобиле как-то не добавляла оптимизма. Пока я стоял в ожидании зеленого светофора, стука не было, двигатель работал ровно и чуть слышно. Но как только на зеленый я тронулся, стук послышался опять. Я припарковался, вышел на трескучий мороз, стал на колени, будучи одетым в отглаженный рабочий костюм и теплую светлую куртку. Как ни пытался не испачкаться песком и антигололедны ми реагентами, в избытке рассыпанными дорожными службами, это не удалось. Выпачканный, сел обратно в салон. Под днищем ничего интересного и необычного я не увидел. В напряженном ожидании худшего я доехал до работы, стараясь сильно не разгоняться. Стук то появлялся, то прекращался.

На работе на мои вопросы бывалые автомобилисты лишь пожимали плечами. Позвонил в автосервис, изложил проблему. Меня записали лишь на срок через три дня, т. к. до этого все было занято.

Вечером по пути заехал на работу за женой. Как только тронулись, я спрашиваю:

– Слышишь глухой стук?

– Да, вроде что-то стукнуло один раз, когда тронулись.

Я резко затормозил. «Да, вот теперь стукнуло опять», – сказала она. С большой осторожностью, потихоньку мы доехали домой. Пришлось в следующие два дня, до субботы, на работу ездить на транспорте.

Приехав в назначенное время в сервис «Автомир», что на улице Перерва, я прошел у девушек-приемщиц достаточно строгую процедуру оформления с занесением в компьютер всех данных и сведений о характере неисправности. В соответствующей графе указали: «При наступлении сильных морозов появился глухой стук снизу при трогании и торможении». Я загнал автомобиль в длинный ремонтный ангар с многочисленными подъемниками и приспособлениями. Одновременно здесь ремонтировали больше десятка машин. Подошел мастер с нарядом на работы в руках и спросил, в чем дело. Я повторил ровно то, что было записано в наряде. «Сейчас попробуем разобраться», – сказал он и сел в автомобиль. Затем резко тронулся с места, проехал внутри ангара около 50 м и резко затормозил. Дальше наблюдаю такую картину. Открывается передняя дверь, выходит мастер. Затем он открывает заднюю дверь, наклоняется и достает оттуда бутылку с замерзшей минеральной водой, которая, видать, осталась там со времени осенних пикников. Как только наступили морозы, вода замерзла и бутылка превратилась в твердую ледышку, которая и стала, перекатываясь по полу между сиденьями, стучать при разгоне и торможении. «Ну, мужик, ты даешь, – сказал мастер, подшучивая. – Чтобы бутылку вытащить, на автосервис приезжаешь. Совсем ленивый стал, что ли? Это ж почти как в том анекдоте про нового русского, который приехал новую машину покупать, потому что в предыдущей за неделю пепельница доверху заполнилась». Тут рассмеялись все, что находились поодаль. Несмотря на столь быстрое устранение «неисправности», все формальности должны были быть соблюдены. Я не мог просто так сесть и уехать – не выпустила бы охрана на воротах без оформления через базу данных.

Девушка-приемщица, что отдавала мне документы и ключи, напротив слов «причина неисправности» занесла в компьютер: «бутылка со льдом позади сиденья водителя». Все три девушки, оформлявшие заказы, тоже развеселились. Потом, видать, эту историю еще несколько дней обсуждали работники автосервиса. Надо отдать им должное – денег с меня за это обслуживание не взяли, но запись в базе данных осталась. Так что бывают еще бесплатные услуги и в наше время.

УРА. МЫ – ЛАУРЕАТЫ!

Наша лаборатория геолого-геофизического моделирования на шельфе постепенно стала играть заметную роль не только в деятельности ВНИИГАЗа, но, пожалуй, и Газпрома в целом. Поэтому, когда возникла критическая ситуация с выполнением корпоративного плана прироста разведанных запасов промышленных категорий, к нам за помощью обратились начальник Управления геологоразведки и лицензирования Александр Иосифович Райкевич и его заместитель Виктор Сазонович Парасына. Речь шла о том, чтобы, основываясь только на результатах сейсморазведочных работ 3Д, перевести предполагаемые запасы категории С2 в неразбуренной части уникального Штокмановского месторождения на шельфе Баренцева моря в категорию С1, относящуюся к промышленным (доказанным). Именно эта категория запасов влияет на величину капитализации компании, а следовательно, и на рыночный курс ее акций. Что и говорить: вопрос для Газпрома крайне важный, равно как и для любой другой акционерной компании.

Процедура предусматривала перед постановкой промышленных запасов на государственный баланс их тщательную экспертизу в Государственной комиссии по запасам (ГКЗ), которую я возглавлял непродолжительное время за два года до этого (см. историю «Хождение во власть»). Кому, как не мне, было ясно, что, согласно действующим нормативным документам, сделать это было невозможно: требовалось разведочное бурение, подтверждающее промышленную продуктивность в западной части этого уникального месторождения. Поэтому пришлось сообщить коллегам из Управления о бесперспективности этой идеи. В то же время не оставляла в покое мысль о том, что следует проверить оценку запасов газа с использованием новых данных объемной сейсмики на уже изученной шестью скважинами части месторождения, где они относились к промышленной категории С1. Мы занялись тщательной работой по построению детальной компьютерной геологической модели этого месторождения с использованием всех возможных средств, разрабатывая по ходу новые оригинальные методические приемы. Первые прикидки показали, что с учетом новых структурных построений запасы месторождения явно недооценены даже в зоне со скважинами. Я сообщил об этом в Управление, Виктор Сазонович сказал: «Петрович, на Вас вся надежда. Если Вы защитите прирост запасов в ГКЗ, премия Газпрома в области науки и техники Вам

обеспечена». Это нас здорово воодушевило, и мы, забыв об отпусках и выходных, принялись за работу. Все тщательные расчеты по модели показывали, что запасы действительно заметно выше тех, что стояли на государственном балансе. Оставалось самое трудное – убедить в этом экспертов госкомиссии. В ГКЗ и Министерстве природных ресурсов все были уверены, что Газпром в конъюнктурных целях хочет увеличить запасы. Мы-то знали, что это не так, но никто из экспертов не хотел браться за экспертизу Штокмановского месторождения, которое, по большому счету, «на слуху» у всего мира. Скорее всего, в какой-то степени помог мой имидж «борца за справедливость» в той самой истории со зданием ГКЗ, о которой шла речь выше. Наверное, после того случая специалисты-эксперты из числа авторитетных и уважаемых ученых поверили, что я не пойду на сделку с совестью и все здесь «чисто». Тем не менее, пришлось каждому эксперту доказывать нашу правоту, убеждать их все посмотреть своими глазами и «пощупать» детали модели, сидя за монитором рабочей станции – мощного компьютера, на котором эта модель была загружена. В результате все наши цифры запасов были приняты без замечаний в авторском варианте. И это был действительно первый случай в практике ГКЗ: прирост запасов промышленных категорий принят без дополнительного бурения. (Пробуренная через год в зоне категории С2 скважина № 7 полностью подтвердила правильность наших построений и оценок).

В результате прирост запасов по нашей работе составил более 70 % от всего объема прироста по Газпрому за 2005 год. Впервые за последние 15 лет объем разведанных запасов газа за год превысил объем добычи. Информация широко прошла в средствах массовой информации, и акции Газпрома в течение нескольких дней резко выросли в цене на зарубежных торговых площадках.

На следующий день после успешной и почти блестящей защиты в ГКЗ звоню в Газпром В.С. Парасыне:

– Виктор Сазонович, так когда нам приходить за премией и дипломами лауреатов? Мы уже готовы все это получить.

– Э, брат. Надо оформить все в виде какой-то научно-исследовательской работы или методики и представить в конкурсную комиссию Газпрома.

– Да Вы что? Ведь уже все детально рассмотрено независимыми экспертами и принято. Я-то думал, что премия будет за результат по приросту запасов Газпрома, который теперь достигнут нашими общими стараниями.

– Нет, Петрович, не все так просто – читайте положение о премии и дерзайте. Тут я уже ничем помочь не смогу.

Этс разочаровало. Но останавливаться на полпути не хотелось. Прочитав положение, я понял, что оформить все документы не легче, чем сделать еще одну диссертацию. Пришлось «наводить наукообразие»: обосновывать актуальность, выделять научную новизну и т. д. Это заняло несколько месяцев, и в результате появились две огромные толстые папки с описанием самой работы и десятками сопутствующих документов. Назвали мы сей труд так: «Технология подготовки запасов углеводородов промышленных категорий на примере Штокмановского газоконденсатного месторождения». А дальше пошли многочисленные формальные процедуры, включая тайное голосование на ученом совете ВНИИГАЗа, как представляющей организации, причем как за саму работу, так и за включение каждого автора в авторский коллектив. После передачи всех протоколов и материалов в конкурсную комиссию Газпрома работа была разослана двадцати пяти специально назначенным экспертам, фамилии которых мы так и не узнали. Вся эта история продолжалась больше полугода, но закончилась для нас вполне успешно: из 16 работ, поданных на конкурс от различных организаций, наша безоговорочно была признана лучшей и удостоена первой премии. Премия сама по себе оказалась довольно внушительной и в несколько раз превышала аналогичную премию Правительства РФ в области науки и техники. Однако поскольку, как у нас водится, в авторский коллектив пришлось включить несколько начальников, сумма разделилась поровну между всеми. А пару наших ребят из-за ограниченности списка так и не вошли в него, поэтому мы поделились с ними по-братски, в то время как с начальников просить квоту в общий котел показалось неудобным.

Процедура награждения проходила на заседании Правления ОАО «Газпром» в конце декабря 2006 года и была весьма торжественной. Председатель правления Алексей Миллер каждому вручал памятный диплом и медаль лауреата с удостоверением. Кроме того, нашему генеральному директору Роману Самсонову вручили особый большой диплом для ВНИИГАЗа как представляющей организации, а также специально изготовленный знак за первое место из хрусталя и металла в форме эмблемы Газпрома.

Надо отдать должное нашему директору: он организовал предновогодние торжества по этому поводу, назвав нас героями года. Действительно, за всю без малого 60-летнюю историю ВНИИГАЗа такая премия была получена коллективом впервые.

Моя жена, работающая учителем информатики в школе и постоянно заботящаяся о своем 6-м «Д», где она является

классным руководителем, сказала: «Не жмитесь, сбросьтесь со своей премии и назначьте нашим лучшим ученикам стипендии». Ну разве против этого можно возразить? Так мы и сделали – учредили три ежемесячных стипендии лучшим шестиклассникам пока сроком на один год, две из которых по результатам полугодия достались ученикам ее класса.

Теперь нам рекомендуют подать эту работу на соискание премии Правительства Российской Федерации. Логика простая: Газпром сейчас – это фактически становой хребет России, формирующий своими налоговыми отчислениями основную часть государственного бюджета. Поскольку именно Газпром присудил первое место данной работе, значит, это событие государственного масштаба. Мы-то сами, конечно, лучше других понимаем все имеющиеся условности и недостатки выполненных исследований и нерешенные проблемы, но, пожалуй, с такой выгодной для нас логикой спорить не будем. Постараемся кое-что доделать, скорректировать и, может быть, действительно «выдвинемся» на эту премию. Хорошо бы, нашлось время для этого в бесконечной ежедневной суматохе с многочисленными срочными и сверхсрочными проектами, которые, как обычно, надо было закончить еще вчера.

НЕ ЗАБЫВАЕМ РОДНУЮ «АЛЬМА-МАТЕРЬ»

Да простят меня латинисты за вольную транскрипцию «Альма-матэр» на русский народный лад.

Действительно, спустя годы, все больше понимаешь, что университет дал нам вторую жизнь и потому недаром еще в далекой древности родилось это сравнение его с матерью.

Немного раньше, повествуя о мурманском периоде своей жизни, я писал, что, став по совместительству преподавать в тамошнем госуниверситете и ощущая большую заинтересованность благодарных слушателей факультета переподготовки, я подумал: «А может быть, это самое полезное, что я сделал в своей жизни?». И когда при встрече декан геологического факультета нашего Московского университета Дмитрий Юрьевич Пущаровский как-то попросил меня организовать учебный курс для студентов старших курсов и магистрантов с примерным названием «Экономическая геология», я, немного подумав, согласился. Я, правда, рассчитывал, что мой коллега по ВНИИГАЗу Павел Никитин, для которого эта область намного ближе, согласится тоже вместе со мной разделить эти хлопоты. Но Павел, ссылаясь на сильную занятость, отказался. Моя занятость тоже превышала все разумные пределы, да и дорога от ВНИИГАЗа до МГУ, мягко говоря, занимает немало времени даже по московским меркам. Однако отказать в этом родной «Альма-матер» было невозможно. Глядя, как многие наши выпускники, ставшие успешными бизнесменами, зачастую по серьезному спонсируют учебный процесс, я рассматривал этот курс как свою собственную форму спонсорской помощи, собираясь в том числе оставлять всю причитающуюся мне зарплату полставки профессора на текущие нужды кафедры, что и делаю по сию пору. Но не только в деньгах дело. Главная проблема современной высшей школы в том, что преподавать там почти некому. Остались по преимуществу старые преподаватели с советского времени, посвятившие, как правило, всю жизнь своему вузу. Молодежь весьма неохотно остается на кафедрах и перенимает опыт старших: уж очень скромно оплачивается современный преподавательский труд. И если по общеобразовательным фундаментальным предметам на первых курсах старые кадры еще как-то могут закрыть проблему, то по специальным дисциплинам, требующим быть в курсе изменений и тенденций современных производственных технологий,

положение просто катастрофическое. Выпускники соответствующих специальностей, придя на производство, не только должны доучиваться конкретным вещам, а просто учиться заново. Тут фраза из известной интермедии Аркадия Райкина: «Забудьте то, чему вас учили в институте», – реализуется автоматически: в институте современным технологиям учить просто некому, и потому выпускникам забывать попросту нечего.

И хотя наш университет как первое высшее учебное заведение страны находится в привилегированном положении, поскольку имеет специальные дополнительные фонды, проблема комплектования преподавательского состава и здесь стоит очень остро.

Так что каждый на своем уровне должен хоть как-то включиться в решение этой проблемы, и тогда, может быть, постепенно будет что-то меняться к лучшему.

Как я и ожидал, студенты – это совсем не взрослые слушатели, с которыми мне нравилось работать раньше. Реальную заинтересованность проявляет меньшая часть аудитории. Явка на большинство лекций на старших курсах оставляет желать лучшего. Однако средний студент по природе своей старается не делать лишнего. Поскольку он заранее не может знать, что ему в жизни пригодится, необходимо найти какие-то способы, чтобы в интересах того же студента подтолкнуть его к активному включению в учебный процесс. Просто проверять явку на занятия – мера малоэффективная. Большое количество присутствующих незаинтересованных людей будут только мешать занятиям и своим товарищам. Мне своими нехитрыми приемами удалось добиться почти полного «аншлага» на занятиях, и я готов поделиться этим опытом с другими преподавателями.

На моих лекциях должно присутствовать около 100 человек. Я заранее, в самом начале семестра, объявляю о своей системе контроля знаний. Она состоит в следующем. В конце каждой лекции или занятия проводится 15-минутный экспресс-тест из простейших задач или вопросов по материалам, прослушанным в текущей и предыдущей лекции. Любыми конспектами пользоваться можно, но, если ты совсем ничего не знаешь или не слушал, то это не поможет, т. к. время на ответы крайне ограничено. Студенты должны на отдельных листках выполнить тест и тут же сдать мне. В расчет я принимаю только первые 15–20 правильных или лучших работ. Знающие и внимательные на лекции студенты в условиях созданной конкуренции не дают списать правильный ответ товарищу, чтобы самому попасть в это заветное число сдавших первыми. Только потом они начинают

помогать им. Те, кто по сумме всех тестов попадут в первые 20–30 % лучших, получат зачет-автомат, если по курсу предусмотрен только зачет. Либо они получают дополнительный балл к экзамену, если по курсу предусмотрен экзамен. Остальные на экзамене или зачете не могут рассчитывать на какое-либо снисхождение. Они должны к ним готовиться серьезно. По моему трехлетнему опыту система работает безотказно, правда, требует дополнительного времени на проверку этих самых тестов. Преподаватели, берите на вооружение!

Кроме преподавания с регулярностью один раз в неделю я примерно раз в квартал появляюсь на своем родном отделении геофизики, поскольку являюсь членом нашего докторского диссертационного совета по специальности «Геофизика и геофизические методы поисков и разведки». Все же, как ни говори, уровень кандидатских, да и докторских диссертаций за последние 15–20 лет снизился заметно. Иногда, правда не часто, в представляемых работах невооруженным глазом видны следы «коммерциализации» процесса защиты диссертаций. Особенно это касается провинциальных диссертационных советов, когда местные начальники, имеющие в своих руках властные и финансовые рычаги, озадачились получением ученой степени, и для них группа специалистов из двух-трех человек под заказ готовит работу за денежное вознаграждение. Хотя даже при существующей системе контроля ВАКа дело это непростое, поскольку диссертант до защиты должен опубликовать несколько научных работ в специально оговоренных изданиях по профилю своего исследования. Тем самым он обязан подтвердить свои притязания, вынеся их на суд широкой научной общественности. То есть, случайный человек при такой системе не должен появиться среди соискателей ученых степеней. Однако находятся способы преодолеть и эти преграды, только требуется больше времени, чтобы за него подготовить и опубликовать эти работы. В итоге происходит катастрофическое обесценивание нынешних ученых степеней. И все больше бездарей появляется среди так называемых ученых. Однажды по электронной почте мой коллега-геофизик и приятель из Кольского научного центра, доктор наук Виктор Глазнев, с горечью говоря об этой ситуации, написал: «С годами все больше убеждаешься, что следует быть более принципиальным. Иначе серость способна породить только черноту («чернуху»), которая потом тебя же попытается и поглотить». Точнее не скажешь. Мы видим на примере нашей многострадальной страны, какая «чернуха» пролезла сейчас практически во все звенья власти и управления и манипулирует нами. А фундаментальная и прикладная наука из-за этой

«чернухи» с учеными степенями практически погибла.

Но все же нам ничего не остается, как быть оптимистами. Создается ощущение, хотя пока и не слишком уверенное, что все-таки самая низкая «точка падения» пройдена. И благодаря нашим общим усилиям такие столпы науки и образования, как Московский государственный университет имени Ломоносова, снова постепенно выйдут на передовые мировые рубежи и вытянут за собой, как мощный локомотив, всю нашу науку и передовые технологии. Однако каждый должен бросить свою лопату угля в печку этого паровоза, и только тогда все может стать реальностью. Будем надеяться, что это произойдет.

РАЗБРОСАЛО НАС ПО МИРУ

Пока столько лет бездари управляли государством, лучшие наши выпускники в поисках достойного применения своим знаниям и умениям отправлялись в «дальние страны». А что было им делать, если все это оказалось ненужным в родном отечестве? Идти торговать на рынках и возить «тряпки» из-за рубежа, чтобы, перепродав их, прокормить семью, было унизительно, да и не у каждого хватало коммерческой жилки на это. А тем, кто по случаю оказался близко к общему народному пирогу, «распиливать» его вместе с подозрительными и нечистыми на руку «приватизаторами» не позволяли воспитание и совесть. Мне в некотором смысле повезло, поскольку удалось вполне нормально в материальном плане пережить это время, благодаря расширению сферы своей деятельности. Но это тоже не для каждого. Вот и получилось, что для многих наших выпускников больше работы по специальности нигде и не было, как «за кордоном». В принципе, с нашим хорошим на тот момент образованием вполне можно было устроиться во многих известных зарубежных компаниях, и я на себе это тоже прочувствовал, общаясь с представителями инофирм. Надо было только немного поднапрячься с усовершенствованием своего английского, но эта задача вполне посильна большинству наших студентов.

И очень немало наших образованных соотечественников вообще, а выпускников МГУ в частности выбрали этот путь. Только из наших 40 геофизиков 1978 года выпуска где-то совсем далеко живут и работают Илья Цванкин, Саша Литвин, Наталья Бочарова, Леня Зимаков, Вера Гайдукова и еще несколько человек. Причем только первые двое находятся в «поле видимости»: Илья – профессор Колорадской горной школы в США, а Саша – один из научных топ-менеджеров в Лондонском отделении «Парадайм-геофизикал». С ними, по крайней мере, регулярно видимся и общаемся на международных научных конференциях. Из ребят последующих выпусков, которым мне в свои аспирантские годы удалось немного преподавать сейсморазведку на практике, на виду Сергей Шапиро и Боря Гуревич, также бывающие на конференциях и иногда «залетающие» к нам. Некоторые, такие как Дима Батурин и Андрей Виноградов, поработав продолжительное время в дальнем зарубежье в иностранных компаниях, вернулись в «родные пенаты», когда наступил период, что и в родной стране стало можно зарабатывать нашей специальностью зачастую больше в

реальном исчислении, чем за рубежом. А про других так ничего и не слышно со времени их отъезда.

Так что же можно по прошествии двух десятков лет «смуты» сказать о том, «кому на Руси жить хорошо», а кому на чужбине? Пожалуй, ничего внятного и не скажешь. Для каждого ответ индивидуален. Лично для меня, часто посещающего наших коллег-геофизиков в зарубежье, ответ очевиден – я правильно сделал, что не поехал тогда. Здесь, на родине, в конце концов оказалось лучше и материально, и морально, хотя 15 лет назад это было не очевидно. Да я просто и не смог бы надолго уехать из России, как бы постыло здесь временами не было. Не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что наши ребята там, как бы высоко по карьерной лестнице ни забрались, вынуждены постоянно доказывать, что они не являются людьми второго сорта. Они все равно в глазах местного обывателя никогда не станут настоящими американцами, канадцами, англичанами, немцами. Для них они навсегда русские. Я имею в виду, прежде всего, конечно, тех, кто живет в странах большой восьмерки. Не думаю, что видимое благополучие и самовнушение типа «я – человек мира» позволяет им жить в гармонии с самими собой. Наверняка некоторые не прочь и вернуться, глядя на многих весьма благополучных своих сокурсников в России, но уже побаиваются. Они уже другие, и, как говорится, «дважды в одну реку не войдешь». Правда, река эта тоже совсем другая. Нельзя сказать, хуже она или лучше, но точно – другая. А что касается материальной стороны дела, то сейчас эти ребята со своими мозгами могли бы здесь, работая в компаниях топливно-энергетического комплекса или в своих собственных фирмах, зарабатывать в десятки раз больше, чем они имеют там. Но для этого должны были пройти эти 15 трудных лет. Да и впереди тоже непростые годы. Но, судя по всему, мировые тенденции резко изменились за последние несколько лет. Прежде всего, это произошло, опять же, из-за значительно возросших цен на энергоносители. А это, в свою очередь, обусловлено совершенно неуклюжими действиями правителей США. Какую бы кампанию они в последние годы не затевали, рассчитывая на свое безоговорочное мировое лидерство, они ее с треском проваливали. При этом именно в результате таких действий резко поднимались цены на нефть и газ. В результате Россия, дошедшая, казалось бы, «до ручки», вдруг снова сильна. И отнюдь не из-за того, что вдруг у нас появилось умное руководство. При таких ценах на нефть, как сейчас, и СССР никогда бы не развалился. И именно американцы нас так резко усилили в последние годы своей бездарной для себя самих политикой. Это

часто бывает в игровом спорте, например, в волейболе. Команда начинает набирать очки и выигрывать не за счет своего возросшего мастерства, а за счет того, что соперник делает много ошибок и приносит очки ей. Конечно, все намного сложнее, но устойчивая тенденция налицо. Кроме неожиданного для запада усиления России, резкий рывок азиатских «тигров» и Китая достаточно быстро меняет ситуацию и расклад сил в мире. Если американцы не найдут новых умных и расчетливых политиков – таких, как те, что без единого выстрела выиграли необъявленную войну и фактически развалили нас 15 лет назад, то они обречены на утрату своего единоличного лидерства в обозримом будущем. А сильная зависимость большинства других развитых стран от импорта энергии не позволит им слишком серьезно повысить эффективность своих национальных экономик, а значит, и благосостояние своих граждан, которое, правда, и без того весьма высокое.

Так что наши мозговитые ребята, выехавшие за рубеж 15–20 лет назад, пожалуй, давно достигли там своего потолка, и им остается крепко держаться за то, что у них уже есть, чтобы не потерять этого. Либо пытаться уже от имени своих работодателей прорываться на развивающийся российский рынок в поисках заказов и доходов для своих компаний, что многие из них и делают.

А что же стало с теми, кто пережил вместе с народом эти непростые годы здесь? Как обычно, у всех по-разному. Абсолютное большинство геофизиков и геологов все же оставили свою специальность. Многие ушли работать в коммерческие структуры, полностью сменив профиль работы, благо, хорошее образование позволило им быстро адаптироваться к новым условиям. Кто-то пошел во властные структуры на большие должности, а некоторые взялись за преподавательскую деятельность в вузах, техникумах и училищах. Очень немало наших выпускников пытались организовать свой бизнес, и у некоторых это получилось настолько успешно, что сейчас они среди самых состоятельных москвичей. Многих из них я уже называл выше, в других повествованиях. Причем большинство наших новоиспеченных бизнесменов заняты в сфере услуг, производства и строительства, а не в спекулятивных операциях. И это тоже радует: ведь надо же кому-то создавать материальные блага, а не только перераспределять их в пользу меньшинства. Кроме того, многие наши «богатенькие» не забывают родной университет и факультет, оказывая ему весьма чувствительную спонсорскую помощь.

Те немногие, что остались в геофизике, тоже по большому

счету выиграли. При создавшемся за эти годы остром дефиците квалифицированных кадров за них почти в буквальном смысле борются профильные компании, переманивая друг у друга грамотных специалистов и предлагая им все более высокий уровень заработной платы, сопоставимый с европейским, а то и превышающий его (по крайней мере, в Москве). С геологами, правда, похуже. Пока их востребованность не столь высока, но и среди них есть примеры блестящей профессиональной карьеры: Саша Афанасенков – вице-президент «Юкоса», Костя Соборнов и Саша Обухов – одни из основных геологов в «ТНК-ВР» и «Газпромнефти». А вообще сейчас в России острый дефицит профессионалов. Нет опытных медсестер, рабочих, техников, инженеров и вообще любых специалистов, которые способны делать конкретные дела. Зато выпущено столько менеджеров, экономистов, бухгалтеров, юристов и людей других специальностей, которые только считают, учитывают, регулируют и перераспределяют производимые другими материальные блага, что у них все больше шансов стать безработными. При этом налицо колоссальный разрыв между сытой столицей и прозябающей провинцией, которая, даже несмотря на наметившееся оживление в стране, продолжает испытывать серьезные проблемы буквально во всем. И нашим выпускникам, живущим в далеких «городках и весях», также далеко до благополучия, как и несколько лет назад.

Интересно отметить, что эта «закалка» трудностями на периферии делает людей более целеустремленными и адекватными реальной обстановке. Приезжающие в столицу специалисты (подчеркиваю, *специалисты*) очень быстро находят высокооплачиваемую работу. А «рафинированные» москвичи среднего и старшего возраста, выросшие в привилегированной в советское время и закрытой для прописки столице, явно хуже приспособились к этой новой обстановке. Много «гундят» и ворчат на приезжих, вместо того, чтобы бороться за лучшие места, проявлять смекалку и находчивость.

А наши-то мурманчане-геофизики, не ушедшие в бизнес и оставшиеся в специальности, заняли почти все ключевые посты специалистов в основных конкурирующих московских геофизических компаниях. Игорь Керусов и Алик Касимов – ключевые фигуры в «Петроальянсе», где кроме них перебывало еще с десяток наших, перешедших потом в другие компании. Наталья Иванова – ведущий интерпретатор в «Парадайме», а Толя Шулико – один из основных обработчиков там. Володя Данченко, Валерий Левченко и Ирина Рабей определяют всю геофизическую «кухню» в «СМНГ-центр». Да и мурманские геологи не отстают:

Александр Симонов – руководитель отдела и один из ведущих специалистов-геологов в «ЛУКОЙЛе», Инга Хромова – тоже ведущий специалист в этом отделе, а ее муж Вадим вообще возглавляет отделение по СНГ известной компании «Фугро-джейсон», а до этого руководил всем «Лэндмарком» тоже по СНГ. В Мурманске он начинал рядовым специалистом треста «Севморнефтегеофизика». Саша Ляндрис основал одну из самых «продвинутых» московских компаний в нашей отрасли – «Геодэйта», которая теперь работает во многих странах мира. Все заработали на дорогие московские квартиры, а некоторые уже успели купить их не только себе, но и своим детям, да еще и коттеджами в ближайшем Подмосковье обзавелись. А стоят они дороже, чем в благополучной Европе с хорошими заработками. В общем, примерно из четырех десятков переехавших в Москву мурманчан-геофизиков и геологов, начавших здесь с «нуля», все до единого устроились. Про наших земляков, ушедших из геофизики в бизнес, тем более говорить не приходится. В то же время большинство никуда не уезжавших моих сокурсников-москвичей как-то подрастерялись, за редким исключением; ушли из отрасли, утратили квалификацию и работают кто где и совсем с другим результатом, если судить по уровню доходов. Хотя, бесспорно, это не единственный критерий и, возможно, не главный. Тем не менее, никто из наших выпускников по большому счету не пропал во времена «смуты». Выдержали, закалились, набрались жизненного опыта, и теперь большинство уверенно стоят на ногах.

Нынешним нашим студентам-выпускникам геофизикам и геологам стоит хорошенько подумать о том, как лучше выстраивать свою профессиональную карьеру. Нужно ли стремиться в именитые зарубежные сервисные и нефтяные компании, которые на первых порах «манят» большими заработками, а реально не предоставят перспектив профессионального роста? Обычно молодые специалисты у них используются лишь в двух основных вариантах: «на подхвате» в российских представительствах либо на полевых работах в потенциально горячих точках или «глухих» пустынях. Как показывает опыт нескольких лет, работа в этих компаниях не дает потом преимуществ при устройстве в наши фирмы. К этому времени наши ребята в ведущих российских добывающих и сервисных геофизических компаниях уже успевают гораздо больше вырасти профессионально, занять ключевые посты и получать при этом приличную зарплату. В инофирмах вы рискуете навсегда остаться полевиками или чрезвычайно узкими специалистами без права на настоящую творческую работу. Так

что думайте. И не забывайте о том, что несмотря на на дилетантство и непрофессионализм наших управленцев даже на уровне правительства, экономика России является растущей, а энергетический дефицит ближайших десятилетий никогда не оставит вас без работы, если вы успели чему-то научиться в университете и не прожигали время попусту. В новых условиях жесткой конкуренции на рынке труда это может оказаться для вас решающим.

КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕОМОДЕЛЬ»

В тяжелые для геологии и геофизики да и для всей страны 90-е годы ученые и специалисты практически перестали общаться на научных и практических конференциях. Проводимые ранее Центральной геофизической экспедицией (ЦГЭ) ежегодные сентябрьские школы и семинары по различным вопросам сейсморазведки в одном из пансионатов на черноморском побережье, основным энтузиастом которых был Сергей Николаевич Птецов, также прекратились. На международные конференции ввиду недостатка денег ездили лишь единицы наших специалистов. Это неминуемо привело к существенному упадку в уровне научных исследований и ценности получаемых практических результатов.

К концу 90-х, после того, как появилась маленькая надежда на возрождение российской геофизики, надо было преодолеть эту сложившуюся за несколько лет пагубную привычку научного молчания. И такая группа энтузиастов нашлась, причем среди моих близких знакомых и приятелей. Нашедшие друг друга по жизни Игорь Керусов да Миша Токарев, сильно интересовавшиеся тогда проблемами AVO-анализа, объединившись с тем же С.Н. Птецовым, собрали несколько десятков человек в сентябре 1999 года в Геленджике на семинар, чтобы в непринужденной обстановке в бархатный сезон обсудить проблемы и результаты в этой области. Это настолько понравилось участникам, что на следующий год их количество удвоилось.

После этого ребята решили поставить дело на серьезные рельсы и учредили компанию «Геомодель-консалтинг», основной деятельностью которой на первых порах была организация таких конференций. Директором компании стала неутомимая и энергичная Люда Золотая, во многом благодаря которой все это и закрутилось с удвоенной силой. И уже в 2006 году количество участников перевалило далеко за 500 человек. Это мероприятие фактически превратилось в «статусное», и большинство ведущих не только российских, но и зарубежных фирм стали почитать за честь войти в число его спонсоров. Я последние пять лет тоже старался не пропускать этой нашей профессиональной и очень демократичной «тусовки», неизменно посещая ее с докладами по различной тематике: как по сейсморазведке и геологическому моделированию, так и геолого-экономической оценке и анализу рисков. Кстати, по последнему направлению в 2005 году была организована специальная сессия в рамках конференции, ставшая регулярной, и с тех пор мы с А.А. Гертом на ней

председательствуем.

Традиционно в течение конференции бывают и два «застольных» мероприятия: в начале, когда все только приехали, и в конце, после ее завершения, когда на следующий день все разъезжаются.

Однажды на товарищеском ужине в прощальный вечер тамадой был Георгий Евгеньевич Яковлев, человек необычайно жизнерадостный и веселый. Предоставляя мне слово для тоста, он, перечислив мои научные увлечения и звания, произнес со здоровой долей всем понятной иронии: «А теперь мы послушаем Юрия Петровича как поэта». И я, набросав перед этим за столом несколько «корявых» четверостиший, взял микрофон и продекламировал:

В работе чтоб достичь успеха
И в жизни чтоб не сесть на мель,
Езжай в восьмое чудо света
И посети « Геомодель».
Здесь море, солнце и наука,
А повезет – и счастья миг.
Не будет долгой и разлука:
Сентябрь – и снова в Геленджик.
За это поднимай бокалы,
Пусть молодеет в жилах кровь,
Чтоб счастья не казалось мало —
За жизнь, удачу и любовь!

Когда произносишь этот тост на застолье, где сидят около 500 чуть-чуть уже пригубивших вино интеллигентных людей, то шероховатость стиля и размера на слух уже не воспринимается, а после последних слов раздается шквал аплодисментов, и все в едином порыве выпивают бокал до дна.

Да, конференции «Геомодель» – это особый дух и особая аура единомышленников.

ГРАНИТ НАУКИ УЖ БОЛЬНО ТВЕРДЫЙ (что же дальше?)

Уже пройден немалый и местами тернистый путь на пути к познанию истины, но до сих пор она кажется все такой же далекой, как и в начале этого пути. Формально, по полученным мною ученым степеням и званиям (доктор наук, профессор, академик РАЕН и т. д.), человеку непосвященному может показаться, что мне многое удалось. Но это далеко не так. Прав был древний философ: чем больше знаешь, тем больше понимаешь, что ты ничего не знаешь. Ведь я потому и «разбрасывался» так много по различным научным дисциплинам, что казалось, будто там истина и реальность ближе и до нее рукой подать. Но в очередной раз оказывалось, что она опять уходит из рук, как вода сквозь пальцы. Я немного завидую людям, которые не задумываются об этом, делая изо дня в день одну и ту же работу и рассматривая ее, в основном, как источник материальных средств для своего существования. А многие научные деятели разрабатывают всю жизнь одну и ту же узкую частную проблему, хотя под конец жизни и им становится понятным никчемность и ошибочность их усилий и результатов. Я не могу допустить, чтобы это случилось и со мной и потому так широко ищу приложение своим знаниям и умениям. Видимо, для меня больше подходит другое известное изречение: «Сомневайся во всем!». И я сомневаюсь до такой степени, что не верю порой даже в собственные полученные результаты. Не раз убеждался в том, что многое из того, что сейчас кажется важным, актуальным и правильным, потом оказывается незначительным или неверным. Видимо, все эти объективные противоречия процесса познания, которые я ежедневно испытываю на себе, ао многом и заставили меня взяться за написание этой книги. Надо остановиться, привести в порядок мысли, осмотреться, задуматься. Может быть, тогда удастся верно определить дальнейший путь?

Но все же, все же… Сейчас появились возможности, которых раньше не было. В нашей лаборатории подобрался великолепный деятельный коллектив из молодых ребят, пожалуй, лучший в Москве в области сейсмической интерпретации и геологического моделирования. Все, несмотря на молодость, кандидаты наук: Ян Штейн, Леша Ахапкин, Саша Барков, Ваня Яковлев. Задержался немного Сергей Шаров, но и он уже на «финишной прямой» со своей диссертацией. Аня Лапо еще слишком молода, но уже, тем

не менее, сдала два экзамена кандидатского минимума. У нас уже есть достаточный авторитет и уважение, как в «Газпроме», так и за его пределами. У ребят здоровые научные амбиции и большое желание работать. Еще нам может помочь в решении многих вопросов и оказаться кстати мое недавнее назначение на общественных началах Председателем секции разведочной геофизики Научного совета Российской Академии наук по проблемам физики Земли. Посмотрим.

А процесс познания бесконечен по определению и всегда будет трудным, поскольку «гранит науки» со временем мягче не становится. Скорее, наоборот: природа все труднее и неохотнее открывает свои тайны. Будем учить «уму-разуму» и воспитывать молодежь, которой должно стать под силу идти этими тернистыми путями познания гораздо дальше нас.

Часть 2 ЗЕМНОЙ ШАРИК ОКАЗЫВАЕТСЯ МАЛЕНЬКИЙ

Так уж получилось, что мне пришлось изрядно поездить по миру. Когда я еще неосознанно по окончании школы выбирал будущую профессию между геологом и физиком, то предположение о многочисленных геофизических экспедициях в противовес «сидячей» работе в каком-нибудь физическом НИИ в немалой степени определил мой выбор в пользу геологического факультета МГУ. И пусть в итоге экспедиций было не так уж и много, но все же удалось побывать более чем в четырех десятках стран почти всех частей света. Правда, преимущественно это были научные командировки либо туристические вояжи в период отпусков.

Не могу отделаться от ощущения, что с каждой такой дальней поездкой мне наша родная матушка Земля казалась все меньше и меньше в своих размерах. И действительно, когда я рос в маленьком районном городке в провинции и читал о дальних странах, думалось, что это все где-то очень далеко и что туда никак не добраться. Глядя тогда на карту мира, которая висела у нас на кухне рядом с радио, представлял Землю просто огромной. А сейчас, когда ранним утром можешь проснуться в Москве, а поздним вечером ляжешь спать где-нибудь в Южной Америке, перелетев всю Европу и Атлантический океан, понимаешь, как все же мала наша планета. И в каждом ее уголке люди живут немного по-разному, приспосабливаясь к своей природе, окружению и поклоняясь разным богам. Но в то же время эти различия не так уж и велики, поскольку в своей повседневной жизни они заняты очень похожими проблемами: как лучше устроить свою семью, накормить и вырастить детей, хорошо сделать свою работу, принести пользу себе и другим.

А представьте на миг, что больше во всей огромной Вселенной никого, кроме нас, нет, и только здесь, на Земле, реализовалась бесконечно малая вероятность такого уникального явления, как жизнь. Немного жутковато от того, что когда-нибудь всего этого может и не стать и снова наступит царство вечного безмолвия, как это было всего-то полмиллиарда лет назад, в начале фанерозоя.

По большому счету, мы все как представители рода человеческого очень похожи. И если мы будем любить и стараться понять друг друга, заботиться о нашем общем доме под названием Земля и навсегда забудем о ненависти, то нашим

далеким потомкам наверняка удастся достичь всеобщей гармонии и совершенства на нашей планете.

А о том немногом, что нас различает, я постараюсь поведать в этой части моей книжки, передав свои ощущения от общения с нашими собратьями по разуму в разных странах и уголках Земли.

ОТ ШПИЦБЕРГЕНА ДО ЭКВАТОРА И ДАЛЬШЕ

Глядя на карту, пытаюсь мысленно восстановить все то, что видел и слышал в «дальних странствиях», и никак не могу сообразить, как сделать свое повествование интереснее для Вас. Может быть, Вы тоже соберетесь в те края и захотите кроме справочников и путеводителей полистать и эти страницы. То ли мне соблюдать хронологический порядок: что за чем было, – то ли следовать географическому принципу? Пожалуй, первый принцип точно исключается, да и второй в чистом виде не пойдет, но его можно принять в качестве основы. Попробую сделать так, чтобы можно было почитать любой кусочек независимо от другого.

Самая северная точка, достигнутая мной на Земле, – это чудесный архипелаг Шпицберген, не столь уж и далекий от макушки планеты – северного полюса. Я уже писал о своем посещении Шпицбергена в истории «Практика выживания» в первой части. Самая южная точка – это остров Ява в Индонезии. Немного оттуда не «дотянул» до Австралии, где хотелось тоже побывать. Но, может, еще и придется.

Самые западные точки расположены на американском континенте: в Хьюстоне штата Техас, на побережье Мексиканского залива, и в южноамериканской Венесуэле. А самая восточная точка моего пребывания – на нашем Дальнем Востоке, на побережье Тихого океана.

Начнем с самых ближайших наших соседей в Европе,

СТАРУШКА ЕВРОПА ЛУКАВИТ

В нынешнее время цивилизованная Европа претендует на абсолютную истину в вопросах демократии и прав человека. Оспаривать это трудно, поскольку, действительно, в сравнении со всем остальным миром европейцы ушли намного дальше и человеческие ценности здесь не являются пустым звуком. Они определяют и политику, и культуру, и повседневные взаимоотношения людей, всегда предельно уважительных друг к другу, независимо от положения человека в обществе. Честно сказать, нам до европейцев, ох, как далеко в этих вопросах. В России на протяжении столетий при всех режимах человеческая жизнь ценилась невысоко. Впрочем, американцы с их явно выраженными двойными и тройными стандартами так же далеки от настоящей демократии, по крайней мере, когда речь идет о других странах. Но и европейцев нельзя назвать непогрешимыми. Они хоть и в меньшей степени, но подвержены этой же болезни. У нас они заметят абсолютно все и даже больше, чем есть, а свои проблемы не всегда готовы признать, во всяком случае, открыто и публично. Поговорка «В чужом глазу пылинку заметит, а в своем бревна не увидит» в этом случае вполне уместна. Впрочем, нельзя обобщать. Люди настолько различны по характеру, культуре, темпераменту и т. п., что применять к ним общий термин «европейцы», так же, как и выражение «у них на Западе», было бы не вполне корректно. Однако давайте попытаемся по возможности свести к минимуму «околополитические» рассуждения и настроиться на более приятную «волну путешествий».

Наши друзья по «лагерю» вчера и сегодня

Сейчас бытует мнение, что в советские времена вся дружба со странами Восточной Европы держалась на «советских штыках». Во всяком случае, многие нынешние политики, находящиеся там у власти, активно эксплуатируют тезис о том, что все беды тогда были от чрезмерной советской опеки, «душившей свободу», а сейчас эту страшную и непредсказуемую Россию надо тем более бояться и потому скорее вступать а НАТО и Евросоюз. Понятно, что эти настроения активно подогреваются нынешними «благодетелями» мира, преследующими исключительно свои интересы и мало задумывающимися о судьбах людей в этих странах. В итоге вместо желанной независимости и свободы эти государства получают другую, еще более жесткую, зависимость от своих сильных новых партнеров. И не всегда это окажется благом, поскольку фактически их национальные экономики будут

зарегулированы и никак не в ущерб сильным европейским государствам, поддерживающим своих собственных производителей. А наши бывшие друзья, скорее всего, навсегда останутся «на задворках Европы», к большому сожалению.

Несмотря на весь этот сложный комплекс вопросов и противоречий как в прошлом, так и сейчас, берусь утверждать, что отношение простых людей к гостям из Советского Союза в те времена было искренним и радушным.

Правда, мой опыт в 80-е годы ограничивался лишь посещением Польши и тогда еще единой Чехословакии, а в нынешнее время несколько раз по делам пришлось побывать только в Болгарии. Наши бывшие советские республики, ставшие самостоятельными государствами, в расчет принимать пока не будем, поскольку это совсем отдельная тема…

В конце марта 1989 года я отправился с группой мурманских туристов в двухнедельную поездку по Польше и Чехословакии. До Бреста доехали на поезде, а там пересаживались на «Икарусы», с которыми потом и колесили по этим странам.

Польшу пересекли с востока на юго-запад, а обратно уже ехали другой дорогой и довольно много успели посмотреть. Из крупных городов посетили Варшаву, Познань, Вроцлав, а небольших городков и поселков проезжали немало. Страна оказалась намного интереснее и самобытнее, чем ожидали. До тех пор в отношении поляков у нас складывался несколько пренебрежительный стереотип «торгашей», вечно недовольных жизнью и окружающими. Однако многое оказалось не так. Они в определенном смысле обгоняли нас и в движении к «рынку» с сопутствующими, в том числе и негативными, последствиями. Уже были налицо признаки разгоняющейся инфляции, которые нас в полном объеме ожидали только через пару лет. Тем не менее, приятно поразили не только интересная и оригинальная архитектура средневековых городов, но и обилие производимой в стране строительной техники, грузовых автомобилей, микроавтобусов и прочей продукции, свидетельствующей о высоком технологическом уровне промышленности. И это при том, что уже прошло много лет со времени начала «бузы», затеянной профсоюзом «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой.

Отношение пожилых поляков к нам было уважительным и дружеским. Если ты на улице спросишь что-то по-русски, они улыбнутся и будут долго, терпеливо и с удовольствием тебе растолковывать, как и куда пройти. Даже подозрительного вида молодежь, «тусующаяся» в подземном переходе ночной Варшавы, подскажет и поможет. А о том, что мы делали в этой самой

ночной Варшаве, стоит рассказать отдельно.

Руководитель группы, бывший инструктор райкома партии Василий Смоковдин, был человеком бесхитростным и сам предложил желающим мужчинам посетить ночной бар со стриптизом. Большинство согласились, поскольку в то время ничего подобного в России увидеть было невозможно. Каким-то образом об этом узнала и женская половина группы, и в итоге чуть ли не в полном составе мы направились на городском транспорте в такое заведение где-то в центре Варшавы. На руках у нас был только адрес, который мы узнали в отеле. Тут-то и помогли пожилые и молодые жители Варшавы найти в огромном городе нужное место. Им оказался не бар, а весьма дорогой ресторан. Плата за вход была внушительной. Зрелище действительно оказалось интересным и очень необычным. Хотя мы и пытались заказать только кофе и чай, итоговый счет оказался непосильным в основном из-за того, что один из наших кавалеров, «охмурявший» нашу же туристку, сказал официанту, что свет над столом очень яркий. Официант тут же голой рукой вывернул горячую лампочку в абажуре над столом и принес свечи в дорогих антикварных подсвечниках. Пришлось при расчете собрать всю мелочь по всем карманам, чтобы выйти из ресторана без общения с полицией. Однако возникли проблемы в гардеробе при получении верхней одежды. Выдающий одежду гардеробщик был крайне недоволен отсутствием чаевых с такой большой группы посетителей.

До отеля добирались на какой-то ночной электричке «зайцами», а потом около часа пешком. Где садиться, где выходить и куда идти, опять же объясняли попадающиеся по пути в ночном городе приветливые варшавяне. В общем, отношение простых людей к нам было очень хорошим. Не думаю, что на такое радушие мы могли рассчитывать в своей собственной столице.

Поразила исключительная ухоженность могил советских солдат, погибших при освобождении Вроцлава (Бреслау), так же, как и состояние любого кладбища, где не было ни одной заросшей или заброшенной могилы. Во Вроцлаве запомнилось посещение старинного университета со средневековой архитектурой.

Так что почти везде в Польше нас встречали открыто и радушно. Очень жаль, что современные польские политики в угоду нынешним покровителям разыгрывают антироссийскую карту. А те преследуют лишь свои собственные интересы, и их абсолютно не волнует польский народ.

Перебравшись в Чехословакию, заметили разительную

разницу укладов этих двух стран прежде всего в сельской местности. Если, проезжая по небольшим польским деревням, мы видели много аккуратненьких домиков, больше похожих на современные коттеджи, вместе с примыкающими к ним земельными участками польских фермеров, то здесь вдоль дорог были поля до самого горизонта, наподобие наших колхозных посевов, правда, более аккуратные и ухоженные. В материальном плане Чехословакия была, пожалуй, самой благополучной из европейских социалистических стран. Здесь мы убедились еще раз, что на свете бывает множество сортов пива, а не только единственное «Жигулевское», которое было у нас на прилавках, да и то не всегда. Запомнилось, как мы по своей инициативе, гуляя по городу Брно в свободное время, зашли в пивбар при заводе по производству пива «Старо Брно», где простая публика за кружкой пива общалась между собой и с любопытством поглядывала на нас. Цены здесь, в отличие от пивных ресторанов и даже магазинов, были просто символическими. Конечно, чистота для дешевой рабочей «пивнушки» была просто идеальная, люди были одеты прилично, и привычных нам для таких мест опухших, красных и небритых мужских физиономий попросту не было. По-русски тогда почти все понимали хорошо и с удовольствием пообщались с нами на общие темы, в том числе и о хоккее, где наши с чехами были постоянными неудобными друг для друга соперниками. Какой-то неприязни к нам в связи с известными событиями 1968 года мы не ощущали. В городских кафе и барах пиво было все равно недорогим, зато разнообразие сортов просто поражало. Но вот с закуской мы поначалу обманулись. Местные кулинары-умельцы так хитро и тоненько резали различные холодные мясные деликатесы и колбасы, делая из них всевозможные розочки и фигурки на тарелках, что те казались почти полными. Но когда начинали есть эту красоту, оказывалось, что ее едва хватало «на зуб». Весь объем этой внушительной на вид мясной конструкции состоял преимущественно из воздуха.

Красавица Прага, раскинувшаяся на берегах Влтавы, оправдала самые лучшие ожидания. Ее исторический центр: Карлов мост, центральная площадь с городскими часами и прилегающие территории с прекрасными видами и городскими пейзажами – действительно можно назвать одним из красивейших мест в Европе.

Жили мы в кемпинге в предместьях Праги рядом с каким-то средневековым замком, где по парку свободно разгуливали павлины, Было непривычно тепло для конца марта: кругом яркая зелень и начинающие распускаться некоторые виды цветов.

На обратном пути ехали через Словакию с остановкой в городе Оломоуц. Здесь тогда стояли советские воинские части, и немало женщин из нашей группы «закадрили» с нашими солдатиками, находившимися в увольнении.

Неизгладимое впечатление произвел природный ландшафтный заповедник «Моравский карст». Здесь в результате современных карстовых геологических процессов в массиве известняков образовались огромные пещеры с многочисленными гротами и залами. Мне не раз приходилось бывать в аналогичных природных объектах: в Крыму, на Кавказе, в Альпах. Но местные показались одними из красивейших, главным образом, по причине того, что удалось совершить запоминающееся путешествие на специальных тихоходных катерах по подземной реке, протекающей через это царство сталактитов и сталагмитов.

В Оломоуце наша поездка заканчивалась, и отсюда мы уже возвращались на поезде в Москву через западную Украину и ее своего рода столицу – город Львов.

По отзывам знакомых и приятелей, в те годы наиболее близкой и комфортной страной для советского человека была Болгария. Да это и неудивительно. Болгары – исторически наиболее близкий нам народ. А знаменитые представители этой нации Кирилл и Мефодий, памятники которым теперь стоят во многих российских городах, были даже у истоков нашей общей письменности. Мне, к сожалению, в советские годы не удалось посетить эту чудесную страну, но зато я с лихвой восполнил это упущение сейчас.

Совместная российско-болгарская компания «Овергаз-инк» (с 50 %-ной долей «Газпрома»), осуществляющая распределение российского газа на территории Болгарии и его транзит дальше в Европу, обратилась через руководство «Газпрома» во ВНИИГАЗ с просьбой оказания технической помощи в обосновании разведки собственных ресурсов углеводородного сырья на шельфе Черного моря и прилегающей суше. В связи с постоянным увеличением цен на энергоносители нашим партнерам хотелось найти хоть какие-то источники собственного углеводородного сырья. А для этого требовалось провести предварительные технико-экономические оценки целесообразности этих работ на выбранных пяти возможных участках с тем, чтобы участвовать в конкурсе на получение лицензий на разведку и разработку. Эти работы в рамках заключенного договора между «Овергазом» и «ВНИИГАЗом» были поручены нашему подразделению. В процессе их выполнения нам в течение 2005–2006 года пришлось несколько раз побывать у наших болгарских коллег в Софии и Варне.

Невозможно словами передать ту дружескую и задушевную обстановку, в которой проходили эти визиты. По рабочим моментам мы понимали друг друга с полуслова: настолько оказался близок наш, как сейчас говорят, «менталитет». Это, в общем-то, и неудивительно. Ведь многие специалисты «Овергаза», включая самого генерального директора Сашо Дончева и его заместителя, очень приятного и интеллигентного человека Георгия Николова, учились в советских вузах, в основном в РГУ нефти и газа им. Губкина.

А руководитель геологического направления Георгий Димов, с которым мы в рамках выполнения работ по договору общались больше всего, был лично знаком едва ли не со всеми ключевыми специалистами нефтегазовой отрасли России по совместной учебе или работе в прошлые годы. Пока вместе с Димовым по направлению нашего сотрудничества работают два специалиста: молодой и подающий надежды геолог Никола Сечкарев и молодая помощница Ралица Кирова, ведущая всю документацию и хорошо владеющая русским языком. Кстати, именно благодаря Ралице мне каждый раз удавалось найти самые удачные подарки для жены и детей. А сделать это было непросто, поскольку хотелось приобрести именно что-то болгарское, в то время как все магазины забиты итальянской второсортицей или турецким ширпотребом. А своя промышленность в упадке. Будет ли спасать ее объединенная Европа, куда Болгария с 2007 года входит на правах полноправного члена? Что-то не верится.

В самый ответственный момент наших рабочих взаимоотношений с болгарскими коллегами к обсуждениям подключался другой заместитель генерального директора Дончева – Пламен Хитев. Именно благодаря его мудрости и такту на окончательной защите нашего отчета удалось найти консенсус и при выработке решения учесть мнение всех участников заключительного заседания научно-технического совета. Дело в том, что в этот совет Сашо Дончев включил всех основных ведущих специалистов Болгарии по этим вопросам, а не только сотрудников «Овергаза». Как мы поняли, между многими из них были непростые взаимоотношения, и это отразилось на ходе заседания, которое продлилось до 19–00, в то время как рабочий день должен был закончиться в 18–00, Тем не менее, все закончилось благополучно, наш отчет был принят с высокой оценкой, и стараниями Георгия Димова заказчик направил благодарственное письмо в адрес ВНИИГАЗа. Вообще-то, такого энтузиаста постановки новых геологоразведочных работ в Болгарии, как Георгий Димов, больше не найти. Есть здесь еще один геолог-романтик, которому уже за восемьдесят. Это

Александр Макарович Палий, работавший раньше на Украине и занимавший в советское время ключевые посты в украинской геологии. Под его руководством и на его геологических идеях было открыто крупнейшее месторождение нефти в Болгарии – Тюленово. И сейчас основные направления возможных дальнейших поисков углеводородного сырья в Болгарии основываются на его не реализованных в свое время идеях. Конечно, всем понятно, что большой нефти и газа здесь не будет, но в тех налоговых условиях и при достаточно развитой инфраструктуре Болгарии здесь будет рентабельно почти любое небольшое открытое месторождение. Ясно, что в российских условиях такие открытия были бы нерентабельны в ближайшем будущем, а здесь – вполне вероятно.

Жаль, однако, что перспективы дальнейшего сотрудничества пока не очень ясны. И дело не в нас и не в «Овергазе», которые заинтересованы в этом, а в не очень устойчивой политической ситуации в Болгарии. Дело в том, что в коалиционном правительстве, находящемся сейчас у власти, министр природных ресурсов «поставлен» от партии протурецкой и прозападной ориентации в рамках межпартийных квот. Он всячески затягивал подведение итогов конкурса, в котором по всем параметрам перспективный блок «Галата» должен был выиграть «Овергаз», а потом и вовсе аннулировал результаты тендера. Дело в том, что на этом блоке уже эксплуатируется небольшое газовое месторождение одной из западных фирм, и в ее планы не входит передавать кому-либо права на прилегающие прибрежные акватории, тем более компании с 50 %-ной долей Газрома в уставном капитале.

Картина наших взаимоотношений с болгарскими коллегами была бы неполной без упоминания группы энтузиастов из Варны. Тот же Александр Макарович Палий – давно пенсионер и большую часть времени посвящает уходу за тяжело больной женой. А свои свежие геологические идеи доносит до «Овергаза» в рамках небольших договоров через малое предприятие, возглавляемое Иваном Петковым и объединяющее старые и опытные кадры геофизиков, геологов и других специалистов. Еще с ними работает геофизик Святко Славов. Благодаря им мы имели возможность ознакомиться с такими уникальными материалами прошлых лет, которые не всегда доступны и болгарским специалистам других организаций. Период «разрухи», при котором все это вмиг стало никому не нужным, коснулся и Болгарии и по большому счету еще не закончился.

А какую культурную программу нам каждый раз устраивали наши болгарские друзья! Все эти мероприятия от имени службы

протокола нам организовывала приятная и обходительная Марианна и зачастую ездила сама вместе с нами на многие экскурсии. Мало того, что мы узнали и осмотрели основные достопримечательности болгарской столицы. В выходные дни нам показали и лучшие места самой Болгарии с ее богатой историей. Мы побывали и в древней столице Велико Тырново, и в прекрасном Пловдиве, и в солнечной Варне. Посетили прекрасный и неповторимый Рыльский монастырь в горах, любовались дворцом румынской королевы в Балчике и побывали на вершине легендарной Шипки, где за освобождение Болгарии от турецкого ига полегло много наших соотечественников.

А как прекрасна национальная болгарская кухня, которую удалось отведать на многочисленных товарищеских ужинах во время наших рабочих визитов! С удивлением обнаружили, что некоторые болгарские вина, такие, как Мавруд (Асеновград), Черга, Тодоров и другие, не только не уступают многим известным европейским маркам, но зачастую и превосходят их по богатству ароматов и букету вкусовых ощущений. А мы-то еще с советских времен из болгарских напитков помним лишь «Медвежью кровь», «Монастырскую избу» да коньяк «Плиска». Но, увы, после включения Болгарии в Евросоюз вряд ли болгарским виноделам дадут на основе честной конкуренции соперничать с французами, испанцами и итальянцами. Их сориентируют на известные сорта «Каберне» и «Мерло» и антидемпинговыми мерами вынудят поднять цены до среднеевропейских или около того. При таких условиях вряд ли кто будет эти вина брать в Европе, а самим много не выпить, да и денег с этого не выручить. Разве что они вернутся на российский рынок, что потихоньку и происходит после осложнения торговых отношений с Грузией и Молдавией.

К сожалению, пришло в полный упадок и когда-то процветающее сельское хозяйство Болгарии, кормившее своей плодоовощной продукцией чуть ли не половину Советского Союза. Дошло до того, что в некоторые годы болгарам приходится для своих нужд докупать помидоры да болгарский перец в Турции, а картошку – в Польше. Оставляет желать лучшего и внешний вид городов. Состояние улиц, фасадов домов, парков и скверов с выбоинами и ямами на асфальте примерно такое, как было у нас в середине 90-х годов. Так что проблемы переходного периода здесь еще не закончились и неизвестно каким образом и когда закончатся. Хотя цены на нефть и газ в Болгарии уже давно европейские, в отличие от Украины и Белоруссии. Поэтому можно надеяться, что самое тяжелое время все же позади. Но пока не видно того локомотива, который

вытащит за собой экономику этой братской страны. Возможно, это туризм и отдых и связанная с ними сфера услуг. Хотелось бы, чтоб это были и традиционные для Болгарии овощеводство и виноделие, но тут членство в Евросоюзе скорее будет тормозом, нежели локомотивом. Однако, посмотрим. Все же хочется от души пожелать этому прекрасному народу счастья и процветания.

Говоря же в целом о станах Восточной Европы, приходится с сожалением наблюдать, что мы все больше отдаляемся друг от друга. Не думаю, что им стало лучше без нас, а нам без них. Скорее, наоборот: разрушенные связи создали проблемы, которые сейчас решаются отнюдь не лучшим образом и для них, и для нас. Два последних десятилетия были временем простых и популистских решений, когда все неудачи и собственные промахи можно было валить на СССР и Россию, зарабатывая на этом политический капитал и получая рычаги власти. Очень жаль, что в период бездарной нашей собственной внутренней и внешней политики мы забыли о наших соседях, а теперь вернуть ситуацию к тому же старту невозможно. Как они, так и мы сейчас уже совершенно другие. Остается надеяться, что сохранившиеся связи и историческая память народов позволят в конце концов восторжествовать разуму, несмотря на корысть и недальновидность политиков, находящихся у власти.

Средиземноморские зарисовки

Впервые я собрался выехать за рубеж осенью 1984 года, причем сразу в Средиземноморский круиз с посещением пяти стран: Турции, Греции, Мальты, Испании и Франции. Это было своего рода наградой, хоть и за собственные деньги, благодаря только что полученной мной премии Мурманского комсомола в области науки и техники. Поездка осуществлялась через бюро международного молодежного туризма «Спутник», и вовсе не каждый желающий, имеющий средства, мог поехать за рубеж, Загранпоездки, как и большинство качественных товаров, относились к разряду дефицитов. Путевки все распределялись по предприятиям. Требовалось по полному кругу проходить собеседования с «правильными» людьми в райкомах и горкомах партии, штудируя перед этим как труды и речи наших генеральных секретарей, так и системы политического устройства предполагаемых стран посещения. А потом еще получать инструктажи о том, как следует вести себя советскому человеку за границей: правильно отвечать на возможные щекотливые вопросы, опасаться провокаций, «гордиться нашим общественным строем» и не сболтнуть лишнего. Глупость, конечно, несусветная, но все советские граждане вне зависимости от членства в КПСС играли в эти игры, понимая, что «неблагонадежных» не выпустят

посмотреть мир. Лучше всех в нашей группе на тренировочном инструктаже, проводимом перед выездом представителем КГБ, отвечал журналист молодежной редакции Мурманского радио Леонид Гуревич, с которым я до этого был знаком. Он брал у меня интервью как у лауреата комсомольской премии по науке. Потом, в период перестройки, он оказался а Москве, а в период событий путча был а первых рядах демократов, вошел в состав депутатского корпуса и был «обласкан» самим Борисом Николаевичем. Уж не знаю, на каких высотах власти он сейчас витает и чем занимается.

И вот в начале октября мы прибыли группой из 30 человек под руководством инструктора обкома комсомола Геннадия Полюсова на поезде из Мурманска в Одессу, сделав по пути пересадку в Ленинграде. Переночевали одну ночь в этом прекрасном черноморском городе, в какой-то гостинице вблизи пляжа «Аркадия». Одесса и тогда была очень хороша. Второго такого своеобразного города во всем мире не найти. Ознакомились с достопримечательностями, посетили катакомбы и вечером следующего дня прибыли на морской вокзал. У причала нас ждал огромный океанский лайнер «Дмитрий Шостакович», на борту которого размещалось около тысячи туристов. В этот раз были молодежные группы из 25 областей и республик Советского Союза. Расселились по каютам – по четыре человека в каждой. Сказать по правде, мы были «ошарашены» таким невиданным комфортом, которого никогда раньше встречать не приходилось. Весьма впечатляли четыре ресторана с изысканными блюдами, которые заказываешь себе из предложенных вариантов предварительно на следующий день, многочисленные бары на каждой палубе и особенно бассейн на корме. Здесь во время переходов между портами мы купались и загорали тут же рядом на шезлонгах, держа в руках бутылочку или фирменную жестяную баночку какого-нибудь импортного пива. Двадцать с лишним лет назад обычный советский человек с трудом мог себе такое представить.

Детали круиза стерлись из памяти, но общее первое восторженное впечатление от этого путешествия осталось. Я не собираюсь приводить здесь путевые заметки, утомляя Вас описанием каких-то архитектурных памятников или иных достопримечательностей, про которые Вы сможете при желании прочесть в путеводителях. Просто дам несколько штрихов да упомяну пару любопытных историй с небольшими приключениями.

Первым портом по пути был Стамбул. С нескрываемым интересом на подходе к городу мы разглядывали турецкие

домики на берегах Босфора, который скорее напоминал широкую реку с крутым правым берегом, нежели морской пролив. Махали рукой любому встречному теплоходу или каким-нибудь мальчишкам на берегу. Этот громадный город, расположенный одновременно в Европе и Азии, не мог не произвести впечатления. Чего стоит один восточный базар, где можно было купить практически все. Однако имеющиеся 8 нашем распоряжении всего 50 долларов (эта сумма регламентировалась, и больше поменять было нельзя) не позволяли развернуться, да и предстоящие еще во время круиза визиты в пять стран заставляли попридержать денежки на потом. Тем не менее, руководитель нашей мурманской группы Геннадий Полюсов, зная, что в других странах будет все кратно дороже, на все деньги купил своей жене дубленку, которую у нас в стране можно было где-то достать по большому блату и за «очень дорого». Мы ограничились джинсами по 7 долларов, которые в Москве изредка можно было приобрести за 100 советских рублей, давясь в очередях, а с рук – еще раза в два дороже. По тому времени это было сопоставимо с месячным заработком молодого инженера.

Еще в Стамбуле запомнились знаменитый и великолепный Софийский собор и Голубая мечеть. Произвел впечатление громадный мост над Босфором между Европой и Азией, высота которого над водой составляет 64 м.

Потом была Греция: порт Пирей, Афины и поездка к храму Посейдона на крутом берегу Эгейского моря. В Греции понравилось, пожалуй, больше всего из всех пяти стран круиза. И не потому, что «в Греции все есть», как принято выражаться, а прежде всего из-за теплого отношения людей к нам. Остались хорошие воспоминания о греческих тавернах с приятной музыкой и национальными танцами на небольшой сцене. В один из вечеров была организована неформальная встреча с греческой левой молодежью, проходившая в каких-то арендованных тесноватых помещениях из нескольких комнат. Греки привезли своего домашнего вина, фруктов и нас угощали. Пели вместе известные русские песни вроде «Катюши», пытались танцевать греческий танец «Сиртаки» и говорили обо всем, что приходило в голову: о культуре, политике, любви, увлечениях. Расстались далеко за полночь, искренне обнимаясь на прощание и обмениваясь адресами.

На следующий день упросили местного экскурсовода, окончившего в свое время Университет дружбы народов в Москве, вернуться пораньше с тем, чтобы окунуться в ласковые воды Эгейского моря. Хотя была уже середина октября, здесь оказалось еще очень тепло. Расположились прямо на диком берегу среди

прибрежных камней, почти в черте города. Тогда впервые увидел морских ежей, да и не только их. Две молоденькие девушки загорали на камнях «топ-лесс», что для нас было совсем в диковинку, и мы «пялились» на них, не отрывая глаз.

Неизгладимое впечатление произвело посещение Афинского акрополя. Бродить у колонн древнего Парфенона, который до этого приходилось видеть лишь на форзаце учебника «История древнего мира» для пятого класса, и представлять, что по этим же каменным ступеням ходили люди 2500 лет назад, было весьма волнующе. Чем жили те люди, чья нога ступала здесь тогда, о чем думали? Разве могли они себе хоть на миг представить, что спустя целые эпохи мы будем приезжать сюда со всего мира, чтобы любоваться их творениями?

Следующий заход был в порт Ла-Валетта – столицу островного государства Мальта, не так давно ставшего самостоятельным после ухода англичан. Конечно, главная достопримечательность здесь – это рыцарские замки времен Мальтийского ордена, о которых писано немало книг и снято фильмов. Действительно, почти на каждом углу вдоль коридоров и залов национального музея – рыцарские доспехи.

Впервые именно здесь, на Мальте, я увидел такое роскошное убранство и яркие росписи католических соборов, в которых было необычно много солнечного света. Это как-то не вязалось с привычной нашей церковной обстановкой, где царствовал полумрак, а здания храмов находились в запустении.

С непривычки было странно наблюдать левостороннее движение на улицах, по которым ходили довольно древние и почти раритетные автобусы, правда, очень чистые и внутри, и снаружи. При посещении рыбацкой деревни удалось увидеть большое количество пойманных морских черепах просто невероятных размеров, которых не приходилось видеть даже в зоопарках.

Наибольшее время мы провели в Испании – четыре дня. Пришвартовались у причала в Барселоне ранним утром в субботу. Говорили, что в выходные дни стоянка в порту стоит в несколько раз дешевле, и потому нам устроили столь длительный визит в эту страну. Достопримечательностей здесь, действительно, было много. Начнем с того, что совсем недалеко от нашего причала стояла каравелла «Санта Мария», на которой Христофор Колумб достиг Америки пятьсот с лишним лет назад. Конечно, это была ее точная копия, но тем не менее. Здесь же, в Барселоне, был крупнейший в то время в Европе музей восковых фигур, сопоставимый разве что с юндонским музеем мадам Тюссо. Разнообразие архитектуры этого огромного южного города просто

поражало. Еще в новинку ля нас были великолепные и многочисленные цветные рисунки на асфальте, казавшиеся настоящими художественными произведениями. Рядом с каждым художником, который постоянно что-то дорисовывал и улучшал, стояла коробочка, в которую прохожие бросали мелочь. За неимением «оной» в нашем распоряжении Леонид Гуревич положил пачку советских сигарет.

В какой-то вечер нам на борту теплохода устроили встречу с испанской молодежью наподобие того, как это было в Греции. Но здесь это мероприятие было намного «слабее». Привели каких-то совсем зеленых юнцов, которые что-то обсуждать могли только в пределах темы о футболе.

В один из дней нас повезли искупаться и позагорать в какой-то симпатичный приморский городок на побережье Коста Брава. Здесь же, вблизи пляжа, в ресторане под открытым небом, устроили обед из национальных испанских блюд с дегустацией местных сортов вина.

Впрочем, сейчас этим никого не удивишь, а потому гораздо интереснее поведать Вам две забавных истории, случившихся с нами во время пребывания в Испании. Следует напомнить, что тогда, в 1984 году, мы были совершенно другими, нежели сейчас. Ходить следовало только пятерками, в каждой из которых назначался старший. Нам велено было бояться всего и особенно «вербовок» иностранными агентами и всевозможных провокаций со стороны «буржуазных прихвостней». Сейчас это может показаться смешным, а тогда наша идеологическая машина всерьез занималась этими вопросами. И хотя мы не были такими уж «идейными», но, действительно, под влиянием этих инструктажей постоянно ожидали каких-то неприятностей.

Однажды мы возвращались с какой-то прогулки или экскурсии пешком по Цветочному бульвару в сторону порта. Глазели по сторонам, благо что необычного вокруг было очень много. И не заметили, как Саша из нашей четверки (в этот раз нас было четверо вместо пяти) куда-то запропастился. Оказалось, он просто отстал на сотню метров, засмотревшись на двух проституток, стоявших с сигаретами на углу дома. Действительно, такое мы видели впервые, поскольку ни в Турции, ни в Греции, ни на Мальте наблюдать открыто стоящих на улице жриц любви не доводилось. При этом они держали два пальца вверх. Что это могло означать, мы не поняли. Догадки были самые разные. Нами обсуждались три основных варианта: первый – цена 2000 песет за сеанс (180 песет тогда составляли примерно один американский доллар), второй – цена 20 долларов, третий – они «снимаются» вдвоем. Отставший от нас Саша показал им

ради любопытства один палец. Девицы тут же с готовностью направились за ним. Саша, испугавшись, помчался догонять нас, благо он был учителем физкультуры в одной из школ Североморска. Запыхавшись, он, догнав нас, проговорил: «Мужики, спасайте. Никогда еще в жизни так не боялся. Вон те две стервы за мной гонятся, не знаю, что им надо». Оглянувшись, мы показали им кулак. Девицы, глядя на нас, многозначительно покрутили пальцем у виска. Так мы и не узнали, что означают два пальца, поднятые вверх. Любопытно все же.

Как утверждали тогда наши соотечественницы в телемостах с Филом Донахью: «У нас в стране секса нет». Поэтому ничего удивительного нет в том, что эта запретная тема вызывала интерес у молодых парней, каковыми мы тогда являлись. Увидев в одном из кинотеатров большую афишу, недвусмысленно намекающую на эротическое содержание фильма, наша мужская четверка явно заинтересовалась. Поскольку я к тому времени уже потратил все имеющиеся испанские песеты, перспективы заплатить за билет у меня не было.

– Нет, я вам тут не компаньон, – были мои слова.

– Послушай, Юрец, нам разбегаться нельзя, потом донесут, и проблем не оберешься. Поэтому надо всем вместе идти, – произнес тот самый Саша-физкультурник.

– Но у меня даже мелочи не осталось, все истратил на сувениры.

– Не дрейфь, заплатим за тебя, но твоя задача – купить билеты, ты хоть как-то можешь объясниться с кассиром.

– Ладно, попробую. Надеюсь, никто не заложит.

Подошли к кассе и стали внимательно изучать стоимость билетов в зависимости от времени сеанса и расположения мест в зале. Хотя по-испански никто не понимал, числовая информация перевода не требовала. То, что было написано между этими цифрами словами, мы понять не могли, но после консилиума решили, что цена билета 125 песет, т. е. 500 на четверых. Мне вручили эти 500 песет, а сами отошли в сторонку, чтобы не привлекать внимание. Наше советское воспитание подсказывало нам, что мы делали что-то нехорошее, и потому надо это не афишировать – мало ли кто за нами наблюдает. Между тем я подошел к кассе и, протягивая 500 песет, незамысловато произнес: «Фо», – что должно было по-английски означать «четыре». В ответ кассирша что-то забормотала по-испански, и я не понял ни единого слова. Видя, что с английским у нас с ней туговато, я мобилизовал все свои знания в немецком языке и произнес: «Фир». Она опять начала что-то «немовать». Тогда я просто показал ей четыре пальца. Кассирша просияла от озарения

и спросила:

– Куадро?

– Куадро, куадро, – обрадовался я, видя, что диалог налаживается.

Но тут опять ситуация вошла в ступор, поскольку из окошка послышалась испанская речь кассирши, сопровождаемая жестами ее указательного пальца в сторону денежной купюры достоинством 500 песет. Мелькнула мысль, что проблема с ценой. Тогда я показал ей на стенд, где стояли несколько чисел, в том числе 125 за один билет, как мы думали, на дневной сеанс. Но кассирша указала на цену 175, тоже имевшуюся в этом списке. Разбираться дальше в причине такой цены было бессмысленно, и я уже безо всякой конспирации прокричал ребятам, стоявшим поодаль: «Серега, давай еще 200 песет».

Фильм давно шел. В здешних кинотеатрах были такие правила, что можно заходить и выходить в любой момент. Служащий с фонариком провел нас к свободным местам в темном зале. Мы сели и начали с интересом вникать в нехитрый сюжет, перемежающийся многочисленными сценами известно какого содержания. Сейчас нечто подобное можно смотреть практически ежедневно в ночное время на каком-либо из частных российских телеканалов, а тогда это было абсолютно запретным и потому еще более интересным. Приглядевшись к публике в темном зале, мы неожиданно обнаружили, что здесь присутствует чуть лине половина туристов с нашего теплохода, включая руководителя нашей группы Геннадия Полюсова да еще зама по воспитательной работе – замполита. Вот так-то…

Наш круиз заканчивался во Франции. В тот раз мы посетили лишь Марсель и его окрестности. Еще должны были побывать в Ницце, но попали на забастовку водителей автобусов и потому лишний день провели в том же Марселе. Леонид Гуревич тут же стал записывать на магнитофон интервью у водителей-забастовщиков, с тем, чтобы, как он выразился, отработать на гонорарах затраты на свою поездку. Думаю, ему это удалось.

В Марселе еще запомнился замок Иф на острове вблизи города, где провел много лет в заточении главный герой романа Дюма «Граф Монте – Кристо». Марсель считался городом-побратимом Одессы. Сравнивать, конечно, эти два города трудно, но с позиции нынешнего времени, когда давно «насытились» заграницей, Одесса кажется намного привлекательнее.

Обратно в Москву летели самолетом, в то время как сменяющей нас группе туристов, прилетевшей из Москвы, предстоял обратный путь по нашему маршруту из Марселя в Одессу. В Москве предстояли ночлег в гостинице и экскурсия по

городу, после чего группа отправилась на поезде в Мурманск.

Круиз, конечно, получился замечательным, тем более что это был мой первый выезд в дальнее зарубежье, но один штрих, отражающий специфику советского заграничного туризма, все же следует добавить.

Я задержался ненадолго в Москве, чтобы повидаться с родственниками, друзьями и однокашниками, и лишь через несколько дней отправился в Мурманск на поезде «Арктика». Когда вышел на перрон в Петрозаводске прогуляться и купить мороженого, неожиданно встретил Татьяну – небольшого росточка девушку из Ковдора (райцентр в Мурманской области), которая была в нашей группе в круизе. Она тоже несколько дней провела в Москве и не поехала сразу с группой. Мы искренне обрадовались друг другу и решили поужинать в вагоне-ресторане поезда, чтобы еще раз пережить те приятные воспоминания о прекрасном путешествии. Татьяна была замужем, имела уже маленькую дочку, которую родила, по ее словам, в 17 лет, и работала на Ковдорском ГОКе, оформляя наряды рабочим и собирая табели с разных бригад. При этом, имея довольно посредственную внешность и маленький рост, она держалась так, будто была первой красавицей. За словом в карман не лезла, отвечая иной раз и крепким словцом. Видать, все эти черты характера она приобрела, проводя большую часть времени в мужском рабочем коллективе с соответствующей лексикой и повышенным вниманием к своей особе. Несмотря на молодость (20 лет), она уже была членом партии. А в то время такое сочетание – молодой рабочий да еще член партии – было просто идеальным для того, чтобы быть обласканным властью и постоянно отбиваться от корреспондентов газет, норовящих прославить тебя на всю область или даже страну за любые, пусть даже скромные, производственные успехи. Беспартийных работяг-единоличников, «зашибающих» трудовую копейку для себя пусть даже и в составе бригады, на щит особо не поднимали. Гоняться за длинным рублем считалось зазорным.

В общем, после нескольких фужеров шампанского в вагоне-ресторане Татьяна призналась, что она имела задание КГБ: следить за туристами нашей группы и фиксировать, кто, куда и на сколько отлучается. Понятно, что подобрали ее для такой функции именно по этим признакам: партийная рабочая молодежь. Но не учли главного – она просто женщина, которая никак не сможет держать язык за зубами. Ведь не только же мне она рассказала об этом. На вопрос, кого же она «заложила», она назвала несколько имен своих собственных подружек по каюте, с которыми, скорее всего, не поделила внимания мальчиков. Как

мог, я попытался разубедить ее в этих намерениях. Одно успокаивало: ничего существенного этим девчонкам не грозило. Все же это были не сталинские времена. Просто в очередной раз им отказали бы в зарубежной поездке без объяснения причин. Через несколько лет, как мы знаем, разрешительная система выездов за рубеж все равно закончилась. Сейчас путевку может купить любой, были бы деньги.

В страны Средиземноморья мы потом приезжали еще несколько раз на отдых, но уже в совсем другую эпоху. Побывали и в Испании в 1995 году всей семьей, с нашими двумя детьми. Но это было в другой части страны – на побережье Коста-дель-Соль, между Малагой и Гибралтаром. Конечно же, нам очень понравились и море, и чудесные аквапарки, и страна. Из природных достопримечательностей запомнилась огромная пещера к востоку от Малаги, в которой среди многочисленных гротов и залов один, самый большой, был оборудован как концертный. Говорят, здесь любила выступать Майя Плисецкая, прожившая в Испании не один год. Одному из приключений того испанского лета посвящена история «Как я был тореадором», о которой позже.

Но еще один немного комичный случай произошел со мной тогда на испанской таможне при въезде в страну в аэропорту Малаги. В тот раз мы отправились в отпуск по системе клубного отдыха, известной в мире под названием «тайм-шер». При этом вместо гостиничного номера предоставлялись очень хорошие апартаменты, в которых было несколько спален, гостиная, кухня с посудой, стиральная машина и вся необходимая бытовая техника. Но готовить и обслуживать себя надо было самим. Поэтому в целях экономии валюты некоторый минимум непортящихся продуктов мы взяли с собой. В частности, зная, что в Испании гречку и манку в магазинах не найти, того и другого по полкилограмма мы не поленились положить в чемоданы. Я люблю по утрам на завтрак теплую молочную кашу больше, чем тяжелые мясные блюда, и потому остаться совсем без манной крупы не хотелось. Таможенники обычно очень выборочно проверяют личные вещи, но на мне его взгляд задержался, и мне было предложено открыть чемодан. Когда таможенник, наконец, добрался до прозрачного пакетика с манной крупой, глаза его округлились.

– Это не наркотик? – спросил он, принюхиваясь к содержимому.

– Что Вы, это обычная манная крупа. Мы немного взяли с собой, потому что у Вас в магазинах такое найти трудно.

Я не знал испанского, а он почти не знал английского и

позвал старшего по смене. Они вдвоем долго изучали нашу манку, о чем-то переговариваясь, растирая щепотку крупы пальцами и поднося к носу. Наконец консилиум решил, что манку ввозить в Испанию можно, и меня пропустили. Так я не стал заниматься наркотрафиком.

* * *

…Летом 1997 года мы отправились с супругой Людмилой и дочерью Анютой отдохнуть на Кипре. Самолет летел до Пафоса, откуда на автобусе нас доставили до Лимассола – наиболее популярного тогда курорта на острове Афродиты. Впечатления от отдыха остались очень неплохие. Остров оказался совсем маленьким. В один из первых дней, пока надо было беречься от солнца, мы заказали машину с гидом-водителем и за один день объездили почти всю греческую часть Кипра, посещая основные достопримечательности. На оккупированную турками часть острова доступа не было. От разделительной стены из проволоки открывался вид на город-призрак Фамагуста, оставленный жителями в одно мгновение во время турецкой оккупации. В сильный бинокль видны даже остатки белья на веревках, брошенные автомобили и пустынные улицы, на которых больше 15 лет не было ни единого человека. Вспомнилась из детства сказка Джанни Родари «Палле один на свете». Странное ощущение нереальности.

Впрочем, остров все же больше подходит для отдыха и «релакса», чем для культурно-исторических экскурсий. Видно, что он преображался и хорошел на глазах в 90-х годах не в последнюю очередь за счет российских «нечистых» денег.

Ласковое море, южное солнце, вечерние прогулки и греческие таверны – что еще нужно, чтобы за пару недель прийти в себя?

Все же пару комичных случаев за это время с нами произошло. В нашем клубном отеле отдыхали два сравнительно молодых, крепких русских мужика: Алексей и Василий. Они приехали одни, без женщин, видимо, хорошо усвоив известную русскую поговорку: «Зачем ехать в Тулу со своим самоваром?». Мужики были вполне приличные и довольно спортивные. Пили в меру, как и положено на отдыхе нормальному человеку: исключительно для снятия накопившегося стресса. В прошлом Василий занимался каким-то инженерным трудом, а Алексей был врачом. А в ту пору, после перестройки, занялись бизнесом, какой подвернулся по жизни. Алексей пытался зарабатывать в фармацевтике, а Василий был не последним человеком в каком-

то охранном агентстве, о чем свидетельствовала его недюжинная спортивная фигура. Однажды, после каких-то продолжительных развлечений, они совершенно «ухайдокались» и свалились спать «без задних ног» в еще детское время – задолго до полуночи. Их номер располагался на втором этаже, прямо над баром у бассейна.

В этот вечер в баре допоздна засиделась группа отдыхающих молодых немцев. Было уже часа два ночи, а немцы, слегка подвыпив, громко «реготали»: да так, что слышно было далеко в округе. Кондиционеры в номерах почему-то вышли из строя, и их не торопились ремонтировать. Поэтому все отдыхающие спали с распахнутыми на балкон дверями. Часа в два ночи заспанный Алексей спустился в бар и произнес:

– Господа, нельзя ли потише? Мальчика разбудите.

После этого немцы затихли на пару минут, но потом все началось снова. Разве может подвыпивший человек так долго контролировать свое состояние? Веселье с громким хохотом продолжалось с новой силой. Дежурный администратор периодически выходил к ним, пытаясь успокоить, но, как и Алексею, ему удавалось добиться этого не более, чем на минуту. Спустя час Алексей вновь спустился к ним и потребовал прекратить шум более решительно:

– Господа, я же просил вас. Мальчик вот-вот проснется, и тогда могут начаться проблемы. Я не ручаюсь за последствия.

Когда через минуту после очередного напоминания хохот возобновился с новой силой, спустился сам мальчик – «накачанный» мышцами Василий, масса которого была не меньше центнера. Он окинул взглядом компанию сидящих, схватил в охапку самого говорливого и прямо в одежде бросил его в бассейн. После этого немцев как ветром сдуло.

– Я же говорил, мальчика лучше не будить, – произнес Алексей, спустившийся следом, – он очень устал и хотел отдохнуть перед завтрашним трудным днем. У нас на завтра серьезная программа, требующая полного восстановления сил.

Никаких жалоб со стороны немцев на следующий день не последовало. Надо сказать, что после этого случая, находясь на отдыхе, мы стараемся держаться подальше от горластой и бесцеремонной немецкой молодежи. К степенным бюргерам это ни в коей мере не относится. Справедливости ради надо сказать, что наши отдыхающие компании зачастую ведут себя еще хуже. Недаром в Европе сложился негативный образ хамоватого русского туриста, разбрасывающего направо и налево деньги, доставшиеся ему, по их мнению, не иначе, как криминальным путем.

И еще один забавный случай в ту кипрскую поездку. Из-за своего пристрастия к воде и любым водным развлечениям мы никак не могли не посетить недавно отстроенный аквапарк в Ая-Напи. Там были наряду с обычными аттракционами в виде всевозможных закручивающихся спиральных горок и наклонных прямых спусков с водными трамплинами также и несколько новых для того времени. В одном из них надо было сесть на небольшой надувной круг и, крепко держась за него руками, скатываться вниз по водному потоку. Необычность в том, что поток сразу уходил в темный тоннель, где абсолютно ничего не было видно. Скорость набиралась довольно быстро, и в этой темноте невозможно было видеть, куда и как разворачивается траектория трубы, по которой ты летишь с большой скоростью. Тебя бросает то влево, то вправо и по ощущениям иногда чуть ли не переворачивает вниз головой, но ты ничего не видишь и не знаешь, что произойдет в следующий момент. Стоящим наблюдателям внизу, где человека на скорости выбрасывает в бассейн, постоянно слышны крик и визг несущихся по темной трубе. В один из таких разворотов я не удержался на этом круге, и меня сбросило и развернуло вниз головой. В результате в бассейн я вылетел «ласточкой», а следом за мной выскочил и желтый круг. Но успокаиваться на этом было нельзя, несмотря на то, что пару небольших синяков и ссадин уже удалось заработать. В углу аквапарка возвышалась высоченная горка, от которой спускался крутой узкий желоб с потоком воды. Желающих скатиться с нее на «пятой точке» почти не было. Да и назывался аттракцион «Камикадзе». Взобравшись по лестнице на верхнюю площадку, убедился, что сверху ощущение высоты еще больше. В Испании, близ Малаги, в аквапарке аналогичная горка была явно ниже (там даже наша десятилетняя Аня решилась съехать). Но и спускаться по лестнице назад тоже не хотелось. Наверху, как и на всех аттракционах, стоял инструктор и объяснял, как правильно занять исходную позицию. Надо было лечь строго горизонтально и скрестить на груди руки, прижав ладони к плечам. После нескольких мгновений борьбы со страхом все же решил скатиться. Инструктор подтолкнул меня, и я понесся вниз по почти отвесной траектории. Видимо, во время этого стремительного спуска я как-то незаметно переменил позицию, точно не знаю. Но в момент сильного торможения о воду на большой скорости в конце спуска я, оказавшись в туче брызг, почувствовал столь сильное сопротивление воды в пятой точке, что стало понятным: остаток отпуска придется провести стоя или лежа на животе. Посидеть в течение нескольких дней вряд ли удастся, поскольку место, на котором сидят, стало одним большим синяком. А купленные

здесь же ненадежные китайские плавки остались в воде. Пришлось покидать аквапарк в аварийном порядке. Не понимаю, почему у других этот спуск не сопровождался такими последствиями? Видать, я неправильно распределил нагрузку и рано начал поднимать туловище при непогашенной еще скорости. Как бы там ни было, но несколько дней принимать пищу приходилось стоя, чувствуя себя если не жирафом, то конем, а скорее всего – ослом.

В этот же двухнедельный отпуск мы совершили трехдневный круиз с Кипра в Израиль, однако об этом отдельно в истории «На земле обетованной».

В июне 2002 года я собрался посетить знаменитую на весь мир средневековую жемчужину Италии – Флоренцию, где в свое время разворачивались известные события, в центре которых были знаменитая Мария Медичи и ее многочисленное окружение. Здесь же творили лучшие художники и скульпторы эпохи Возрождения. Но отнюдь не интерес к истории и культуре в этот раз привел меня во Флоренцию. Здесь проходили ежегодная научная конференция и выставка европейской ассоциации геоисследователей и инженеров (EAGE), где в программе значился мой доклад, а все расходы по моему перелету и проживанию были оплачены организаторами.

При этом заботиться о билетах и визе мне надлежало самостоятельно. В этот раз все хлопоты были ужасными. Запись на визу производилась в посольстве Италии чуть ли не за полтора месяца, а потом и вовсе прекратилась. Мне одновременно нужен был свой загранпаспорт и для оформления визы в США, поскольку командировка туда уже была запланирована и вернуться из нее я должен был за восемь дней до отъезда в Италию. Если учесть, что за две недели перед этим мы только вернулись семьей из отпуска в Египте, можно себе представить, какая предстояла беготня с оформлением документов. Никакие московские фирмы не брались в тот момент даже за вознаграждение за срочное оформление итальянской визы и предлагали оформить любую другую страну Шенгенского соглашения, например, Францию или Австрию. Но в таком случае в Италию надо было лететь через эти страны, а это не входило в мои планы ни по срокам, ни по стоимости авиабилетов, которую мне компенсировали лишь фиксированной суммой на прямой рейс вне зависимости оттого, чем я добирался. Оказавшись фактически в безвыходном положении, я согласился на австрийскую визу и забронировал в турагенстве билеты на поезд через Австрию. Но за восемь часов до выезда, когда билет у меня уже был на руках, позвонила девушка из турагенства и сказала,

что, как выяснилось, нужна транзитная виза через промежуточные страны, по территории которых шел поезд. Была суббота, и посольства не работали, а до понедельника ждать было нельзя. И отказаться от поездки тоже было нельзя. По правилам EAGE человек, получивший финансовую поддержку для заказного доклада и не приехавший на конференцию, лишался на три года права выступать и участвовать во всех мероприятиях EAGE, Это понятно, поскольку финансовые средства могли быть использованы для других людей, которым в результате было отказано в поддержке из-за ограниченности бюджета. В общем, это же турагенство приняло билет к возврату, поскольку это была их вина, и предложило мне вылететь самолетом Австрийских авиалиний с пересадкой в Вене. Другого выхода не оставалось, и я с большими убытками для себя принял это предложение.

Прилетел я в Рим один, поскольку никто больше таким сложным образом через Вену и Рим во Флоренцию не добирался. Разыскал нужный скоростной поезд и через несколько часов был уже во Флоренции. Выходя из вагона, увидел, что какая-то пожилая пара с трудом катит по платформе тяжелый чемодан. Лицо мужчины показалось мне знакомым. Я предложил свою помощь, и до стоянки такси мы шли вместе. Оказалось, это был классик советской сейсморазведки Борис Яковлевич Гельчинский, эмигрировавший за рубеж еще в 80-е годы и прибывший на эту же конференцию. Вскоре мы с ним попрощались до встречи на заседаниях (потом так и не встретились среди 3000 человек, работавших в разных секциях). Я с трудом добрался до места регистрации в оргкомитете. Сил после такой нервной дороги и предшествующих ей событий уже не оставалось. Наконец хоть немного повезло, и я встретил здесь Володю Ковалева, приятеля еще по Мурманску, который приехал сюда на своей «Тойоте» с Украины. До этого мы с ним уже не раз встречались на подобных мероприятиях и практически все время только за рубежом. Он доставил меня до гостиницы, где я «упал» и заснул.

Эта моя поездка как-то сразу не задалась, поскольку на следующий день после того, как мы с ним прогулялись пешком по историческому центру Флоренции, у меня сразу поднялась температура по непонятной причине. Доклад я делал, приняв изрядную дозу жаропонижающего. Все мероприятия и встречи со старыми знакомыми в результате были для меня не в радость, и многие из них так и не состоялись.

Я еле дождался окончания срока конференции, чтобы перебраться на пару дней к морю в Римини, откуда у меня был авиабилете фиксированной датой до Москвы. Там, кроме того, я договорился встретиться с Александром Полituч им с Украины, с

которым нас познакомил Володя Ковалев еще в Женеве пятью годами раньше, а спустя год мы с Людмилой были у них в гостях в Полтаве, В условленной гостинице Александра с супругой не оказалось, и я спешным образом через справочную на вокзале нашел себе гостиницу для ночлега. Оказалось, Александр попал с сердечным приступом в больницу, откуда его выпустили за день до моего отъезда, и мы хотя бы увиделись.

Поездка в результате оказалась явно неудачной, но я сквозь затуманенное высокой температурой сознание успел заметить, как прекрасна эта страна, и принял решение, что при первой возможности приеду сюда с супругой и детьми. Температура у меня без видимых причин держалась всю неделю и чудесным образом исчезла вскоре по возвращении в Москву. Действительно, это, вероятнее всего, было следствием нервных неурядиц, предшествующих поездке.

Откладывать это дело в долгий ящик я не стал и уже на следующее лето, взяв короткий отпуск, мы с супругой, дочерью и четой Никитиных прибыли в Римини, чтобы просто немного отдохнуть. Всевозможные предлагаемые туры «вся Италия» с почти ежедневными автобусными переездами из города в город мы полностью исключали для себя, поскольку вместо отдыха такие поездки приносят одну усталость и полную «кашу» в голове. Потом мучительно вспоминаешь, где и что видел, а через пару лет большая часть увиденного помнится совсем смутно.

Курортная часть Римини вытянулась на несколько километров вдоль побережья Адриатического моря. Здесь в две-три линии расположились основные отели. Мы предварительно выбрали себе тот же, в котором я останавливался за год до этого. Основная причина в том, что там был хотя бы небольшой бассейн, в то время как в остальных бассейнов не было. Здесь не тот тип отдыха, который принят в большинстве других стран. Завтрак в виде шведского стола был небогат, в то время как ужин вполне соответствовал европейским меркам, и можно было заказывать блюдо по вкусу. Запомнился колоритный итальянский официант Тони, обслуживавший наш столик. Это был высокий, немного полноватый, улыбающийся и всегда любезный и обходительный молодой мужчина. Но, действительно, макароны во всех видах, которые они называли «паста», преобладали во многих блюдах. Мясо при этом готовилось очень хорошо.

Но в то же время, если захочется пообедать в каком-нибудь небольшом ресторанчике у моря и заказать традиционную итальянскую пиццу с любым содержимым, то не факт, что вам удастся отведать вкусное блюдо. Мы с Никитиными пробовали это делать несколько раз, но совершенно очевидно, что лучше

всех делает пиццу моя супруга. Никто из местных итальяшек не в силах с ней соперничать, по крайней мере, по этому продукту.

Следует сказать, что морской отдых в Римини весьма посредственный и подходит разве что для мам с малышами. Можно идти вперед по воде метров на 100 от берега и дальше, и тебе все время будет по пояс. А при самой легкой волне вода сразу теряет прозрачность из-за взмученного песка. Пляжи отелям не принадлежат. Они бесплатные и находятся в муниципальном ведении. Но зонтики от солнца с лежаками стоят недешево – 14 евро в день. А когда попытаешься над собой раскрыть свой зонтик, подбегает сотрудник пляжа и предлагает либо занять стационарное место с раскрытым зонтом, либо идти далеко, с полкилометра, на свободный пляж, где можно приносить все свое и им пользоваться.

С самого утра прямо вдоль кромки моря выстраивается широкая вереница пляжных торговцев, продающих турецкий и китайский ширпотреб и всяческие сувениры. Для того, чтобы пройти к воде, следует найти дорожку между их расстеленными на песке временными прилавками. Значит, им расстилать товар на пляже можно, а раскрыть свой зонтик нельзя. Странно.

Немало достопримечательностей и в самом городе Римини, особенно в его исторической части. Сохранились остатки городских ворот времен Юлия Цезаря. На местном городском кладбище похоронен один из самых знаменитых кинорежиссеров XX века – Федерико Феллини. Вблизи города находится чудесный парк «Италия в миниатюре», где вы действительно можете пройти пешком всю Италию от снежных Альп на севере до огнедышащего вулкана Этна на Сицилии или объехать это все на минипоезде по подвесному монорельсу. Причем, все это лучше сделать самим, без всяких экскурсий, вооружившись путеводителем и доехав до места на городских автобусах прямо от отеля либо на такси за умеренную плату. Уж точно не дороже, чем в Москве. Либо взять самим машину напрокат, если Вы хорошо ориентируетесь по плану и указателям в незнакомом городе.

Недалеко от Римини, в часе с небольшим езды на автобусе, находится крошечное государство Сан-Марино. Туда все же лучше заказать экскурсию, хотя можно и самим съездить.

Как выразился Паша Никитин, это государство, перед входом в которое надо вытереть ноги. И действительно, если говорить о его центральной исторической части, находящейся на остроконечной вершине горы и обнесенной крепостной стеной, то занимает она не более километра в длину и несколько сотен метров в ширину. Здесь сплошные замки и дворцы, а между ними множество магазинов беспошлинной торговли. Цены здесь

значительно ниже, чем в зонах «дьюти фри» международных аэропортов, в том числе и на алкоголь. Мне удалось купить великолепный кожаный итальянский портфель всего за 50 евро, в то время как в Москве я увидел такой же за 10 тысяч рублей, и не факт, что его московскую копию сделали не в Турции из низкосортной кожи.

Ну и, конечно, находясь в Римини, можно съездить на экскурсию в Венецию, но займет это целый день с раннего утра и до позднего вечера. Однако Венеция того стоит. Мы не отказали себе в удовольствии после плановой экскурсии покататься на нарядных гондолах в ее многочисленных каналах с выходом в Гранд-канал, Гондольеры одеты точно так же, как и в XIX веке, но сейчас они катают в основном туристов, а тогда это было основным городским средством транспорта. Кстати, после этого очень интересно прокатиться по точной копии этого канала масштаба 1:50 в том самом парке «Италия в миниатюре» близ Римини.

Ну, и в завершение впечатлений от итальянского отпуска – маленькая история о несостоявшемся романе нашей Ани с одним итальянцем. В один из дней мы с Пашей, возвращаясь с пляжа в отель, отпустили вперед наших женщин: его супругу Ирину и мою Людмилу с нашей дочерью Анютой, которой тогда, после первого курса, было без малого 18 лет. А сами решили заглянуть в супермаркет и взять несколько бутылочек пива, чтобы посидеть уже спокойно возле бассейна в отеле. Вернувшись в гостиницу, мы услышали интересную историю о том, как всего-то за полчаса нашего отсутствия произошли события, очень разнообразившие оставшиеся два дня отдыха. Пока наши женщины шли от пляжа, к Ане с Людмилой подошел какой-то парень и попросил разрешения познакомиться с нашей дочерью.

– Папа, в 9 вечера к тебе придет итальянец просить разрешения погулять со мной и сходить на дискотеку, – сказала Анюта.

– Еще чего, итальянцев мне не хватало, – был мой ответ.

Но к 9 часам действительно подошел какой-то темненький парень, на вид около 25 лет, и очень вежливо по-английски попросил моего разрешения провести вечер с моей дочерью. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Но Вы не возражаете, если мадам в первый раз прогуляется с Вами? – произнес я, указывая на свою жену.

– Что Вы, конечно. Я Вас понимаю, – ответил он. Ему тоже ничего не оставалось делать.

Наверное, чудно было наблюдать со стороны, как по набережной идет молодая пара, а в десяти шагах позади следует

женщина в роли «секьюрити» и по мобильному телефону периодически докладывает мне:

– Прошли кафе «Платан», повернули направо, направляемся к причалу…

Понятно, что при такой тщательной опеке на следующий день никаких итальянцев быть не могло. И, слава богу.

Как я был тореадором

В ту самую поездку всей семьей в Испанию на побережье Коста-дель-Соль летом 1995 года, о которой упоминалось в предыдущем повествовании, случилась одна история, о которой стоило бы рассказать отдельно. Слава богу, закончилась она благополучно, иначе неизвестно, было бы кому писать эту книжку.

В один из дней мы с супругой поехали на очередную экскурсию, широко разрекламированную местными гидами. Она предполагала зрелищные мероприятия в виде корриды с участием туристов и последующий ужин с национальной кухней и национальным фольклором: фламенко с кастаньетами и прочим испанским колоритом. Поскольку все это было недешево, детей мы оставили развлекаться в отеле на бесплатных мероприятиях. Тем более, что от предыдущих экскурсий они уже подустали.

После полутора часов езды в автобусе мы прибыли на некое ранчо, хорошо оборудованное для туристических мероприятий. Поначалу, пока подъезжали многочисленные группы туристов, по всей территории женщины в национальных костюмах разливали «Сангрию» – наиболее популярный слабоалкогольный напиток для местной провинции Испании. Это что-то наподобие полусухого или полусладкого красного вина крепостью 6–7°, в котором в большом количестве плавали нарезанные кусочки натуральных фруктов: апельсинов, грейптфрутов, яблок и т. д. Показалось, что это довольно вкусно, и алкоголь совершенно не ощущался, поэтому несколько фужеров я с удовольствием выпил.

У нашей семьи за несколько прошедших дней отдыха уже сложился имидж активно отдыхающих людей. Поэтому вновь приобретенные на отдыхе знакомые «поручили» нам от имени группы участвовать во всех развлекательных мероприятиях и конкурсах, которые только могли быть придуманы местными «развлекальщиками». Да мы и не отказывались: раз уж приехали на край Европы, надо отдыхать на полную катушку и по максимуму почувствовать национальный колорит.

Наконец всех пригласили занять места вокруг небольшой арены. Было около 600 человек, причем примерно поровну русских, поляков и французов. Все это очень походило на цирк под открытым небом. Тут же ведущий попросил на сцену трех

женщин. Все это продублировали на трех языках: русском, французском и польском. Поскольку была анонсирована мини-коррида, да еще вызывали женщин, мы решили, что никакой опасности быть не может, и Людмила направилась на арену. Я пошел сопроводить ее, чтобы подержать сумочку и «поболеть» вблизи бортика. Когда мы подошли, испанец-ведущий что-то пролопотал, призывая пройти и меня. Я пытался объяснить, что лишь подержу сумочку и подожду жену, но он был непреклонен. Сумочку и другие мелкие вещи при нас забрали и велели не беспокоиться. Оказалось, что пока мы шли к арене, пригласили еще и трех мужчин. Кроме меня еще были рослый поляк да Миша из Самары, который тоже ехал в нашем автобусе от отеля и всю дорогу «не просыхал». Но похоже, что он не превысил обычную для себя дозу, поскольку на ногах держался уверенно, и было по всему видно, что он рвется в бой с быком. Но нас пока придержали. Мы вместе с ним и поляком пока стояли за бортиком, а женщин уже вызвали на арену. Кроме моей Людмилы там еще были сравнительно молодая француженка Патрис и полячка средних лет, имени не помню.

Поначалу им предложили из специального стеклянного сосуда с «носиком» наподобие небольшого чайника выпить вино, не прикасаясь к этому сосуду губами: кто первый. Полячка была вне конкуренции. Она влила в себя все содержимое почти сразу, в то время как француженка и моя супруга плохо справились с заданием.

Затем объявили следующий, «самый главный», конкурс. Трех женщин, участниц действа, развернули лицом к большинству зрителей, сидевших «амфитеатром» вокруг арены, а спиной – к небольшому зашторенному выходу с арены и завязали им глаза. Все напряженно ждали появления одного из главных действующих «лиц» корриды – пусть не боевого быка, но хотя бы маленького бычка, например. Женщины, стоявшие спиной к этому входу, явно волновались. И тут они услышали единовременный громкий «ах» всех зрителей и поняли: «Вот оно, началось». Участницы шоу уже хотели со страхом убегать, правда, завязанные глаза мешали ориентироваться в пространстве. Но последующий громкий хохот всех присутствующих их явно озадачил. Наконец им развязали глаза, и взору предстали три крупных осла, на спине каждого из которых была нарядная цветная «попона». Женщинам предлагалось для начала без посторонней помощи взобраться на этих ослов и проехать круг по арене. Патрис сделала это довольно ловко, поскольку была в брюках. На моей супруге было длинное летнее платье, и потому выполнить это действие было проблематично. Но каким-то

образом, вращаясь на его довольно широкой спине, и ей удалось это сделать. Полячка так и не смогла взобраться на осла (видать, выпитая в первом конкурсе доза алкоголя лишила ее надлежащей координации) и вынуждена была занять место среди зрителей. Однако за победу в первом «питьевом» конкурсе ей вручили в качестве приза бутылку испанского вина.

Далее ведущий поставил в центр арены бутылку шампанского и предложил оставшимся двум женщинам, не слезая с ослов, попытаться завладеть этой бутылкой. Поскольку на животных никаких специальных «ручек» не было, то, чтобы не упасть, приходилось обнимать шею осла одной рукой, в то время как другой, нагнувшись насколько возможно, пытаться ухватить эту бутылку. Да еще надо было безо всяких навыков управлять упрямым животным и вывести его в центр арены. Получалось это у женщин довольно комично, и публика «укатывалась» от хохота. В одну из попыток Люся коснулась бутылки, и та упала на песок. Тут же один из ведущих подбежал, взял бутылку и попытался отдать ее француженке, посчитав неудачную попытку Людмилы проигрышем. Но второй, что-то лопоча в микрофон по-испански, взял ее у первого и вновь поставил в центр арены. Все продолжалось еще несколько минут. Наконец моей жене удалось сделать невозможное и схватить эту бутылку. Под гром аплодисментов она, важно восседая на этом крупном осле, сделала круг почета по арене, держа в высоко поднятой руке заслуженный приз с таким видом, как будто это был, по меньшей мере, европейский футбольный кубок УЕФА. Эта чудесная фотография, к счастью, сохранилась.

Между тем позвали на арену мужчин: меня, самарского Мишу и поляка. Желающих погонять быка по арене (или побегать от него) среди французских мужчин не нашлось. Но до быков надо было еще повеселить публику. Поначалу нам предложили тот же «питейный» конкурс, что и женщинам, но слегка модифицированный. Прежде чем пить вино, не прикасаясь губами к стеклянной колбе, надо было добежать до противоположного конца арены, где все три колбы находились. По команде мы все бросились каждый к своей, и тут мне удалось опередить соперников. Но дальше дело у меня не заладилось. В то время как мы с поляком, обливаясь вином, пытались его как-то пить, Миша, уже изрядно заряженный алкоголем, подошел не торопясь к своей колбе, взял ее в правую руку, запрокинул голову и вылил все содержимое разом в свой рот, который, наверное, почувствовав знакомый бодрящий напиток, стал таким же большим и емким, как клюв пеликана. Не утруждая себя глотательными движениями, Миша попросту дал вину, немного побулькав в

горле, достичь желудка. Мыс поляком к этому времени не справились и с половиной отмеренной порции.

Во втором конкурсе надо было тоже оседлать ослов, но вскочить на них с разбегу, сделав опорный прыжок, как в школьном спортзале на физкультуре через гимнастического коня. Однако вместо коня перед глазами была ослиная «задница». Вспомнив школьные годы, я разбежался. Прыжок, ослиный хвост, задница, спина… А я лечу дальше довольно сильно, и только шея и голова бедного животного остановили мой «полет над ослом»: я с трудом удержался на нем, а животина с трудом устояла на ногах. Шампанского нам в центр арены не поставили, з дали урок верховой езды на ослах. Мы уже было подумали, что никаких быков и не будет и это представление плавно перейдет в ресторанные посиделки с танцами и кастаньетами, – благо, невдалеке, в открытых летних павильонах с навесами, столики уже накрывались.

Но вот наступил решающий момент. На арену вывели бычка килограммов на триста и с приличными рогами. Правда, торчали они у него еще в стороны, а не вперед, и, чтобы серьезно боднуть, ему надо было делать боковое движение головой. Настоящие боевые быки весят 500–600 кг, а то и больше. Поляк, как только увидел нашего совсем не маленького бычка, тут же спрятался за деревянную защитную перегородку. Остались мы с Мишей вдвоем, да еще с нами помощник, как мы думали, из профессиональных тореро, и потому страха не было. Нам дали яркую бордовую ткань, которой дразнят и отвлекают быков для ложного удара в пустоту. В мыслях зазвучала известная мелодия «Тореадор, смелее в бой» из оперы Бизе «Кармен». Но в бой было идти не с чем, поскольку никаких колющих предметов нам не дали, да и бык поначалу вел себя мирно и в бой не стремился. Мы стали перемещаться по арене с этой «тряпкой» и покрикивать вместе с помощником. Наконец быка удалось раздразнить, и он стал обращать внимание на нас, а потом и вовсе «раззадорился». Тут наступил кульминационный момент всего действа. Поскольку держать этот красный плащ в стороне больших навыков не было, то в одно из мгновений, когда плащ наполовину перекрывал меня, бык все же умудрился меня боднуть. Я почувствовал прикосновение бычьего лба к своему животу и попятился назад под его напором. Публика ахнула, и тут я услышал не крик, а срывающийся вопль моей жены: «Юра, отойди от него!!!». Отходить, правда, было особо некуда: все мы были в замкнутом пространстве арены. Но все обошлось, поскольку рога торчали в стороны. Бык действительно входил в раж, а мы за 15 минут беготни по арене изрядно устали и от выпитой «Сайгрии» сильно

вспотели. Еще через пару минут и помощники решили завершать шоу. Они дали нам команду уходить за деревянные щиты по бокам арены. И тут мы увидели, что это были отнюдь не профессиональные тореро, а обычные массовики-затейники, веселившие публику. Разошедшийся бык бегал по арене, а им в критический момент ничего не оставалось, как «сигануть» на край бортика. Где-то минут через пять все же удалось быка с арены увести.

Все туристы перешли в огромный открытый зал ресторана под шатровыми навесами от возможного дождя, и началась вторая, не менее интересная, часть вечера с национальными танцами «фламенко». Группы музыкантов выступали не только на сцене, но и ходили с песнями между столами, позволяя фотографироваться с собой. Вскоре в углу собралась большая очередь. Оказалось, что там продавали фотографии нашей корриды по 10 долларов за штуку – сумма по тем временам немалая. Ко мне за столик стали подходить туристы с просьбой оставить автограф на фотографиях, которые они приобрели. Я был уверен, что нам с Мишей, сделавшим огромную прибыль штатному фотографу, лучшие снимки подарят бесплатно. Но не тут-то было. Пришлось выложить 30 долларов за три не самых лучших снимка, поскольку наиболее удачные к тому времени разобрали.

Сейчас я с трудом представляю, как это мы вместе с моей Людмилой из более чем 600 присутствующих туристов разных стран оказались в центре событий? Видимо, этот факт неслучаен и говорит о нашей небывалой активности в то время. Не уверен, что сейчас мы пошли бы на такое. А тогда все происходящее казалось нам естественным. Мы просто отдыхали без комплексов, вырвавшись в первый раз всей семьей в дальнее зарубежье.

Пешком по сугробам через границу с НАТО

В конце 80-х – начале 90-х годов стал понемногу приоткрываться «железный занавес», и начались рабочие контакты между нашими и зарубежными специалистами. Тут мне стало очень не хватать английского языка, поскольку и в школе, и в университете я учил немецкий. И кандидатский минимум тоже сдавал на немецком. Пришлось срочно начать изучать его самостоятельно с помощью пособий и пластинок с записями диалогов.

Чаще других в Мурманск стал наведываться заместитель директора норвежского института IKU, входящего в известную группу SINTEF, Карл Оскар Сандвик. Вскоре при участии нашей НИИМоргеофизики и IKU была организована первая научная конференция по геологии Баренцева моря и прилегающих

областей.

Потом в порядке обмена к нам на стажировку прибыла сотрудница IKU аспирантка Марита Гардинг, и шефство над ней по поручению дирекции взяла наша лаборатория. Евгений Федорович, наш директор, сказал: «Обеспечь, чтобы все было нормально, и тогда ты поедешь на стажировку к ним по обмену. Только имей в виду, что денег на командирование переводчиков у нас нет, поэтому на то, чтобы выучить английский язык, у тебя осталось не больше трех-четырех месяцев». Хоть я и начал уже учить его, за три месяца удалось лишь бегло ознакомиться с курсом средней школы. Словарный запас я пополнял довольно быстро с помощью специальных карточек, на одной стороне которой было английское слово, на другой – русский перевод. В любую свободную минуту я «тасовал» эти карточки в ту или другую сторону, где бы ни находился. Все же был серьезный стимул: съездить в Норвегию. В то время еще не наступила пора массовых поездок наших граждан за рубеж. Краткосрочные месячные курсы и общение на конференциях с зарубежными коллегами и с Маритой, ни слова не знающей по-русски, сделали свое дело, и я спустя полгода с момента начала изучения английского языка мог более или менее сносно объясняться и понимать собеседника.

Интересны для того времени некоторые моменты, связанные с пребыванием Мариты в Мурманске. Все же это была первая иностранная гостья, приехавшая к нам общаться на уровне обыкновенных людей, а не официальных делегаций. Среди прочих мероприятий надо было пригласить ее в гости к себе в квартиру на «товарищеский ужин». Моя супруга Людмила превзошла сама себя и приготовила все, что только было возможно при наличии ограниченного продуктового рациона в то время всеобщего дефицита. Для начала надо было провести Мариту в наш обычный подъезд девятиэтажного дома, где, как водится, все стены были исписаны и изрисованы каракулями и непристойностями, а половина лампочек не горела. Несмотря на то, что жена моя, не дожидаясь уборщиц, как могла, вычистила подъезд к приходу Мариты, сделать что-либо кардинальное было невозможно: требовался серьезный ремонт. Пытаясь объяснить причину столь удручающего вида подъезда, который иностранцев должен был приводить в ужас, я не нашел ничего лучшего, как сказать Марите, что в нашем моряцком городе, когда отцы большую часть времени в море, матери не успевают уследить за своими сорванцами и должным образом их воспитывать. Это, конечно, отчасти верно. Однако в пролетарских районах Москвы, где отцы в море не ходят, состояние подъездов тогда было еще

хуже. Но Марита оказалась очень воспитанной и, чтобы я не чувствовал неловкость за наших соотечественников, сказала, что и у них в Норвегии такое бывает. (Вот уж неправда! Там, как и во многих европейских городах, даже тротуары с мылом моют).

И вот мы, наконец, миновав подъезд и поднявшись на исцарапанном надписями лифте на седьмой этаж, вошли в дверь нашей квартиры, где, слава богу и моей жене, внутри было все в порядке. Люся уже все накрыла и ждала гостей. Чтобы мне было полегче с моим пока еще «корявым» английским, я позвал приятелей и знакомых, учивших язык в институте, а также их детей, посещавших младшие классы гимназии № 1, где язык углубленно изучали с первого класса. Но все оказалось тщетным. Взрослые язык безнадежно забыли, а дети сильно «комплексовали» и смущались, да и запас знаний был пока мал. В общем, процесс моего интенсивного погружения в языковую среду продолжался с удвоенной скоростью.

На столе у нас были традиционные советские праздничные блюда, начиная от салата «оливье» и куриного холодца и заканчивая необычными закусками, рецепты которых Люся вычитала к этому случаю из многочисленных кулинарных книг. И, конечно, как особая гордость, были приготовленные на зиму по собственным рецептам маринованные помидоры, огурцы, грибы и различные овощные салаты, консервированные и осенью закатанные в банки. Марита, видя такое разнообразие солений, спросила: «А что, обилие кислой пищи характерно для русской кухни?». Я перевел этот вопрос жене. Она подумала и ответила, что для зимнего периода точно характерно. Не будешь ведь объяснять, что, если не сделать заготовок осенью, то особо и полакомиться зимой будет нечем, кроме купленных в магазине стеклянных банок со страшными зелеными, кислыми маринованными помидорами да кабачковой икрой. Еще кильки в томате за 33 копейки тоже было в избытке. А вареную колбасу – извольте только по талонам по 400 г в месяц на человека, да масло по 200 г. Про копчености даже не вспоминайте. Разве что изредка, по случаю, в праздничном наборе с большой нагрузкой из плохо продаваемых недефицитных товаров. В общем, ничего этого объяснить иностранцам, привыкшим к свежим овощам и фруктам круглый год, было невозможно, да и не к чему, поэтому простой ответ: «Да, это характерно для русской кухни», – ставил все на свои места.

И вот наступило, наконец, время моего ответного визита в Норвегию. Чтобы оформить паспорт и визу, надо было тогда лететь в Москву. Все это делалось лишь в одном месте, куда съезжались люди со всей страны. Народу было ужасно много. Но

в конце концов паспорт был получен, причем не как сейчас – на пять лет, а всего на одну поездку, после чего его следовало сдать в органы. Дальше начались проблемы с вылетом обратно из Москвы в Мурманск. Из-за сплошных метелей просидел в Шереметьево больше суток, а назначенное «время перехода границы в условленном месте» на Кольском полуострове неумолимо приближалось. В конце концов получилось так, что я вернулся в Мурманск, переночевал дома одну ночь и на следующий день выехал на местном поезде в Никель, в сторону границы.

Несмотря на не слишком большое расстояние, поезд идет очень медленно, преодолевая этот путь за много часов. Он даже считается пассажирским, а не пригородным, хотя за пределы Мурманской области не выезжает. Провел в местной «однозвездочной» гостинице в Никеле ночь, и на следующее утро за мной заехала заказанная нашим начальником «иностранного» отдела Владимиром Удальцовым машина. Ехали примерно час по заснеженной дороге в сумерках еще не закончившейся полярной ночи. Наконец добрались до маленькой постройки, занесенной с одной стороны сугробами, которые еще не успели расчистить. Автомобиль тут же убыл, а я с трудом разыскал дверь в свете раскачивающегося со скрипом под порывами январской вьюги фонаря. Похоже, в этот день пересекать стратегическую границу между Советским Союзом и страной, входившей в североатлантический блок НАТО, я собирался в одиночку. До эпохи массового международного туризма российских граждан еще оставалось несколько лет. Почему-то в этот момент вспомнился Ростислав Плятт в роли пастора Шлага из «Семнадцати мгновений весны», собиравшийся в заснеженных Альпах перейти границу. Но над ним тогда было светлое небо и лыжи на ногах, а вокруг меня – кромешная темнота, завывающая вьюга и ботиночки на «рыбьем меху». Было как-то страшновато одному. Оглянувшись назад в темноту, я надеялся получить оттуда могучую поддержку Родины, Но резкое дуновение холодного ветра в спину и пониже ее только подтолкнуло меня к двери. Родина, видимо, сердилась.

Я постучал, открыл дверь и вошел.

– Здравствуйте, – произнес я.

– Здравствуйте, здравствуйте, – ответил капитан в форме пограничника. – Что, за кордон собрались?

– Ну, в общем, да, по делам.

– Да знаем, уже поджидаем Вас, да и норвежцы недавно интересовались, когда Вы будете, чтобы заказать Вам машину в аэропорт Киркенеса.

«Во как! – подумал я. – Значит, бояться нечего, меня там ждут». Сразу стало полегче на душе. Все же ехать одному, а не в составе группы в неизвестность, да еще плохо владея языком, согласитесь, в первый раз волнительно.

Здесь, в одной маленькой комнатушке, было два человека: таможенник и пограничник. Да, штаты этих служб с тех пор явно выросли, После того, как все формальности с пересечением таможни и границы были позади, за мной зашел застегнутый в форменный полушубок и обутый в теплые унты офицер с раскрасневшимся от ветра и мороза лицом и сказал: «Следуйте за мной». Мы вновь вышли в темноту, но уже с другой стороны домика и пошли вперед по слабо протоптанной тропинке, уже заносимой метелью. Миновали проход в колючей проволоке и вышли, как я понимаю, на нейтральную полосу. Метель только усиливалась. Пройдя еще несколько десятков метров, мы встретились с норвежским пограничником. Они обменялись какими-то фразами, после чего уже норвежец сказал мне по-английски: «Пожалуйста, следуйте за мной». А наш капитан развернулся кругом и пошел назад, в темноту. Все! Родина окончательно осталась за спиной. Мы шли уже по земле викингов.

Приблизились к аккуратному домику, напоминающему современный коттедж. Вокруг все было освещено и расчищено, несмотря на продолжающуюся, но уже начавшую быстро стихать метель. Вошел в уютную просторную комнату с креслами и сел за журнальный столик, начав с любопытством разглядывать красочные журналы на норвежском языке. Такое качество полиграфии в СССР тогда начисто отсутствовало. Быстро заполнил все необходимые при въезде бумаги, после чего мне сказали, что такси за мной придет через несколько минут. Пунктом моего назначения был город Тронхейм, и только там я надеялся на встречу знакомых мне норвежцев из IKU. Но до него еще надо было лететь с пересадкой в Тромсе. При этом у меня не было ни билетов, ни денег. Никаких пунктов обмена валюты тогда еще не было и в помине. Я понимал, что моя встреча здесь будет как-то организована, но не представлял, как именно. Оказалось, сервис в этой стране работал надежно и безотказно. Просто IKU поручила эту услугу местной фирме. Через 10 минут приехал симпатичный таксист, да на такой машине, которую мы могли видеть только на картинках в заграничных журналах. У нас же тогда на дорогах были преимущественно потрепанные «Жигули», «Москвичи» и «Волги». Да еще мурманские морячки привозили на судах всякую иностранную рухлядь, отъездившую по 15–20 лет и приобретаемую тогда ими за 200–300 долларов.

При этом она, правда, продолжала ездить не хуже отечественных новеньких машин.

Погода тем временем совсем наладилась. Метель закончилась, и из-за горизонта даже выглядывало низкое полуденное солнышко, может, даже впервые появившееся после полярной ночи. Почти исчезло и мое волнение перед неизвестной дальней дорогой, и улучшалось настроение. Это сейчас мы уже свободно в одиночку можем летать между странами и континентами, а тогда это было впервые, поэтому Вы, надеюсь, меня понимаете.

Таксист вежливо поздоровался, уложил мои вещи в багажник, пригласил в салон и передал мне конверт. Каково же было мое удивление, когда я увидел там 1000 норвежских крон (примерно 150 долларов) и записку: «Это Вам на мелкие расходы в дороге по пути в Тронхейм». По нашим меркам тогда это была половина стоимости подержанной иномарки. Сколько же они мне дадут суточных на две недели пребывания? Как потом выяснилось, это был аванс суммы суточных, которые они строго рассчитывали по своим нормам: 420 крон в сутки (65 долларов). Сейчас это обычная сумма, которую получает любой командировочный, выезжающий за границу, а тогда она казалась фантастической. После двух недель пребывания в командировке я мог на эти деньги в Мурманске купить серьезный капитальный гараж или подержанный иностранный автомобиль в хорошем состоянии.

Киркенес – это небольшой норвежский городок на севере страны с населением примерно 3000 человек, расположенный менее чем в часе езды от границы с Россией. Таксист доставил меня до аэропорта Киркенеса, вышел вместе со мной, подошел к служащей, помог зарегистрировать билет, после чего передал его мне, пожелал счастливого пути и уехал. Вроде бы он сделал совсем простые и обыденные вещи, но советский человек тогда был не готов к такому уровню сервиса, и потому я был просто в восторге. Мое беспокойство исчезло окончательно, а настроение поднялось до заоблачных высот. Погода, словно следуя моему настроению, наладилась окончательно: был легкий приятный морозец при полностью ясном небе. «Надо же, – подумал я, – как у Пушкина в «Сказке о золотой рыбке». Там образ моря является как бы одушевленным и включен в действие. Когда старик приходит просить исполнения первых желаний, «неспокойно синее море», на следующий раз «помутилося синее море» и в конце – «на море сильная буря».

Между тем аэропорт был совершенно пуст. В кассовом зале находился один дежурный кассир, да в соседнем зале ожидания скучали два человека – сотрудники кафе: бармен и официант, с

интересом поглядывая на меня в ожидании какого-нибудь заказа. Мой рейс в промежуточный пункт пересадки Тромсё был еще через два с половиной часа. До этого, судя по расписанию, был еще какой-то местный самолет через час. Примерно минут за двадцать до этого времени вдруг почти одна за одной подъехали десятка полтора такси, вышли люди, выстроились в маленькую очередь, прошли через рамку спецконтроля, сели в маленький самолет и улетели. И снова никого. Было похоже, что здесь на самолетах летают, как у нас ездят на пригородных автобусах: подошли по расписанию к остановке на опушке леса, дождались автобуса, сели и уехали. Собственно, почти так все и было. Оказывается, у многих здесь нечто вроде месячных проездных на самолеты.

Погода снова начала портиться, пошла поземка, а потом повалил снег. Я подумал, что, если судить по погоде, опять намечаются какие-то проблемы. Оказалось, что предчувствие меня не обмануло.

Наконец осталось полчаса и до моего вылета. Диктор пролопотал что-то по-норвежски и – ни слова по-английски. Я ничего не понял, но встал в очередь на посадку вместе со всеми. Дежурный по отправлению не глядя собрал у всех посадочные талоны, открыл нажатием кнопки отдвижную стеклянную дверь на поле, мы вышли и направились к стоящему неподалеку маленькому самолету. Уже поднявшись по трапу, я на всякий случай спросил у одного из пассажиров по-английски: «Этот самолет летит в Тромсё?» – «Нет, что Вы, это самолет на Вадсё, – ответил тот, – в Тромсё, вероятно, вот тот». И указал рукой на самолет побольше, одиноко стоявший немного поодаль, метрах в двухстах. Я тут же вернулся по трапу вниз и оказался один в темноте на летном поле под порывами ветра снова начавшейся метели. Короткий январский день продолжительностью не более двух часов быстро закончился. Добрался назад, до стеклянной двери, через которую мы вышли на поле, но дверь была закрыта. Я пытался в нее стучать, кричать, но никто меня не видел и не слышал. «Да, – думаю, – хорошо, не улетел в Вадсе – маленький рыбацкий поселок на берегу Баренцева моря. Вот были бы дела». Но и тут как-то надо было пробраться назад, в здание аэропорта, и не опоздать на свой самолет. Я видел сквозь прозрачную дверь, что народ уже выстроился в очередь к другому выходу. Наконец мои взмахи руками и знаки были замечены кем-то из пассажиров, обративших внимание служащего аэропорта на жесты и ужимки замерзающего человека за стеклом. Тот открыл дверь и из моих сбивчивых объяснений понял, что мне не в Вадсё, а в Тромсё. Отыскал в пачке посадочных талонов на Вадсё мой, отдал в руки

и указал на другой выход, куда уже все пассажиры рейса на Тромсё прошли. Я был последним, но на борт успел. Первая заминка благополучно разрешилась. Метель опять разыгралась не на шутку, но норвежские летуны, видно, привыкли к таким условиям. Маленькие «фоккеры» на 50 пассажиров, управляемые полярными летчиками, летали и в такую пургу. Другую погоду здесь среди зимы можно было ждать неделями.

Тем временем мы взлетели. «Болтанка» в полете была ужасная. Временами при резких толчках собственное сидячее место отрывалось от кресла. Поэтому табло «пристегните ремни» не выключалось в течение всего полета, да и командир все время напоминал об этом. В своих многочисленных полетах ни до, ни после этого я таких ощущений не испытывал. Многие пассажиры сидели, вцепившись в кресло от страха. Когда заходили с моря на посадку в Тромсё, видимость была нулевой, а качка при резких порывах ветра и уже небольшой посадочной скорости – максимальной. Скорее всего, эти небольшие самолеты были оборудованы современными приборами. Визуально при ручном управлении посадка в таких условиях была, скорее всего, невозможна.

В аэропорту пересадки Тромсё у меня снова было небольшое замешательство: ничего не объявляли по-английски, и я шарил глазами по мониторам, отыскивая свой выход на посадку по номеру рейса. С большим трудом и помощью персонала мне это удалось, благо, что аэропорт был сравнительно небольшим. Из-за сильной пурги вылет все же задержали. Поскольку снег быстро покрывал фюзеляж самолета, увеличивая его взлетный вес, корпус непосредственно перед взлетом обрабатывали мощной струей антиобледенителя под большим давлением.

Наконец, я прибыл в Тронхейм с опозданием часа на полтора. Здесь погода была спокойнее. Слава богу, меня встретил представитель IKU, державший в руках табличку с моей фамилией, и довез до небольшой и уютной гостиницы «Августин» в центре города.

Мой визит продолжался две недели. Тронхейм мне вполне понравился: очень оригинальный и самобытный. Это третий по количеству населения город Норвегии, насчитывающий около 150 тысяч жителей. Но раскинулся он на довольно большой территории, поскольку абсолютное большинство его граждан живут в собственных красивых и нарядных домах на окраинах, в то время как в центре расположены офисы, магазины, парки и скверы для отдыха и прогулок. В больших домах в квартирах живут по большей части приехавшие на временную работу иностранцы, либо местная молодежь или студенты. При этом,

конечно, там все чисто, чинно и благородно – не в пример нашим «многоэтажкам». Я побывал в таких домах в гостях у той самой Мариты, что была у нас в Мурманске, и у Виктора Мележика, о котором шла речь в истории под названием «Хибинские рапсодии».

Поначалу, в первый выходной день, город мне показывал вежливый и обходительный Карл Оскар Сандвик. С ним мы прошлись по центру и вышли на пристань, где стояли небольшие и аккуратные суденышки норвежских рыбаков, торговавших свежим уловом. Удивило то, что самой дешевой рыбой на маленьком базарчике была красная семга, а самой дорогой – только что пойманная свежая треска. У нас в то время все было с точностью до наоборот.

Вечером меня Карл Оскар пригласил в ресторан и предложил отведать специальное мясное блюдо, которое частично надо было готовить самому. Процедура заключалась в следующем. Официант приносил на тарелке каждому тонко нарезанное сырое мясо со специями, а рядом со столом на подставке ставил сильно разогретый камень – серпентинит, способный долго держать тепло. Надо было класть эти кусочки мяса на камень и поджаривать их до той степени готовности, которая тебя устраивала: от полностью «засушенного» до полусырого «с кровью». Поначалу, пока камень был горячий, один кусочек можно было приготовить за минуту. Через полчаса это занимало до пяти минут. Сдабривая готовое мясо имеющимися тут же приправами и соусами, можно было получать различные вкусовые оттенки. Получалось необычно и действительно очень вкусно.

Совершенно неожиданно в этом же ресторане, за другим столиком, я встретил знакомого еще по работе в Апатитах Александра Александровича Предовского, беседующего с норвежскими коллегами. А Карл Оскар хорошо знал коллег, с которыми тот общался. Надо же как бывает! Побывал я и в доме Карла Оскара – довольно большом загородном особняке с шикарным внутренним убранством и красивым интерьером.

В один из вечеров меня пригласил к себе в гости молодой сотрудник IKU Хельга Лёзетт, с которым мы познакомились в обеденный перерыв в столовой. Посмотреть на житье-бытье молодой норвежской семьи было особенно интересно. Ведь такое общение позволяет узнать о людях и стране неизмеримо больше, чем из окна туристического автобуса, пусть даже и в сопровождении самого талантливого гида. Хельга вечером подъехал ко мне в гостиницу на подержанном, но очень приличном автомобиле. В Норвегии «неприличных» автомобилей на улицах просто не было даже тогда – 17 лет назад. Дом у него

был значительно скромнее, чем у Карла Оскара, но все равно очень аккуратным и удобным. На нижнем этаже была «прихожая», кухня и столовая и открытый гараж (без передней и задней стены) для двух автомобилей в виде арки, перекрытой вторым этажом. На втором этаже было две спальни, маленькая сауна и просторная ванная, гладильная и постирочная со стиральной машиной-автоматом. На третьем мансардном этаже находилась детская игровая комната, спальня для гостей и небольшая мастерская с подручными домашними инструментами. Молодая семья состояла из четырех человек: самого Хельги, его супруги Анны и двух детей трех и пяти лет. Конечно, этот дом молодая семья не могла купить сразу и практически никто в Норвегии, да и во всем цивилизованном мире не может оплатить такие покупки одномоментно. Все покупают недвижимость в кредит и расплачиваются потом за нее 20–30 лет. Это стимулирует добросовестно трудиться всю жизнь, чтобы регулярно отдавать долг, и позволяет сразу молодой семье жить и растить детей в нормальных условиях и не мыкаться по углам и общежитиям. Но в то же время стесненность этими кредитными обязательствами заставляет большинство граждан быть достаточно экономными в повседневной жизни. Особенно заметна экономия на еде. Пока Анна готовила ужин, мы беседовали с Хельгой с бокалом пива в руках, закусывая солеными орешками. На ужин были разогретая готовая пицца и порезанный салат из свежих овощей с зеленью. (Вспомните, что Мариту в Мурманске мы кормили соленьями. Это сейчас, спустя 17 лет, у нас тоже зимой можно купить что-то свежее). А когда пришла пора пить чай и достали нарядную коробку конфет, я с удивлением услышал нечто хоть отдаленно похожее на нашу действительность. Оказалось, что дядя Анны работает на кондитерской фабрике и потому работникам разрешают приобретать собственную продукцию без торговой наценки. (У нас многие предприятия в 90-е годы вообще всю зарплату выдавали своей продукцией). Видать, Хельга не часто баловал себя лакомствами, потому что за разговором он как-то незаметно стал класть в рот одну конфету за другой, и я перехватил осуждающий взгляд его жены, который он сам заметил лишь с опозданием. Дети были на редкость воспитанными: взяли по одной конфетке и на этом остановились. Вообще их было почти не слышно: они были заняты собой и игрушками. Днем они находились в частном детском садике, поскольку в отличие от американцев, где женщины в семье часто не работают и занимаются детьми, у норвежцев, как правило, работают оба родителя. Мне передали мягкие игрушки и бейсболки для моих детей – Антон и Аня потом были им

несказанно рады. Те самые желтые бейсболки с большими козырьками от солнца, по-моему, мы до сих пор иногда надеваем летом. Вообще, норвежцы очень приветливы и доброжелательны.

Марита эти две недели фактически была моим гидом и переводчиком в IKU в том смысле, что я хорошо понимал ее классический английский, очень похожий на тот, который я слышал на учебных пластинках. Русский она не знала абсолютно. Когда мне были непонятны какие-то слова, я ее переспрашивал, и она пыталась подобрать синонимы или делать пояснения. А когда один шотландец в лаборатории, где испытывали образцы керна при высоких давлениях и температурах, пытался рассказать о сути исследований, я вообще не мог понять его шотландского диалекта. И только после «перевода» Мариты на «правильный» английский удавалось хоть что-то прояснить. Лаборатории института были, конечно, оборудованы по последнему слову техники. Нам такого и не снилось даже в лучшие годы. И профиль исследований в институте был значительно более широким, чем в нашей НИИМоргеофизике. По предварительно согласованному графику меня познакомили со всеми основными подразделениями.

Еще один штрих, характеризующий то, что довольно благополучные норвежцы экономят на еде, проявился во время обедов в институтской столовой. Многие старались пойти обедать вместе со мной, поскольку человек, сопровождающий гостя, питался, как и сам гость, бесплатно. При этом он брал специальный талон и отдавал его кассиру в конце линии раздачи. Я отметил, что большинство из них заставляли весь поднос всевозможными блюдами. А когда на следующий день я обедал с кем-то другим, то, обращая внимание на того человека, с кем обедал в предыдущий день, замечал, что на его подносе еды в два-три раза меньше, чем когда он был со мной. Однако ничего удивительного в этом нет. Вспомните себя на отдыхе, когда вы питаетесь по системе «шведский стол». Вы при этом наверняка съедаете в два раза больше, чем ели бы дома.

Две недели пролетели незаметно. Но как бы хорошо и уютно не было в благополучной Норвегии, под конец потянуло домой.

В целом моя первая деловая зарубежная поездка была очень полезной как в профессиональном плане, так и с точки зрения значительного прогресса в понимании английского языка. Когда за две недели почти не слышишь ни слова по-русски, поневоле начнешь понимать других и сам будешь пытаться что-то сказать. Думаю, что с тех пор качество моего английского языка так и не улучшилось. Времени на его совершенствование нет абсолютно, а поскольку для повседневного и научного общения, вроде бы, с

натяжкой хватает достигнутого тогда уровня, то заставить себя учить его специально практически невозможно. Всегда находится оправдание для самого себя, что есть, якобы, более важные дела.

Скандинавские миниатюры

Поскольку 15 лет мы прожили на Кольском полуострове, то к нашим ближайшим соседям-скандинавам наведывались неоднократно. О своем первом визите к ним я уже поведал в предыдущей истории. Приоткрывающийся «железный занавес» очень скоро дал возможность нашим согражданам посмотреть на житье-бытье ближайших соседей. К тому же поездки на автобусах в приграничную Финляндию были по карману большинству мурманчан, получавших надбавки за работу в условиях Крайнего Севера. А упрощенный визовый режим, открытый финнами для жителей Мурманской области и Карелии, быстро увеличил поток наших туристов к своим соседям. Однажды в ноябре 1992 года, в период осенних школьных каникул, собрались туда и мы всей семьей на трехдневную автобусную экскурсию в соседнюю финскую Лапландию. Попросту взяли путевку в одном из частных туристических бюро, которые стали плодиться, как грибы после дождя.

Как только пересекли границу, сразу же попали в другой мир. Ну почему даже грунтовая финская дорога лучше любой нашей асфальтовой? А лес с какой стати здесь такой чистый, стройный и ухоженный? Они что, даже в лесу дворников держат? Приграничная маленькая финская деревня Ивало с витринами сельского супермаркета, ломящегося от изобилия, и неоновыми цветными витринами поражала наше советское воображение. Зачем это? Здесь же живут всего несколько сотен человек? В соседней Карелии а аналогичной деревне стоят несколько развалюх с подгнившими бревнами, а весь ассортимент «Сельпо» состоит из водки, кильки, хлеба, завозимого два раза в неделю, да каких-то конфет-подушечек. Да… Никогда мы не научимся так жить, как эти отсталые «чухонцы», которых так называли в царской России. А были они тогда одними из беднейших. Недаром Ленин, давший Финляндии независимость, до сих лор у финнов чуть ли не национальный герой. Если бы Владимир Ильич не пошел навстречу финским социал-демократам в 1918 году, убедившим его, что Финляндия не готова к революции, «бомжевали» бы сейчас у них пьяные мужики по автовокзалам, а у бедных женщин не было бы иного заработка, как продавать пассажирам проходящих поездов собранную клюкву да вареных раков. Это точная картинка нынешней глубинки Карелии, которая в момент отделения ничем не отличалась от Финляндии, разве что в лучшую сторону – за счет построенной в 1916 году

железной дороги до нынешнего Мурманска, проходящей по ее территории. Да что там рассуждать, ведь история не терпит сослагательного наклонения: «если бы да кабы…».

В паре часов езды от Ивало – чудный поселок Саариселька – настоящий зимний курорт. И тут, среди заснеженных сосен, находится самый настоящий рай в виде крытой тропической купальни. Нам дали всего-то два с небольшим часа, чтобы, переодевшись в купальные костюмы, наплаваться в бассейне с причудливыми гротами и закоулками, интересными подсветками, водными горками, «джакузи» и саунами. А когда вдруг раздавалась предупреждающая сирена, через полминуты включали настоящую волну, накатывающую на мелководье с плескавшимися ребятишками не хуже морской. И это чудо находилось в маленьком поселке за полярным кругом, с населением пару тысяч человек, в начале 90-х годов, когда даже в нашей столице ничего похожего не было даже в проекте, а простому русскому человеку даже и во сне присниться такого не могло.

После такого насыщенного событиями и впечатлениями дня к вечеру прибыли в столицу Лапландии – город Рованиеми с населением не более 70 тысяч человек. Запомнился великолепный музей Арктики, расположенный в современном здании в модернистском стиле, со стеклянной крышей. Но главные достопримечательности располагались в предместьях города. Прежде всего это деревня Санта Клауса. Как нам рассказали, письма детей всего мира, написанные просто Санта Клаусу без адреса, приходят именно сюда, в Рованиеми, в эту деревню. И действительно, десятки женщин сидели здесь, разбирая эти письма и готовя ответы от имени лапландского Деда Мороза. Средства на все эти мероприятия поступали от таких любопытных экскурсантов, как мы, и от различных международных благотворительных фондов. Венцом этой экскурсии была личная встреча с самим Санта Клаусом, внешне отличавшимся от нашего Деда Мороза разве что тоненькими очками. Он пообщался и с Аней, и с Антоном, и даже со мной. Мы сфотографировались с ним всей семьей и через пять минут получили почтовую открытку и большой круглый значок, где все мы были вместе с ним.

В получасе езды от города находится совершенно необычный по нашим понятиям зоопарк. Звери гуляют в огромных природных вольерах, где оставлен настоящий лес, а люди в зоопарке перемещаются по дорожкам, покрытым защитными клетками. Т. е. в клетках зрители, а звери на свободе.

Недалеко от зоопарка расположена известная на весь мир

шоколадная фабрика «Фазер». Здесь можно сквозь прозрачные стеклянные стены наблюдать весь технологический процесс изготовления шоколада. Умеют же они, черт возьми, из обычного производства устроить зрелище и зарабатывать на этом деньги!

На обратном пути мы не удержались и уговорили водителя автобуса заехать опять в сказочную Саариселькю, чтобы еще поплавать в крытом аквапарке и покачаться на искусственных волнах. Водитель долго ворчал (он торопился в Мурманск на день рождения сына), но выполнил нашу просьбу. Мы снова поплескались с удовольствием в теплых и ласковых искусственных волнах, но эта задержка вышла нам «боком». Вспоминая фразу из Булгакова, можно было бы сказать: «Аннушка уже разлила масло». В этот раз нас ожидало несколько другое, но все же весьма нежелательное событие. Пока мы наслаждались купанием, как казалось, в другом чудном мире грез, в нескольких десятках километров по ту сторону границы, в привычной российской реальности по обледенелой и никудышней грунтовой дороге (других здесь отродясь не было), в кромешной темноте, натужно ревя двигателем, шел груженый лесовоз. На одном из поворотов длинный прицеп с бревнами потерял сцепление с дорогой, и его понесло в жутком ледяном танце. Увлекая за собой весь тяжеловесный тягач, прицеп перевернулся, сотня тяжелых бревен рассыпалась по дороге и полностью ее перегородила. Слава богу, водитель отделался парой синяков и смог выбраться из перевернутого грузовика. Но сделать ничего с этой грудой бревен он уже не мог. Вскоре к этому месту подъехал и наш автобус. После того как он остановился, мы вышли, чтобы оценить обстановку, и я тут же упал на ровном месте – настолько скользкой была дорога. Между тем до Колы, откуда могла прийти помощь с техникой, оставалось еще не меньше 150 км, а поскольку случилось это вечером накануне годовщины революции 7 ноября с выходными днями, все дорожные службы распустили штат своих с трудников по домам отмечать праздник. Нам «светило» встретить этот красный день календаря в салоне автобуса, в ночном лесу, на морозе. Глядя на груду бревен и в связи с революционным праздником, при нашем советском менталитете тут же вспомнился Владимир Ильич Ленин на коммунистическом субботнике. Но даже если представить, что силами нескольких мужчин «в галстуках» удастся куда-то переместить к утру эти тяжеленные бревна, то перетащить хвост многотонного прицепа точно не получится. В памяти в критическую минуту вслед за образом великого вождя, который ничем не мог помочь, вдруг всплыл образ подполковника Гавриша, руководившего нашими сборами в саперном батальоне

гвардейской Таманской дивизии. До сих пор он вспоминался лишь в связи с хулиганскими строевыми песнями (смотри историю «Мои университеты»). Но тут я увидел, словно наяву, его решительное лицо и услышал приказ:

– Лейтенант Ампилов, выполнить задачу силами отделения.

– Есть.

Мы, шестеро мужчин, стали выполнять задачу: подбирать бревна равного диаметра и перекрывать ими неглубокий кювет слева от дороги примерно так, как нас учил подполковник Гавриш. Часа через полтора настил был готов. Водитель нашей «Скании» включил первую передачу и самым малым ходом по скользким бревнам стал по краю дороги и перекрытому нами кювету объезжать препятствие. Все наши туристы вышли из автобуса и наблюдали за маневром со стороны. В один из моментов, когда ведущее заднее колесо при пробуксовке захватило бревно в колесную арку, погнув обшивку, казалось, что мы действительно теперь застрянем здесь на все три дня. Но после нескольких попыток и подкладывания еловых веток под ведущие колеса препятствие было преодолено, и наш немного пострадавший при этом автобус стоял на чистой обледеневшей дороге. Путь до Мурманска был открыт. Дальше по такой дороге можно было ехать лишь на малой скорости, и мы прибыли домой под утро.

* * *

Люся потом еще раз возила по этому маршруту своих учеников из компьютерного кружка, но уже без дорожных приключений. А я в следующий раз посетил эти места уже весной в мае 95-го вместе с моим коллегой по работе Эдуардом Шипиловым. Повод был самый что ни на есть житейский: мы поехали покупать новенькие российские «девятки» – автомобили «Лада-Самара» в Финляндию, в тот самый город Рованиеми. Парадокс, но они там получались дешевле, чем в Москве, даже после дополнительной предпродажной подготовки и «доводки» машины до европейских стандартов. Заказать машины в автосалоне города Рованиеми можно было прямо в Мурманске, куда регулярно приезжали предприимчивые финские парни для сбора заказов. Мы с Эдиком, сделав предварительно за месяц заказ, собрались за машинами. Ехали с опаской. Было очень неуютно ощущать в кармане немалые деньги в валюте и ехать при этом на каком-то коммерческом Икарусе» почти за 500 км по сплошной тайге без населенных пунктов по дороге. Сумма для

середины 90-х очень немаленькая, и в воображении все время представлялись грабители то ли из леса, то ли среди ехавших в этом же автобусе незнакомых пассажиров. Да еще границу надо было пересекать и почти на виду у всех предъявлять таможеннику эту пачку вместе со справкой из банка о покупке валюты, а он тщательно пересчитывал все купюры. Когда оказались на финской стороне, стало как-то спокойнее.

На ночь в Рованиеми мы с Эдиком остановились в той же самой частной недорогой гостинице «Аакенус», где мы с супругой и детьми были двумя годами раньше. Мы предварительно забронировали ее, еще находясь в Мурманске.

Наутро прямо из гостиницы нас на автомобиле забрал менеджер автомобильного салона, который принимал у нас заказ в Мурманске месяцем раньше. Привез в салон, показал две новенькие девятки и после нашего одобрения начал оформлять покупку. Это заняло совсем не много времени, и уже через час мы были готовы к обратной дороге в Мурманск. При этом, правда, пришлось поторговаться с продавцом, чтобы он заполнил нам полный бак, что должно было входить в стоимость. После того, как он получил от нас презент в виде бутылки водки, это было сделано без проволочек. На российской стороне нас ждали традиционные проблемы с дефицитом бензина, поэтому на 500 км пути надо было подстраховаться, тем более, что от финской границы до поселка Верхнетуломский, где находилась первая наша российская заправка, было сотни полторы километров. К тому же на ней запросто могло и не быть бензина. Непосредственно перед границей, проехав полпути, мы залили еще литров по двадцать по жутким европейским ценам – на всякий случай.

С большой неуверенностью и опаской мы двинулись назад, держа дистанцию между собой не более 100 м. Пока двигались по Финляндии, было боязно за автомобиль: вдруг что-то выйдет из строя, все же сборка наша, хоть и экспортная. Что мы тогда будем делать? А когда пересекли границу и ехали по грунтовке по безлюдным лесам, где на сотни километров не было ни одного поселения, в памяти возникали сводки криминальных российских новостей начала и середины 90-х, когда бесследно пропадали владельцы автомобилей. Но все обошлось. Лишь километров за сорок до Мурманска я запаниковал. Стрелка бензобака показывала ноль, но автомобиль исправно двигался. Я был уверен, что на грунтовке камнем пробило бак и бензин вытек. Ничего не оставалось делать, как ехать дальше, до полной остановки. Так и добрались до конца. Потом оказалось, что внутри бензобака отвалился поплавок датчика бензина. Все же,

как ни крути, это был российский автомобиль, хоть и экспортный. Правда, в последующие пять лет он служил мне исправно и не доставлял много хлопот, а когда начал капризничать по мелочам, я его продал уже в Москве.

Что запомнилось в той поездке, так это разница в животном мире по разные стороны от границы, которая просто поражала. Почему здесь, в Финляндии, по дорогам, не боясь людей и машин, свободно бродят сотни и тысячи оленей, а всего через несколько километров, за колючей проволокой на нашей стороне, не встретишь ни одного? Что, даже эти животины сторонятся русских? Неужели мы такие дикие, что нас боятся не только европейцы, но и их «зверюки»? Вы знаете, как ни печально это признать, видимо, да. Мы, по большому счету, дикари, хоть и «пыжимся» себя оправдать своеобразием русского пути и русского предназначения в качестве культурного «моста» между Европой и Азией. Попробуйте объяснить это оленям, которых с нашей стороны мы давно всех уничтожили в этих местах. А леса, в которых эти олени могли бы привольно гулять, мы нещадно вырубали и продавали десятилетиями тем же «отсталым» финнам, основной бизнес которых состоял в переработке этой древесины в качественную бумагу с последующей ее продажей втридорога нам самим. При этом они умудрились сохранить в неприкосновенности свои собственные леса, в то время как в нашей родной Карелии и на юге Кольского полуострова вырублен самый качественный лес и широкие незарастающие просеки, словно незаживающие раны, тянутся сквозь тайгу на многие сотни километров.

В этой связи вспоминается еще один случай, рассказанный Александром Макаренко – мужем Светланы – сводной сестры моей жены. Он давно служит офицером в одной из приграничных частей на Кольском севере. Как-то в воинской части они завели себе корову, чтобы хоть иногда иметь свежее молоко для солдат, которых в условиях Заполярья сильно не баловали разнообразием рациона. Однако позаботиться о ее кормежке было проблематично: отходы с солдатской кухни не слишком подходили для желудка жвачного травоядного, а накосить достаточно травы в короткое северное лето на склонах скалистых сопок солдатикам не удавалось. Подножный тундровый ягель хорошо подходит оленям, но никак не коровам. Отощавшее животное, на котором оставались кожа да кости, каким-то внутренним чутьем смекнуло, что на «той стороне» сдохнуть не дадут, и в очередной выпас направилось в поисках пропитания на запад по почти голым сопкам, поросшим лишь мелкими кустарниками да лишайниками. Каким-то немыслимым образом

она преодолела заграждения и оказалась на стороне потенциального в то время противника из блока НАТО – у норвежцев. Несколько недель о ней не слышали, да и шума не поднимали, чтобы не досталось от начальства: ведь «служила» она в части нелегально. Однако через месяц, когда история стала забываться, норвежцы неожиданно предложили нашим пограничникам забрать свою собственность. Бог ты мой, буренку было не узнать! Она изрядно поправилась, похорошела, и перспектива «депортации» на родину ее явно огорчала. Понуро повесив голову, она, «пройдя пограничный контроль» и жалобно промычав на прощание своим благодетелям и помахав им хвостом, нехотя поплелась в родные пенаты. Сердобольные норвежские служаки на свое солдатское жалование купили ей в дорогу в складчину полторы тонны комбинированного прессованного корма, доставили на границу и проинструктировали наших насчет правильной кормежки.

Вот так-то, дорогие соотечественники. Вправе ли мы себя называть великим народом? Давайте подумаем на досуге.

* * *

Как я уже писал в первой части книги в истории «Мурманская закалка», в тяжелый для геологии период начала 90-х годов неожиданная поддержка пришла со стороны норвежского отделения крупнейшей транснациональной компании «Shell», специалисты которой заинтересовались нашей методикой группового анализа сейсмических атрибутов. Они поручили нам выполнить такие расчеты по сейсмическим материалам на поднятии Лоппа в норвежской части Баренцева моря. Благодаря этим заказам мы вполне сносно пережили трудные времена. Норвежцы узнали о нас благодаря моему докладу на одной из международных конференций. Первоначально делегация Norske Shell побывала у нас в Мурманске, чтобы более детально познакомиться с нашими возможностями. Руководителем группы норвежских специалистов был американец Бен Боулин. Он честно признавался, что жить в Норвегии ему намного комфортнее, чем в США, и потому он будет работать здесь с удовольствием до очередной ротации кадров, которая в крупных фирмах происходит примерно раз в пять лет. Хороших специалистов при этом не увольняют, а перемещают в другие филиалы компании, которые разбросаны по всему миру. Судя по всему, это неплохой прием, позволяющий человеку набирать профессиональный опыт и постоянно быть в форме. Другим ведущим специалистом в этой

группе был голландец Франк Зайп.

Тогда мне приходилось почти каждый месяц летать из Мурманска на самый юг Норвегии в Ставангер, чтобы сдавать промежуточные результаты и получать новую порцию исходных данных. Они были вполне довольны нашими результатами. Но сейчас речь не об этом. Мне запомнился один из дней, когда, вылетев из Мурманска в понедельник, пришлось сменить в пути пять самолетов, пока я достиг Ставангера. Вместо кратчайшего пути вдоль побережья Норвегии, который был возможен лишь раз в неделю по четвергам, пришлось лететь весьма запутанным маршрутом. Перелеты всегда оплачивались норвежской стороной и не включались в стоимость договора. Билеты также заказывались ими. Мне надлежало лишь явиться с паспортом в международную авиакассу в Мурманске и забрать билет.

Рано утром я вылетел из Мурманска в Москву и через два часа благополучно приземлился в аэропорту «Шереметьево». До следующего рейса было несколько часов, и я быстренько заскочил в Москву сделать попутно несколько неотложных дел. Следующий полет до Хельсинки занял немногим более полутора часов, но промежуток времени между прибытием и следующим рейсом до Стокгольма был всего лишь 35 минут. Я лихорадочно обшаривал глазами всевозможные табло, разыскивая выход на посадку на свой следующий рейс. Наконец это мне удалось, и я среди последних пассажиров заскочил в самолет. В Стокгольме у меня тоже было лишь полчаса между рейсами, однако разыскать нужный выход было сложнее, поскольку аэропорт оказался очень большим. Сделать это пешком было невозможно. Между выходами с интервалом пять минут шли специальные автобусы. Сориентироваться следовало очень оперативно, чтобы правильно и вовремя оказаться в нужном месте в столь короткий промежуток времени. Действовал быстро, как на автопилоте, и в последний момент мне удалось быть в своем самолете, вылетающем по маршруту Стокгольм – Осло.

Аэропорт Осло я знал хорошо, тем более что до рейса в Ставангер оставалось больше часа. Здесь я, немного переведя дух после многочисленных и нервных пересадок, спокойно отыскал нужный выход и сел на свой рейс. Когда уже глубоким вечером в аэропорту Ставангера я увидел встречающего меня Франка Зайпа, я обнял его как родного – настолько перенервничал и устал, метаясь в одиночку в чужих аэропортах и странах. Причем, даже не хотелось думать о том, как осложнилась бы ситуация, если хотя бы на одном звене маршрута случился бы сбой по времени. Ведь почти на каждом отрезке рейс обслуживался разными авиакомпаниями, которые не отвечали за задержку предыдущего

рейса. И все это произошло в течение одного дня. После этого самолетный гул еще долго стоял в ушах, а всю следующую ночь спалось очень беспокойно.

Ставангер является четвертым по количеству населения городом Норвегии после Осло, Бергена и Тронхейма. Это фактически столица норвежской нефтедобывающей отрасли. Здесь расположены головные офисы большинства нефтедобывающих компаний, а в порту можно встретить передвижные морские буровые платформы и суда вспомогательного флота. При этом бросается в глаза абсолютная чистота вокруг и отсутствие хоть сколько-нибудь заметных следов столь существенной промышленной деятельности. Требования экологии здесь настолько серьезны, что если их не соблюдать, любой самый прибыльный бизнес вмиг станет убыточным из-за огромных штрафов. Да и не в штрафах только дело. Здесь люди с самого детства живут в гармонии с природой и бережное отношение к ней сидит у них в генетической памяти нескольких поколений. Вот чему у них стоит поучиться. Да и не только этому. Столь социально сориентированного государства не найти во всем мире. Они давно превзошли модель так называемого «шведского социализма». Даже в самые лучшие советские времена нам не удавалось достичь столь явной социальной гармонии в обществе. Здесь попросту нет бедных и никогда не может быть при существующей системе сбора и перераспределения налогов. Пособия по безработице хватит для проживания в таких человеческих условиях, каковые для большинства наших граждан покажутся несбыточной мечтой. И многие из наших попросту бы не работали, имея такие условия. Но здесь быть безработным стыдно, и потому человек, потеряв работу, старается как можно быстрее найти новую, но именно в соответствии со своей квалификацией, а не первую попавшуюся, которую можно найти за несколько дней. На поиск новой, достойной для себя работы уходит обычно до нескольких месяцев. Именно эта ситуация с временно не работающими и создает естественный уровень безработицы в 4–5 % от трудоспособного населения, что можно считать вполне допустимым. Такой уровень был и у нас, даже в эпоху всеобщей занятости. Просто люди, находившиеся во временном интервале поиска новой работы, никак не учитывались.

Ставангер – город очень своеобразный и имеет свое собственное неповторимое лицо. Особенно интересен старый город, очень похожий на иллюстрации к сказкам Андерсена. Все дома, выкрашенные в интересные цветовые сочетания, кажутся просто игрушечными. Стоит совершить водную прогулку и в

очень живописный Лиссе-фиорд в окрестностях Ставангера. Темно-синяя водная глубина в сочетании с обрывистыми крутыми скалами, вершины которых покрыты снегом на фоне голубого неба, создает неповторимое зрелище. В один из дней Франк Зайп повозил меня по горным окрестностям на своем автомобиле. Удалось полюбоваться этой красотой.

Обратный путь в тот раз проходил по более короткому маршруту: Ставангер – Осло – Копенгаген – Санкт-Петербург – Мурманск, но назвать его комфортным тоже было нельзя. В следующие визиты я просил своих норвежских коллег стараться организовывать мои перелеты в те дни недели, когда можно было спокойно добраться самолетами одной норвежской авиакомпании «Бразенс Сэйф» по самому прямому маршруту: Мурманск – Тромсё – Осло – Ставангер.

* * *

Одна из поездок в Финляндию была очень необычной. В июне 1999 года в Хельсинки проходил очередной крупнейший многотысячный европейский форум геофизиков – конференция и выставка EAGE. Мое участие в этом мероприятии оплачивалось, как и ранее, оргкомитетом. И в очередной раз пришлось оптимизировать транспортную проблему – как лучше и дешевле добраться из Москвы до Хельсинки в рамках ограниченного бюджета. Н.В. Шарое, мой бывший начальник из Апатит, посоветовал присоединиться к группе из центра «Геон» во главе с его директором Леонидом Николаевичем Солодиловым. Они собирались ехать в Хельсинки на «Газели». Я с ним лично знаком не был, но Леонид Николаевич после моего телефонного звонка запросто согласился меня взять.

В один из июньских дней мы выехали утром из Москвы в направлении Санкт-Петербурга. Компания подобралась тесная: Сам Леонид Николаевич с супругой Татьяной, Дмитрий Леонидович Федоров, занимавший ранее в правительстве Силаева пост министра природных ресурсов, вместе со своей супругой, еще два сотрудника центра «Геон» и водитель, Мне было поначалу как-то неловко в компании столь высокопоставленных лиц, и, чтобы немного сблизиться, я достал одну из припасенных для «полубезалкогольной» Финляндии бутылочек горячительного. Поскольку мы сидели на задних сиденьях, женщины в первом ряду не сразу заметили наш маленький междусобойчик. Тут же выяснилось, что мы с Солодиловым земляки. Он оказался курянином. Как водится, сначала мы выпили за это, потом за хорошую дорогу, потом за удачу. К первому привалу, где-то в середине пути между Москвой и Питером, женщины заметили, что мы уже начали отдыхать. Татьяна, супруга Солодилова, крайне неодобрительно посмотрела в мою сторону, заподозрив во мне зачинщика. Я же всего-навсего хотел растопить лед в отношениях с новыми знакомыми. Это вроде бы удалось, но я тут же почувствовал холодок с ее стороны в отношении меня, который исчез только через несколько лет, когда мы оба с Леонидом Николаевичем, будучи руководителями своих организаций, стали жертвами высокопоставленных чиновников, пытавшихся нашими руками продать здания в центре Москвы своим подконтрольным коммерческим структурам.

Поздно вечером прибыли в Санкт-Петербург, где были очень тепло приняты руководством завода «Геологоразведка». Завод

выпускал ранее разные приборы и оборудование для различных видов геолого-геофизических исследований и испытывал серьезные трудности в конце 90-х, т. к. из-за отсутствия платежеспособных заказчиков производство фактически было остановлено.

Шикарный, ломящийся от изобилия стол с дефицитными яствами и разной вкуснятиной был лишь дополнением ко всеобщей дружеской атмосфере, царившей за этим столом. Насколько я понимаю, инициатором встречи стал сотрудник министерства Николай Васильевич Милетенко, пытавшийся свести вместе центр «Геон» как потенциального заказчика, оставшегося на плаву в тяжелые для геологии годы, и этот завод, еще способный тогда выпускать конкурирующую продукцию. После таких встреч казалось, что все еще может наладиться и вот-вот снова пойдут в поле отряды, которым нужны будут эти приборы. Но, увы, остановить разрушающую силу тех реформ было невозможно, а созидательные механизмы к тому времени еще не заработали.

После ночлега в ведомственной заводской гостинице на следующий день отправились дальше, через Выборг – в Хельсинки, и к вечеру прибыли в столицу Финляндии.

Город произвел в целом неплохое впечатление: все очень чисто, аккуратно, чинно и благородно. Но для столицы европейского государства он показался несколько простоватым. Все наиболее интересные памятники и исторические здания были построены еще в царской России на деньги русских купцов. Среди них наиболее фундаментальная архитектурная композиция – площадь Александра II с собором и памятником нашему самодержцу. Заслуживающих внимания или вызывающих восхищение современных объектов на глаза не попалось. Можно сказать, ничего особенного по сравнению с первым впечатлением от финской деревни в Лапландии. Но здесь были прекрасные парки и скверы, где прямо на газонах на солнышке расположилась местная молодежь, в непринужденной беседе обсуждавшая свои проблемы. Главное отличие от наших в том, что после того, как они покидали «насиженные» места, не оставалось ни одной бумажки или брошенной бутылки. Интересной оказалась морская прогулка на небольшом теплоходе среди многочисленных прибрежных островов: здесь же, на пристани, играют на дудках, гармошках, гитарах; торговцы в национальных костюмах продают всевозможные сувениры. После этой прогулки посидели с Игорем Керусовым в местном национальном ресторане. Как бывшие мурманчане и теперешние москвичи, вспоминали наших: кто да где, да чем занимается.

Некоторые из тех, о ком говорили, оказались и на этой конференции.

В этот раз традиционная европейская конференция и выставка выглядели скромнее, чем обычно. Сказывались низкие мировые цены на нефть в тот период, что отразилось негативно на благополучии ведущих мировых геофизических компаний. Но делегация центра «Геон», с которой я приехал, прибыла расширенным составом и привезла образец новой телеметрической автономной сейсмостанции. Кроме того, у них было три докладчика по разной тематике. У меня был один совместный доклад с голландцем Робом Артсом по проблемам сейсмического мультиатрибутного анализа.

Совершенно неожиданно встретились здесь с другом по аспирантским годам Сосо Гудушаури, о котором уже шла речь в истории «Аспирантский интернационал», и еще с десятками близких знакомых. И вообще, эти конференции являются, прежде всего, прекрасным местом встречи со старыми друзьями и коллегами со всего мира. Да и с некоторыми коллегами-москвичами чаще видимся на таких профессиональных саммитах, нежели в Москве.

Обратный путь на той же самой «Газели» прошел незаметно и без происшествий, и в Санкт-Петербурге я покинул своих приятных и титулованных попутчиков.

* * *

В январе 2005 года в период тесного сотрудничества ВНИИГАЗа с норвежской компанией «Гидро» в рамках Штокмановского проекта мы отправились в Норвегию большой делегацией из десяти человек. Основной задачей двухнедельной поездки было наяву ознакомиться с передовыми достижениями норвежцев в области технологий морской нефтегазодобычи. Без особых натяжек следует признать, что здесь они являются первыми в мире. А соответствующие уникальные технологии по объему интеллектуального труда, вложенного в их осуществление, пожалуй, не уступают, а во многом и превосходят передовые космические технологии. К сожалению, в этой области мы безнадежно отстали и самостоятельно освоить какой-то серьезный объект на арктическом шельфе мы не сможем, несмотря на конъюнктурные заявления некоторых управленцев и политиков. Соответствующих кадров, технологий и технического опыта у нас нет. Потребуется десятилетие, чтобы все это научиться делать самим при условии, что уже сейчас мы от

разговоров перейдем к делу.

Но инженерная мысль на бытовом уровне у нас по-прежнему работает хорошо. При вылете из международного аэропорта «Шереметьево-2» мы в этом убедились на собственном опыте. По традиции в зоне беспошлинной торговли мы прикупили французский коньячок, и само собой напрашивалось пригубить его на дорожку. Но вот незадача – стаканов взять было негде. Тут я вспомнил, что моя заботливая жена при любых условиях должна мне приготовить «тормозок» в дорогу. Заглянув в сумку, убедился, что вместе с парой бутербродов имеется маленькая пластиковая бутылка с домашним морсом. У кого-то из коллег оказался перочинный нож. С его помощью тут же удалось соорудить два вполне пригодных для мероприятия стаканчика: один из дна бутылки, а другой из верхушки. Второй, в перевернутом виде с закрученной пробкой, снизу очень напоминал настоящую рюмку. Порезав на десять частей каждый из двух бутербродов, получили очень достойный вариант закуски. Выпили за хорошее начало и за здоровье моей Людмилы, так удачно и непроизвольно организовавшей наше стартовое мероприятие. И действительно, дальше в поездке все складывалось очень неплохо.

Сначала нас ждал теплый прием наших коллег в столице Норвегии – Осло. Мы каждый вечер подводили итоги прошедшего дня на шикарном товарищеском ужине в одном из лучших ресторанов. В этой поездке я, пожалуй, попробовал наибольшее количество возможных морских деликатесов, причем не только атлантических, но и тихоокеанских с элементами, в том числе, и японской кухни. Столь обильный выбор морских блюд я встречал лишь во Вьетнаме да еще в Индонезии. С некоторых пор я предпочитаю морскую пищу даже наиболее искусно приготовленным мясным блюдам. Хорошее мясо в различных видах можно попробовать почти в любой точке земного шара, а вот достойную океанскую пищу – далеко не везде.

Наиболее официальные мероприятия вел вице-президент компании «Гидро» БентЛи Хансен. Но особенно близко я сошелся с руководителем норвежской рабочей группы – Пэром Кьярнесом. Человек далеко не заурядный, отличающийся высоким профессионализмом, он по достоинству оценил и наши достижения в области моделирования месторождений, особенно когда мы смогли организовать у себя во ВНИИГАЗе компьютерную информационную комнату, где иностранные партнеры могли знакомиться с моделями месторождений без права копирования. Но Пэр был не только ведущим профи в своем деле. Он вырастил трех прекрасных сыновей, которыми

гордился. Кроме того, у него было необычное хобби, по поводу которого мы непрерывно шутили, – он увлекался разведением кроликов. Не раз впоследствии встречались мы с ним и в Норвегии, и в России, и каждый раз испытывали друг к другу искренние дружеские, теплые чувства.

В ту поездку мы посетили очень много интересных объектов в Норвегии, так или иначе связанных со строительством подводных добычных комплексов и морских платформ. Мы переезжали из города в город по подразделениям компании «Гидро» и их партнеров. Но одной из самых незабываемых поездок был перелет на специальном вахтовом вертолете из Бергена на знаменитую платформу в Норвежском море «Тролль – В». После специальной экипировки и инструктажа мы погрузились в комфортабельный 15-местный вертолет и после полуторачасового перелета «приземлились» (если можно назвать приземлением посадку на специальную вертолетную площадку гигантской морской нефтедобывающей платформы). Но ни одной капли нефти мы здесь не увидели. Вся нефть «качалась» из глубоких скважин, рабочая часть которых располагалась горизонтально в нефтенасыщенном пласте глубоко под дном моря. Устья скважин находились на расстоянии десятков километров от платформы и были соединены с ней с помощью специальных, относительно гибких, труб. Платформа представляла собой лишь сборный пункт нефти, которая после минимальной подготовки подавалась затем на берег по специальному подводному трубопроводу. Вся эта сложнейшая система работала автоматически на протяжении многих лет. Люди находились только на центральном пульте управления и следили за исправностью автоматики и показаниями приборов. Здесь же мы поучаствовали в прямом телевизионном сеансе связи с ближайшей небольшой буровой платформой, проводившей бурение дополнительных разведочных и эксплуатационных скважин, а также с головным офисом компании. На огромном экране в полстены отчетливо были видны изображения людей, находившихся на этой телевизионной планерке. Они так же хорошо видели нас, как и мы их. На этой гигантской платформе были не только оборудование, но и достойные жилые блоки, спортзал, ресторан, зимний сад. Между различными уровнями ходили комфортабельные лифты.

Вообще норвежцы оказались очень открытыми людьми, рассказывали и показывали нам все, о чем бы мы их ни спросили. Они, кроме того, с лихвой оплачивали наше обучение и техническое перевооружение. Конечно, делали они это не совсем бескорыстно, а в надежде, что мы допустим их в качестве партнеров к Штокмановскому проекту. Но мы в очередной раз их

«кинули», показав свою российскую непредсказуемость и откровенную непорядочность. Руководство послушалось наших академиков-советников-дилетантов да высокопоставленных менеджеров от оборонной промышленности, стучащих себя кулаком в грудь, что мы, мол, сами с усами. О том, как мы «умеем» все это делать, мы уже показали, заложив в начале 90-х на Северодвинском заводе платформу для морского месторождения Приразломное. И всерьез поначалу собирались начать добычу в 1996 году. С тех пор денег истрачено аж на пять платформ по тогдашним ценам, а ее так и нет и, что характерно, не будет. А если бы тогда связались с иностранными профессионалами, то у нас уже выросло бы целое поколение своих морских нефтяников и сейчас мы могли бы всерьез подумывать о самостоятельном освоении некоторых арктических морских месторождений. Но, похоже, мы опять наступили на те же грабли. На условиях подряда без доли в продукции мы вряд ли получим быстрый и качественный результат даже с иностранными подрядчиками. «Головотяпству» нашего менеджмента на всех уровнях и во все времена, видимо, нет предела.

В ту поездку наши норвежские коллеги подготовили нам и серьезную культурную программу. Запомнилась прекрасная экскурсия на судно-музей «Фрам», ставший на вечную стоянку под большим стеклянным ангаром. Было удивительно, как на этом деревянном судне, пусть и обшитом металлическими листами по бортам, совершили несколько ледовых экспедиций в начале века знаменитый на весь мир полярный исследователь Фритьоф Нансен, а также прославленный Руаль Амундсен, первым достигший Южного полюса в 1911 году. Было очень волнующе заглянуть в их каюты, где находились личные вещи великих норвежцев. Казалось, дух этих полярников до сих пор витает в этих тесных судовых переходах. Здесь же, неподалеку, находился и музей плота «Кон-тики», на котором Тур Хейердал пересек южную часть Тихого океана, пройдя 8000 км от Перу до Полинезии, чтобы подтвердить свои этнографические гипотезы о происхождении полинезийцев.

Потом, как мы помним, он совершил переход через Атлантику на папирусной лодке «Ра», которую затем демонстративно сжег в знак протеста против разгорающейся войны на Ближнем Востоке. Три этих романтика-норвежца помогают понять дух этого народа, считающегося потомками древних викингов.

Ну и, конечно, посещение домика великого норвежского композитора Эдварда Г рига в Бергене не могло не оставить

неизгладимого впечатления. Много узнали о его заочной дружбе с Чайковским. Послушали прекрасную музыку, исполняемую на его собственном рояле норвежским пианистом. Исполнение сопровождалось рассказами и интересными подробностями из жизни композитора.

Во время пребывания в Бергене нам помогал переводчик Саша, которого компания «Гидро» наняла для помощи нашей делегации. Саша, наш бывший соотечественник из Ленинграда, основал здесь, в Норвегии, небольшую консалтинговую фирму. В один из вечеров он сопровождал нас на ужине в ресторане. Мы начали потихоньку петь за своим столом песни советского периода. Потом попробовали с Эрнестом Вольгемутом исполнить на губах фрагмент первого концерта Грига для фортепиано с оркестром. Получилось, по крайней мере, узнаваемо. Но когда выяснилось, что у Саши в этот день был день рождения, мы попробовали исполнить для него «Город над тихою Невой» да еще «Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встает над Невой». Саша растрогался чуть ли не до слез. «Мужики, за все годы жизни здесь я никогда еще так душевно не встречал свой день рождения», – были его слова.

Прощальный вечер с нашими норвежскими друзьями прошел в очень интересном деревянном особняке, где разместился ресторан в национальном стиле. Долго и много фотографировались на память. Нам вместе с памятными сувенирами вручили сертификаты о прослушанных неформальных курсах. Все эти курсы, как и все наше двухнедельное пребывание, они оплатили сами в качестве жеста доброй воли и своего вклада в наше будущее сотрудничество. Норвежцы преподали нам не только урок знаний, поделившись своим бесценным опытом, но и урок интеллигентности и порядочности, чего нам так не хватает в наших нынешних научных, производственных и просто человеческих отношениях.

Красоты Швейцарии

В 1997 году мне повезло. Мой доклад был принят в программу научной конференции EAGE, проходившей в Женеве, и, более того, европейский оргкомитет принял на себя все расходы по моему перелету и проживанию. Побывать в Швейцарии да еще на Женевском озере – кто об этом не мечтает?

Озеро оказалось, действительно, очень живописным. Окруженное белоснежными вершинами Альп, отражающимися в его чистых зеркальных водах, и окаймленное зелеными лугами и остроконечными елями по берегам, оно вытянуто на десятки километров вдоль альпийской гряды. В городской черте самой Женевы на озере прямо из воды бьет огромный фонтан на многие

десятки метров, который виден издалека. Это своего рода символ города.

В этот раз для участников конференции организаторы подготовили совершенно необычный товарищеский ужин. Мы вышли на прогулку по озеру на нескольких достаточно вместительных теплоходах. Во время любования красотами озера и его берегами на столах появлялись всевозможные яства, а юркие официанты бодро разливали напитки. Преимущественно это были различные сорта красных вин местного производства. Одновременно на небольшой сцене местные музыканты исполняли фольклорную программу на различных национальных инструментах.

Что обратило на себя внимание в Женеве – это большое количество торговых точек без продавцов, где все основывается на полном доверии. Покупатель берет нужный ему товар из выставленного на улице, смотрит на выставленные ценники и оставляет необходимое количество денег в специальном ящике или коробочке. Поскольку продавцы не разоряются, это говорит о том, что люди ведут себя абсолютно честно. Интересно, а что было бы у нас? По-моему, дорогой читатель, ответ очевиден, и потому у нас таких торговых точек нет.

Весьма интересной была экскурсия в Берн – центр немецкоговорящей части Швейцарии. Мы все пытались найти окно, в котором профессор Плейшнер из «Семнадцати мгновений весны» не заметил условного сигнала опасности в виде выставленного на подоконник цветка.

Швейцария никогда в своей истории не входила в военные блоки и всегда была символом нейтралитета. Удивительно, как на ее территории в рамках единого государства существуют территории, компактно заселенные этническими немцами, французами или итальянцами, и при этом все граждане, разговаривающие на этих непохожих языках, считают себя коренными швейцарцами и не стремятся присоединиться к своим соседям – Франции, Германии или Италии – по национальному признаку. Видать, это уже высшая степень цивилизованности.

Голландцы нам почти что братья

Нидерланды – это страна, значительная часть которой расположена ниже уровня моря, что и нашло отражение в ее названии: буквально в переводе с немецкого – «низкая суша» или «низкая страна». В просторечии мы привыкли называть жителей этой страны голландцами, а страну – Голландией. С чем ассоциируется в нашем сознании это название? Пожалуй, прежде всего, с тюльпанами и голландским сыром. И того, и другого здесь, действительно, очень много. По весне можно наблюдать

плантации разноцветных тюльпанов самых причудливых расцветок чуть ли не до самого горизонта. До чего красиво и необычно! Ну, а местных буренок, пасущихся на сочных лугах, каждая из которых дает молока больше, чем десяток наших лучших колхозных коров, тут тоже великое множество. Поскольку такое изобилие молока выпить невозможно, вот и научились местные крестьяне делать самые лучшие в мире сыры.

Но молоко в чистом виде голландцы тоже пьют и очень много. Мне не раз пришлось наблюдать, как они ставят на поднос в столовой в офисе во время обеда пол-литровый пакет и во время обеда с удовольствием его выпивают. Как-то наши российские медицинские корифеи стали вещать, что молоко для взрослого человека вредно. Надо, мол, только кисломолочные продукты употреблять. Посмотрели бы они на высокорослых розовощеких голландцев, которые пьют его литрами и живут на 20–30 лет больше нашего. Тогда, может быть, сами отнесли бы свои пустые диссертации в макулатуру. К своему 65-летнему пенсионному возрасту голландские мужчины подходят бодрыми и жизнерадостным и потом еще лет двадцать живут в свое удовольствие, занимаясь различными хобби и путешествуя по миру со своими бодренькими старушками, которые в среднем живут и того больше – до 88 лет.

В этой своеобразной и самобытной европейской стране приходилось бывать неоднократно. Впервые я посетил ее в июне 1996 года, в последний год своей работы в Мурманске, прибыв с докладом на научную конференцию европейской ассоциации EAGE, проходившую в Амстердаме. Там я встретился и со своим будущим боссом – Евгением Владимировичем Захаровым – директором отделения «Шельф» ВНИИГАЗа. По случайности мы оба оказались знакомы с тем самым норвежцем Карлом Оскаром Сандвиком из института IKU в Тронхейме, где я бывал в самом начале 90-х. Карл Оскар пригласил нас на вечер в индонезийский ресторан в центре Амстердама. Пища была неимоверно острая, хотя мой последующий опыт посещения Индонезии через 10 лет показал, что индонезийцы употребляют не только острые блюда.

Голландцы любят всевозможные шутки. В кулуарах конференции их было очень много. В один из перерывов на кофе я издали заметил очень необычно одетого мужчину. Он подходил с чашкой кофе к различным разговаривающим компаниям, вежливо здоровался, улыбался. Показалась странной расцветка его костюма. Брюки и пиджак примерно до груди были коричневыми, а выше – темно-синими. Причем граница раздела цветов была очень ровной и четкой. Подойдя поближе, я увидел, что коричневый цвет снизу был обусловлен засохшей глиной,

насквозь пропитавшей костюм, который при этом оставался почему-то гладким, словно после утюжки. Получалось, что человек находился где-то, стоя по грудь в жидкой глине, а потом вышел оттуда и, немного обсохнув по дороге, пришел прямиком на нашу конференцию. Чувствовался и небольшой характерный запашок. У всех это вызвало неподдельное любопытство и улыбку.

Забавной была и еще одна шутка. Во время традиционного дружеского фуршета в первый день таких выставок участники обычно бродят меаду выставочных боксов компаний с бокалом вина, знакомятся и беседуют. Вина и разнообразные холодные и горячие закуски находятся в нескольких точках большого зала. В любой момент можно подойти и взять, что приглянется, безо всяких ограничений. Такие мероприятия образно называют «Айс брекер», или, в переводе, «раскалывание льда» в отношениях между незнакомыми людьми. Вдруг в самый разгар вечера по проходу, чуть ли не расталкивая беседующих, пробегает очень обеспокоенная невеста в белом подвенечном платье и фате. Прикладывая к глазам руку, как козырек, она смотрит вдаль, в разные стороны, вертя головой и отыскивая потерявшегося жениха, подбегает к разным мужчинам, поворачивая их к себе и заглядывая в глаза. Обнаружив при этом, что обозналась, она бежит дальше. Все эти шутки, конечно, вызывают большой интерес публики.

Видать, страсть к «приколам» в крови у веселых по своему нраву голландцев. Прогуливаясь по многочисленным каналам Амстердама на небольшом теплоходе, мы наблюдали такую сцену. При приближении встречного аналогичного прогулочного теплохода наш капитан сбавил ход до самого малого, выскочил на приступку у фальшборта, выхватил водный пистолет и начал стрелять из него по туристам встречного судна. Те визжали и пищали от холодных брызг и восторга.

После водной прогулки по каналам стало окончательно ясно, что наш великий царь Петр I «слизал» Санкт-Петербург с Амстердама и других городов этой страны, добавив с помощью приглашенных заморских архитекторов некоторого своеобразия нашей северной столице.

Находясь в Амстердаме, мы, конечно, не могли не посетить знаменитый квартал «красных фонарей», расположенный недалеко от центрального железнодорожного вокзала. Каких только женщин здесь не было: блондинки и брюнетки, толстые и худые, молодые и зрелые. Причем ни днем, ни ночью процесс здесь не прекращается, фотографировать и снимать – ни-ни, иначе можешь остаться без фотоаппарата или камеры.

В день окончания конференции за мной заехал немолодой

уже голландец Ганс Коттеринк, пригласивший меня в гости к себе на два оставшихся дня. Я с ним уже был до этого знаком. Ганс побывал однажды у нас в Мурманске в НИИ морской геофизики по линии общественной европейской организации (название не помню), налаживающей культурные и научные контакты со странами Восточной Европы. Он изучал темы возможного сотрудничества, и в конце концов все остановились на тематике нашей лаборатории, разрабатывающей тогда новые подходы к многомерному сейсмическому атрибутному анализу. Следует сказать, что Ганс был временно безработным и получал досрочную корпоративную пенсию известной международной геофизической компании «Шлюмберже», сократившей свое присутствие в Нидерландах. Общественная организация, по линии которой он приехал, использовала услуги пенсионеров, которые хотят продолжать быть активными, не имея за это никакого вознаграждения. Им только компенсировались фактические затраты в связи с этой деятельностью: билеты, гостиница, затраты на бензин и т. п. На предложение нашего мурманского руководства работать за вознаграждение с российской стороны Ганс отвечал, что этого никак нельзя делать, т. к. тогда его лишат досрочной пенсии. Наш ответ: «Мы никому не скажем, и они ничего не узнают», – был непонятен для законопослушного европейца. В абсолютном большинстве цивилизованных стран пенсию получают только неработающие граждане, но зато достойную. Они вправе выбирать по достижении пенсионного возраста – работать или быть пенсионером. Мы могли взять Ганса на работу своим представителем в Нидерландах только в случае, если бы были в состоянии платить больше, чем его пенсия. Но такие деньги тогда у нас не мог получать даже генеральный директор.

Ганс в свои 60 с лишним лет занимался у себя в Голландии на курсах русского языка и мог говорить по-русски, хотя совсем немного. Он интересовался русской литературой и пытался в оригинале читать хотя бы небольшие произведения русских классиков. Во всех отношениях интересный и приятный человек.

Последние два дня своего первого пребывания в Нидерландах я проживал у него в доме, в бывшей комнате его взрослого сына, который давно живет отдельно. Дом голландского безработного представлял собой, как сейчас говорят, трехэтажный «таун-хаус». На первом этаже располагались большая и просторная гостиная, кухня, прихожая, подсобные помещения. На втором были две спальни и две ванных комнаты, туалеты. И на третьем мансардном этаже, где я и обитал, были комната сына, кабинет Ганса и небольшая мастерская, где он мастерил всякие поделки, а

также иногда писал картины. Ганс увлекался этим, и в доме было несколько его собственных и вполне профессиональных, на взгляд дилетанта, произведений, включая портрет его отца.

Кроме того, поскольку Ганс имел богатое геофизическое прошлое, в доме было много разнообразных сувениров и поделок из многих стран мира. Особенно интересной выглядела коллекция яиц из различных горных пород и даже полудрагоценных камней. Жили они вдвоем со своей супругой Анной в любви и согласии, а их выросшие трое детей, работающие в разных странах, изредка навещали своих родителей. Анна, ныне пенсионерка, а в прошлом учительница английского языка, сделала мне комплимент по поводу моего английского, хотя я понимаю, что это, скорее, было из вежливости. Тем не менее, нам его хватало для довольно непринужденного и приятного общения. Мне очень понравились эти простые, гостеприимные и искренние люди, приютившие русского странника. Самое печальное, что я никак не мог «отплатить им той же монетой», поскольку туристическая поездка в Россию была им не по карману, пока Ганс был безработным «досрочным» пенсионером.

За эти два дня они на своем маленьком «Рено» показали мне чуть ли не четверть страны. Мы посетили несколько маленьких городов, побережье Северного моря, музей истории строительства защитных дамб, благодаря которым трудолюбивые голландцы отвоевали у моря почти треть своей территории. И что особенно интересно, мы совершили двухчасовую водную прогулку по Рейну и одному из крупнейших торговых портов Европы – Роттердаму.

* * *

Вскоре после этой поездки благодаря усилиям Ганса и партнерам из голландского института TNO, которых нам подобрали для выполнения совместной исследовательской программы, мои визиты в Нидерланды стали регулярными. Для подписания контракта и согласования программы работ мы поехали втроем: Гриша Кривицкий, Александр Кабанов и я. Причем наши партнеры заказали нам авиабилеты в бизнес-класс компании KLM и оплатили их безналичным путем. Нам это было не очень кстати, поскольку деньги за перелет списывались с наших будущих доходов, а мы вполне могли бы спокойно долететь в том же самолете втрое дешевле в экономическом классе. Но делать было нечего, и Гриша, завсегдатай трансатлантических перелетов, сказал: «Ну что же, в бизнес-

классе обязаны наливать без ограничений. Придется их разводить на виски по полной программе».

Поначалу все шло хорошо, и вежливый обходительный стюард-голландец, от которого слегка отдавало «голубизной», на нашу просьбу «дабл виски» безропотно наливал двойную порцию. На третий раз он произнес:

– Извините, виски кончился.

– Это ваши проблемы, – тут же ответил Григорий.

– Может, Вас устроят водка или коньяк?

– Нет, будьте добры, виски.

Стюард исчез и надолго. Другие «брошенные» пассажиры бизнес-класса стали тоже недовольно шарить глазами по сторонам в поисках обслуживающего персонала, поскольку у них долго не забирали использованную посуду, и это стало доставлять им неудобство. Появилась другая стюардесса, собрала подносы, а нашего стюарда все не было. «Наверное, решил отсидеться до конца рейса», – пошучивали мы.

– Мужики, не парьтесь, он все равно не принесет. Хотите хорошей водки? – предложил наш российский бизнесмен монголоидного вида.

– Нет, спасибо, – ответил Григорий, – будем ждать.

Спустя минут сорок появился наш «голубенький» с необходимым объемом требуемого напитка.

– Взял из запасов следующего рейса, – пожаловался он.

– Давно бы так, – ответил Григорий, – ведь можете, если захотите. Теперь будем всем говорить: «Летайте самолетами KLM».

По прилету в Амстердам нас встретил симпатичный высокий голландец Роб Артс лет тридцати с небольшим. С ним мы потом сотрудничали много лет в рамках европейского проекта «Инко-Коперникус», выпустили в соавторстве монографию на английском языке и до сих пор поддерживаем приятельские отношения.

Офис института геоисследований, входившего в систему многопрофильного научно-исследовательского холдинга TNO, располагался в небольшом симпатичном университетском городке Дельфт, в часе езды от Амстердама. В центре старого города со средневековым обликом находилась главная торговая площадь – Маркет платц, а рядом возвышалось старинное здание ратуши с высокой красивой башней. Весь город смотрится, как игрушечный, из иллюстрированной книги сказок. Очень много людей на велосипедах – и молодых, и пожилых. Впрочем, по всей Европе на дорожных разметках выделены отдельные полосы для велосипедистов. И туда ни за что, даже в случае самой тяжелой

пробки, не заедет автомобиль. Разве что кто-то из наших русских водителей захочет добровольно отдать колоссальный штраф. Но куда там! Наши дорожные хамы с толстыми кошельками, на которых в Москве нет управы, попадая туда, трусливо пождимают хвост и ведут себя за рулем на дорогах смирно, соблюдая все правила. Знают, что если предложишь полицейскому взятку, как по привычке нашему «гаишнику», – сразу тюрьма. Вот бы у нас так.

По вечерам общались с коллегами за ужином в национальных индонезийских или китайских ресторанах, где очень вкусно готовят. Наш старый знакомый Ганс Коттеринк, стоявший у истоков заключенного контракта, также участвовал в этих дружеских беседах. Мы говорили не только о работе, но и об увлечениях, музыке, культуре, футболе и просто о том о сем. По обоюдному согласию пришли к выводу, что между русскими и голландцами очень много общего, причем гораздо больше, чем между голландцами и немцами, живущими по-соседству. Недаром нашему Петру Первому оказался близким и понятным исторический дух голландцев, и именно от них он взял очень много для России. Не помешало бы вновь поучиться уму-разуму у этого маленького и трудолюбивого народа.

Позже я несколько раз приезжал в Дельфт один согласовывать с Робом Артсом промежуточные результаты совместных исследований, поскольку в конце у нас должен был быть подготовлен общий окончательный отчет перед Европейской комиссией, финансировавшей проект. Роб был настолько душевным и открытым человеком, что с ним всегда было очень легко найти взаимопонимание. Он жил один, снимая двухкомнатную квартиру на окраине Дельфта. По молодости во время учебы в Париже женился на француженке, но, прожив с ней непродолжительное время, вскоре развелся и, по словам Ганса Коттеринка, сильно переживал это событие. Действительно, в тот период я не наблюдал рядом с ним никаких подружек, и это при том, что он в свои 32 года был просто красавцем. Слава богу, вскоре Роб нашел себе верную подругу и не так давно женился на ней после нескольких лет совместной жизни. Во время моего приезда в декабре 1997 года у него гостил американский друг Пол со своей супругой. Вечером в день моего очередного визита в TNO Роб забрал меня из гостиницы на своем «Пежо», потом мы вместе заехали к нему на квартиру, взяли Пола с супругой и отправились в Гаагу поужинать в ресторане. Голландия – страна небольшая, и в порядке вещей для разнообразия съездить поужинать в другой город за несколько десятков километров, когда к тебе приехали гости. Тем не менее, поездка заняла около

часа в один конец. Приехав в Гаагу, выбрали индонезийский ресторан прямо на берегу штормящего Северного моря. На темной набережной, освещенной несколькими фонарями, дул пронизывающий декабрьский ветер, в самом же ресторане, в изысканной восточной обстановке и под тихую музыку, было тепло и уютно. Блюда были исключительно вкусны и оригинальны. Роб, находившийся за рулем, ограничился бокалом пива – максимально допустимой и официально разрешенной дозой, а мы втроем с удовольствием продегустировали несколько хороших вин. За разговором не заметили, как пролетело время. Всякий раз убеждаешься, что ни во взглядах обычных людей в разных странах, ни в их отношении к жизненным ценностям почти нет серьезных различий и противоречий. Гораздо больше их между соседями в своем собственном подъезде. А все эти барьеры между людьми искусственно создаются в своих странах политиками и власть имущими, куда стремятся по преимуществу люди, неспособные реализоваться профессионально в силу своего невысокого интеллекта и потому действуют они крайне неуклюже, нанося в конечном счете вред как своим народам, так и цивилизации в целом.

В эту декабрьскую поездку Ганс Коттеринк в очередной раз обеспечил мне часть культурной программы в выходные дни, показывая другие близлежащие уголки Голландии. С особой любовью он познакомил со своим родным городом Ляйденом и старейшим в Нидерландах Ляйденским университетом, где прошла его студенческая молодость. В Ляйдене жил и творил Рембрандт, и его дом сохранился. Рядом с Собором святого Петра, в верхней части одного из домов, неожиданно увидел написанное крупными буквами четверостишие Марины Цветаевой. Как оно здесь оказалось в композиции голландских построек? Непонятно.

С интересом осмотрели музей внутри очень большой старой мельницы, возведенной еще в 1742 году. Это огромное инженерное сооружение, где все до мелочей продумано и нет ничего лишнего. Голландия – это вообще страна мельниц. Почти в любой точке страны, где дома не загораживают горизонт, оглядевшись, можно насчитать с десяток мельниц. Но отнюдь не все они мололи муку: столько не собрать ее на небольшой территории. Большинство мельниц выполняло функции насосов и попросту откачивало воду, которой в этой низменной стране чрезвычайно много.

* * *

Еще раз я приехал в Нидерланды летом 1998 года вместе со своей супругой. К этому времени отдел TNO временно перебрался в новый офис в город Гарлем, с тем чтобы еще через два года переехать, но уже окончательно, в Утрехт. Почти все сотрудники переместились вместе с работой в новый город. В этом главное отличие граждан активного возраста в большинстве развитых стран от нас. Они легко меняют место жительства в зависимости от того, где есть устраивающая их работа. Жилье они большую часть жизни арендуют и обзаводятся собственным уже ближе к пенсионному возрасту. Перебрался в Гарлем и Роб, Пока мы с ним работали над завершающей стадией проекта, Людмила днем читала книжки или гуляла неподалеку от гостиницы, а вечерами после работы мы уже вместе ужинали и прогуливались, осматривая окрестности. На что мы обратили внимание, так это на совершенно незашторенные окна в домах. Проходя по тротуару, в большой оконный проем можно наблюдать крупным планом, как, например, семья сидит за ужином или дети играют в игрушки. Нам с нашим менталитетом показалось бы это неуютным. Еще бы, чувствовать на себе невольные взгляды прохожих, все равно что находиться голым в городской сутолоке, когда все другие одеты. Однако голландцы к этому, видимо, привыкли, и это своего рода знак того, что ничем предосудительным они не занимаются и скрывать им нечего. Напротив, если окно зашторено, значит, тут что-то неладно: оружие, наркотики, разборки и тому подобное, и стоило бы подумать о вызове полиции на всякий случай.

Однажды во время очередной прогулки мы забрели на какие-то крохотные возделанные участки земли в пределах городской черты, в которых однозначно угадывалось что-то похожее на наши дачи. Но площадь каждого из них была не больше одной-двух соток. При этом не было никаких построек и никаких заборов, если не считать забором коротко постриженный низкорослый кустарник по периметру. На большинстве участков были посажены разные цветы и отдельные овощи в количестве буквально нескольких штук. Кое-где были детские качели и гамаки при полном отсутствии каких-либо ограждений и замков. На каком-то участке росла карликовая яблоня высотой с куст садовой ромашки. Но при этом на ней было с десяток крупных плодов. Понятно, что на этих участках люди просто отдыхают, упражняясь в выращивании отдельных культур и получая от этого удовольствие. Встретившиеся старушки, узнав, что мы из России, очень этим заинтересовались и быстро разнесли эту весть по соседкам. Когда мы возвращались после осмотра этой своего рода сельскохозяйственной выставки, нас провожали десятки

любопытных глаз, при этом люди здоровались с нами.

Прогуливаясь по улицам почти любого голландского города, убеждаешься, что, начиная с петровских времен, очень много мы переняли у жителей этой страны. Мало того, что каналы, разводные мосты и архитектура Петербурга имеют свои корни здесь, но даже и цвета государственного флага те же самые. А исконно русская, как мы думали, гжельская голубая роспись по белому фарфору – не что иное, как голландский стиль фарфоровой росписи «Дельфт блю», который минимум на 200 лет старше. Этих фарфоровых фигурок «под Гжель» здесь на каждой витрине сотни.

Механизм разведения мостов в Голландии давно обновился, в то время как в Санкт-Петербурге все осталось, как и 100 лет назад. Здесь их разводят быстро и оперативно при каждом прохождении судна. Вся операция занимает три-четыре минуты, после чего мост снова сводят и движение возобновляется. А рабочий по разведению мостов садится на велосипед и едет к следующему мосту, обгоняя медленно движущееся судно. Таким образом один человек обслуживает несколько мостов, если они расположены недалеко друг от друга.

В один из вечеров мы с женой с удовольствием вновь пообщались с тем самым Гансом Коттеринком и Робом, проведя вечер в ресторане с испанской кухней. Оба наших голландских приятеля очень развеселились, когда во время стихийно возникшего урока русского языка за столом они пытались по-русски произнести слово «лосось», а потом слово «бабушка» с ударением на второй слог. Им это показалось очень забавным.

Чтобы сильно не загружать Роба, мы с Людмилой съездили самостоятельно в один из дней на экскурсию в Амстердам на обычном скоростном пригородном поезде, благо, дорога в одну сторону заняла всего полчаса. Там прошлись по уже хорошо знакомым мне местам и совершили водную прогулку на катере по каналам. Но все же самым главным мероприятием, запланированным в этот наш визит, была поездка в Париж на выходные дни.

«Парижские тайны»

Имевшаяся у нас шенгенская виза позволяла беспрепятственно перемещаться по большинству европейских стран. Мы заранее, еще за месяц, будучи в Москве, договорились с Робом по телефону, что он с нами съездит в Париж на уик-энд в качестве экскурсовода и водителя. Роб с удовольствием согласился, поскольку любил бывать в Париже, где провел свои студенческие годы. Я при этом взял на себя все расходы на бензин, хотя Роб поначалу возражал против этого, пытаясь тем

самым сполна проявить свое и без того непомерно щедрое гостеприимство. Но я возразил ему, сказав, что мне будет крайне неловко так сильно злоупотреблять его временем и расположением, еще вводя и в серьезные материальные затраты.

Рано утром в субботу он забрал нас с женой из гостиницы, и мы отправились в эту долгожданную поездку. С нами была еще Стефани, студентка-француженка, проходившая в TNO нечто вроде производственной практики. Она просто попутно добиралась до Парижа, чтобы повидаться в выходные дни со своими родителями-парижанами. Роб «лихачил» с самого начала. Стрелка спидометра опускалась ниже отметки «140» только в тех местах, где на дороге имелись скрытые следящие видеокамеры, а Роб все эти места знал наизусть.

Путь к Парижу лежал через Бельгию. Подъехав к границе, мы не увидели никаких препятствий, кроме мигающего желтым светом светофора. Снизив скорость до положенных 50 км/ч, мы, не останавливаясь, миновали границу и сразу вновь разогнались до 140. Миновали Антверпен и вскоре с таким же успехом без остановки пересекли бельгийско-французскую границу. Считая с момента выезда из Гарлема, до предместий Парижа мы добрались за четыре часа, преодолев расстояние около 500 км. Но потом еще пару часов колесили по городу, преодолевая пробки и пробиваясь поближе к центру. Главная задача была в том, чтобы где-то припарковать машину на два дня и потом забыть про нее до самого отъезда назад. Перемещаться по городу гораздо быстрее было на метро, как и в нынешней Москве. Наконец это удалось. Мы попрощались со Стефани, а сами на метро добрались до гостиницы, которую Роб заранее забронировал. Гостиница была достаточно скромной, поскольку здесь мы за все платили из своего кармана, а не из командировочных, как в Гарлеме. Тем не менее, все необходимое в номере имелось, и чистота была гарантирована. Вид из нашего окна на последнем этаже можно было назвать «Крыши Парижа». Роб остановился на два этажа ниже. По его словам, мы находились недалеко от центра, в районе, где проживал литературный герой – известный сыщик комиссар Мегрэ.

Немного отдохнув с дороги, отправились осматривать город. Действительно, многие знаменитые места были в пешеходной досягаемости. Прошли по улице Риволи, свернули к городской Ратуше, перешли по мосту через Сену. Довольно часто слышалась русская речь с разных сторон. Оказались у собора Парижской богоматери – Нотр-Дам де Пари. Повсюду попадались художники с мольбертами, рисующие городские пейзажи или портреты туристов.

Прошли дальше по набережной, а потом – через мост и оказались рядом с Лувром. Но внутрь заходить не стали, поскольку времени на это ушло бы очень много, и вряд ли после этого мы успели бы еще что-либо посмотреть.

Порядочно устав после длинной пешей прогулки по центру города, присели отдохнуть на скамеечке в сквере Людовика XIII. Здесь, прямо на газоне, под теплым уже закатным солнышком расположилась молодежь, непринужденно обсуждающая какие-то свои дела. Потом пошли в небольшой уютный ресторанчик, который Роб любил посещать еще во времена своей учебы. А после продолжили свою экскурсию уже по ночному городу, снова проходя мимо подсвеченной ратуши и любуясь светомузыкой фонтанов на набережной Сены. Потом оказались на какой-то ночной улочке, где полно всевозможных музыкантов, маленьких оркестров и гуляющей молодежи. Пару раз прибегли к помощи метро, чтобы подъехать к другому месту сосредоточения достопримечательностей. Следует сказать, что парижское метро, насчитывающее больше 300 станций, ничуть не похоже на московское. Поезда более короткие и, скорее, похожи на подземные трамваи из четырех-пяти вагонов. Да и расстояния между станциями в центральной части очень короткие – как между трамвайными остановками. Когда на очередной станции из туннеля выходит первый вагон, последний только скрывается на предыдущей. Сами станции тоже попроще и просто выполняют свое функциональное назначение, не являясь архитектурными произведениями.

Осмотрев здание парижской Оперы и пройдя еще несколько кварталов, вышли к Сорбонне – старейшему в мире университету. Не все знают, что словам известной песни Давида Тухманова «На французской стороне, на чужой планете предстоит учиться мне в университете…» несколько сотен лет и посвящены они Сорбонне.

На следующее утро продолжили насыщенную программу знакомства с городом. Теперь уже к помощи метро прибегали часто, поскольку город очень большой и хотелось посмотреть побольше. Сначала добрались до одного из варьете «Мулен-Руж», расположенного у подножия горы Монмартр, известной большинству из нас по оперетте Кальмана «Фиалка Мон-мартра». После затяжного пешего подъема по довольно узкой улочке достигли вершины. Здесь оказалось множество самодеятельных художников, торгующих своими картинами: в основном живописными видами Монмартра. И действительно, с вершины горы открывалась обширная панорама всего города.

Дальше мы направились в совершенно противоположную часть города. Посетить Париж и не побывать на Эйфелевой башне

было бы обидно. Мы непременно должны были это сделать. У подножия башни оказалась довольно большая очередь. В основном она образовалась из-за недостаточной пропускной способности лифтов. Лифты имелись в каждой из четырех опор башни, но функционировали только два. Пришлось в целях экономии времени начать пеший штурм башни по маршевым лестницам. Нижний уровень находился на высоте примерно ста метров от земли, и спустя минут десять, изрядно запыхавшись, мы его достигли. Здесь располагалось немало ресторанов, кафе, магазинов, киосков с сувенирами и совсем немного стендов и фотографий со времен возведения этого уникального инженерного сооружения. В специальных нишах за стеклом демонстрировались интересные подвижные голографические изображения, на которых автор проекта Густав Эйфель ходит по высотным перегородкам своего детища и пробует руками прочность металлической конструкции.

На следующий, второй уровень башни, который еще метров на сто выше, ходил лишь один лифт вместимостью человек на тридцать. Пришлось его дождаться. Зато отсюда открывалась настолько великолепная панорама Парижа, что ее обязательно стоило посмотреть. Внизу хорошо видна Сена с островом посередине. До самого горизонта простирались кварталы огромного города со шпилями и куполами соборов и храмов. Поскольку башня существенно сужается кверху, площадка второго уровня уже была совсем небольшой по сравнению с нижней. Здесь расположены мощные подзорные трубы, чтобы рассматривать детали городского пейзажа. Нам повезло с погодой: солнечный день без единого облачка, и видимость была хорошей. На противоположном конце города хорошо был виден храм с золотыми куполами на вершине Монмартра, где мы побывали с утра.

С чувством выполненного долга мы спустились вниз и, отойдя от башни, сделали несколько снимков на прощание на ее фоне. При этом, рассматривая сейчас те фотографии, видишь крупные светящиеся цифры на башне – «531». Столько дней оставалось тогда до 2000 года.

После этого восхождения мы прогулялись еще по улице Елисейские поля, чем-то напоминающей нашу центральную улицу в Москве – Тверскую. Потом разыскали машину, брошенную у тротуара два дня назад, забрали Стефани и абсолютно уставшие, но счастливые от впечатлений вернулись к ночи в свою гостиницу в голландском городе Гарлеме.

Бедный Роб! Как, наверное, он устал, «намотав на колеса» за эти дни больше 1000 км и пройдя с нами пешком еще десятка два

километров по городу, показывая и рассказывая о самых интересных его местах! Но если бы не он, великолепный знаток Парижа, мы ни за что не успели бы столько увидеть за столь короткое время.

Как там у бюргеров?

В июне 1998 года мы с Евгением Владимировичем Захаровым, директором отделения «Шельф» ВНИИГАЗа и моим непосредственным начальником, отправились на европейскую конференцию EAGE, которая на этот раз проходила в Лейпциге. О заказе гостиницы мы заранее не позаботились и попросили об этом Гришу Кривицкого, который приезжал туда же сутками раньше. Договорились встретиться на вокзале, но Гриша банально проспал, приняв «на грудь» сто граммов с дороги. Связаться и выяснить, в чем дело, не получалось, поскольку мобильные телефоны стали у нас появляться примерно через год. Мы упорно стояли на привокзальной площади, пока не стемнело. Увидели прогуливающихся знакомых мурманчан – Валерия Мартиросяна и Константина Долгунова. Пообщавшись немного с ними, продолжали стоять дальше. Почему-то на ум стали приходить строчки из «Пиковой дамы», которые на ходу перефразировались под ситуацию: «Уж полночь близится, Григория все нет». Выхода не было, и мы пошли сдаваться в ближайшую гостиницу. Нам повезло – удалось поселиться в очень комфортные номера. Однако выяснилось, что утром их надо было освобождать для вновь приезжающих по брони. Находившееся рядом турагенство ничего предложить нам не смогло – город был переполнен гостями. Зарегистрировавшись в оргкомитете конференции, мы попросили помочь с гостиницей. После многочисленных звонков нам предложили адрес неподалеку и сказали, что больше ничего подходящего найти не удается. Когда мы прибыли в эту гостиницу, оказалось, что имелся лишь один свободный номер, но там якобы вполне можно остановиться вдвоем. Войдя в него с чемоданами, я как-то сразу скис, поскольку имелась лишь одна полуторная кровать. Трудно было представить, как мы будем спать на ней вдвоем. Евгений Владимирович чувства юмора не потерял. Германия – это его стихия, ведь он когда-то проработал здесь несколько лет. Найдя горничную и немного пошушукавшись с ней, он радостно сообщил, что проблема решена. И действительно, нам нашли точно такой же номер, но кровати там стояли раздельно.

Вечером на открытии конференции и последующем фуршете мы наконец встретили кающегося Григория. После тысячи его извинений, перемежающихся дополнительными покаяниями после каждого выпитого глотка, выяснилось, что в их гостинице

есть отличные свободные номера и мы можем в них перебраться. Но делать это на ночь глядя, уходя с фуршета, было некстати. На следующий день эта эпопея, слава богу, завершилась. Мы перебрались в их гостиницу, единственным недостатком которой была существенная удаленность от конгресс-центра, где проходила конференция. Евгению Владимировичу достался отдельный большой номер, где стоял к тому же сервант с большим количеством посуды. Теперь проблем с местом для товарищеского ужина в тесной компании не было. Кроме Григория еще были мурманчане – Аркадий Мадатов и Андрей Скрицкий. О своих приключениях с Андреем в разных странах я еще не раз буду писать в следующих главах.

А в Лейпциге дальнейшие дни конференции прошли традиционно. Несколько разнообразила наш вечерний досуг годовщина свадьбы Александра Политучего из Полтавы – специалиста по восстановлению скважин, а ныне довольно успешного украинского бизнесмена, который вместе с женой пригласил нас отметить это событие тесным кругом. Мы с Александром были знакомы еще по предыдущим конференциям в Амстердаме и Женеве, куда он приезжал вместе с моим бывшим мурманским коллегой Владимиром Ковалевым, работавшим потом в Полтаве. Мы с супругой даже останавливались у них однажды, совершая поездку на автомобиле по Украине.

В Лейпциге Александр привел нас в фешенебельный пивной бар, оформленный скульптурами литературных героев из произведений великого немецкого писателя Гёте. Особенно интригующе выглядела черная фигура Мефистофеля. Якобы, в этом баре сам писатель в свое время был завсегдатаем. Конечно, скульптур героев его произведений тогда еще не было. Бар располагался в подвале, где царил полумрак, и все же по своим размерам и роскошному меню больше напоминал ресторан. Мы с удовольствием приступили к дегустации всевозможных бюргерских шпикачек, жареных колбасок и прочей традиционной немецкой вкуснятины, запивая все это знатным пивом. Однако, отмечая такое событие, пивом не отделаешься, и Александр заказал большую фирменную бутылку французского коньяка «Хеннесси», Потом, при получении счета, глаза его округлились, но виду он не подал.

Лейпциг интересен, у города, как говорят, свое лицо. Традиционный немецкий стиль построек в центре города ближе к окраинам «разбавлялся» типовыми жилыми домами советского периода. Ведь это был второй по величине город бывшей ГДР, который в те времена был знаменит традиционными Лейпцигскими ярмарками. В них участвовали со своей

продукцией, как правило, предприятия стран «социалистического лагеря», как тогда говорили.

В один из дней, когда мы не были задействованы на конференции, съездили с Евгением Владимировичем на экскурсию в Мейсен, где издавна производится знаменитый мейсенский фарфор. Здесь действительно был богатый музей фарфора. Опытные мастера показали нам *«в* живую» отдельные элементы технологического процесса.

В конце Лейпцигской конференции организаторы отличились и устроили такой роскошный гала-ужин в стеклянном павильоне на 3500 человек, какого ни до, ни после я на подобных мероприятиях не встречал.

В следующий раз мы оказались в Германии в апреле 2000 года, когда делегацией ВНИИГАЗа из пяти человек прибыли в фирму «Винтерсхалл», являющуюся давним партнером «Газпрома». Визит был связан с ее вхождением на правах акционера в проект освоения месторождения Приразломное в Печорском море. Штаб-квартира фирмы находилась в небольшом городе Касселе, до которого надо было добираться на скоростном поезде из аэропорта Франкфурта на Майне. В аэропорту Франкфурта мне потом пришлось бывать многократно по пути в различные страны мира, особенно при перелетах через Атлантику. Это один из крупнейших пересадочных узлов в Европе. Между отдельными терминалами внутри аэропорта пассажиры перемещаются на специальных поездах, рельсы для которых проложены на большой высоте над зданиями и служебными постройками аэропорта. Кажется странным: вроде бы едешь на поезде, а различные машины, здания и даже самолеты видны внизу.

Расстояние в 200 км от Франкфурта до Касселя преодолели меньше, чем за полтора часа. На отдельных участках поезд развивает скорость свыше 300 км/ч. Такие скоростные железные дороги существуют почти по всей Европе сравнительно давно, а у нас при нашей огромной территории даже и серьезных планов нет, кроме как «проваленного» несколько лет назад и недавно возобновленного проекта дороги «Москва – Санкт-Петербург».

Автоматические стеклянные прозрачные двери между вагонами, исключительная отделка дорогими материалами сидений, столиков и другие атрибуты стильного дизайна – все, что при нашей культуре пассажиров и особенно подростков быстро будет разбито, порезано, сломано. Поэтому нам пока что такое не подходит.

В нашей совместной работе и заседаниях участвовали известные специалисты немецкой компании – Рольф Пилинг,

Маттиас Штолленверк, с которыми мы раньше и потом встречались несколько раз и в России. Была также очень интересная немолодая женщина – специалист по проектированию Нилуфар – персиянка по национальности. Ее родители давно эмигрировали из Ирана, и она выросла и училась уже в Европе.

Кассель очень понравился. Особенное впечатление он произвел на Юрия Яковлевича Чернова, впервые посетившего цивилизованную часть Европы, Нина Реутская тоже часто удивлялась: ну почему у них так чисто, нет нигде ни одной пылинки на улице, а машины все как будто только из магазина? (Хотя по статистике на тот момент средний возраст автомобиля на дороге был семь лет). С непривычки это может травмировать психику российского человека: что это за деревенская дорога, на которой нет пыльной обочины? Да, это именно так. В деревне, в 50 км от Касселя, куда нас потом привезли в рамках культурно-экскурсионной программы в сельский ресторан, тротуары и проезжая часть были к вечеру вымыты с мылом. Всю эту деревенскую идиллию дополняли цветущие в конце апреля каштаны. Интерьер этого ресторана, куда мы с немецкими коллегами пришли отужинать в экзотической обстановке, был оформлен под старинную большую сельскую избу. На фоне выбеленного потолка и стен выделялись специально подкопченные деревянные балки. На них были развешаны предметы сельской утвари: колесо телеги, орудия труда и прочее. Музыканты ходили между столами и исполняли сельскую немецкую музыку. А в рационе присутствовало просто непомерное количество различно приготовленного вкуснейшего мяса и различных колбасок и шпикачек.

В последний свободный день перед отъездом немецкие коллеги организовали нам поездку в живописный городок Ганновер-Мюнде на бурной речке Вэза. Он, как и многие старинные европейские городки, в нашем представлении ассоциировался со средневековыми картинками из сказок Андерсена. И только исполняемый на баяне нашим русским пожилым мужчиной, перед которым лежала коробочка для пожертвований прохожих, вальс «Березка» напоминал о том, что уже заканчивается XX век.

В конце экскурсии, возвращаясь в город, мы посетили красивейший замок, на вершине которого возвышалась статуя Геркулеса. Вниз с этого холма спускалась система каскадных водопадов, которая выглядела, пожалуй, даже более внушительной, чем в Петродворце.

На следующий день мы уже вернулись в Москву.

Лондонские приключения и «геология виски»

В 2000 году, вскоре после возвращения из Германии, я в очередной раз собрался с докладом на конференцию Европейской ассоциации геоисследователей и инженеров (EAGE), проходившей на этот раз в Шотландии, в Глазго. И в очередной раз это мероприятие оплатил мне оргкомитет конференции, отобравший доклад в программу вместе с грантом на оплату расходов. Я по возможности всегда ездил за их счет, чтобы не просить денег у администрации ВНИИГАЗа, во-первых, чтобы не получить отказ, а во-вторых, чтобы сохранить в своих собственных глазах видимость научной независимости. Однако в условиях жесткой газпромовской иерархии это все равно было невозможно, но я тогда тешил себя такими иллюзиями.

Мы договорились ехать вместе с Андреем Скрицким, моим приятелем из Мурманска. Андрей был прирожденным конструктором. Разработанный им пневмоисточник для морской сейсморазведки «Пульс-2» в свое время опередил по своим характеристикам лучшие мировые образцы. Андрей также, как и я, был докладчиком на конференции.

Билеты у нас имелись только до Лондона. А затем мы намеревались добраться до Глазго на автобусе или поезде с тем, чтобы попутно проехать почти через всю Англию и познакомиться с ней хотя бы из окна автобуса. Встретились при вылете в аэропорту Шереметьево.

Прилетев в Лондон, мы быстро перебрались на метро на центральный автовокзал. Отстояв очередь до касс, обнаружили, что ни на один рейс до Глазго в этот день билетов не осталось. Мы растерялись и не знали, что делать дальше. На рейсы следующего дня билеты были, и мы, в принципе, не опаздывали при этом на конференцию. Но где ночевать в Лондоне? Попытка взять билет на поезд успехом не увенчалась. Цена была выше, чем на самолет, и таких средств у нас не было. После некоторых размышлений решили, что выхода нет и надо брать билеты на завтра, пока они еще есть, а потом решать вопрос с ночлегом. Но пока мы снова стояли бы в немаленькой очереди, билеты на подходящие утренние рейсы могли бы кончиться. Заметив у кассы молодую женщину, которую я видел в самолете из Москвы, я подошел к ней и попросил взять еще два билета на тот же рейс, на который берет она. Она пробурчала что-то в ответ про бесцеремонных москвичей. Тем не менее билеты на следующее утро взять удалось. Теперь перед нами четверыми стояла задача решить вопрос с ночлегом. Наши нечаянные попутчики – Елена и Олег – оказались из Саратовского НИИ геологии и геофизики, и эта мимолетная случайность послужила прологом дальнейшего нашего трехлетнего сотрудничества, а по большому счету – и

толчком моих серьезных начинаний в области экономической геологии, закончившихся впоследствии подготовкой первого в России университетского учебника по этой дисциплине…

…Однако надо было решать проблему ночлега. Перспектива ночевать на автовокзале показалась неуместной, да и наверняка были бы осложнения с полицией. Тем более, что по местному времени еще и полдень не наступил. Увидев здесь же, на автовокзале, нужную вывеску с информацией для туристов, мы подошли к окошку и объяснили проблему. Девушка попросила подождать полчаса, пока она сможет подобрать что-нибудь. Поиск номера осложнялся тем, что мы прилетели в субботу – в начале уик-энда, когда многие провинциальные англичане вместе со своими детьми приезжают отдохнуть и развлечься в свою столицу, забронировав номера в недорогих гостиницах. Через некоторое время девушка подозвала нас и сказала, что удалось найти лишь один номер на четыре койко-места. Я даже не ожидал, что такое еще бывает в цивилизованной Европе. Мы посмотрели на единственную среди нас женщину – Елену, согласна ли она провести ночь с тремя мужчинами? Лена оказалась без комплексов, да и выхода иного, собственно, не было. Гостиница оказалась недалеко – с полчаса пешком, и, вооружившись туристической схемой Лондона, мы ее быстро разыскали. Номер был маленьким, но довольно чистым. Удобства в минимальном объеме были в наличии: душ, умывальник и туалет в одном помещении размером метр на метр. Однако вместо четырех обещанных отдельных кроватей имелись две широкие полуторные – одна над другой в два этажа и еще одна, отдельно стоящая, широкая тахта. Но размеры ее были таковы, что каждый из двух претендентов мог расположиться на своем краю, и середина осталась бы свободной. Мы с Андреем заняли двухэтажное сооружение, а саратовцам предоставили возможность делить тахту. Было очевидно, что они приходились друг другу коллегами, и никаких иных взаимоотношений между ними не имелось. После того как мы расположились, Елена предложила обменяться визитками – ведь мы действительно были совершенно незнакомы – мало ли что, вдруг мы какие аферисты? Я никогда не уделял внимания внешнему антуражу и просто не нашел времени, а скорее, забыл заказать визитки. Пришлось в последний день распечатать их на принтере.

– Надо же, – произнесла Елена, прочитав визитку, – доктор наук, профессор, а визитка на какой-то промокашке.

– Ну извините, забыл заказать перед поездкой.

Насколько я понял, это только повысило мой рейтинг у новых знакомых, поскольку, по мнению обычного нормального

человека, броской внешней атрибутике придают особое значение те люди, которые не представляют собой ничего интересного по сути. А саратовцы были вполне нормальными.

Остаток дня мы провели, осматривая самые знаменитые достопримечательности Лондона: Биг-Бэн, парламент, Вестминстерское аббатство, Королевский дворец, Тайм сквер, колонну Нельсона на Трафальгарской площади. Прокатились на двухэтажном лондонском автобусе, прошлись по улице Пикадили.

Следующим утром на автобусе мы отправились к месту назначения – в Глазго. Нам предстояло пересечь в течение дня почти весь Британский остров с юга на север. Поначалу с любопытством разглядывали предместья Лондона с небольшими и симпатичными коттеджами, где проживало большинство горожан. Потом чаще стали попадаться заливные луга с сочной травой и пасущимися коровами. Обращало на себя внимание то, что места для выпаса были строго огорожены.

Промежуточные остановки были немногочисленны. На автовокзале в Бирмингеме попытались попробовать местные пирожки. Но взять их в рот было невозможно – настолько они оказались острыми. Ближе к Шотландии стали встречаться довольно высокие холмы и даже горные вершины, у подножия которых паслись невероятных размеров овцы.

Прибыли в Глазго глубоким вечером. На автовокзале взяли такси и вчетвером добрались до гостиницы вблизи выставочного центра, где нам были забронированы места. Такси было весьма интересным, поскольку по форме напоминало старинные лондонские кэбы, и расположение мест внутри было совсем непривычным.

На следующее утро конференция началась с пленарного заседания, и после приветствия и обязательных выступлений руководителей и организаторов форума в программе значился доклад шотландского геолога Джона Квернера под названием «Геология виски». Понятно, что в Шотландии производят лучшие в мире виски, но причем тут геология? Все относились к этому докладу как к шутке, но ученый стал приводить такие аргументы, что временами казалось, что он говорит серьезно. Дело в том, что в геологическом отношении Шотландия сильно отличается от остальной части Британского острова, поскольку здесь на поверхность выходят различные породы и образования, сформировавшиеся в период каледонской складчатости. Естественно, что современные поверхностные почвы имеют разный состав в зависимости от того, по каким породам они образовались. Это означает, что на них будут произрастать различные сорта ячменя, который является основой для

производства виски. Ученый приводил сравнение геологической карты Шотландии с картой распространения сортов виски, и получалось, что по сорту производимого в районе этого крепкого напитка можно было определять возраст и свойства геологических образований. Благодаря изысканному мастерству и юмору оратора интрига серьезности или шутки сохранялась до самого конца его выступления. Но когда в завершение он предложил нам воспользоваться пребыванием в Шотландии не только для научных дискуссий и глубокомысленных выводов, но и для дегустации основных сортов виски с целью подтверждения его геологических гипотез, все поняли, что это все же была очень удачная шутка. Но объективная реальность за этим все же имелась.

Глазго представляет собой довольно крупный промышленный город и порт на Атлантическом побережье, сочетающий в архитектуре современные небоскребы с традиционными европейскими постройками. В начале июня здесь было довольно прохладно, но, несмотря на это, горячие шотландские девушки на улицах были одеты в короткие юбочки и футболки, в то время как мы ощущали себя комфортно лишь в ветровках. Каких-то особых достопримечательностей здесь не запомнилось, чего нельзя сказать об Эдинбурге – историческом центре Шотландского королевства, расположенном в двух часах езды от Глазго уже на противоположном восточном побережье Британского острова. Туда мы отправились в один из свободных дней на конференции той же четверкой, которой добирались до Глазго из Лондона: я, Андрей и саратовцы Лена и Олег.

Эдинбург похож на город из средневековой сказки. В центре, на высокой скале за крепостной стеной, возвышается замок XII века, в те времена неприступный со всех сторон для возможного неприятеля. Сейчас туда, конечно, проложили дорогу, чтобы могли подъезжать автомобили и туристические автобусы. Мы добрались до замка пешком, минуя узкие улочки, облик которых сохранился с незапамятных времен. Замок просто великолепен и охраняется почетным караулом шотландских гвардейцев в традиционных юбках. Каждые полчаса они маршируют строевым шагом на глазах у любопытных туристов. На другом холме возвышается башня адмирала Нельсона, и, в отличие от знаменитой колонны Нельсона в Лондоне на Трафальгарской площади, а нее можно войти. Вообще этот старинный город просто изобилует достопримечательностями, а его внешний вид настолько меня поразил своей красотой, что в тот момент он мне показался самым красивым городом не только в Великобритании, но и в мире.

Один штрих той поездки забыть невозможно. Не секрет, что особенно в первые годы нашего заграничного туризма многие брали с собой нехитрый набор непортящихся продуктов в виде каких-то консервов, печенья, галет и тому подобного, чтобы сэкономить на повседневных расходах. Еда в Европе, действительно, существенно дороже, чем у нас. Но в тот раз я решил, что пора ездить, как все цивилизованные люди, и впервые не стал брать с собой никаких съестных припасов – ну, не разорюсь же я от того, что несколько дней буду питаться за валюту. Но этому намерению не суждено было сбыться. Во-первых, завтрак, как принято, входил в стоимость номера и по системе «шведский стол» можно было наесться так, что чувство голода не наступило бы до самого вечера. Во-вторых, в рамках конференции было несколько вечерних мероприятий, где «наливали и закусывали». И, в-третьих, самое главное, Лида, жена Андрея, снабдила его такой тяжелой сумкой с продуктами, что до конца командировки нам вдвоем съесть все это так и не удалось. Андрюша был таким щедрым и душевным человеком, что возражать ему было очень трудно. Проще было затолкать в себя через «не могу» какой-нибудь кусок, чтобы он не обиделся. Справедливости ради следует отметить, что походное меню было сформировано профессионально и разнообразно, а после глотка шотландского виски все шло за милую душу. Андрей был таким же заботливым во всем. Он заметил, что я получил свой чемодан из багажа после прилета в Лондон с оторванной ручкой. Я сразу же забыл об этом, потому что имелась вторая ручка с торца и, кроме того, за еще одну выдвижную ручку можно было везти чемодан на колесиках. И вот в день отъезда, когда до условленного времени выхода из гостиницы оставалось полчаса, я позвонил ему в номер по внутреннему телефону, но ничего, кроме длинных гудков, не услышал. Подойдя к его двери, я долго стучал и звонил, но никто так и не ответил, и не открыл. Позвонил Лене и Олегу, но они тоже ничего не могли мне сказать про Андрея. Администратор гостиницы, заглянув в компьютер, сказала мне, что Андрей уже отбыл. Не может быть! Я вдруг подумал, что Андрей обиделся на меня, поскольку я немного задержался на последней секции, чтобы дослушать доклад, в то время как он говорил, что пора идти собираться. Стал вспоминать и другие случаи своего упрямства, но ничего серьезного или обидного для своего товарища не припомнил.

Но вот, наконец, когда я уже отчаялся его дождаться, появился улыбающийся Андрюша, держа в руках какие-то непонятные принадлежности. Оказалось, что он обошел почти все павильоны и боксы закрывающейся выставки в поисках каких-

нибудь приспособлений и подручных материалов для того, чтобы отремонтировать мой чемодан. Я от радости, что Андрей нашелся и от переполнявшего меня чувства благодарности, крепко обнял его. За оставшиеся несколько минут до отъезда Андрей привел в порядок мой чемодан. Ей богу, в этой поездке он мне заменил и маму, и папу, и старшего брата, а я вдруг почувствовал себя на мгновение в непривычной роли маленького ребенка, окруженного заботой и вниманием. Немного можно встретить в наше время таких надежных мужиков, на которых во всем можно положиться. Жаль, что до этого, работая в Мурманске несколько лет бок о бок в соседних подразделениях, мы были мало знакомы и почти не общались, привычно приветствуя друг друга при встрече лишь кивком головы. 8 следующий раз после Глазго мы увиделись только спустя три года, когда провожали Андрея на работу в Южный Вьетнам, в Вунг Тау, где он и трудится по сию пору в компании «Вьетсовпетро». Полтора года назад, когда я был там в командировке, мы встретились и провели вместе несколько чудесных дней. Прекрасный человек и надежный товарищ. Дай бог ему здоровья.

«Сказки венского леса»

Как Вы уже поняли, я старался по возможности регулярно посещать наш основной профессиональный европейский форум – ежегодные конференции и выставки Европейской ассоциации геоисследователей и инженеров – EAGE, которые проходили поочередно в различных городах Европы. Летом 2006 года конференция была организована в одном из красивейших европейских городов – австрийской столице Вене. В этот раз мы решили съездить вдвоем с женой, поскольку ее поездка мне обходилась практически бесплатно. Дело в том, что набранные мной в многочисленных командировочных полетах призовые баллы по системе «Аэрофлот-бонус» могли быть использованы для приобретения бесплатного авиабилета любому лицу. А платить за проживание второй персоны в том же самом гостиничном номере надо было совсем немного. Конференция проходила в благодатное время – в первой половине июня, когда природа была в полном расцвете после закончившейся весны, а летний изнуряющий зной еще не вступил в свои права.

Поселились в пешеходной досягаемости от центра города, но довольно далеко от конгресс-центра – места проведении конференции, куда надо было добираться на метро и трамвае. Но это оказалось удобнее с точки зрения возможности свободных вечерних прогулок по прекрасной Вене. Вблизи нашей гостиницы был великолепный величественный монумент с колоннадой, воздвигнутый в честь освобождения Вены Советской Армией.

Перед ним был бассейн с целой системой красивых фонтанов, переливающихся вечером различными цветовыми оттенками. Состояние всего ансамбля было идеальным – таким, как будто он был торжественно открыт только вчера. Пожалуй, в нашей собственной стране не найти столь великолепных и ухоженных памятников своим погибшим солдатам. Вот это действительно пример цивилизованной Европы. Никому здесь даже и в голову не придет демонтировать и переносить куда-либо этот памятник. Как тут не вспомнить меланхоличных эстонцев, тоже стремящихся считать себя европейцами, но избравших себе таких руководителей, которые ведут себя хуже дика рей-вандалов.

Мы оказались в Австрии в год празднования 250-летия со дня рождения мирового музыкального гения – Вольфганга Амадея Моцарта и решили во что бы то ни стало как можно больше за это короткое время узнать о стране, ее людях, обычаях и традициях. С помощью того же самого Володи Ковалева из Полтавы, о котором я уже писал в «бюргерских» историях, мы разыскали хорошего гида с автомобилем, который согласился за умеренную плату провезти нас по окрестностям Вены, по самым интересным местам. Этим гидом оказалась женщина, наша бывшая соотечественница с Украины – Ольга, эмигрировавшая в Австрию в конце 80-х и зарабатывающая на жизнь с тех пор проведением экскурсий для русских туристов, как в составе групп, так и индивидуально. Мы попросили для начала показать нам места, связанные с Моцартом.

Наслаждаясь иногда его вечными произведениями и особенно симфонией «№ 40 – соль минор», мы почти ничего не знали, к своему стыду, о жизни композитора, если не считать легенду «Моцарт и Сальери» из «Маленьких трагедий» Пушкина, правдоподобность которой до сих пор оспаривается. Прибыв на кладбище, где был похоронен Моцарт, мы не нашли его могилы, потому что таковой не было. Оказывается, в то время абсолютное большинство горожан хоронили в общих муниципальных могилах, причем в многоразовых гробах с открывающейся снизу крышкой. А родственников даже не пускали на территорию кладбища вслед за повозкой. Эта же участь постигла и Моцарта. Для того, чтобы иметь персональное место на кладбище, следовало заплатить 25 гульденов – годовое жалование учителя в то время. А великий композитор умер практически в нищете, и никто из современников не соизволил внести эту сумму. Удалось лишь примерно установить номер участка, где предположительно мог быть захоронен 35-летний Моцарт вместе с сотней других смертных. Здесь и находится нечто вроде памятного надгробия. Как ни странно, никого из посетителей, кроме нас троих, в этот

момент там не было.

Выехав из Вены, мы почти сразу оказались в Венском лесу. Пейзажи, действительно, были живописными и завораживающими, но, наверное, потому, что в мыслях звучали знаменитые мелодии Штрауса из «Сказок венского леса». В другой ситуации мы, вероятнее всего, просто бы привычно смотрели из окна и просто наслаждались хорошей погодой и свежей июньской лесной зеленью.

Оставив автомобиль на одной из лесных стоянок, мы в сопровождении Ольги пошли по лесной опушке, с удовольствием вдыхая чистый воздух. Неожиданно в просветах между деревьями взору открылся высокий холм, на котором возвышался невероятной красоты старинный замок с неприступными крепостными укреплениями. Замок появился раньше Москвы, т. к. был сооружен в начале XII века, сейчас же является частным владением князя Лихтенштейна. Очень хотелось попасть внутрь, что мы и намеревались сделать, но оказалось, что доступ всех желающих открыт туда только по выходным. После некоторых переговоров Ольги с администрацией и «домоправительницей» для нас, как туристов из России, сделали исключение и отворили тяжелую решетку, пропустив внутрь и снабдив соответствующими корешками билетов. В замке было очень прохладно, если не сказать холодно, несмотря на июньский жаркий полдень. Крутые и темные винтовые лестницы внутри предполагали, что фехтующий защитник крепости сможет на них обороняться в случае прорыва неприятеля внутрь. Но, судя по неприступным отвесным высоким стенам, это было возможно только после физической смерти всего гарнизона. Здесь было предусмотрено абсолютно все для долговременной осады, включая выдолбленные в камне корыта для сбора дождевой воды. Мы с удовольствием посидели на нарядном княжеском троне и сфотографировались. С высокой башни замка открывался великолепный вид на пригороды Вены. Уютные частные домики с красными крышами и маленькими бассейнами во дворе, как выяснилось, стоят в разы дешевле, чем подмосковные коттеджи похожего размера. Вызвал неподдельный интерес туалет конструкции XII века. За обычной дверью находилось привычных размеров каменное помещение. В полу на месте традиционного отверстия имелся прямоугольник небольшого размера, закрытый толстыми стальными прутьями. Но вместо ожидаемой ямы внизу виднелось пространство для свободного полета вдоль крепостной стены высотой примерно 100 м, заканчивающееся у подножия крутой скалы.

При выходе из замка посмотрели на различные орудия

средневековых пыток и даже примерили некоторые из них.

Дальнейший наш путь по Венскому лесу привел к подземным затопленным шахтам «Зеегроте» времен войны, где некая предприимчивая австрийская мадам устроила частный музей с катанием по подземному озеру. Особой исторической ценности это место не представляет, но пользуется вниманием туристов и приносит хозяйке неплохой доход. Место стало особенно популярным после того, как здесь в 1993 году были сняты кадры последней американской версии фильма «Три мушкетера». После съемок авторы фильма оставили здесь и часть реквизита – ладью, украшенную стилизованной позолоченной женской головой. Теперь на этой ладье и катают туристов, в том числе и нас. Во время войны немцы в здешних заброшенных гипсовых шахтах собирали отдельные агрегаты и узлы боевых истребителей «Хенкель», о чем в подземелье имеются памятные знаки в виде моделей самолетов. В остальном это музей истории нелегкого шахтерского труда, где даже есть подземная часовня Святой Варвары – покровительницы горняков.

Еще одну экскурсионную остановку Ольга сделала для нас в монастыре Святого креста, основанного в 1189 году. Здесь, по преданию, есть своя монастырская реликвия – кусочек креста, на котором был распят Иисус Христос. Монастырь очень интересен, но особенно поражает то, как он мог сохраниться в таком хорошем состоянии более 800 лет. Умели же строить.

Во время поездки Ольга не раз начинала рассказ о тяжелой судьбе Сиси – жены австрийского императора Франца Йозефа. Она была любимицей всех венгров и весьма известной в Европе личностью, занимавшейся серьезной благотворительностью в начале XX века. Да и сам Франц Йозеф, по отзывам современников, был человеком весьма добрым и интеллигентным и до последнего сопротивлялся назревающей мировой войне. Мы посетили часовню, где застрелился их сын – принц Рудольф. Нелады родственников вокруг австрийского престола, косвенно приведшие к убийству австрийского посла в Сараево, привели в конце концов к развязыванию первой мировой войны. Кто знает, если бы не столь серьезная драма внутри правящего семейства, все могло сложиться и иначе. Сама Сиси тоже трагически погибла, будучи застреленной каким-то маньяком а одной из своих поездок. Она принципиально не прибегала ни к какой охране, считая, что это отдаляет ее от народа.

Мы двигались дальше по окрестностям Вены и венского леса. Спускаясь по удивительно красивой горной лесной дороге под звуки вальса Штрауса, который нам Ольга воспроизводила в автомагнитоле в качестве музыкального оформления нашей

экскурсии, мы въехали в чудесный и романтический музыкальный город Баден. (Не путать с немецким курортом Баден-Баден!) Здесь бывали и творили едва ли не все знаменитые композиторы XVIII и XIX веков, а венская знать регулярно приезжала сюда отдыхать и развлекаться. И даже серьезный Бетховен написал здесь свою «Девятую симфонию». Мы пытались заглянуть в окошко на втором этаже одного из домов, откуда в свое время доносились аккорды бессмертного произведения в исполнении самого автора.

Утверждают, что действие знаменитой оперетты «Летучая мышь» разворачивается именно в Бадене. Обстановка в городе с тех пор мало изменилась. В городском парке осталась знаменитая беседка Штрауса, где до сих пор с пятницы по воскресенье выступают лучшие музыкальные коллективы мира.

Но слово «Баден» по-немецки означает «купаться», и мы были просто обязаны это сделать. Купален тут много, и курорт появился на этом месте еще во времена римлян с их пристрастием к термам, благодаря наличию целебных сероводородных источников. Но в современной и комфортной купальне много ванн и бассейнов, как с обычной водой, так и с сероводородной различной концентрации. Можно и просто позагорать на солнышке или релаксировать в кресле у бассейна в крытом помещении. Все точки внутри купальни удобно сообщаются между собой. В Баден можно попасть и на городском трамвае, который отправляется от здания Венской оперы и находится в пути примерно один час.

Уже к вечеру Ольга доставила нас, совершенно уставших, но полных незабываемых впечатлений, к нашей гостинице. Она действительно выполнила наш экскурсионный заказ профессионально. Самое интересное, что наша дочь Анюта, совершавшая самостоятельную поездку с группой месяцем позже, случайно встретилась с Ольгой в обзорной экскурсии по Вене. По ее словам, это был единственный приличный гид, попавшийся в их поездке по четырем европейским странам. Значит, нам повезло.

В один из дней по окончании конференции мы побывали на экскурсии по Нижней Австрии и Дунаю, присоединившись к группе наших московских коллег из ЦГЭ, позаботившихся о заказе тура заблаговременно, еще в Москве. По пути к Дунаю сделали остановку для осмотра красивейшего в Нижней Австрии монастыря Ордена святого Бенедиктина. Описать его великолепие невозможно. Все следует увидеть своими глазами, особенно алтарь и зал библиотеки XII века. Если у Вас окажется свободное время, стоит заглянуть и в роскошный садик рядом с монастырем. Кроме небольшого отдыха среди неповторимой

красоты и благоухания самого сада здесь стоит осмотреть небольшую галерею, где все стены и потолки заняты изображениями экзотических животных: страусов, верблюдов, обезьян, тигров и т. д. Древние художники, авторы этих росписей, никогда не видели сами таких животных и составили данные изображения по описаниям из древних книг. Конечно, все животные формально узнаваемы, но выглядят очень забавно.

Наконец мы оказались на борту теплохода «Принц Ойген», для того чтобы совершить двухчасовую прогулку вниз по течению Дуная, Река в этих местах течет в теснине альпийских предгорий, и потому в «зажатом» горами русле скорость течения сильно возрастает. Требуется недюжинное мастерство судоводителей при выполнении любого маневра. На высоком правом берегу попадаются многочисленные красивейшие замки на утесах. Непонятно, как можно к ним подобраться на автомобиле. На левом берегу, на многих довольно крутых откосах, видны ухоженные виноградники.

Конечной точкой нашего водного путешествия по Дунаю, где мы вновь пересели на автобусы, был городок Дюрнштайн. Наверное, основной достопримечательностью здесь является древний замок, где долгое время в заточении находился английский король Ричард Львиное Сердце, которого впоследствии соотечественники выкупили за несколько тонн серебра. На мысе при излучине Дуная стоит красивая высокая часовня, видная издалека и называющаяся «Голубой перст». Затем, в завершение экскурсии, уже на автобусе мы ненадолго остановились в небольшом средневековом городке Креме. Самое интересное, что жилой фонд города находится преимущественно в зданиях XV–XVI века, и все они в хорошем состоянии. На некоторых реставрируют остатки росписей, которым около 500 лет. Здесь имеется и в некотором смысле шуточная городская скульптура, посвященная мужьям, которых бьют жены. На скамеечке рядом с ней сидят местные современные бабушки и о чем-то сплетничают.

Наши самостоятельные прогулки по Вене со схемой в руках дополняли организованные экскурсионные мероприятия, и благодаря этому мы изучили центральную часть города и неплохо в ней ориентировались. В принципе ее можно исходить и пешком, но временами все же лучше немного и проехать на трамвае, который ходит по замкнутому кольцу вокруг центральной части. Трамваи, которые идут по часовой стрелке, имеют букву «А», а против часовой – «В».

Своеобразным символом Вены еще с XV века является собор святого Стефана, расположенный в самом центре. Внутри он

просто огромен. При входе слева под мраморным надгробием похоронен принц Евгений Савойский, освободивший Австрию от турецкого ига. В центре зала расположена уникальная кафедра постройки 1485 года, в оформлении которой много интересной символики. Да и весь собор просто уникален внутри, и даже поверхностный его осмотр может занять целый день. У задней стены обозначено место, где стоял гроб с телом Моцарта во время его отпевания. И вообще каждый камень на этой площади помнит историю музыкальной столицы мира, как тогда называли Вену. Во многом это название остается справедливым и сейчас, хотя, бесспорно, благодаря преимущественно великим композиторам прошлого.

Нельзя пропустить в центре Вены и знаменитый дворец-музей Хофбург. Это фактически город в городе. Со стороны центра при входе огорожен фрагмент раскопок построек римского времени. На их месте позже был воздвигнут этот монументальный дворец. С фасада в центре дворцовой площади стоит памятник австрийскому национальному герою – принцу Евгению Савойскому на коне. С этим же дворцом связано и более печальное событие. Стоя на балконе, Гитлер отсюда объявил об аннексии Австрии. Сколько же мировых исторических и культурных событий переплелись таким сложным образом вокруг этой маленькой европейской страны! Наверное, устав от всего этого, в своем стремлении к миру и совершенству Австрия провозгласила вечный нейтралитет и со времен войны не входит ни в какие военные и политические блоки.

Неподалеку от Хофбурга расположен чудесный благоухающий городской сад «Фолькс-гарден». Столько цветущих роз всех мыслимых цветов и оттенков в таком количестве и разнообразии я, пожалуй, нигде в мире еще не видел. Да, наверное, таких мест попросту больше нигде нет. Некоторые кусты высотой с деревья, в то время как другие – обычных размеров.

Недалеко от нашей гостиницы был расположен Бельведер – имение принца Савойского, чем-то напоминающий шикарные дворцы в пригородах Санкт-Петербурга. Длинные нарядные аллеи, украшенные по сторонам многочисленными статуями нимф и русалок, спускающиеся вниз от помпезного дворца.

Однажды мы с женой провели вечер вместе с Александром Гертом (соавтор нашего с ним учебника «Экономическая геология»), его супругой и дочерью в уличном кафе «Моцарт» при Венском оперном театре. Получается, что со своими коллегами на таких зарубежных встречах видишься едва ли не чаще, чем в России, где деловое общение происходит преимущественно по

телефону. Перед этим мы зашли в вестибюль знаменитого на весь мир театра «Венская опера», чтобы просто посмотреть и подышать этим воздухом искусства. Билеты сюда проданы на два месяца вперед.

Ну и, конечно, в таком городе традиционный гала-вечер в конце конференции должен быть совершенно необычным. Он и был таковым. В старинном здании городской Ратуши столы почти на 5000 человек – участников и членов их семей – были накрыты на нижнем и верхнем уровнях. Внизу шла концертная программа с эстрадно-джазовым репертуаром, а наверху, в огромном зале, все было оформлено, как во времена Штрауса. Когда музыканты во фраках вдруг заиграли венские вальсы, мы неожиданно увидели в качестве танцующих в парах с профессиональными танцорами наших Люду Золотую, Таню Смирнову и других девушек из «Геомодели», наряженных в пышные классические танцевальные платья XIX века. Ведь теперь эта компания принадлежит EAGE, и они как члены команды, участвующей в организации конференции, готовились по вечерам к этому великолепному шоу.

На этот раз организаторам все удалось. Действительно, конференция в одной из красивейших и музыкальных столиц мира запомнится навсегда.

ТЕХАССКИЕ «ШТУЧКИ»

В 2001 году известная российская компания «Стройтрансгаз», занимающаяся проектированием и строительством трубопроводов как у нас в стране, так и за рубежом, получила предложение одной из американских фирм о совместном участии в проекте по разведке и освоению газового месторождения на шельфе Южно-Африканской Республики. Американцы выиграли в рамках тендера, проводимого в ЮАР, лицензию на этот участок и подыскивали солидного партнера для того, чтобы разделить неизбежные в таком деле геологические риски. Все материалы были в офисе компании в Хьюстоне, что в штате Техас. Российской компании требовался консультант для изучения на месте имеющихся геолого-геофизических материалов на английском языке и имеющий представление об экономической оценке ресурсов. Таким образом, в порядке оказания технической помощи дирекция ВНИИГАЗа отпустила меня в эту командировку, оплачиваемую за счет «Стройтрансгаза». Предполагалось, что если дело будет стоящим, то ВНИИГАЗу закажут договор по данной тематике. А у меня появилась возможность впервые посетить наших заокеанских коллег и самому на месте ознакомиться не только с материалами, но и с опытом их работы, что, бесспорно, было полезно. Мы отправились втроем – вместе с вице-президентом «Стройтрансгаза» Эрцманом и начальником геологического управления Сологубом.

Полет в этот раз был не из приятных. После пересадки во Франкфурте почти все девять часов полета над Атлантикой и Американским континентом не прекращалась болтанка. В Хьюстоне нас встретил бывший наш соотечественник Гелий Мирзоев, который затем сопровождал нас в этой поездке от имени принимающей нефтяной фирмы «Форест Ойл». Дорогущая по тем временам пятизвездочная гостиница (250 долларов в сутки), в которой мы остановились, не произвела никакого впечатления. Из окна номера открывался «урбанистический» пейзаж с небоскребами, хозяйственными помещениями двора гостиницы и прямоугольной чашей простого бассейна. Дизайнеры явно не перестарались при проектировании этих объектов. Да и сервис ничуть не превосходил ни европейский, ни даже египетский, если сравнивать с теми же пятью звездами. Что же касается красоты и дизайна, по этим показателям отель проигрывал абсолютно всем предыдущим. Похоже, прагматичные американцы уделяют серьезное внимание функциональным возможностям любого своего детища, ничуть не заботясь об

эстетическом восприятии. Хотя, вероятнее всего, у них другие стандарты красоты, если стоящие рядом друг с другом простые прямоугольные небоскребы не кажутся им уродцами.

К тому же неожиданно образовались проблемы с расчетами за гостиницу. Выданные нам в качестве командировочных наличные американские доллары у нас не хотели принимать даже в качестве залога и требовали кредитную карту. Пришлось Гелию после серии согласующих звонков зарезервировать залог по корпоративной карте принимающей фирмы. Так что в отличие от нас большинство американцев да и западных европейцев наличные деньги не любят и относятся к ним подозрительно.

Сам Хьюстон, являющийся одним из ведущих центров США в области разработки современных промышленных и наукоемких технологий, произвел неплохое впечатление. Наверное, потому, что наряду с футуристическим архитектурным стилем «техно» в деловом центре имелись и обычные кварталы и даже внушительных размеров зеленый парк, где можно было увидеть пробегающих трусцой добропорядочных граждан, заботящихся о своем здоровье.

Поскольку прибыли мы в выходной день, Гелий организовал нам поездку на автомобиле в Галвестон на побережье Мексиканского залива. Это находилось примерно в 100 км от Хьюстона. По дороге лишний раз убедились, что в дорожном строительстве и организации многоуровневых транспортных развязок американцам нет равных.

Прибыв в Галвестон, прогулялись немного по набережной, рассматривая пришвартованные суда и частные яхты, а затем зашли подкрепиться в рыбный ресторан. Здесь мне было любопытно, как американцы, не имеющие обычно 8 кармане наличных денег, а только кредитные карточки, будут давать официантам чаевые. Оказалось, очень даже просто. В чеке, который клиент подписывает, давая для расчета свою карту, есть отдельная графа, где стоит сумма чаевых в размере примерно 10 % от стоимости заказа. Клиент, если он недоволен обслуживанием, может не вписывать в чек рекомендуемую сумму чаевых, либо вписывать не полностью. Но налоговая система все равно официанту зачтет это в личный доход и удержит с него налог, даже если официант по капризу клиента этого дохода фактически не получит. Но зато как старается при этом официант! Отсюда чрезвычайно высокий уровень сервиса. Понятно, что при нашей системе его никогда не достичь.

После небольшого отдыха и прогулки мы попытались найти место, хоть немного пригодное для купания. В условиях приличного ветра и серьезных волн сделать это было непросто,

несмотря на то, что открытые пляжи тянулись вдоль берега на несколько километров. Из-за того, что дно здесь сложено тонкозернистыми песчано-глинистыми отложениями, вода была почти черной и абсолютно мутной, хотя и теплой. Но отметиться омовением своего тела в волнах Мексиканского залива было необходимо, что мы и сделали.

Деловая часть нашего визита проходила довольно продуктивно. Офис компании «Форест ойл» находился в одном из небоскребов в деловом центре Хьюстона. Парковка огромного количества машин сотрудников и гостей производилась под землей на пяти уровнях. Только так можно решить проблему транспортных пробок в мегаполисе. У нас в Москве продолжают эту проблему усугублять строительством новых зданий без парковочных мест для автомобилей.

Прямо из-под земли, где вы оставили свою машину, поднимаетесь в лифте на любой необходимый этаж. В это же время на экране телевизора в лифте вы можете ознакомиться со свежими новостями, которые непрерывно транслируются по деловому каналу.

В эти дни я находился в контакте с геофизиком Тимом Берге и геологом Крисом Холтоном. Оба были профессионалами своего дела, особенно Тим. Следует признать, что за прошедшие несколько лет нашего смутного времени, когда в России упала до нуля активность в изучении недр, мы заметно отстали и методически, хотя продолжали утверждать, что у нас лучшие мозги и большие достижения. Тим, кроме прочего, очень здорово играл на гитаре и сам сочинял песни. Он даже дал послушать свой диск, записанный на студии. Если честно, то спокойный ритм этих песен и вполне осознаваемый смысл слов мне действительно понравился. Все это явно напоминало по стилю нашу бардовскую песню. «Талант есть талант», – произнес я в присутствии его старшего сына-подростка, увлекавшегося больше джазовыми композициями, нежели любительским творчеством своего отца. Все понимающе улыбнулись, воспринимая это одновременно и как шутку, и как факт.

Хоть мы и сильно критикуем американцев, у них, действительно, надо многому учиться, и не только передовым техническим достижениям, но даже и человеческим взаимоотношениям. В этом мы сами себя безосновательно всегда считали выше, убеждая друг друга, что у них все основано на деньгах, а у нас на высокой духовности. Думаю, что про нынешнюю высокую духовность нашей нации лучше помолчать. А вот о том, как люди могут уважать мнение друг друга, даже если с ним не согласны, свидетельствует следующий случай.

На прощальном ужине в фирменном ресторане, где персонал гордился своими уникальными способами приготовления мясных стэйков, по нашей инициативе вдруг зашел разговор о политике, и в частности – о предпочтениях наших коллег в связи с президентскими выборами в США. Выяснилось, что Тиму категорически не нравился Буш и он за него ни за что и ни при каких обстоятельствах голосовать не будет. А Крис утверждал безапелляционно: «Только Буш!», и никого другого он в настоящее время президентом США не видит. Этот факт не только не мешал им быть коллегами по работе, но оставаться на протяжении многих лет близкими друзьями, и это было видно. И я в десятый и сотый раз убедился, что, как бы далеки ни были друг от друга по своим взглядам и убеждениям обычные люди в разных странах, занимающиеся конкретными профессиональными делами, они всегда смогут понять друг друга и договориться, в отличие от политиков. Если бы можно было пробудить в них желание управлять своими государствами, земная цивилизация была бы намного ближе к совершенству, чем сейчас, когда мир управляется ограниченными и далеко не умными людьми.

Чем бесспорно бедна Америка, так это культурно-историческими достопримечательностями. Триста лет существования страны – совсем небольшой срок. Поэтому любителям культуры и искусства старины тут будет совершенно скучно, а современные пейзажи больших городов их будут только раздражать.

Уезжали мы в аэропорт на шикарном лимузине, в котором был даже бар, а на потолке внутри салона переливалось различными цветовыми оттенками искусственное звездное небо.

Все же Америка не произвела на меня должного впечатления. Скучновато и однообразно, а городские виды с небоскребами раздражают глаз. Желания поехать туда еще раз, испытывая при этом серьезные неудобства длительного перелета с пересадкой, как-то не возникало. Наверное, именно поэтому, чувствуя мое внутреннее сопротивление, американское консульство в Москве затягивало мне выдачу визы в апреле 2007 года до тех пор, пока необходимость в командировке в Даллас с делегацией «Газпрома» не отпала по срокам. Их, наверняка, смущало наличие в моем паспорте огромного количества виз разных стран, и особенно – немилых для американского уха Венесуэлы и Сирии. Они, наверное, тщательно проверяли мою причастность к каким-то спецслужбам, запрашивали дополнительно список моих научных трудов, чтобы убедиться, что я не шпион. Наивные люди. Да что с них взять? Когда настало время слетать в короткий отпуск

погреться и перевести дух в одной из теплых стран, пришлось попросить их вернуть паспорт, не дожидаясь положительного решения. Но каково же было мое удивление, когда получив свой паспорт в самый последний момент, я обнаружил там годовую многократную американскую визу, которая мне уже была не нужна.

ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ ЭПИЗОДЫ

В Южной Америке довелось бывать лишь однажды. Но было это совсем недавно, в начале 2007 года, и, скорее всего, на этом дело не закончится. После выполнения нами двух контрактов по интерпретации данных объемной сейсморазведки на шельфе Венесуэльского залива разведка здесь, несмотря на не очень радужные перспективы, еще продолжится и, вероятнее всего, с нашим участием. Кроме того, генеральный директор Роман Самсонов заключил долгосрочный контракт между ВНИИГАЗом и государственной Венесуэльской компанией PDVSA на разработку генеральной схемы развития газовой промышленности Венесуэлы. Прорабатываются и вопросы нашей нефтегазовой «экспансии» в соседние латиноамериканские страны, прежде всего, в Боливию. Так или иначе, мы будем в этом участвовать, а значит, снова приезжать сюда.

Из Москвы до Каракаса – столицы Венесуэлы – проще всего лететь двумя путями: либо через Париж, либо через Франкфурт на Майне. Удобные «пристыкованные» рейсы позволяют провести в аэропорту пересадки не больше полутора-двух часов и следовать дальше. Вылетев в 7 утра из Москвы, Вы в 4 часа по местному времени уже приземлитесь в столице Венесуэлы – Каракасе. Правда, разница во времени семь часов – в первые дни дает о себе знать: к 5 часам вечера вам уже очень трудно перебороть сон, а в 2–3 часа ночи вы уже просыпаетесь. Требуется дня три, чтобы как-то приспособиться к новому времени.

Многочасовой перелет через Атлантику в этот раз показался мне не слишком утомительным в отличие от предыдущего опыта полетов в Хьюстон, когда большую часть пути сопровождала «болтанка». Наверное, повезло с погодой по трассе полета. Голубая безбрежная синь с дымкой, по которой плывут облака белой вереницей, простирается вдаль, насколько видит глаз. А вверху – непривычное для солнечной погоды лиловое небо. Космос, как никак, при высоте полета одиннадцать с лишним километров – уже ближе. И немного кажется заметной кривизна линии горизонта: земля-то «круглая». Ближе к американскому континенту над Карибским морем облака вытягиваются в длинные, тонкие и почти прямые вереницы на многие десятки километров, и объяснения мы этому не придумали.

Встретил нас в аэропорту наш авангард – Василий Тоткало и Александр Казак, первыми десантировавшиеся на ВНИИГАЗовский плацдарм в Венесуэле. А еще с ними была и вооруженная охрана из национальной гвардии, сопровождавшая

потом нас во всех поездках. По ощущениям это было излишне. Никаких угроз ни разу нигде не наблюдалось. Кстати, сотрудники другого нашего совместного с венесуэльцами предприятия «Урданетагазпром», в которое я, собственно, и приехал, охраной никогда не пользовались, и никаких «эксцессов» не было. Просто не стоит появляться в проблемных бедняцких кварталах, где могут ограбить, а в деловом и фешенебельном центре Каракаса все выглядит вполне прилично и пристойно и отвечает образу современной столицы. Высотные дома с квартирами в спальных районах, где проживает средний класс, построены с хорошим архитектурным вкусом и прекрасно вписываются в природный ландшафт. По внешнему виду они явно выигрывают по сравнению с московскими спальными районами. Город находится на высоте около километра и со всех сторон окружен живописными лесистыми горами, наивысшая из которых, Ориент, имеет высоту 2640 м. Каракас – это действительно город контрастов. Когда едешь по современному шоссе из центра к окраинам, по склонам этих гор замечаешь многочисленные маленькие, ветхие домики бедноты, буквально прилепленные один к другому. Туда не то что автомобиль не подъедет, непонятно, как пройти человеку между этими скворечниками, чтобы попасть в свое собственное убогое жилище. А в случае, если произойдет, не дай бог, землетрясение, которое в этих местах не исключено, или с гор после тропических ливней сойдет селевый поток, то при такой стихийной градостроительной архитектуре жертвы могут быть очень велики. И такие случаи были 8 истории.

Глядя на все эти сочетания бедности и богатства, понимаешь, что со страной что-то не так. Венесуэла – член организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и одна из богатейших нефтяных стран. Здесь на душу населения добывается едва ли не наибольшее количество нефти в мире после Саудовской Аравии и Арабских Эмиратов. Но там-то коренные жители с рождения миллионеры, а здесь большинство населения рождается и умирает в нищете.

Невольно задумываешься о России в постперестроечный период и нашем пути к всеобщему «изобилию» и демократии. Вы знаете, очень похоже, что движемся мы по латиноамериканскому, а не по цивилизованному европейскому пути. Огромная разница по уровню жизни между столицей и провинцией и растущая пропасть между зажиточными членами общества и простыми гражданами при высочайшем уровне коррупции – точная модель большинства стран Латинской Америки. Почти все про нас написано. И, кстати, нефти на душу населения мы производим тоже немало, а газа – так вообще больше всех в мире. Все эти

промахи в конце концов при неумелой политике могут привести к социальным взрывам, хотя сейчас кажется, что все у нас спокойно. Привело это к смене власти и здесь. Нынешний президент Уго Чавес – лучший друг бывшего нашего друга Фиделя, которого мы так легко бросили и, можно сказать, предали. Чавес недавно избран на новый шести летний срок, получив 60 % голосов избирателей, а его ближайший соперник – остальные 40 %. Т. е. раскол общества налицо, и это чувствуется. Фигура он, конечно, одиозная, но пришел к власти на волне борьбы за социальную справедливость. Назван и основной виновник всех бед – американский империализм. Чавес взялся осчастливить простых граждан и построить в Венесуэле социализм. Как говорится, дай-то бог, чтобы нищету победил, тем более, что нефтедолларов достаточно и бензин здесь в несколько раз дешевле воды. На полтора доллара можно заправить целый бак. Но, к сожалению, методы для достижения благоденствия выбраны вполне традиционные: отобрать и поделить. Как-то забывается при этом, что работать надо. А специалисты нефтяной промышленности, неверные режиму и посмевшие организовать забастовку, уволены в одночасье с «черной меткой», т. е. без права работать в государственных компаниях. И сейчас нашим специалистам, приехавшим помогать поднимать местную промышленность назло «дядюшке Сэму», буквально не с кем работать и не от кого получать исходную информацию. Точь-в-точь как у Булгакова в «Собачьем сердце»: тут и там на рабочих местах Швондеры, а на улицах часто слышны песни явно революционной направленности. Как тут не вспомнить слова профессора Преображенского: «Разруха, батенька, – это когда все поют, вместо того, чтобы работать».

Впрочем, до настоящей разрухи дело пока не дошло. Есть все же надежда, что удастся что-то сделать в этой стране с богатейшими недрами. Так тоже нельзя было жить дальше, когда все основные нефтяные промыслы хищнически эксплуатировались иностранцами, а в казну шли гроши. Бесспорно, надо строить социально направленное государство, но как и какими методами? Это очень важно.

Национальным героем Венесуэлы является Симон Боливар, под предводительством которого в начале XIX века страна освободилась от колониального господства Испании. Даже в полном названии государства осталось его имя: Боливарианская республика Венесуэла, а денежная единица так и называется – боливар. В стране очень много музеев Симона Боливара, а в центре Каракаса ему стоит памятник, где он восседает на коне. Мы застали возле памятника группу людей в костюмах,

репетировавших какое-то действо и поющих под маршевую мелодию: как оказалось, гимн города. Как обычно, вокруг собралось много любопытных. Прошли оттуда мимо национальной библиотеки, бывшего президентского дворца и здания национального собрания. Увидели плакат с надписью, где призывалось продлить президентство Уго Чавеса еще на один шестилетний срок, когда кончится нынешний. Когда спрашиваешь простого венесуэльца, а как же быть: ведь по конституции президент не может находиться у власти больше двух сроков, тот, ни минуты не сомневаясь, ответит: «Мы изменим конституцию».

Многое о Венесуэле мы узнали благодаря «главному венесуэльцу» в нашей ВННИГАЗовской делегации Василию Алексеевичу Тоткало, нынешнему советнику генерального директора ВНИИГАЗа. В 90-х годах он был здесь в течение нескольких лет российским консулом, а потом уже в Москве работал экономическим советником посла Венесуэлы в России. Наверное, лучше него у нас в стране никто Венесуэлу и ее обычаи и традиции не знает.

Кроме работы мы, конечно, попытались хоть в минимальном объеме посмотреть страну и окрестности Каракаса. На следующий день после приезда все захотели искупаться в Карибском море. Несмотря на то, что по прямой от Каракаса до побережья очень близко, нормальной кратчайшей дороги к морю нет. Та единственная, что ведет к аэропорту, постоянно забита транспортом в связи с тем, что строится новый мост взамен пришедшего в негодность старого. Да и на море вблизи аэропорта особенно не расположишься. Никакого приемлемого пляжа нет. В проекте, а скорее, в мечтах – «пробить» туннель и построить зону отдыха вблизи столицы. А пока пришлось ехать на микроавтобусе в сопровождении следующей за нами на джипе вооруженной охраны на восток от Каракаса примерно два с половиной часа. Наши российские коллеги, работающие здесь в совместном предприятии «Урданетагазпром», ездят туда безо всякой охраны, и пока ничего не случалось.

Прибыли на публичный городской пляж, арендовали несколько зонтиков и расположились под ними, поскольку выходить на открытое экваториальное солнце было бы по меньшей мере не на пользу. «Сгореть» можно за пять минут даже и в январе. Для того, чтобы пройти от зонтика к воде и обратно, надо намазаться солнцезащитным кремом. Но, как мы ни береглись, все равно сгорели, хотя и без серьезных последствий. Пляж впечатления не произвел. Очень похоже на наш городской пляж 70-х годов на Крымском побережье. Не слишком стараются

уборщики, а следы от кострищ, видимо, для приготовления шашлыков, можно встретить где угодно. Да и море с прибрежными пейзажами очень похоже на Крымское побережье где-нибудь между Ялтой и Алуштой, правда, вместо черноморской крупной гальки под ногами светлый песок. Приехал народ отдыхать на самых разных автомобилях: от ржавых и «потрепанных» до новых и дорогих. Отдыхающих в воскресенье много. Женщины на пляже очень разные, но в большинстве своем пышногрудые и, что называется, «в теле», причем иногда весьма запредельно. Видимо, здесь такие стандарты красоты. Но Александр Соломонович Казак, знаток местных нравов и обычаев, пошутил: «Мужики, лучше не смотрите. Местные болезни у нас в Москве не только не лечатся, но даже и не диагностируются». Мужчины тоже в большинстве своем показались толстыми. Наверное, тут принято много и чрезмерно есть, либо рацион питания слишком несбалансирован, что представляется более правдоподобным.

В море вблизи берега плавает и летает большое количество серых пеликанов, не обращающих никакого внимания на людей.

Очень интересно наблюдать за их рыбной охотой. Они парят на высоте примерно метров десяти над водой, высматривая добычу. Увидев цель, они, сложившись в стрелу с длинным острым клювом на конце, камнем падают вниз, и рыбешка обречена на съедение. Наши коллеги, побывавшие на одном из островов, рассказывают, что в тех местах рядом с пеликанами плавают многочисленные чайки. И как только пеликан схватил добычу, они с криками и гамом набрасываются на него, пытаясь отобрать пойманную рыбешку. Тому надо быстро управляться со своим длинным клювом, иначе действительно отберут да еще и «тумаков» наставят. Но здесь, на материке, мы чаек не видели, и пеликаны спокойно лакомились рыбкой.

Как я уже упоминал, вблизи города возвышается живописный и лесистый горный хребет, хорошо просматривающийся из окон нашего отеля «Рэдиссон-Евробилдинг». Одно из развлечений горожан в выходной день заключается в том, чтобы подняться по канатной дороге на вершину горы Авила, на высоту более 2 км, и там провести несколько часов, вдыхая чистый горный воздух. Там же, на вершине, имеются кафе, ресторан и детские аттракционы. Канатная дорога очень качественная. В вагончиках сидячие места на четыре человека. Сам подъем происходит над красивейшими горными склонами. Временами захватывает дух, особенно когда кабина примерно посередине подъема проходит горизонтальный участок по «провису» между далеко отстоящими в этом месте друг от друга опорными мачтами. Кажется, что под нами до

густого леса больше сотни метров.

Вид с вершины открывается изумительный. С одной стороны – далеко внизу, в дымке огромный Каракас, а с другой – сквозь разрывы в белых облаках, которые плывут под ногами, просматриваются нарядные маленькие горные деревушки, утопающие в благоухающей зелени. А в безоблачную погоду хорошо просматривается и море.

Еще одной достопримечательностью вблизи Каракаса является старое немецкое поселение под немного странным названием Колония Товар. Добираться до него на автомобиле около двух часов по горным дорогам. Причем последняя часть уж больно сильно петляет, и туристам с ослабленным вестибулярным аппаратом надо быть осторожнее. Этому поселению более 200 лет. Когда-то выходцы из Германии уединились здесь и построили себе красивую и нарядную деревню, каковых немало и сейчас у них на родине. После сотни лет обособленного проживания они стали плохо противостоять местным заболеваниям, вероятно, из-за родственных браков и вынуждены были постепенно ассимилировать с местным населением. Но дух и уклад немецкой бюргерской жизни сохранился до сих пор. Изумительная чистота дорог, отделка домов и приусадебных участков коренным образом отличает это поселение от всего, что есть в Венесуэле, Повсюду на крутых горных склонах видны посадки клубники, которая растет тут круглогодично. Это место тоже стало своеобразной туристической Меккой местного масштаба. Здесь есть национальные рестораны, кафе, большое количество сувенирных магазинов. Но главное достоинство – чистейший горный воздух и изумительные горные пейзажи.

Все же нельзя не сказать несколько хороших слов и о качестве Венесуэльского рома. Я не являюсь поклонником этого напитка, но несколько сортов дегустировал. Все они однозначно лучше распространенного в России «Гавана клаб» и «Бакарди». Особо тонким вкусом и ароматом отличается «Дипломатико». Практически сопоставим с ним по всем параметрам, да при этом еще немного дешевле ром «Аниверсарио», который друзья-москвичи часто заказывают в качестве презента. Надо только иметь в виду, что в подарочной коробке он в два раза дешевле, чем в кожаном футляре, в то время как бутылка одна и та же. Очень хорошее впечатление производит «Селекто». И даже недорогой и слегка резковатый, но все же приятный «Касикью» (в нашем простонародье – «косичка») вполне пригоден для умеренного употребления и наутро не оставляет никаких последствий. Разумеется, если доза была не чрезмерной.

А в целом, к концу недельного пребывания страна нравится больше, чем в начале. По достоинству оцениваешь вполне комфортный климат для европейского человека, что в экваториальных широтах бывает нечасто. Многие «страсти» об этой стране явно преувеличены, а степень разгула криминала, с которым здесь стараются бороться, явно не выше московского. Единственная предосторожность, которую следует соблюдать европейцу – не выходить на улицу в темное время суток в городских окраинах. И тогда страна вам точно понравится.

ЕГИПЕТ ДРЕВНИЙ И НАСТОЯЩИЙ

Страна древних пирамид волновала воображение еще со школьных времен. Конечно, хотелось прикоснуться руками к творениям, которым без малого пять тысяч лет. Но никак не ожидали, что эту страну мы прежде всего узнаем с другой стороны – как место чудесного морского отдыха, где подводные морские пейзажи одни из красивейших в мире.

Впервые посетить Египет мы решили в марте 2002 года, когда поняли, что дочь Анюту, истязающую себя утомительной учебой в 11-м классе одной из московских школ с углубленным изучением английского языка и единственную из выпускников, претендующую на золотую медаль, надо вывезти развеяться и отдохнуть. Начали мы свое познание Египта с наиболее освоенного к тому времени курорта на Красном море – Хургады.

В первый же вечер после прилета, выйдя на берег подышать теплым морским воздухом, любуясь южным звездным небом, Аня произнесла: «Надо же, как хорошо! Я думала, так не бывает». На следующий день удивляться пришлось еще больше. Необычный и разноцветный подводный мир Красного моря с зелеными, желтыми, фиолетовыми кораллами, морскими ежами и рыбами всех мыслимых расцветок и форм вплоть до каких-то длинных «веревок» с глазами вызывал полный восторг. Для того, чтобы поближе посмотреть эту красоту, наняли катер со стеклянным дном, сквозь которое можно было осматривать эти красоты. Но эффект при этом был не слишком хорош. Гораздо лучше все выглядело, когда катер бросил якорь на мелководье возле большого коралла, а мы с маской и трубкой рассматривали богатый подводный животный мир, проплывая между коралловыми скульптурами. В довершение подводных впечатлений в один из дней приобрели билет на желтую подводную лодку «Синдбад» и совершили двухчасовое путешествие вдоль огромного барьерного рифа с погружением на 10 м. По обоим бортам лодки имелся целый ряд больших иллюминаторов диаметром около метра, в которые хорошо все просматривалось вокруг, а под иллюминатором находился монитор, куда выводилось одновременно изображение с видеокамеры, находящейся сверху лодки. Пока мы медленно двигались вдоль рифа водолазы в аквалангах плыли параллельно и подкармливали рыб, которые тут же большими стаями приближались к лодке, приводя в восторг находящихся в ней туристов. В середине подводного маршрута увидели остатки затонувшего здесь когда-то деревянного судна, наскочившего на

риф и разломившегося почти пополам. В носовой части отчетливо виднелась голова лошади, украшавшая раньше эту быстроходную каравеллу. Хотя по всему видно, что было это давным-давно. Подумалось о моряках, которые были на борту в момент крушения. Наверное, большинство из них все же добрались вплавь до берега, который тут недалеко, но выжить в пустыне, вдали от цивилизации вряд ли кому удалось.

В конце экскурсии каждому находившемуся на борту нашей желтой субмарины выдали памятный сертификат, свидетельствующий об этом погружении.

Гостиница, которую мы выбрали в Хургаде по рекомендации знакомых, была без излишеств, но в нашем номере с двумя смежными комнатами все необходимое имелось. В эту первую поездку мы попытались по возможности максимально совместить морской отдых с познавательными экскурсиями и потому предварительно заказали в московской туристической фирме четырехдневный круиз по Нилу в середине двухнедельного срока нашего пребывания в Египте.

Поскольку у нас за плечами уже были длительные речные круизы по крупнейшим рекам Европы и Азии – Волге и Амуру, пройти хотя бы участок по самой длинной реке в мире, Нилу, следовало обязательно. Интерес подогревался еще и детективным романом Агаты Кристи «Смерть на Ниле», хотя и без этого страсть к водным путешествиям у меня была еще с детства.

Первая половина пути от Хургады до начальной точки круиза – Асуана – пролегала по каменистой горной пустыне, а вторая половина – вверх по долине Нила. В Египте запрещено двигаться по пустыне одиночными туристическими автобусами. Поэтому на специальном сборном пункте в 30 км от Хургады к назначенному времени собираются десятки автобусов, а затем в сопровождении армейского конвоя весь караван движется по пустыне до достижения долины Нила. Объясняют это отнюдь не возможностью терактов, которые в пустыне сведены к минимуму, а вероятной угрозой жизни людей в случае возникновения непредвиденной экстремальной ситуации: отказа техники и т. п. Эта причина в современных условиях все же представляется надуманной. Более разумное объяснение заключается в том, что Египет со времен войны с Израилем содержит довольно многочисленную армию, которой особо нечем заняться, но которая дорого обходится государственной казне. Плата, взимаемая за конвоирование и входящая в конечном счете в стоимость каждой экскурсионной путевки, – один из способов хоть частично обеспечить самофинансирование армии.

По окончании «пустынного» участка конвой

расформировывается, и дальше каждый автобус движется своим маршрутом. А маршрута здесь всего-то два: вниз по долине реки в сторону Каира и Средиземного моря и вверх – в сторону Асуана, куда мы и направились.

Интересны многочисленные небольшие и невзрачные частные дома в поселениях вдоль дороги: почти на всех начаты и не достроены последние этажи. Все это создает совершенно неопрятный вид. Как нам объяснил гид, каждое следующее поколение семьи строит следующий этаж и заселяется в него.

Во второй половине дня достигли Асуана и взошли на борт своего круизного теплохода с романтическим названием «Невеста Нила». Теплоход был великолепен и по уровню комфортности и сервиса соответствовал пятизвездочному отелю. На корме имелся даже очень немаленький бассейн, что на речных судах я встретил впервые. В переходах между стоянками мы с удовольствием в нем освежались. После быстрого перекуса на борту судна мы отправились в первую же экскурсию по окрестностям города, несмотря на то, что после долгой автобусной дороги успели подустать. Нам повезло в том смысле, что вместе с гидом Натальей группа насчитывала всего десять туристов, и нам предоставили для экскурсии комфортабельный микроавтобус «Мерседес» с кондиционером, в то время как поляки разъезжали полным автобусом в 40 человек с гидом-египтянином, плохо говорившим по-польски.

На другом берегу Нила виднелась Нубийская деревня, которую Наталья настоятельно рекомендовала посетить за дополнительную плату. Люди там проживали в пещерах и не слишком ушли в своем развитии от первобытного строя. Но мы предпочли оставить это на потом, если будут силы после обязательной программы и время до отхода теплохода в круиз. А обязательную программу начали на древних развалинах храма и каменоломнях, где одной из достопримечательностей была огромная колонна – стела в «лежачем» положении, сохранившаяся со времен единственной женщины-фараона в истории Египта – царицы Хачапсут, правившей этим древним государством около 3500 лет назад. Колонна так и осталась лежать невостребованной с тех времен, поскольку в ней обнаружился брак – серьезная трещина.

Когда подъезжали к знаменитой Асуанской плотине, стали встречаться типичные советские пятиэтажки 60-х годов, оставшиеся от наших гидростроителей, создавших уникальную по тем да и нынешним временам Асуанскую ГЭС. Находившаяся здесь же рядом более старая плотина, возведенная англичанами за 30 лет до Асуанской, казалась просто мизерной. На вершине

плотины стоит высокий обелиск из трех колонн, на котором изображены гербы СССР и Египта и слова на арабском и русском языках о возведении плотины и дружбе между нашими народами. Сейчас много говорят, что возведение плотины имело серьезные последствия для экологии долины Нила: прекратились паводки с разливами в период ливневых дождей в верховьях реки, нильские крокодилы ниже по течению плотины почти исчезли. Да, многое из этого справедливо. Но одно несомненно: без Асуанской ГЭС Египет остался бы очень отсталой и бедной африканской страной. Он до сих пор не может обойтись без нее, что бы ни говорили.

Вечером того же до предела насыщенного дня мы еще успели посетить местный восточный базар, на котором традиционно было что посмотреть. Все торговые павильоны были хорошо освещены. Если торговаться с продавцом, что поощряется, цена может быть снижена в два-три раза. Здесь можно купить все, что угодно. Хороши изделия из местного хлопка. Многие интересовались сушеными красными лепестками каркаде, который здесь еще называют суданской розой и заваривают вместо чая. Стоит он здесь в разы меньше, чем в Москве, при качестве несопоставимо более высоком.

Первая стоянка была на следующее утро в местечке Комомбо. На берегу увидели хороший зеленый парк, пройдя который, поднялись на небольшую гору, где взгляду открылся Храм Крокодила. Его строительство началось примерно 1300 лет до н. э. при царице Хачапсут, а завершилось позднее. Здесь же, в отдельном помещении, находятся мумии двух нильских крокодилов. Против ожидания они были совсем небольшими по размеру – чуть более метра. В самом храме и постройках вокруг него в настенных иероглифах и изображениях запечатлены свидетельства о правлении фараонов в различные эпохи вплоть до самых поздних периодов, времен Клеопатры и Александра Македонского, когда древнеегипетская цивилизация уже фактически прекратила свое обособленное существование и стала объединяться с европейской и азиатской.

На этой стоянке наша попутчица Ира из Белоруссии имела смелость сфотографироваться рядом со старым бедуином, держащим в руках живую кобру, которая обвивала их обоих.

Дальше в этот день был длинный переход вниз по реке, большую часть которого мы провели на корме теплохода, принимая солнечные ванны и освежаясь в бассейне. Временами у правого берега встречались нагруженные сеном лодки «туземцев». Правый берег Нила густо порос пальмами и густыми зарослями кустарников, а на левом был преимущественно обычный пустынный пейзаж. При этом нередко встречались неплохо

сохранившиеся остатки древних построек и захоронений. Ведь по древнеегипетской мифологии правый берег был царством живых, а левый – царством мертвых, и всех хоронили именно на левом, перевозя туда тело умершего на лодке. Шли тысячелетия, но этот обряд сохранялся почти до конца древнеегипетской цивилизации, просуществовавшей без малого 3000 лет и разрушившейся уже в период укрепления Римской империи.

На следующий день подошли к довольно крупному поселению на правом берегу, где всех туристов теплохода доставили на наряженных конных экипажах к крупнейшему в Египте храму бога Гора. Его строительство, также начатое при Хачапсут, завершено через тысячу с лишним лет Птоломеем – соратником Александра Македонского. Храм оказался столь богат настенными выбитыми на камне росписями и текстами, что казалось, будто он до сих пор действующий и построен не тысячи лет назад, а вчера. Однако проходя по внутренним помещениям дальше, замечаешь, что многое здесь повреждено и, как ни странно, христианами во времена крестовых походов в первые века нашей эры. На очень многих изображениях богов и фараонов «сбиты» и затерты лица, простоявшие здесь до этого невредимыми полторы тысячи лет. Причина такого варварства – запрещение в те времена христианской церковью изображать лики людей. Пожалуй, уничтожение тысячелетних древних реликвий тогдашними христианами – это действо того же плана, как недавнее разрушение талибами уникальной статуи Будды в Афганистане, являвшейся уникальным культурным памятником человеческой цивилизации. В этой связи нельзя удержаться от того, чтобы не задать самим себе крамольный вопрос: «А кто дал право церкви решать, что можно и что нельзя изображать? Двумя или тремя перстами креститься? Справа налево или слева направо?» И множество других таких же вопросов. Неужели сам господь бог сказал это церковникам? Тогда почему всем по-разному? И из-за этих пустяков на протяжении только истории христианства сколько людей казнено или погибло в междоусобных войнах. То же самое можно сказать обо всех религиях со множеством течений и конфессий, различия в которых не раз приводили к братоубийственным войнам. Неужели богу было угодно, чтобы его именем люди истребляли друг друга? Господь бог, наверное, с удивлением наблюдает, что творили и творят люди, называющие себя его служителями. Ответ очевиден: все эти религиозные условности и обряды придуманы людьми. И церковь на протяжении веков была инструментом овладения и манипулирования душами и умами людей и власти над ними. Простой человек гораздо ближе к своему богу, чем

любой поп, епископ, ксендз, пастор, раввин, мулла, лама и другие служители религий, которые в своей ежедневной, пусть даже искренней, деятельности и вере невольно, на подсознательном уровне, преследуют корыстные цели. Главная цель одна: собрать вокруг себя побольше верующих в их собственного бога и тем самым оправдать смысл своего существования и своей жизни, да еще получать от верующих средства на эту самую жизнь. Особенно отчетливо мы это видим на примере жрецов и фараонов древнего Египта, управлявших своими народами около трех тысяч лет и правивших от имени богов, потомками и служителями которых они объявляли себя.

Самый грандиозный храм, который мы увидели в нашем круизе – это Луксорский. Начало его строительства – около 3500 лет назад, во времена уже нового царства и через 1200 лет после сооружения пирамиды Хеопса. И вообще весь круиз проходил по местам с достопримечательностями периода нового царства фараонов. Перед воротами храма находится целая галерея сфинксов. Сразу после входа расположены обширный первый и второй залы, куда допускался народ. Сохранились почти в идеальном состоянии 112 высоких колонн огромного диаметра, которые не обхватить даже вдвоем. Чем дальше, тем меньше залы и меньшее количество жрецов туда имели право входить. И самая последняя маленькая комната с фигурками бога – святая святых: туда уже не мог заходить никто, кроме фараона.

Осмотрев эти хорошо сохранившиеся древности, мы по традиции попрыгали вокруг статуи египетского жука-скарабея, чтобы сбылись все желания. При выходе сфотографировались на фоне статуи фараона Рамзеса Второго. Потом в небольшом отдалении от Луксорского храма был еще один, менее внушительный по размерам, но не менее впечатляющий своим совершенством и красотой. Все же поразительно, как могли сохраниться в таком хорошем состоянии эти древние постройки, самым «молодым» из которых больше 3000 лет. Основная причина в сухом пустынном климате и практически полном отсутствии дождей. Главный и единственный источник жизни всей древнеегипетской цивилизации – Нил и его плодородная долина, почти полностью заливавшаяся водой во время половодий. Но откуда половодья в пустыне, если нет дождей круглый год? Источник воды в тысячах километров к югу Африки в верховьях этой могучей реки, где в африканских тропиках сезон ливней длится несколько месяцев.

В дальнейшем в поездке по стране часто встречались с основными символическими древнеегипетскими цветами, присутствующими на многих древних изображениях: цветком

лотоса – символом верхнего Египта и цветком папируса – символом нижнего Египта. Фактически окончание этого 3000-летнего периода человеческой истории пришлось на период царствования Александра Македонского в начале нашей эры.

Следующим этапом экскурсионной программы было посещение Луксорской фабрики папируса, где экскурсию провел бывший бакинец Саша, перебравшийся в Египет в годы развала Советского Союза. Глядя на женщин из нашей группы, он несколько раз вспоминал изречение товарища Саахова из «Кавказской пленницы: «Спортсменка, студентка, комсомолка и, наконец, красавица». По окончании экскурсии всем предлагали купить наиболее понравившиеся папирусы с персонажами древнеегипетской мифологии. При этом нам настоятельно напоминали, что в других местах мы обязательно купим дешевую подделку из бананового папируса. Как показал опыт, такая опасность действительно высока, если купить папирус у уличных торговцев, в любом же стационарном магазинчике в Хургаде в большинстве случаев папирус настоящий и со штампом магазина или фабрики.

Кульминацией нашей экскурсионной программы было путешествие на ялике в «царство мертвых» на западный берег Нила. После переправы мы пересели на наш микроавтобус, переехавший по мосту, и отправились в долину фараонов. Там пересели на маленький автопоезд, какие ходят в больших парках и на выставках между павильонами, оформленный, как паровозик. Он доставил нас непосредственно в долину, к гробницам. Температура воздуха здесь в середине марта достигла 36 °С. Древние египтяне нового царства, к периоду которого относились гробницы, в отличие от египтян древнего царства пирамид стали прятать захоронения фараонов. Спустя тысячу с лишним лет, прошедших к тому моменту со времен пирамид, жрецы увидели, что гробницы в пирамидах разграблены, и потому изменили ритуал. Захоронения стали тайными. Археологи современности после планомерных исследований с большим трудом находили эти гробницы, а некоторые до сих пор так и не найдены. Наиболее значимым археологическим событием второй половины XX века было обнаружение гробницы фараона Тутанхамона. И не потому, что она была какой-то уж очень уникальной. Как раз в этом смысле она оказалась сравнительно небольшой, т. к. Тутанхамон умер в возрасте 18 лет и потому ему не успели отстроить большую гробницу (их строили при жизни царствующих особ, как и пирамиды). Главным было то, что гробница оказалась неразграбленной. Все сокровища из нее перевезли впоследствии в Каирский национальный музей, где

нам удалось их увидеть спустя два года, в период другого посещения Египта. А в этот раз мы посетили две гробницы: Рамзеса II и Рамзеса III. В подземелье были духота и застоявшийся воздух. В гробнице было множество комнат, смоделированных из реальной жизни. С умершим в гробницу, кроме многочисленных золотых украшений и доспехов, клали множество фигурок домашних животных и рабов. Предполагалось, что в загробном мире все это оживет и будет продолжаться своя особая жизнь, чем-то похожая на земную. Стены и потолки отдельных помещений были расписаны сюжетами древнеегипетской мифологии. Причем краски были такими яркими, как будто художник только вчера закончил свою работу, в то время как в действительности изображениям было больше 3000 лет, и с тех пор их никто не реставрировал. Такая сохранность объяснялась совершенно особой атмосферой, царившей в подземелье. Глядя на эти древние рисунки, ощущаешь присутствие того древнего художника. Как будто он был среди нас и интересовался нашим впечатлением от его работ. Интересно, как он жил и о чем думал тогда?

На обратном пути сделали остановку у великолепного дворца той самой единственной женщины – фараона – царицы Хачапсут, Как все же много она оставила напоминаний о себе по всему Египту! Древний и хорошо сохранившийся дворец, построенный чуть ли не в современном модернистском стиле, располагается у подножия крупной горы с обрывистым склоном. Древний архитектор очень эффектно вписал его в окружающий ландшафт.

В прощальный вечер на круизном судне нам устроили большую шоу-программу с танцами живота и другими интересными национальными номерами.

Настолько впечатлили нас эта страна и Красное море, что мы стали приезжать сюда чуть ли не каждый год во время школьных зимних каникул. В это время дневная температура воздуха здесь обычно 23–25 градусов, а морской воды – 20–23, Но больше стало «тянуть» на курорт Шарм Эль Шейх на другом берегу Красного моря. Здесь подводный мир был еще более впечатляющим, нежели в Хургаде, Я увлекся подводной видеосъемкой этого чудного мира, приобретя по заказу специальный бокс для видеокамеры. Обычно, находясь уже под водой, перед съемкой надо лишь достать несколько хлебных крошек, и, спустя несколько секунд, ты оказываешься в гуще самых разнообразных рыб, которых спокойно снимаешь на фоне разноцветных кораллов.

Из Шарм Эль Шейха есть несколько экскурсий. Самая дальняя и утомительная – в Каир, с посещением национального музея и

пирамид, которую мы все же совершили, чтобы дополнить свои впечатления от верховьев долины Нила и нового царства «прикосновением» к древнему царству, начинающему свою историю около 5000 лет назад. Даже влезли на самую крупную пирамиду Хеопса метров на десять. А в третью по размеру пирамиду Микрена я из любопытства спустился внутрь. Интересного оказалось гораздо меньше, чем в гробницах в долине фараонов. Просто пустые подземные склепы, где раньше были захоронения.

В Каирском музее очень много интересного, но, пожалуй, больше всего впечатляют настоящие сокровища из гробницы Тутанхамона, занимающие почти весь второй этаж.

На самом деле Каир все же ближе ехать на экскурсию из Хургады, но и оттуда это занимает целый день с раннего утра и до поздней ночи. А из Шарма многие ездят на экскурсию на гору Моисея – того самого, бродившего 40 лет по пустыне в поисках пристанища для еврейского народа. Экскурсия предполагает встречу восхода солнца на вершине горы. По пути еще посещают обычно очень необычный монастырь святой Екатерины.

Вообще в Шарм Эль Шейхе за последние лет настолько развилась индустрия туристического отдыха, что он превратился в один из лучших курортов окрестностей Средиземноморья, а неповторимое Красное море, пожалуй, ставит его на первое место. Разве что вход в море по лестницам с пирсов сразу на большую глубину создает неудобства для тех, кто плохо плавает. До сих пор среди туристов бытует мнение, что Европейские отели выше классом, нежели египетские. За все время многочисленных поездок в Европу ни разу не встречал ни в одной стране ни одного отеля, который можно было бы поставить рядом с гостиницами «Рэдисон Сас», «Саввой», «Мёвенпик Гольф» в Шарм Эль Шейхе ни по богатству территории и дизайну, ни по разнообразию и качеству питания.

За последние годы эта страна стала настоящей туристической Меккой.

СТРАНА, ГДЕ БЫЛ РАЗРУШЕН КАРФАГЕН (ТУНИС)

Уже на протяжении нескольких лет взять полный отпуск не представляется возможным, поскольку практически всегда параллельно у нас выполняется несколько срочных проектов. Поэтому реально получается приурочить «кусочки» отпуска к периодам праздничных дней по всей стране, когда поневоле производственная жизнь «притормаживается». Обычно это начало января и начало мая. В эти дни руководство снисходительно разрешает уехать на недельку-другую в счет отпуска. Вот и получается, что все наши поездки по теплым странам приходятся на эти дни, когда туристические фирмы, перегруженные заявками, резко поднимают цены.

В начале мая 2006 года мы решили посмотреть новую для себя страну на севере Африки – Тунис. Кроме обычного весеннего морского отдыха хотелось посмотреть на знаменитые развалины Карфагена или по крайней мере побывать на месте, где они когда-то были.

Заказали мы путевку в туристическом агентстве «Куда-ру», как чаще всего делали и раньше. Девушки в агентстве нам предложили для первой половины мая выбрать курортный город Сус, где весной, может быть, чуточку скорее прогреется морская вода до приемлемой для купания температуры. Так мы и сделали, выбрав себе пятизвездочную гостиницу «Пальм-марина».

Сразу хочу сказать, что эстетам, привыкшим к комфорту и обходительности обслуживающего персонала, в Тунисе следует заранее снизить планку своих требований, чтобы не расстраиваться во время отдыха. Даже по сравнению с египтянами местная обслуга выглядит ленивой и в пятизвездочных отелях. Сам отель более или менее ничего: три бассейна, неплохое питание, хороший дизайн и море посаженных со вкусом цветов на клумбах. Но есть одно «но»: надо закрывать окно на ночь, иначе крик петухов из подсобного хозяйства рядом с отелем разбудит вас в пять утра. Температура воды в море в начале мая – 18–19 градусов, а воздуха днем – 24–26.

В целом отдых мало отличается от аналогичного отдыха в других странах Средиземноморья. Различные развлечения на пляже: волейбол, водная гимнастика в бассейне, стрельба из лука. Тренажерный зал, финская и турецкая бани. Некоторая особенность в полетах на парашютах за катером, в которых есть небольшие элементы экстрима. Я попытался пройти через этот

небольшой аттракцион. В процессе твоего «запуска» в воздух участвуют по меньшей мере четыре человека. Двое держат наготове парашют, не давая ему прежде времени раскрыться. Один разгоняет катер, пока разматывается большая бухта капронового фала, и потом ведет его в открытое море. И один поддерживает тебя до момента «взмывания» вверх. Получается довольно высоко: временами паришь над морем на высоте до 100 м. И хорошо отработан момент приземления почти точно в заданную точку на берегу. Тут на подстраховке, на случай непредвиденных порывов ветра и сноса парашюта в нежелательном направлении, стоят те же три человека, что помогали на старте. В других местах, где приходилось бывать, катер при приземлении «подматывает» к себе парашютиста с помощью имеющейся небольшой лебедки, либо приводнение происходит прямо на акваторию, как в нашем Геленджике.

На третий день, когда надо было сделать паузу в солнечных и морских ваннах, отправились в нашу целевую экскурсионную поездку по ближайшей части страны с главной задачей побывать на месте Карфагенских развалин. По пути остановились в городке Бордо, где, как оказалось, находится один из богатейших в мире музеев римской мозаики. Но не только мозаика здесь в изобилии. Есть залы с другими, не менее интересными, экспонатами. Самый первый из них посвящен древнейшим человеческим цивилизациям, остатки которых обнаружены на территории Туниса. Произвели впечатление женские украшения тончайшей работы, которым более 20 тысяч лет. Такое ощущение, что не каждый нынешний хороший мастер с самыми современными приспособлениями в состоянии это сделать. Мы даже ничего фактически не знаем о тех малоизвестных цивилизациях. Самая древняя, египетская, находится в нашей исторической «досягаемости» лишь с момента 5000-летней давности. Да и то там нигде не встречалось образцов столь тонкой работы. В одном из залов можно посмотреть на образцы надгробий финикийцев, по которым можно определить, чем при жизни занимался покойный.

А римская мозаика, широко представленная в музее, большая часть которой изготовлена не более 2000 лет назад, на фоне древних тунисских изделий кажется совсем уж юной. Но отдельные ее образцы просто великолепны. Мозаика здесь повсюду: на потолках, полах и стенах почти во всех залах. На одной из мозаик с острова Джерба в деталях изображена легенда об Одиссее. В музее встречаются первые известные образцы знаков зодиака, еще мало похожие на наши общепринятые. Неизвестно, кто и когда их придумал.

Дальше по пути к остаткам Карфагена мы проехали через столицу Туниса – город Тунис, Все здесь показалось очень чистым и симпатичным, впрочем, как и в других городах. Граждане живут довольно цивилизованно при сравнительно высокой грамотности и образованности. Судя по статистике, жители этой североафриканской страны по своему благосостоянию в среднем далеко превосходят россиян, хотя Тунис не обладает значительными ресурсами полезных ископаемых.

Наконец, мы достигли места, где когда-то стоял Карфаген. Около 700 лет, начиная с VIII века до нашей эры, расцветала карфагенская цивилизация и с определенного времени стала составлять серьезную конкуренцию Риму. Виднейший полководец Карфагена Ганнибал со своим непобедимым войском и боевыми слонами долгое время наводил ужас на римлян. У могущественного Рима Карфаген, остававшийся непокоренным, был, словно бельмо на глазу. В конце концов римский сенатор и полководец Сципион, прозванный Африканским, произнес те самые знаменитые слова: «Карфаген должен быть разрушен». Это произошло в 142 году до н. э., после многих лет и ослабления Карфагена, когда самого Ганнибала уже не было в живых. Место, где когда-то был Карфаген, было перепахано и посыпано солью. Мы увидели лишь небольшой остаток стены, сохранившийся с тех лет, и несколько небольших пушечных ядер времен пунического Карфагена, умещавшихся в одной руке, ими римляне, вероятно, и обстреливали обороняющихся карфагенян.

Зато теперь на этом месте стоят хорошо сохранившиеся римские бани I века до н. э., построенные примерно 100 лет спустя после падения Карфагена. Побродить по этим местам, фотографируясь на их фоне, чрезвычайно интересно.

После карфагенских развалин экскурсия прибыла в находившийся неподалеку небольшой туристический городок Сидибу Санд, что в переводе означает «бело-голубой», в соответствии с основными цветовыми тонами зданий в этом городе. Прошлись вверх по улице с многочисленными сувенирными лавками и достигли высокого мыса, откуда открывался живописный вид на море, яхты и горы. К вечеру вернулись в свой отель и продолжили свой в целом удачный отдых. Но вряд ли мы приедем сюда еще раз. Мир слишком велик, и чтобы успеть хоть немного его посмотреть, вряд ли стоит слишком часто ездить в одни и те же города и страны без крайней необходимости, а тем более в отпуск.

ОЧЕНЬ РАЗНАЯ АЗИЯ

Самая большая часть света на планете населена и самым большим количеством народов и народностей, настолько различных по своей культуре и обычаям, что объединить их в рамках моего повествования можно лишь формально. Не так уж много мест мне удалось увидеть в Азии, но почти все они были чрезвычайно интересны, своеобразны и неповторимы в своем национальном колорите.

Вьетнамские мотивы

Во Вьетнаме довелось бывать многократно. Представление об этой стране и ее людях у нас сложилось еще в 70-е годы, когда эта маленькая страна смогла противостоять всей мощи американской военной машины. Конечно, помощь Советского Союза была тогда весьма серьезной. В наших вузах после той войны училось очень много вьетнамцев, которым предстояло потом не только восстанавливать свою страну, а во многом строить ее заново. Они были одеты очень скромно и в наши непривычные для них холодные зимы выглядели по-казенному: одинаковые шапки, брюки, ботинки, закупленные, видимо, централизованно. На нашем курсе тоже было семеро вьетнамцев. А во время аспирантуры с одним из них – Чан Дык Тьинем – я даже сдружился. У нас был общий руководитель по кафедре сейсмометрии и геоакустики – Татьяна Ивановна Облогина. А Тьинь временами в дни праздников или всеобщих «сабантуев» в общежитии подключался к нашему дружному аспирантскому коллективу. До сих пор помню, как во время Олимпиады-80 в Москве при исполнении песни «До свиданья, наш ласковый Миша…» у него на глаза наворачивались слезы.

С тех пор прошла целая эпоха. Мы в одночасье бросили тогда почти всех наших бывших друзей – слишком были заняты собой. А сейчас, когда пришло время собирать камни, вдруг обнаружили, что они уже совсем и не наши. Что их дети уже учатся не у нас, а в Америке, и без России они теперь спокойно могут обойтись.

Но все же контакты остались и, возможно, постепенно будут восстанавливаться. Наверное, теперь мы больше в них заинтересованы, чем они в нас.

В Южном Вьетнаме все эти годы совместное российско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро» продолжало добывать нефть из месторождения «Белый тигр», принося существенный доход в казну нашей страны в самый тяжелый для нее период, и продолжает сейчас, хотя вьетнамцам жаль отдавать нам свою

нефть и они хотели было не продлевать на новый срок контракт. Но запоздавшие усилия нашего руководства все же в последний момент привели к тому, что удалось уговорить вьетнамских партнеров на еще одну пролонгацию взаимоотношений.

«Газпром» в конце 90-х годов стал вести разведку на шельфе Северного Вьетнама, однако перспективы здесь совсем не те, что на юге. Тем не менее, работы пока продолжаются. В начале этих работ, когда требовалась экспертиза результатов проведенной ранее морской сейсморазведки, я впервые прибыл в Ханой вместе с Александром Тимониным и Александром Дзюбло, которые считались знатоками Вьетнама. Мы пробыли несколько дней, и что удивительно, страна уже не казалась абсолютно бедной. В магазинах не было никакого дефицита. Народ весь был в работе: копошился на рисовых плантациях, выращивал креветок в искусственных водоемах, строил дома и туристические гостиницы, запускал свое производство, добывал нефть. В Ханое тогда были сплошь все на велосипедах.

Мы всегда останавливались в лучшей гостинице города – «Дэу». Судя по фотографиям в книге почетных гостей, там впоследствии останавливался и наш премьер Михаил Касьянов. Вероятно, на тот момент это была лучшая гостиница в юго-восточной Азии. В таких мне не приходилось бывать ни в Европе, ни даже в Америке. В том же Хьюстоне пятизвездочная гостиница была значительно примитивнее. Да и сейчас мало кто превзошел этот оригинальный проект. В обширном холле гостей встречали симпатичные улыбающиеся вьетнамки в ярких национальных костюмах. Полностью отделанные зеркалами и инкрустацией скоростные «говорящие» лифты мгновенно и мягко доставляли на нужный этаж, а в номере свет автоматически включался в том месте, куда перемещался гость. Бассейны, джакузи, сауны, фитнесс-центр – на высшем уровне, и все включено в стоимость номера.

В ту первую поездку я разыскал в Ханое того самого товарища по аспирантуре Чан Дык Тьиня, который уже занимал высокий пост в государственной компании «Петровьетнам». Мы с удовольствием вспоминали былое.

С тех пор мы с моим коллегой Сашей Тимониным приезжали в Ханой несколько раз в командировку, в совместную российско-вьетнамскую компанию «Вьетгазпром», где трудилось два десятка наших соотечественников. И каждый раз были налицо положительные изменения в жизни вьетнамцев. Вместо велосипедистов все улицы Ханоя теперь заполнены мотоциклистами, причем мотоциклы под ними не какие-нибудь, а престижной японской марки «Хонда», пусть даже и китайской

сборки. В городе появилось очень много приличных ресторанов с вкусной океанской пищей, к которой я неравнодушен. И даже в дешевых «народных» забегаловках, куда мы однажды из любопытства заглянули, нам подали вкусные колечки запеченных кальмаров «мыки» с местным приличным лицензионным пивом «Тайгер». С тех пор «мыки» стали любимым лакомством Александра Тимонина.

Самый дешевый фрукт во Вьетнаме – это ананас. В сезон в переводе на наши деньги – по два рубля за килограмм. А самый дорогой – манго. Но манго здесь чрезвычайно вкусны, не сравнить с южноамериканскими. Еще есть очень красивый и очень дешевый фрукт – плод дракона: ярко розовый, похожий на огромную редиску размером с небольшую дыню или крупный кабачок. Внутри он белый с мелкими зернышками, будто маковыми. Но вкус – так себе, кисло-сладкий. Традиционные тропические фрукты здесь в изобилии и очень дешевы, зато яблоки и груши, привозимые издалека, чрезвычайно дороги.

Во время выходных дней в каждый из визитов наши коллеги из «Вьетгазпрома», среди которых были наши старые знакомые Сергей Михайленко и Коля Иванов, старались организовать какую-нибудь интересную поездку с ночевкой и сами отправлялись с нами. Так мы познакомились с двумя настоящими морскими жемчужинами Северного Вьетнама: заливом Ха Лонг и островом Катьба. Но путь до них был неблизкий.

Сначала около четырех часов ехали на микроавтобусе в сторону Хайфона, наблюдая по пути, как живут вьетнамцы в глубинке. Населенные пункты вдоль дороги не прекращаются. Я не ожидал, что вьетнамцев так много – около 90 миллионов человек на этом маленьком клочке земли. У нас, на всей обширной территории России, проживают 140 миллионов, причем русских из них лишь немногим больше, чем вьетнамцев здесь.

Добравшись до небольшого приморского поселка, увидели десятки небольших морских судов, которые мы почему-то называли джонками. Наняли одну из них и небольшой командой из восьми человек отправились в путешествие по заливу Ха Лонг. Джонка фактически представляла из себя небольшой теплоход метров двадцать в длину с крытым пассажирским салоном и капитанской рубкой. Посередине салона стоял большой стол, за которым можно было принимать экзотическую морскую пищу. Собственно, услуга по приготовлению такого обеда была включена в общую стоимость прогулки по заливу, и как только мы отчалили, два вьетнамца принялись за готовку.

Такого чуда, какое открылось взгляду, даже во сне

представить было невозможно. Тысячи маленьких, но сравнительно высоких островов, выступающих из воды на десятки метров, были видны со всех сторон, и судно должно было хорошо маневрировать между ними. Вершины большинства из них поросли лесом. Все это чудесным образом отражалось в морской глади с водой зеленоватого цвета. Между островов на воде встречались небольшие поселения вьетнамцев прямо на плотах, связанных между собой. На них имелась пара хижин, где можно было спать и есть, укрывшись от дождя. Причем в каждом таком «морском хуторе» жила одна семья в составе двух-трех поколений: бабушки-дедушки, родители, дети. С ними прямо на воде обитала и своя живность: куры, петух, собака. Семейство было занято ловлей рыбы и продажей ее туристам и закупочным конторам. Такая конструкция жилья позволяла дрейфовать всему «хутору» к разным рыбным местам, но делали это они нечасто, поскольку для ловли рыбы использовались и подвижные лодки, которые были привязаны тут же к плотам. У одной такой семьи и была куплена нами живая трепыхающаяся крупная рыбина, которая, наряду с креветками и крабами, составила основу нашего экзотического обеда на судне. Рисовая вьетнамская водка «Ла мойка» весьма приличного качества была хорошим дополнением к ухе и другим морским деликатесам.

Но до этого вкуснейшего обеда нам удалось посетить еще одно сказочное место. Причалив к одному из крупных островов, мы стали подниматься вверх по оборудованным деревянным лестницам и вскоре вошли в огромную пещеру, состоящую из многих залов, соединяемых небольшими переходами. Повсюду были видны свисающие с потолков и «растущие» из пола каменные «сосульки» – сталактиты и сталагмиты. Пещера была оборудована, залы и переходы подсвечивались. Она охранялась ЮНЕСКО как уникальный природно-ландшафтный памятник. Посчитав мысленно карстовые пещеры, которые мне удалось увидеть в разных точках мира, я определил, что эта была девятая. Сравнивать и говорить, какая из них красивее, невозможно. Каждая уникальна по-своему.

Причалив еще к одному острову, устроили купание. Вода в марте здесь еще не прогрелась как следует, и ее температура составляла около 20 градусов. Купание все равно доставляло большое удовольствие.

В следующий свой приезд во Вьетнам с Сашей Тимониным мы посетили еще одну жемчужину Южно-Китайского моря – остров Катьба. Поначалу путь из Ханоя тоже был в том же направлении – к Хайфону, а затем свернули к побережью немного раньше. Дорога была несколько сложнее, чем в предыдущий раз,

поскольку пришлось дважды переправляться на морских паромах вместе с нашим микроавтобусом. Первый отрезок между материком и промежуточным островом (название не помню) проходил мимо устья реки Красной. Затем, переместившись на другой конец этого небольшого острова, мы въехали на другой паром, и уже после этого через час достигли экзотического острова Катьба, на котором намеревались провести уик-энд с одной ночевкой. На острове полным ходом строился самый настоящий курорт международного уровня. Мы без труда нашли трехзвездочную гостиницу всего-то за 20 долларов в сутки, которая ни в чем не уступала европейской и значительно превосходила лучшие гостиницы в наших областных центрах в провинции, да и заурядные московские типа «Измайловской» или «Царицыно».

Песчаные пляжи в окружении гор просто сказочные, а ласковая морская вода расслабляет и омолаживает. До самого заката наслаждались всем этим. Вечером вдоль набережной расположились торговцы украшениями. Жемчуг здесь можно найти самый разнообразный: от простого и дешевого до высочайшего качества и дорогого. Но дорогой здесь означает примерно в десять раз дешевле, чем в Москве, да и еще такого качественного у нас не найти ни за какие деньги. А здесь все это производится и вылавливается рядом, поэтому при отсутствии транспортных расходов и малом пока количестве иностранных туристов соответствующая и цена. Да и подделки исключены, потому что в такой ситуации изготовление любой подделки здесь обойдется дороже, чем настоящий жемчуг среднего качества.

На следующее утро спустились в бухту, где стоят сотни маленьких суденышек, наняли примерно такое же, как и раньше в Ха Лонге, и отправились на прогулку вдоль сотен островов немного другой формы, но все равно похожих на те, что видели на Ха Лонге в предыдущий год. Опять мы повторили весь процесс закупки рыбы у местных рыбаков на «плавучих хуторах», последующего купания среди чудных островов и употребления морских деликатесов, Здесь на одном из островов есть небольшой «обезьяний» питомник. Одна из обезьянок прокусила Саше Тимонину палец, и он плохо потом заживал. Но это была единственная досадная неприятность, которой можно было не придавать особого значения. В остальном создавалось ощущение, что именно так должно быть в раю, если таковой имеется на том свете.

Во многом все по-другому в Южном Вьетнаме. До сих пор между северянами и южанами существует соперничество, несмотря на то, что после войны с американцами, победа в

которой была одержана преимущественно северянами, прошло тридцать с лишним лет. Да и уровень жизни населения на юге остается более высоким. Прилетели мы в Южный Вьетнам из Ханоя после защиты очередного отчета во «Вьетгазпроме» в декабре 2005 года. Цель визита – попутно наладить контакты ВНИИГАЗа с «Вьетсовпетро», коль уж все равно приходится выполнять работы в этой стране и летать в дальние командировки. Нашей поездке туда способствовал Ренат Мурзин, знакомый мне еще с морской студенческой практики, когда он только пришел молодым специалистом в Мурманскую экспедицию. А теперь Ренат занимал должность начальника управления в «Зарубежнефти». Генеральным директором «Вьетсовпетро» с российской стороны во время нашего визита был Вячеслав Исмагилович Урманчеев. Как все же тесен мир! В 1990 году я снимал у него гараж в Мурманске, и теперь мы встретились здесь.

Если оставить за кадром деловую часть визита, то главным событием стала наша встреча с тем самым Андрюшей Скрицким, с которым мы вместе работали в Мурманске, а потом вместе проводили время с приключениями в Лейпциге и особенно в Лондоне и Глазго, о чем уже шла речь в предыдущих историях. Руководство «Вьетсовпетро» для ознакомления с окрестностями в свободное от работы время любезно выделило нам машину с водителем-вьетнамцем и Андрея в качестве сопровождающего. Андрей нам показал город Вунг Тау, где базировалось предприятие. Здесь очень много достопримечательностей, связанных с историей французской колонизации. Оригинальный дворец французского губернатора со старинной резной мебелью, лежачая статуя Будды внушительных размеров и, наверное, главное местное «чудо» – статуя Иисуса Христа с распростертыми руками на вершине горы, смотрящая в открытое море. Она точно таких же больших размеров, как и всемирно известная статуя Христа в Рио-де-Жанейро. Но здесь ее на французский манер называют Сент Жак – Святой Жак.

Вечером мы с Сашей побывали дома в гостях у Андрея и посмотрели, как живут здесь наши специалисты. Отдельный охраняемый городок был спроектирован и построен еще в советские времена. Лида, жена Андрея, все очень здорово приготовила, и мы отведали с удовольствием многие местные деликатесы.

Природа и животный мир Южного Вьетнама неизмеримо богаче, чем Северного. Здесь рукой подать до экватора, и потому настоящий тропический климат с соответствующей флорой и фауной. Все это очень хорошо описано в книге нашего коллеги по

Мурманску Леонида Кузьменко «Вьетнамский дневник» – автор сейчас является заместителем генерального директора «Союзморгео» в Геленджике. Он провел здесь несколько лет и поделился в этой книге своими интересными воспоминаниями и наблюдениями конца 80-х – начала 90-х, когда в Вунг Тау наведывались многие знакомые нам личности, в том числе Яков Петрович Маловицкий. Я с неподдельным интересом прочел ту книжку, подаренную мне автором.

Что касается нас, то, проживая даже в одной из самых приличных гостиниц города, мы временами обнаруживали вдруг быстро бегающих по стенам ящериц и шарахались от неожиданности. Как нам сказал Андрей, здесь их называют «Машки» и они совершенно безобидны. Еще поначалу пугали очень мелкие муравьи, которые могли выбрать себе какой-то путь на одной из стен гостиничного номера и ползти по нему непрерывно один за одним целыми сутками нескончаемым потоком. Таких же муравьев мы видели раньше в своем номере на острове Катьба. Но на второй-третий день ко всему этому привыкаешь и уже не обращаешь внимания.

На два выходных дня мы перебрались в близлежащий курорт Лонг Хай, где с в середине декабря с удовольствием купались в теплых водах Южно-Китайского моря. В субботу подъехал сюда и Андрей со своей Лидой. Они привезли очень много замаринованных шашлыков. Мы долго под любопытными взглядами вьетнамцев сооружали кострище между камнями вблизи зоны прибоя. Чтобы ветер не задувал огонь и не выдувал быстро угли, городили всевозможные щиты из подручных материалов. В конце концов, благодаря конструкторской смекалке Андрея, это удалось, и денек мы провели на славу, чередуя морские купания с шашлычком и пивком.

Вообще здешнее побережье очень живописно и благодатно для организации серьезного центра международного туризма. Предприимчивые вьетнамцы очень быстро начали все здесь обустраивать, и уже сейчас Вьетнам стал излюбленным местом отдыха россиян с Дальнего Востока. Особенно нашим нравится курорт На Чанг, где великолепный подводный мир, местами даже не уступающий Красному морю. Но по секрету скажу Вам, есть еще одно сказочное место. Это остров Фу Куок на самом юге Вьетнама, вблизи с камбоджийской границей. Он пока еще не «раскручен» в туристическом плане, но экзотическая реальность здесь превосходит все мыслимые мечты. Попасть сюда можно пока только на маленьком самолете либо морским путем, но это сложнее.

Думаю, что в ближайшем будущем Вьетнам станет одной из

самых процветающих стран юго-восточной Азии и нам стоит развивать с ним тесные отношения, пока там еще не совсем забыли, что своей свободой это государство обязано в том числе и Советскому Союзу.

Турецкое «рондо»

Рондо – это короткое музыкальное произведение, исполняемое, как правило, в быстром темпе. Очень веселенькое рондо написал в свое время великий Моцарт. Почему-то это слово пришло на ум, когда я думал, как же озаглавить свои впечатления от беглого осмотра некоторых интересных мест Турции в период нашей короткой десятидневной поездки.

Как-то так получилось, что эта страна, ставшая фактически первой туристической Меккой россиян времен начала перестройки, долгое время оставалась вне поля нашего внимания, если не считать моего визита в Стамбул в рамках средиземноморского круиза еще в 1984 году. Но тогда это было совсем другое время. И вот в мае 2007 года мы с супругой решили восполнить этот пробел, решив отдохнуть здесь несколько дней. В качестве места базирования выбрали Анталию, поскольку, судя по справочникам, море весной здесь прогревалось раньше, чем в других местах и, кроме того, здесь было ближе до знаменитого ландшафтного заповедника Памуккале, называемого иногда восьмым чудом света, который тоже хотелось посмотреть.

Погода, действительно, вначале была весьма теплой – до 30 градусов днем, а море – до 22 градусов: теплее, чем в это же время годом раньше в Тунисе. Потом, правда, немного похолодало и покапал дождик, но жаловаться на погоду было грех.

Что сразу удивило в Турции – это фактически жестко насаждаемый правящей элитой со времен первого президента Мустафы Кемаля Ататюрка курс на построение светского государства. Стремление гражданского населения к исламизму, мягко говоря, не приветствуется. Запрещается появление в государственных учреждениях и государственных учебных заведениях в мусульманских и других религиозных одеждах. То, что во Франции не так давно вызвало большие волнения, здесь воспринимается как должное. И действительно, религиозность городского населения минимальна, и скорее, это дань традиции, нежели искренняя вера. Женщины на улицах одеты так же, как и в Европе и имеют близкие права с мужчинами, что узаконено с 1928 года. Многоженство законодательно запрещено и практически встречается лишь в опальных курдских районах на востоке страны, где исламские обычаи фактически препятствуют даже получению женщинами минимального образования,

несмотря на то что среднее образование является в стране обязательным. Центральная власть пытается чуть ли не насильственно привлечь курдов к цивилизации, надеясь, что после повышения образовательного уровня они сами станут более послушными и менее непредсказуемыми, поскольку главная опасность, исходящая отсюда, – это терроризм. Для Турции курдские районы – примерно то же, что для России была Чечня в 90-е. И это самый болезненный вопрос для власти. Врачи и учителя, получившие бесплатное государственное образование, часто направляются сюда по обязательному распределению с необходимым требованием отработать не менее пяти лет. При этом им дают весьма высокую зарплату в 1500–2000 долларов ежемесячно, обеспечивая и другими льготами. Но все равно турки идут туда неохотно, и вся надежда на «продвинутую» местную интеллигенцию. Вообще-то вопрос Курдистана, разделенного с давних пор между Турцией, Ираном и Ираком, сродни палестинскому. Большой по численности народ не имеет своей государственности.

Турция очень стремится в Евросоюз и потому во что бы то ни стало поддерживает имидж светского государства, выдвинутого Ататюрком. Это приводит даже к тому, что примерно раз в десятилетие армия берет здесь власть под контроль именно в те моменты, когда проявляется хоть минимальная опасность исламизации государства. И в этом смысле Турция – уникальная страна. При 95 %-ном формально исламском населении управляется исключительно по европейскому образу и подобию, и реально менталитет граждан гораздо ближе к европейскому, чем в большинстве вновь принятых в Евросоюз бывших социалистических стран. И что совсем нехарактерно для мусульманского государства – это существующее здесь производство и свободная продажа алкогольной продукции, преимущественно виноградных вин разных сортов.

Армия довольно многочисленна для 70-миллионного населения – 850 тысяч человек, и «проедает» она до трети государственного бюджета. Это вызывает некоторое недовольство турецкой интеллигенции, считающей, что необходимо направлять больше средств на образование, культуру, здравоохранение. Здесь нет проблем с комплектованием армии, поскольку служба является обязательной и от нее никак не отвертеться и не откупиться. Система со сроками службы довольно гибкая. Отсрочка для студентов вузов есть, но после получения высшего образования надо служить всего шесть месяцев бесплатно или 15 месяцев младшим офицером с ежемесячным жалованьем до 1000 долларов. Бизнесменам, которые докажут документально, что у

них есть серьезный бизнес и его нельзя оставить надолго, с которого они исправно платят налоги, надо все равно отслужить в полевых условиях 28 дней и заплатить официально в казну дополнительные «отступные» в размере 5128 евро. Эти деньги дополнительно идут на содержание армии.

Вообще, Турция производит впечатление относительно цивилизованного и социально ориентированного государства. Так, минимальная зарплата, которую следует платить работнику, равно как и размер пенсии, составляют на 2007 год в пересчете по курсу примерно 360 долларов, и это строго отслеживается. Такое пока недостижимо для многих бывших соцстран и, к сожалению, для России. Довольно развитая промышленность, сельское хозяйство и бурно развивающийся туристический бизнес создают серьезную экономическую основу для процветания государства. Однако политическое устройство, несмотря на явные признаки демократизма, все еще нестабильно.

В Турции, имеющей богатейшую историю, есть что посмотреть. Мы, бегло ознакомившись с историческим центром курорта Анталия, в первую экскурсию отправились к уникальному природному памятнику Памуккале. Как оказалось, он совмещен территориально и с исторической достопримечательностью – античным городом Хиераполисом, впервые обнаруженным археологами при раскопках в конце XIX века. До этого места от Анталии – 240 км преимущественно по извилистой горной дороге, и экскурсия занимает полный день с 6 утра до 10 вечера. Из других курортов-спутников Анталии до Памуккале еще дальше. Наиболее короткий путь туда от традиционных мест отдыха россиян – из Мармариса на Эгейском побережье, но там в мае море еще прохладно, и потому туда лучше ехать ближе к лету или ранней осенью. Первым по пути от Анталии попадается небольшой город Коркутели, где население занято преимущественно сбором и переработкой сельскохозяйственной продукции. Но наиболее интересный город по дороге – Денизли с 350-тысячным населением. Говорят, что город гордится своими боевыми петухами, и одного из таких даже подарили бывшему американскому президенту Клинтону, когда тот был здесь в гостях. Но больше всего тут развиты текстильная промышленность и виноделие, поэтому экскурсионные гиды пытаются завести группы наших туристов в соответствующие магазины и дегустационные залы.

Буквально в 10 км от Денизли и находится конечная точка экскурсии – остатки древнего Хиераполиса и природный комплекс Памуккале. Программа построена так, что первоначально дается три часа на купание в бассейне Клеопатры

– естественном термальном источнике – и самостоятельное хождение по абсолютно белым склонам известковых образований, по которым стекает вода, и на купание в известковых природных ваннах – травертинах. Памуккале в переводе означает «хлопковая крепость». Видимо, потому, что у турок это образование создает ощущение огромной горы хлопка, в то время как у нас однозначно возникает ассоциация с огромными ледяными горами и свисающими с них сосульками. Для людей, которые там не были, на фотографиях кажется очень странным сочетание массива «льда» с попадающими в кадр зелеными деревьями или купающимися в травертинах почти обнаженными людьми в купальных костюмах.

Бассейн Клеопатры расположен у источника теплой воды (+36 °С) с большим содержанием сульфатов и гидрокарбонатов кальция, а также других анионов и катионов и углекислоты. Источник связан с наличием здесь глубинного «живого» разлома земной коры, а значит, и тектонически активной зоной. Недаром в новейшее геологическое время в начале нашей эры здесь несколько раз происходили разрушительные землетрясения, после которых античный город отстраивался заново. Сейчас бассейн находится прямо на месте бывшей центральной улицы Хиераполиса, построенной в I–II веке до н. э. Купаясь в этом источнике, плаваешь прямо среди обломков мраморных колонн, стоявших здесь больше 2000 лет назад. По преданию, Клеопатра вместе с Антонием были здесь уже во II веке нашей эры, существенно позднее двух землетрясений, случившихся в 17-м и 60-м годах нашей эры, а значит, возможно, она тоже плавала среди этих колонн. Во время купания в теплой и целебной воде источника замечаешь, что тело покрывается маленькими воздушными пузырьками, словно стенки бокала с шампанским. Собственно, это и есть такой же углекислый газ, как и в шампанском. При выходе из земных глубин происходят дегазация термальной минеральной воды и последующее выпадение осадка карбонатов и сульфатов кальция, образующих эти самые намывные известковые склоны Памуккале вместе с травертинами и каменными сосульками. Они расположены буквально в нескольких сотнях метров от бассейна Клеопатры.

После трехчасового сеанса купания гид вновь собирает группу и ведет ее вверх от бассейна к римскому амфитеатру на 15–20 тысяч мест – наиболее сохранившемуся объекту древнего Хиераполиса. Здесь существенно отреставрирована сцена с многочисленными скульптурными композициями из найденных при раскопках остатков. Оттуда, с верхних рядов амфитеатра, открывается вид на место античного города. Гид дает лишь очень

краткую информацию. Посещение музея раскопок в стандартную программу экскурсии не входит, и интересующимся стоит зарезервировать час из времени купания, чтобы, вооружившись путеводителем с фотографиями, походить среди древних развалин. Входной билет в музей стоит лишь 1 евро, а посмотреть есть что.

На обратном пути завозят на фабрику оникса, где при желании можно приобрести очень много всевозможных изделий из этого полудрагоценного камня. Цены при этом нельзя назвать дешевыми.

Еще одна очень интересная экскурсия из Анталии, с несколько необычным названием «Мира-Кекова», предполагает посещение христианской святыни – церкви Николая Угодника в городе Демре (древнее название Мира), где до 325 года жил и проповедовал почитаемый на Руси святой Николай, а святой Павел останавливался по пути в Рим. Здесь еще весьма интересен древнеликийский наскальный некрополь. Экскурсия очень хорошо совмещается и с отдыхом на яхте вместе с купанием в бухтах, по которым проходит эта яхта. Основная цель водной части маршрута – знакомство с затонувшим римским городом Симена вблизи острова Кекова. Под водой видны даже остатки улиц, а отдельные постройки еще находятся над уровнем моря. Город оказался под водой в результате разрушительного землетрясения в начале нашей эры.

Конечно, достопримечательностей в этой стране не счесть, и за одну краткую поездку в ритме турецкого «рондо» можно увидеть лишь малую их толику.

На земле обетованной

В период нашего кипрского отдыха летом 1997 года нам захотелось побывать и в библейских местах, которые были не так уж далеко от острова Афродиты. В этот раз с нами отдыхала и дочь Анюта, которой тогда было 12 лет. В Израиль с Кипра регулярно отправлялись комфортабельные океанские лайнеры в двух-, трехдневный круиз, однако в разгар сезона попасть на него было непросто: все путевки были раскуплены заранее. Наш кипрский гид Саша, постоянно опекавший нас во время отдыха, обещал посодействовать и записал нас в лист ожидания на случай, если кто-то откажется. И нам повезло: за сутки до отхода теплохода «Принцесса Виктория» на нем оказалась свободная трехместная каюта, на которую нам в день отхода выдали путевку прямо в порту Лимассола. Теплоход был великолепен. Уж на что я знаток морских путешествий на разных судах, но такого шика и комфорта еще не видел. Бассейн на корме был весьма внушительных размеров. Рестораны, бары, концертные залы,

шикарные каюты и прекрасный сервис отвечали всяким взыскательным вкусам и прихотям. Во всяком случае, мы к такому в то время еще не привыкли, несмотря на уже приличный опыт заграничных поездок.

Вечером на закате отошли от стенки причала и направились на юго-восток. Переход занял ночь, и на следующее утро пришвартовались в израильском порту Хайфа.

Процедура выдачи однодневных виз израильскими пограничниками, большинство из которых были женщины, оказалась довольно тщательной и малоприятной. Они внимательно смотрели на пассажира, будто подозревали в нем террориста, и иногда некоторым задавали вопросы, не имеющие отношения к поездке и ставящие в тупик. Говорят, что три человека остались на судне по причине того, что в их паспортах была вклеена виза Арабских Эмиратов. Но мы этихлюдей не видели, да и трудно среди тысячи с лишним незнакомых людей отыскать кого-то конкретного. Так что, возможно, это были ложные слухи.

В порту туристов теплохода разместили в несколько десятков туристических автобусов, и мы направились в однодневную поездку по стране. По пути слушали рассказ о житье-бытье и проблемах евреев, который нам поведала гид Наталья – бывшая советская гражданка, эмигрировавшая в Израиль вместе с родителями в середине 80-х. А житье-то здесь у некоторых наших тоже складывалось несладко. Те, кто «с головой», использовали Израиль как трамплин и вскоре переезжали дальше в США, Канаду, Германию, потому что работать, например, таксистом в Израиле, имея какие-то научные амбиции, было не слишком приятно. Другие, не найдя иной достойной работы, мирились с этим, поскольку заработок был очень хорошим по тем временам, особенно в сравнении с Россией а постперестроечный период, когда все шло «наперекосяк» и предприятия закрывались и разорялись. Третьи «вывозили» вместе с собой своих дедов и отцов – участников войны, которым в Израиле назначались хорошие пенсии, и на них можно было сносно жить всей родне. Ну, что ж, как поется в известной бардовской песне: «Каждый выбирает по себе».

Тем временем наша экскурсия продолжалась, и через некоторое время мы уже проезжали по улицам израильской столицы – Тель-Авива. На улицах было довольно много военных и полицейских, что придавало городу несколько необыкновенный облик; не совсем обычными показались и принципы градостроительства в условиях пустыни. В то же время на городских улицах было немало ухоженной зелени. Но ведь для

этого надо довольно много воды, которой здесь явно недостает. Израильтяне нашли выход из положения и успешно используют капельный полив, экономя при этом тонны воды ежегодно чуть ли не на каждом крупном дереве. Что еще бросилось в глаза, так это пальмы и другие деревья и кустарники, растущие прямо на крышах или на балконах последних этажей многоэтажных домов.

Проехав Телль-Авив, двинулись дальше, в Иерусалим, и вскоре въехали в город, где сошлись пути трех мировых религий: христианства, мусульманства и иудаизма. В истории каждой веры этот город имеет ключевое значение. Но почему? Наверное, это действительно святая земля.

Экскурсию по городу начали со знаменитой во всех этих трех религиях Илионской горы. Отсюда открывался прекрасный вид на старую историческую часть Иерусалима, находящуюся за крепостной стеной. Привлекают взор замурованные ворота, которые должны играть ключевую роль во время второго пришествия. Прямо под горой расположено кладбище, откуда, согласно библейским легендам, должны подняться мертвые в назначенный час.

Потом мы вошли в сам город и задержались у знаменитой иудейской святыни – Стены плача. Здесь отдельно были участки стены для женщин и мужчин. Все мало-мальски заметные трещины или углубления в неровной поверхности были заполнены свернутыми записочками с пожеланиями людей, побывавших здесь. Оставили свои записочки и мы. Считается, что если верить, то желания эти должны исполниться.

После этого отправились по последнему пути Иисуса Христа на Голгофу, останавливаясь на каждой точке, где останавливался Иисус, неся свой крест. Так дошли до храма Гроба Господня, сооруженном на том самом месте, где когда-то стоял крест с распятым Иисусом. Храм поделен на несколько частей, каждая из которых принадлежит различным церквям: русской православной, греческой, армянской и другим. После входа в ворота храма поднялись направо по небольшой лестнице вверх к тому месту, где осталось отверстие от когда-то стоявшего здесь креста с распятием. Желающим предложили на несколько секунд положить имеющиеся у них крестики в это отверстие, и тогда они будут освящены по-настоящему и приобретут чудодейственную силу. Отдавая дань обычаю, сделали это и мы. Возможно, чудодейственная сила этого освященного крестика когда-нибудь и проявится. Будем надеяться.

После этого спустились на первый, основной, уровень храма и остановились у «камня омовения», где лежало тело Христа, снятое с распятия. Камень был влажным от розового масла с

водой и многочисленных лепестков роз. Затем перешли в основной зал храма с высоким куполом. Именно в нем тысячи паломников в дни Пасхи ждут чудотворного огня из «кувукли», сооруженной на месте пещеры, где было обнаружено исчезновение тела Христа, после чего разнеслась весть о его чудесном воскресении. Нам было позволено заглянуть внутрь этой бывшей пещеры. Почти точную копию этого основного большого зала храма Гроба Господня приходилось видеть и в Софийском соборе в Стамбуле, и в подмосковной Истре, в храме Нового Иерусалима.

После храма путь лежал в Вифлеем, находящийся на территории Палестинской автономии. Но, простояв около часа в ожидании на пропускном пункте, вынуждены были повернуть назад: палестинцы не пропустили туристов, ссылаясь на повышенную террористическую опасность. И действительно, на следующий день у них на базаре прогремел взрыв.

Вместо запланированной поездки в Вифлеем гид предложил посетить Гефсиманский сад – место «Тайной вечери» Христа со своими учениками. Они сидели здесь в последний раз перед тем, как после предательства Иуды Иисус был схвачен стражниками Понтия Пилата. Мы с удовольствием согласились посетить еще одно знаменитое библейское место.

В Гефсиманском саду построен небольшой храм. В его центре находится огороженный большой плоский камень, за которым, по преданию, и сидели Иисус с соратниками, В храме мы застали группу из двух десятков китайских паломников – православных христиан, исполнявших на своем языке очень мелодичные и красивые песни во славу Христа, никак не похожие на наши заунывные церковные песнопения. В саду вблизи храма находится дерево с огромным стволом, обхватить который смогут разве что три взрослых человека, если возьмутся за руки. По словам гида, этому дереву больше двух тысяч лет, и именно в его тени отдыхал Христос со спутниками.

Ближе к вечеру направились назад s Хайфу и по дороге посетили известную фабрику огранки алмазов. На фабрике преимущественно работают наши бывшие граждане. Считается, что качество огранки алмазов в Израиле – лучшее в мире. Здесь же есть свой ювелирный магазин, в котором персонал опытным глазом выискивает богатых покупателей среди туристов и пытается «раскрутить» их на дорогую покупку.

Глубоким вечером прибыли на борт своего теплохода «Принцесса Виктория» и после ночного перехода по Средиземному морю вернулись на остров Афродиты, где продолжили свой отдых.

Сирия: мифы и реальность

Одна из российских компаний топливно-энергетического комплекса изучала возможность своего участия в объявленном сирийским правительством тендере на право разведки и освоения месторождений нефти и газа на территории Сирии. Меня эта компания пригласила в качестве консультанта в состав своей делегации. Чаще всего я вынужден отказываться от таких предложений из-за сильной занятости на основной работе. А тут появилось небольшое «окно» в рабочем графике, и, взяв несколько дней в счет отпуска во ВНИИГАЗе, я полетел с ними в Дамаск.

Надо сказать, что Сирия в отличие от многих других стран Ближнего Востока «обделена» богатыми ресурсами нефти и газа, добыча которых на ее территории быстро падает. И надо предпринимать неординарные шаги, чтобы выправить ситуацию.

В процессе командировки нам надо было с утра до вечера изучать материалы в специальной комнате данных в офисе государственной сирийской нефтяной компании, чтобы предварительно определиться с наиболее перспективными блоками. Затем на платной основе требовалось заказать более подробные материалы по выбранным блокам, с тем чтобы впоследствии в Москве можно было проводить более детальный их анализ. Результатом должно было быть решение российской компании об участии или неучастии в конкурсе на том или ином блоке. Прибыли мы в Дамаск рейсом Эмиратской авиакомпании втроем: я, Роман Сологуб и Валериан Миронов. Несмотря на напряженный график работы, удалось составить хотя бы приблизительное впечатление об этой стране, которую американцы пытаются внести в свой список стран-изгоев. Рабочее общение с сирийскими специалистами, совместные ужины в ресторанах, вечерние прогулки по Дамаску и две ознакомительные поездки за город – вот основные источники информации и личных ощущений.

Поселились в очень комфортабельной гостинице в центре города под названием «Семирамис-отель», что тут же напомнило о том, что мы находимся в месте древней цивилизации – в междуречье Тигра и Евфрата, где когда-то было одно из семи чудес света – вавилонские висячие сады Семирамиды.

Дамаск с первого взгляда в целом понравился. Полицейские и уличные регулировщики в очень чистой и безупречно отглаженной красивой светлой форме своим видом только украшали оживленные перекрестки. Несмотря на то, что страна мусульманская, в специальных магазинах продавался алкоголь без ограничений, включая неплохую водку местного производства, которую здесь называют «Арак». Никаких

признаков нищеты не было ни на улицах столицы, ни в пригородах, куда мы однажды съездили. Да и вообще спокойная и безопасная обстановка в городе, полные полки магазинов, изобилие самых разнообразных товаров, золотых и серебряных украшений на огромном восточном базаре в Дамаске создавали ощущение того, что находишься в обычной и вполне цивилизованной стране. Никаких внешних признаков авторитарности власти за неделю нашего пребывания мы не наблюдали, хотя президент Асад, сын известного президента Сирии Хафеза Асада, правит страной уже много лет, пытаясь маневрировать и сочетая рыночную экономику с социалистическими идеалами.

В первый же вечер Владимир – постоянный представитель российской компании в Дамаске – вместе со своей супругой Натальей пригласили нас в национальный сирийский ресторан на живописной окраине Дамаска – у подножия горы на берегу горной реки. В сирийской кухне, как и во многих других восточных, присутствует большое количество зелени, всевозможных овощных блюд из баклажанов, кабачков, гороха, а также их смеси с брынзой или молодым сыром, зачастую измельченных до состояния пасты. Получается неожиданно и вкусно.

Вечерами, когда спадала жара, мы бродили по частным магазинчикам, торгующим самыми разнообразными товарами: изделиями из хлопка, коврами, сувенирами, серебром, сукном, картинами художников, наконец. Запомнились замечательные сирийские молодые девушки-художницы, продававшие свои картины с видами Дамаска, местными пейзажами и восточными мотивами. Иностранный туризм из европейских стран в Сирии почти отсутствует из-за негативного отношения к стране, культивируемого американцами. Поэтому торговцы, не избалованные иностранцами, рассчитывают в основном на внутреннего покупателя. Но как только они признавали в нас россиян, они тут же предлагали максимальные скидки. Положительный образ России тут все еще остался в памяти народа со времен Советского Союза, оказывавшего Сирии помощь во многих областях и прежде всего – в военной.

Особо стоит отметить одну поездку в выходной день, которую нам организовал Владимир, проработавший в Сирии многие годы. Рано утром мы выехали из Дамаска по старой дороге на Бейрут – столицу Ливана. Справа была река Борода, слева, а потом и по обеим сторонам, возвышались большие холмы, в которых нередко попадались пещеры. По словам Владимира, во многих из них обнаружены следы пребывания первобытных

людей и древние наскальные рисунки. Вскоре выехали на новое Бейрутское шоссе и, миновав престижный пригород Демас, направились в сторону ливанской границы. Но, немного не доезжая ее, свернули на горную дорогу и стали подниматься по ней в самые что ни на есть библейские места, о которых знаем из Ветхого завета. Здесь, согласно преданиям, взрослели и пасли овец сыновья Адама и Евы – Каин и Авель. Здесь же и произошло первое в истории человечества убийство. Каин убил своего брата Авеля из зависти. К могиле Авеля мы и направлялись. С высокой горы отчетливо были видны многочисленные пещеры на противоположном горном склоне, в которых несколько десятков тысяч лет назад проживали древние люди.

Достигнув плоской вершины и выйдя из припаркованного автомобиля, мы увидели мусульманский храм с полумесяцем на вершине, но с очень необычной архитектурой. Ниже купола по периметру окружности были изображены фигуры, напоминающие перевернутые «сердечки» червовой масти игральных карт, немного похожие по очертанию на православные купола. Через одну фигуру они чередовались с обычными пятиконечными звездами, что выглядело очень странно. Храм был сооружен как раз на месте могилы Авеля; сама могила находится внутри храма. На стоянке было много автобусов с мусульманскими женщинами в черных одеждах, прибывших, как выяснилось, из Ирана специально для того, чтобы побывать на этом святом месте. К стыду своему, я, получивший советское атеистическое воспитание, как и все мы, не знал, что Адам и Ева, а также практически все ветхозаветные персонажи признаются не только христианами, но также мусульманами и иудеями. На изображенном перед входом в храм генеалогическом древе, где в основании был Адам, вдоль ствола десятка через полтора звеньев значился основатель ислама – пророк Мухаммед. Вот так да! Ну, теперь понятно, почему тут кроме нас одни мусульмане.

Разувшись, мы вошли в храм, встали в хвост длинной очереди мусульманских паломников и медленно, гуськом стали продвигаться вглубь. Наконец, приблизились к самой могиле. Она представляет собой каменное надгробие высотой метр с небольшим и длиной 7 м (таков, якобы, был рост Авеля). Вся эта конструкция была накрыта зеленым сукном. Держась левой рукой за плиту, вся процессия и мы вместе с ней обходили эту плиту против часовой стрелки. Рядом истово молились пожилые мужчины – мусульмане. Вот дела! Оказывается большая часть человечества верит в одни и те же легенды, которые лишь в некоторой своей части различаются. И во многом из-за этих различий на протяжении многих поколений люди убивали и

вырезали друг друга миллионами. А некоторые и сейчас, находясь почти внутри одной веры (например, сунниты и шииты), продолжают истово ненавидеть и уничтожать друг друга. Видел бы бог, что делали и делают грешные люди, прикрываясь его именем.

После посещения этого святого для мусульман, христиан и иудеев места двинулись назад. Немного отъехав, остановились и вышли из автомобиля: открывался красивый вид на горы, за которыми совсем недалеко были Ливан, долина Бекаа и Средиземное море. Да и Израиль с Палестиной, в которых побывал несколько лет назад, тоже совсем близко. Видимо, еще долго будет неспокойно в этих библейских местах, где люди, обращаясь каждый к своему богу, никак не могут договориться друг с другом.

Вернувшись в Дамаск, проехали еще по нескольким незнакомым кварталам. Притормозили у представительства московской патриархии и находящегося рядом православного храма. Немного погодя стали подниматься по серпантину на самую высокую гору в окрестностях Дамаска. На вершине оказался уютный современный ресторан с большими стеклянными окнами почти без оконных рам. Отсюда открывалась чудная панорама пятимиллионного восточного города с его узкими улочками и широкими проспектами, многочисленными старинными храмами и современными гостиницами. Пока, не торопясь, ужинали и беседовали, наступили сумерки, превратившиеся буквально за несколько минут в абсолютную ночную темноту. Отсюда, с высоты птичьего полета, светящийся яркими огнями Дамаск казался еще красивее.

В последний вечер пожилой сириец Фарес, немного говоривший по-русски и помогавший нам в подборе и копировании материалов, устроил нам еще одну поездку за город, в район компактного проживания христиан, составлявших до 15 % численности населения этой страны. Причем на памяти нескольких поколений здесь ни разу не было конфликтов между мусульманами и христианами, мирно проживающими по соседству, работающими бок о бок на одних и тех же предприятиях и в компаниях. Сам Фарес тоже был христианином. Чувствовалось, что он все же недолюбливает своих соотечественников иной веры, хоть сам и принадлежит к той же нации. Но в основном это касалось их неопрятности, безответственности при рождении большого количества детей, обреченных из-за этого на бедность, и других моментов быта и жизненного уклада, но никак не веры, к которой он относился терпимо. Фарес искренне гордился абсолютной чистотой,

ухоженностью и красотой христианских районов и пригородов Дамаска. Действительно, они впечатляют. Застроенные преимущественно красивыми особняками состоятельных граждан, эти районы выглядят очень привлекательно. А многочисленные христианские храмы красивы особенно вечером, в разноцветных подсветках. Светящиеся неоновыми цветными лампами кресты на куполах довершают непривычную для нас красоту христианских архитектурных ансамблей. И внутри храмы тоже непривычно красивы и торжественны. Никаких мрачных сумерек, а только сеет, легкость и яркие красочные иконы, отличающиеся от привычных нам только более живой гаммой цветов. Встретившаяся монашка, говорившая немного по-русски, рассказала, что училась иконописи в нашем Сергиевом Посаде под Москвой.

По пути сюда Фарес завез нас в богословский университет, основанный сирийскими христианами, которые называют себя сирияками. Сирияки, по его словам, довольно развитое христианское течение, в том числе и за пределами Сирии, причем возникло оно одним из первых и гораздо раньше оформившихся католицизма, православия и протестантства. Этот университет и храм при нем построены на деньги прежде всего зарубежных сирияков. По своей сути это течение очень мало отличается от православного христианства. Мы прошлись по коридорам, по сторонам которых были привычные академические аудитории, только более светлые и аккуратные, а на дверях надписи арабской вязью. Из отдельных классов слышалось мелодичное хоровое церковное пение. Осмотрели украшенные иконами холлы и залы, сфотографировались с проходившими мимо монашками (с их позволения).

После всего этого глубоким вечером посидели в очень экзотическом национальном ресторане в одном из христианских кварталов, по достоинству оценив новые вкусовые оттенки сирийской национальной кухни.

На обратном пути в свою гостиницу увидели на одной из площадей ярко подсвеченную высокую стелу в виде дамасского меча – символ знаменитой на весь мир в давние времена дамасской стали, которая закаливалась особым способом: на ветру, на скаку быстроногого коня.

Бесспорно, очень интересная и своеобразная страна, не похожая ни на какую другую.

Пакистан – это неожиданно

Пакистан относится к числу тех стран, к которым мы проявляем крайнюю настороженность и где наши соотечественники бывают очень редко. Из-за этого сложившегося

стереотипа у меня тоже не возникало желания туда ехать. Но руководство института в лице первого заместителя генерального директора Платовского Юрия Витальевича настоятельно просило помочь нашим партнерам из дочерней Газпромовской компании и войти в состав их делегации для участия в выставке «Нефть и газ 2004», проводимой в крупнейшем Пакистанском городе Карачи. Предполагалось, что мы будем внедряться на этот рынок с наукоемкими технологиями в области моделирования природных резервуаров углеводородов и поиска подходящих мест организации подземных газохранилищ.

Несмотря на явное внутреннее нежелание, я вынужден был ехать в эту командировку. Февраль 2004 года оказался для меня самым «полетным» месяцем, в течение которого пришлось побывать в четырех климатических поясах. В начале месяца мы с сотрудниками ВНИИГАЗа Сергеем Вальковским и Дмитрием Люгаем летали на север Западной Сибири, в Новый Уренгой, где принимали участие в рассмотрении результатов 3Д-сейсморазведки на крупнейшем Уренгойском газовом месторождении. Температура воздуха там доходила до – 40 градусов. Потом на несколько дней я летал один в Геленджик в «Южморгеологию» для экспертизы сейсмических материалов на четырех участках Черного и Азовского морей. Здесь наряду с затихающими «норд-остами» уже появлялись признаки приближающейся весны при дневной температуре +10–12 градусов. Ну, а в Карачи в это время стояла духота с температурой +30 и выше. И все эти неблизкие, прямо скажем, места моих визитов перемежались промежуточными остановками в февральской заснеженной Москве.

Мы полетели втроем, вместе с сотрудниками фирмы «Газпромгеокомсервис» Андреем Плотниковым и Алексеем Монаховым. Путь лежал через Дубай в Арабских Эмиратах, где мы делали пересадку. Я тогда в первый раз летел рейсом компаний «Эмирэйтс» и был поражен степенью комфортности самолета даже в экономическом классе. В кресле каждого впереди стоящего кресла был телеэкран, где по выбору можно было индивидуально смотреть свыше 30 развлекательных программ на разных языках или играть в различные компьютерные игры. Тут же имелась трубка спутникового телефона, и ты мог при желании прямо из своего кресла позвонить в любую точку мира, оплатив разговор любой пластиковой картой, либо приобретя телефонную карту у стюардессы. После пересадки мы до конечного пункта назначения Карачи летели рейсом той же авиакомпании «Эмирэйтс» на таком же суперкомфортном самолете чуть более полутора часов.

В Карачи в конце февраля оказалось очень жарко, в связи с чем и в помещениях, и в автомобилях были постоянно включены кондиционеры.

Город был очень большим и довольно разнородным. Деловой центр с ансамблем современных зданий и гостиниц мало отличался от любого другого большого города мира, в том числе и европейского. Лишь попадающиеся изредка мужчины в длинных белых одеждах свидетельствовали о том, что мы находимся в исламской стране. Но люди на улицах были одеты очень разнообразно. Многие женщины были одеты по-европейски, в то время как в закрытых мусульманских одеждах их было совсем немного. Понятно, что страна все же является светской, и исламский фундаментализм ей не присущ.

На перекрестках перед светофорами между машинами без конца сновали цыганки, беспрестанно стучащие в стекло автомобиля и просящие милостыню. Однако их вполне приличный внешний вид и большое количество золота в ушах и на пальцах заставляли усомниться в их действительно бедственном положении. Просто это образ жизни, впитанный несколькими поколениями цыган. Но здесь их было как-то многовато. Недаром по одной из теорий исторические корни цыган – в Индии, которая тут совсем рядом.

Что особенно впечатляет на улицах Карачи – это внешний вид городских автобусов. Каждый из них – это чуть ли не отдельное произведение фольклорного искусства. Множество цветных «рюшечек», бахромы, атласа и колокольчиков по всему периметру, расписанные рисунками борта и своеобразный индивидуальный звуковой сигнал – все это придает неповторимый индивидуальный образ каждому «железному коню», который много говорит о характере и пристрастиях своего хозяина. Но большинство этих автобусов не оборудованы кондиционерами и ездят по городу с полностью распахнутыми окнами и дверями.

Кроме каких-либо типичных сувениров в Пакистане можно приобрести весьма качественную кожу, которая, по отзывам знатоков, значительно превосходит и индийскую, и турецкую, а по стоимости просто символическая, конечно, если вы не будете покупать ее в бутиках. Недалеко от гостиницы, прогуливаясь с Алексеем Монаховым, мы обнаружили торговые ряды, состоящие из многочисленных маленьких павильончиков, В одном из них торговал пакистанец, называвший себя Васей. Он немного говорил по-русски, поскольку в советское время учился в Баку. Алексей, взявший с собой размеры всех своих женщин, заказал ему несколько кожаных костюмов, которые все были пошиты

через три дня. Я не был готов к такому мероприятию, т. к. покупать готовые вещи было рискованно – местный типовой покрой плохо подходил под наши российские фигуры. Поэтому ограничился покупкой нескольких разноцветных кожаных дамских сумок и стильных кожаных штанов для себя. Сейчас не помню, сколько все это стоило, но тогда знаток Алексей прикинул, что в Москве аналогичное было бы а 7–8 раз дороже, да и такого качества кожи у нас было не сыскать.

Довольно разнообразен и отличен от привычного растительный и животный мир этих мест, хотя посмотреть на него удалось лишь в городских условиях. В небе постоянно кружат десятки и сотни огромных птиц с большими клювами, похожие на грифов. И растительность совсем непонятная: какая-то смесь видов различных поясов. Это и не тропики в обычном понимании, и не пустыня. Сложное взаимодействие воздушных масс находящегося рядом Индийского океана и горно-пустынного раскаленного воздуха прилегающей суши создают неповторимое климатическое своеобразие а этом районе. Адаптироваться к этому тяжеловато: потребуется несколько дней, а как только более или менее привыкнешь, надо лететь назад. Говорят, что совершенно другой климат в расположенном в горах Исламабаде – столице Пакистана.

Гостиница наша примерно соответствовала заявленным четырем звездам, и сервис в ней был вполне на уровне. Она достаточно серьезно охранялась по периметру и внутри, поскольку экстремистских групп в Пакистане достаточно. Внизу имелся бассейн с шезлонгами вокруг, где лишь два раза за всю командировку удалось поплавать и погреться на вечернем солнышке. В остальное время были довольно плотно заняты на выставке, где у нас был свой совсем не маленький бокс. Кроме того, разъезжали по представительствам различных фирм, предлагая свои услуги. Пару раз мне пришлось делать доклад перед менеджерами и руководством двух местных компаний.

Шефство над нами во время поездки осуществлял некий пакистанец Мериб, имевший какой-то бизнес в области металлургии на Украине и выступавший в данной поездке посредником между нами и местными газовыми компаниями. Мы постоянно были окружены заботой его и прикрепленных к нам сотрудников-консультантов. Все они были настроены весьма приветливо и дружелюбно и совсем не отказывались, когда мы по-домашнему предложили распить в номере за знакомство некоторое количество виски. Понятно, что мусульманские традиции были для них не догмой, а лишь символом, который надо стараться соблюдать, принадлежа к своему народу. А вы

думаете, у нас не так? Что наши руководители в один миг смогли стать искренне верующими, после того как выросли атеистами?

Когда дня через три привезенные с собой запасы спиртного кончились, наши пакистанские товарищи на своем «черном» рынке достали необходимое количество шотландского виски «Блэк лэйбл». Официально в магазинах спиртное, действительно, не продавалось.

Несколько раз они приглашали нас по вечерам в различные рестораны и один раз – в национальный, который очень понравился. Оформлен он был в восточном стиле, к которому добавлялись совершенно нетрадиционные декоративные водопады. Имелась открытая часть кухни, где на твоих глазах жарились крупные креветки – прауны и многие другие различные деликатесы, названия которых запомнить невозможно. Но вкусно было очень, и качество приготовления было идеальным, поскольку при столь обильном и разнообразном ужине никаких негативных последствий на следующий день не обнаружилось.

Так что эта поездка в неизвестную восточную страну оказалась неожиданно приятной и весьма интересной.

Эмиратский рай в пустыне

Однажды в школьные осенние каникулы 2004 года, когда супруга могла взять отгулы на работе, а у меня выдалась неделька в рабочем графике, чтобы отпроситься в короткий отпуск, захотелось догнать ушедшее лето и погреться на теплом солнышке. Девушки из бюро путешествий на Пречистенке, где мы стали уже завсегдатаями и пользовались скидками, посоветовали в это время года съездить в Арабские Эмираты, тем более что у них образовалась горящая путевка в очень комфортабельный отель «Хилтон Джумэйра» чуть ли не за половину цены. Поскольку раньше они нас никогда не подводили, мы согласились. Дочь Анюта тоже напросилась с нами.

После четырех часов полета из Москвы приземлились в аэропорту Дубай – главном городе одного из крупнейших эмиратов. Я уже бывал здесь ранее, пролетом в другие страны, но каждый раз не перестаешь удивляться грандиозности и комфорту построенного здесь уже много лет назад здания аэропорта, оформленного к тому же с большим художественным вкусом. В середине очень длинного зала, по обеим сторонам от движущихся дорожек с поручнями, по которым перемещаются пассажиры, протянулась аллея высоченных пальм. Они достают чуть ли не до прозрачного стеклянного потолка, находящегося на высоте метров двадцати.

Пальмы, конечно, искусственные, но выглядят в этом художественно-архитектурном ансамбле потрясающе. Их стволы,

состоящие из отдельных своеобразных чешуек, очень похожих на настоящие, окутаны сотнями маленьких лампочек, каждая из которых находится в центре такой чешуйки. Глядя на эту красоту, издалека задаешься вопросом: «Не из золота ли все это сделано?» В аэропорту до мелочей продуманы все посадочные боксы и терминалы, А магазины беспошлинной торговли – «Дьюти фри» – занимают здесь чуть ли не весь цокольный этаж и по богатству выбора самых различных качественных товаров: от алкоголя и парфюмерии до бытовой техники, одежды и золота – им, пожалуй, нет равных в мире. Причем здесь все существенно дешевле по сравнению со всеми другими зонами свободной торговли в аэропортах, в которых мне довелось бывать.

Поселившись в действительно роскошной гостинице «Хилтон» на берегу Персидского залива, мы поняли, почему номера оказались существенно дешевле номинала. Рядом, в двух сотнях метров, разворачивалось грандиозное строительство нового туристического комплекса, не прекращающееся ни днем, ни ночью. Хотя при включенном кондиционере и закрытых окнах шум в номере отсутствовал, приятного в таком соседстве, согласитесь, было мало. Не очень комфортно, будучи на пляже, слышать скрип перемещающегося по рельсам крана. Остальные моменты, включая гостиничный сервис, соответствовали пяти звездам.

Заплыв в воды Персидского залива не произвел на меня впечатления. Мелкий и мягкий песочек на пляже и в воде был хорош для купания молодых мам с малышами, но никак не для нас. Малейшее дуновение ветерка и легкое волнение тут же делало прозрачную воду абсолютно мутной, а смотреть в такой воде за бедной прибрежной живностью было неинтересно. Может быть, такое ощущение создавалось потому, что после буйства красок подводного мира Красного моря любой другой водоем воспринимался скучновато. Но, например, для отдыхающих немцев это было все равно. Насколько я успел заметить, на всех курортах большинство из них предпочитают купаться в бассейнах, имеющихся туг же на пляже или при гостинице, но нам это не подходит.

Недалеко от нашего пляжа, напротив единственной в мире уникальной семизвездочной гостиницы «Парус», стоящей в море, есть совершенно изумительный аквапарк с невиданными нами доселе в других аквапарках аттракционами и даже создаваемыми искусственно тропическими ливнями с громом и молниями. Но ехать туда пришлось на такси, поскольку идти пешком было невозможно из-за отсутствия тротуара, а другим транспортом тут никто не пользовался. С удивлением обнаружили, что такси

существенно дешевле московского. Водитель-таксист был индусом. Одет был в форму, основным элементом которой являлась белоснежная рубашка. Видно было, что работой он очень дорожит.

По поводу работы здесь разговор особый. Практически все рабочие места заняты иностранцами, причем многие из них – граждане развитых европейских стран. Даже в эмиратской авиакомпании «Эмирэйтс» стюардессами работают англичанки, француженки, немки и т. д. Про пилотов и говорить нечего. Всех привлекают большие заработки, которые на таких рабочих местах зачастую выше европейских. А что же сами граждане Объединенных Арабских Эмиратов? Они в большинстве своем не работают, либо, если работают, то занимаются преимущественно управлением собственного бизнеса. При этом получают образование в самых лучших и престижных университетах мира. Работать им по материальным соображениям не требуется. Иногда шутят: «Здесь же все миллионеры». Но это не шутка. Когда рождается гражданин Арабских Эмиратов, он получает от государства на свой личный счет очень серьезный депозит, который постепенно вырастает за счет банковских процентов и может обеспечить его безбедное существование в течение всей жизни. Во как! Позвольте, а откуда это и почему у нас не так?..

Оглядываясь вокруг, понимаешь, что в Объединенных Эмиратах нет каких-либо серьезных исторических и культурных ценностей, за исключением тех, которые пытаются придумать и создать для дополнительного привлечения туристов. Да и страны-то, как таковой, по большому счету несколько десятков лет назад и не было. Были отдельные маленькие эмираты с нищим населением, которое жило в этих пустынях с незапамятных времен чуть ли не на уровне первобытного строя. А сейчас вокруг сплошные суперсовременные города с морем огней, построенные с применением таких строительных технологий, каких нигде больше и не увидишь. Лучшие специалисты в мире «куплены с потрохами» и трудятся на благо местного населения, совсем недавно вышедшего из «песка», в котором бедуины некоторых соседних стран живут по сию пору. И это всего-то за 30–40 лет после того, как нашли большую нефть. А что же мы? Ведь у нас не только нефть и газ, а еще и золото, алмазы, железо – чего только нет! И такого добра на душу населения больше, чем у кого-либо в мире. И не 30–40 лет назад их обнаружили, а они всегда были в немалом количестве на памяти нескольких поколений. Но ни при царе, ни при советской власти и ни теперь, когда в стране уже семь лет как имеются грандиозные финансовые возможности, каковых не было никогда в нашей истории, мы не можем

выбраться из нужды. Наоборот, все больше населения к ней скатывается, если сравнивать не с нами же, вчерашними нищими, а с тем, как живут люди даже в относительно отсталых странах. Слушать бредни нашего правительства о том, как все лучше и лучше обстоят у нас дела, ей богу стыдно. Конечно, если сравнивать с периодом того коллапса, который был в 90-х, то да. Но кому нужны такие сравнения? Мировая цена на нефть возросла в семь-восемь раз по сравнению с 1998 годом. Попробуйте условно умножить свой тогдашний уровень жизни на это же число. Что у Вас получилось после такой оценки теперешнего Вашего уровня благосостояния? Семикратное улучшение или фиг с маслом? То-то же. А куда делись денежки? Ясно куда… Большие дяденьки «растренькали» на себя, а кивают на какой-то стабилизационный фонд, где осталась лишь небольшая часть, которую они с их «высоким» интеллектом не придумают, как потратить с пользой для государства. А ведь за это время на такие средства можно было уже перевооружить всю промышленность, построить дороги, наладить производство на основе новых технологий и жить уже в совершенно другой стране. И большинство таких вложений не вызвали бы неконтролируемых инфляционных процессов, которых так боялось наше полуграмотное правительство. Ведь средства не были бы направлены напрямую на потребление. Семь лет упущенных возможностей прошло, и перед нами все то же разбитое корыто, только слегка замазанное и подлатанное. Так что не будет у нас «эмиратского» рая. Да и русского никогда не было и не будет. Такие мы: будем дальше тешить себя надеждами на призрачное счастье и богатство, которое когда-нибудь само свалится нам в руки «по щучьему велению». Но такое бывает только в сказках, причем чаще всего именно в русских народных.

Индонезийские встречи

Когда в очередной раз одна из известных российских компаний попросила меня оказать ей консультационные услуги на предмет изучения на месте геолого-геофизических материалов и в качестве страны назначения назвала Индонезию, я испытал двоякое чувство. Лететь в такую даль и тратить на это несколько дней своего законного отпуска (по-другому никак не оформить эту поездку) не хотелось, потому что накопившаяся усталость требовала настоящего отпуска, не отягощенного утомительной и напряженной работой. Но с другой стороны, побывать на знаменитом острове Ява, почти на другом конце Земли, было заманчиво.

Мы отправились в эту дальнюю поездку втроем. Вместе со мной летели специалисты пригласившей меня компании –

Валентин Мамонтов и Роман Сологуб. Билеты нам были заказаны так, что полет проходил с многочисленными посадками и одной пересадкой. Первый отрезок по привычному уже маршруту Москва – Дубай преодолели за четыре с небольшим часа на комфортабельном самолете Эмиратских авиалиний. Там через три с лишним часа сели на новый борт той же авиакомпании и летели уже довольно долго. Сначала, перелетев часть Индийского океана, совершили промежуточную посадку в столице Шри Ланки Коломбо, а затем, после второго отрезка пути, сели уже в Сингапуре, откуда до столицы Индонезии Джакарты оставался лишь час полета, однако главное при этом то, что мы пересекали линию экватора и оказывались уже в южном полушарии. При посадке и взлете в районе Сингапура обратили внимание на сотни, если не тысячи больших и маленьких судов внизу, плотно заполнивших всю акваторию вблизи огромного города.

В Джакарте нас встретили представители принимающей фирмы и доставили в роскошную гостиницу с номерами в национальном стиле. Небольшие скульптурные композиции довершали совершенный и оригинальный дизайн помещения, оборудованного всеми возможными средствами связи, включая высокоскоростной Интернет. Причем все это входило в стоимость номера.

Офис, где мы работали, располагался в непосредственной близости от гостиницы, составляя с ней фактически единый многоэтажный комплекс из нескольких зданий, который довольно строго охранялся. Хотя никакой внешней опасности не ожидалось, но так было положено. По городу мы могли ходить свободно, не опасаясь криминогенной обстановки, которая, судя по всему, была гораздо спокойнее, чем в российских крупных городах, а тем более в Москве. Но взглянуть на Джакарту хоть одним глазом удалось лишь на третий день, когда организаторы выделили нам машину с водителем для обзорной поездки. Начали мы с района нашего расположения Мега Конинган, где находились посольства многих стран, включая и российское. Мы делали короткие остановки в наиболее интересных местах, выходили из машины и фотографировали друг друга.

Честно сказать, я не ожидал, что Джакарта произведет на меня такое благоприятное впечатление. Небоскребы и высотные здания в деловом центре, в отличие от большинства американских крупных городов, гармонично вписывались в городской пейзаж, составляя с ним единое целое. В городе чрезвычайно много зелени: садов, скверов и парков прямо среди многоэтажных урбанистических конструкций, что существенно смягчает впечатление от агрессивных форм суперсовременного

градостроительства. Как и во многих азиатских странах, в городе очень много мотоциклистов. И этот факт наряду с совершенной системой многоуровневых транспортных развязок спасает крупные города, в том числе и Джакарту, от катастрофических транспортных пробок, которые мы имеем в Москве. Можно себе представить, что было бы, если бы все вдруг здесь или во Вьетнаме пересели с мотоциклов на автомобили. Еще одно средство борьбы с пробками здесь состоит в том, что в центр города запрещен въезд легковых автомобилей, в котором находится менее трех человек. То есть везти одного себя в машине нельзя, да и вдвоем с приятелем или супругой тоже маловато будет. Но местные автомобилисты быстро нашли способ, как обойти это ограничение. На перекрестках при подъезде к центру дежурят мальчишки, которые за один доллар прокатятся с вами в машине, обеспечивая вам необходимую загрузку.

Еще индонезийцы придумали, как обеспечить свободу передвижения городским автобусам, чтобы те не толкались в пробках и не усугубляли транспортные проблемы в городе. Для них на большинстве транспортных городских магистралей предусмотрена отдельная полоса, причем не крайняя правая у тротуара, а крайняя левая – в центре дороги. И на эту полосу недисциплинированные водители других автомобилей даже при желании не смогут заехать, поскольку она отделена от остальной части дороги высоким бордюром. Да, но как же сажать и высаживать пассажиров на остановках, которым надо оказаться на тротуаре? Для этого в местах остановок 8 центре проезжей части есть специальная высокая платформа наподобие тех, которые у нас построены для пригородных электричек, только короче. Пассажиры попадают на нее либо по переходному мосту над проезжей частью, либо по подземному переходу. То или другое есть на каждой остановке, Система работает очень эффективно. Пока мы медленно ползли на автомобиле вместе с транспортным потоком, справа нас постоянно обгоняли комфортабельные городские автобусы, которые шли точно по расписанию. Вся эта комплексная система мер привела к тому, что в Джакарте, превышающей нашу столицу по количеству жителей и гостей, а особенно по количеству автомобилей, всегда рабочая дорожная обстановка. У нас же при гораздо меньшем количестве транспорта в пробке можно простоять иногда целый день. Стоящие на московских улицах вместе со всем транспортом троллейбусы и автобусы в разы ухудшают ситуацию. И по большому счету никто из московских властей ничего не делает, а положение все усугубляется.

Неожиданным для меня было и то, что в Индонезии неплохо развиты многие отрасли промышленности и добывается более 60 млн т нефти в год, несмотря на то что большинство месторождений мелкие и малорентабельные.

Конечно, здесь есть и экономические, и политические проблемы. Одну из них и нам надо было принимать во внимание при выборе перспективных участков для разведки. Это касается межэтнических отношений с коренным населением на острове Папуа-Новая Гвинея.

Наш обратный вылет приходился на глубокий вечер, и в последний день принимающая сторона организовала нам великолепную поездку на «сафари» в национальный парк на острове Ява, примерно в 80 км от Джакарты. По дороге поднимались все выше в горы. Вокруг, почти на всех окрестных холмах, аккуратными рядами росли чайные кусты. Была предусмотрена промежуточная остановка с посещением еще одного ландшафтного парка на крутой вершине, с которой стартовали многочисленные дельтапланеристы и парили потом многие километры по горной долине, ловя восходящие потоки воздуха. Но проехать туда было непросто. На некоторых участках автомобиль еле «втискивался» по ширине между отвесной стеной слева и крутым обрывом справа. Получалась экзотика вместе с «экстримом».

Наконец мы добрались до места назначения – «Таман сафари». Конечно, ни о какой охоте речи не было. Мы объезжали на автомобиле парк установленным маршрутом на медленной скорости, а свободно гуляющие животные с любопытством подходили к машине в ожидании лакомства. Кормить их, как ни странно, разрешалось. И перед въездом на территорию парка местные жители продавали мытую морковку и связки бананов. Мы закупили этот корм в достаточном количестве.

Во время нашего перемещения по парку особенно бесцеремонными были зебры и ламы. Они просовывали голову в открытое окно и требовали угощения. После того как оно было получено, животины не собирались быстро уходить. Одна из лам встала перед автомобилем и не давала двигаться дальше. Разнообразие животных здесь было потрясающим. Кроме уже упомянутых зебр и лам тут разгуливали жирафы, слоны, бегемоты, верблюды, олени, козероги, медведи, носороги, крокодилы и даже настоящие хищники: львы, тигры, пантеры и пумы. Из крупных птиц тут находились павлины, фламинго и высокорослые австралийские страусы эму. Хищники были отделены от остальных двойным высоким металлическим забором и двойными воротами для проезда автомобилей с

туристами. А автомобилистам предписано перемещаться по территории хищников медленно и с полностью поднятыми стеклами.

На отдельном, довольно большом, участке, накрытом прозрачными сетками, где уже следовало ходить пешком без автомобиля, над головой тут и там пролетали крупные красочные попугаи и туканы, норовя чуть ли не сесть на плечо. Здесь же были смоделированы темные пещеры в рукотворных горах, куда могли залетать совы, боящиеся яркого солнечного света. Между этими мини-скалами были проложены тропинки и ступеньки с поручнями. На поручнях тут и там сидели с философским видом крупные попугаи с большими гребешками и при нашем приближении к ним, даже вплотную, никуда не собирались перелетать. Когда мы пытались поговорить с ними, они наклоняли голову и внимательно слушали. Потом неожиданно что-то отвечали, скорее всего, на индонезийском языке. То ли они посылали нас подальше, то ли требовали лакомства: «Чё, дурак, пялишься, пожрать дай», – сие осталось неизвестным. Впечатление от такого общения с животным миром незабываемое. Никак не сравнить с зоопарком.

Еще на территории этого парка было грандиозное ковбойское шоу со стрельбой, настоящими пожарами, натуральным падением людей с большой высоты и подобными сложными трюками.

Но все же скоро настало время покидать эту экзотическую страну. В целом организация городского хозяйства в этом островном азиатском государстве превзошла все мыслимые ожидания. От этого еще больше «за державу обидно», как говорил таможенник Верещагин в «Белом солнце пустыни». Как же так? Даже самые средние страны оставили нас далеко позади по большинству вопросов, связанных с качеством жизни обычного человека.

ПО РОДНЫМ ПРОСТОРАМ

Как бы хорошо и интересно ни было в зарубежных странствиях, со временем все больше понимаешь, что своя земля все равно лучше. Но захламили мы ее – не приведи господи. Никто в мире не имеет таких природных богатств, как мы. Жаль только, что мы не ценим этого. Люди в других странах, миллионами ютящиеся на клочках благоустроенной земли, вылизывают и вычищают ее ежечасно. Довольно образно выразился по поводу наших обширных просторов мой коллега по работе в Мурманске Юрий Драница. В погожие дни конца августа – начала сентября, когда в пору осенних ягодно-грибных сборов идешь по бескрайней тундре Кольского севера среди живописных сопок, часто возникает ощущение, будто бы ты один на один со всем пространством и вечностью. Над тобой бесконечное небо и абсолютная тишина. Даже не слышно пения птиц. Только ты и Вселенная, больше никого. Разве можно испытать такое где-нибудь в Европе, Японии или любой другой благополучной и сытой стране? Никогда! Мы многократно богаче их. Надо только научиться всем этим богатством бережно и по-хозяйски распоряжаться. А вот с этим у нас намного хуже, если не сказать совсем плохо. Следует предпринять срочные меры, по крайней мере, в области экологического воспитания молодого поколения, да и взрослого населения тоже. Надо, чтобы люди инстинктивно, на подсознательном уровне относились к нашему главному национальному богатству так же, как к своей личной собственности. Увы, с нашим менталитетом нам пока далеко до цивилизованных стран.

А ведь сколько же у нас таких красот и прекрасных уголков, которых нигде в мире не сыскать! И чтобы посмотреть их все хоть одним глазком, целой жизни не хватит.

«Самое синее в мире – Черное море мое»

Эти слова известной песни я запомнил еще с детства, поскольку у нас дома была черная пластинка на 78 оборотов в минуту с синей наклейкой, на которой была записана эта замечательная песня в исполнении знаменитого тогда певца Георга Отса. Как тогда хотелось увидеть это самое Черное море! Впервые я побывал там вместе с родителями летом 1970 года в возрасте 14 лет. Отец был по путевке в военном санатории в Крыму, а для нас с мамой и сестрой Татьяной он снял комнату в частном секторе довольно далеко от моря.

Как декларировалось еще в советское время, Черноморское побережье – это всесоюзная здравница. И это не было

преувеличением. Люди со всего Союза съезжались сюда в разгар летних месяцев, причем значительная часть из них ехала без путевок, т. е. «дикарями», как их тогда называли. В этом смысле были «дикарями» и мы с мамой и сестрой. Первая встреча с ласковыми морскими волнами оправдала ожидания и не разочаровала. Но в памяти остались многочисленные длинные и изнурительные очереди в обеденный перерыв в предприятия общепита. Готовить самим в доме хозяйки далеко от моря было «не с руки», тем более, возвращаться туда обедать в июльскую жару в битком набитом городском автобусе было невозможно. Поэтому период полуденной жары использовали для обеда и отдыха на скамейке где-нибудь в тенистом парке.

У меня осталось незабываемое впечатление от экскурсии в город-герой Севастополь, которая была организована от военного санатория, где папа отдыхал. Только что построенная «Панорама обороны Севастополя», мемориал на Сапун-горе и чудный аквариумный комплекс приводили меня в восхищение. Пионеры в парадной форме и со свистками, делающие замечания пешеходам, намеревающимся перейти улицу в неположенных местах, довершали ощущение того, что мы находимся в городе «коммунистического завтра». Потом, а крымские практики студенческого периода, а еще позже уже и со своими детьми, я не раз возвращался в этот город русской славы.

С 1983 по 1994 год мы приезжали всей семьей с детьми отдыхать в Крым практически ежегодно, предпочитая его здоровый и целебный воздух более влажному Кавказскому побережью. В первый раз мы приехали из Апатитов в пансионат «Геолог» в Гурзуфе вдвоем с Сергеем Зубаревым. Путевки достать помог его дядя – высокопоставленный чиновник Министерства геологии. Многие геологи старшего поколения наверняка помнят этого порядочного и профессионального управленца, которых сейчас не сыскать. Мы взяли своих детей – Сергей дочь Марину – первоклассницу, а я четырехлетнего Антона. Днем мы с Сергеем были заняты детьми, обеспечивая полноценный отдых после долгой полярной ночи. Пляж пансионата был далековато, и мы пытались ходить на ближайший пляж для сотрудников пионерского лагеря «Артек», расположенный рядом, как раз напротив двух живописных останцов в море, называемых Адалларами. Их часто изображают на фирменных открытках с видами Крыма. Пропусков на пляж у нас не было, но вместо них обычно хватало недешевой тогда бутылки пепси-колы вахтеру. Зато купались мы на свободном пространстве и в чистой воде. Вечером, уложив детей, мы с Сергеем ходили на разные «развлекалки» – от бильярда и дискотеки до ресторана. Однажды,

возвращаясь примерно в два часа ночи с каких-то ресторанных посиделок, мы вдруг увидели свет в горящем окне нашего номера. Забеспокоившись, мы ускорили шаг и, быстро войдя в номер, обнаружили, что наши малые дети тоже «гуляют». Перед ними на столе стояли стаканы с пепси-колой, но глаза их были совсем заспанными. Видать, держались из последних сил, но попировать без родителей уж больно хотелось.

Начиная со следующего года, мы ежегодно в течение десяти лет останавливались у одной и той же хозяйки, Балакиной Антонины Дмитриевны, в селе Малореченское, что недалеко от Алушты по дороге в сторону Судака. Адрес нам дала случайная попутчица по купе, пожилая женщина Людмила Дмитриевна, с которой мы в предыдущий год как раз и возвращались с Антоном на поезде из Симферополя. Дом, о котором идет речь, находился прямо на берегу, в 30 м от пляжа. Мы всегда заранее договаривались с хозяйкой, и она держала нам места в доме даже в самый горячий сезон. Как только родилась Аня, ездили мы уже всей семьей и зачастую прихватывали с собой знакомых или родственников. Однажды с нами собрались туда всей семьей приятели Сафаргалеевы из города Апатиты. В другой раз мы взяли с собой мою маму с моей племянницей Машей. Тогда мы умудрились с полной ватагой маленьких детей пройти пешком в горы до водопада Джур-Джур и обратно, всего 13 км. Удивительно, но даже наша трехлетняя Аня выдержала.

Но даже когда приезжали одни, никогда скучно не было. Мы тогда очень легко сходились с людьми. И случайные знакомые по отдыху надолго становились нашими приятелями вплоть до того, что потом ездили друг к другу в гости: мы к ним в Минск или Подмосковье, а они к нам в Мурманск. Можно сказать, что по нашему крымскому семейному отдыху мы и замечали, как растут наши дети. Аню в первый раз привезли сюда в возрасте полутора лет, когда она, отщипывая от булки крошки и давая их хозяйской курице, произносила: «Куся куля куку», что означало: «Кушай, курочка, булку». А через десять лет это была уже девочка-подросток. Антон практически ежегодно отмечал свой день рождения в середине июня здесь, в Мапоречке. На торт или пирог за столом во дворе хозяйки в тени вьющегося виноградника собирались вся соседская ребятня и дети отдыхающих. А взрослые баловались домашним крымским виноградным вином. Что там говорить, конечно, мучит ностальгия по тем почти беззаботным временам, когда казалось, что все мы пребывали в состоянии, близком к абсолютному счастью. Потом, в середине 90-х, все тут очень быстро начало разваливаться, и мы уже стали ездить на летний отдых в основном за рубеж. Очень жаль…

Крым – это все же настоящая природная жемчужина, которую мы на всю жизнь полюбили еще со студенческих лет. В первой части, в историях «Мои университеты» и «Аспирантский интернационал», я писал немного о наших крымских приключениях. Но, увы, сейчас уже нет того Крыма, который радушно встречал людей со всей большой страны. Сейчас там люди делят власть, землю, деньги. Слава богу, нашим удалось договориться о сохранении там полигона геологического факультета МГУ, где до сих пор проходят учебную практику наши студенты. Надолго ли?

На Кавказское побережье ездили отдыхать в те годы лишь три раза, еще до вышеописанных ежегодных крымских каникул: в Новый Афон – вместе с будущей супругой Людмилой, потом с ней же – в свадебное путешествие в Хосту близ Сочи и еще раз туда же – через два года.

Но зато в наше время приходится ежегодно бывать в середине сентября в Геленджике на конференциях «Геомодель». И еще пару раз в конце 90-х мы в Геленджик заявлялись на отдых всей семьей с уже почти взрослыми детьми, когда в Крыму стало совсем не комфортно. Отдыхать здесь было приятно и как-то по-домашнему. Многие наши мурманчане после трудных 90-х стали геленджичанами, когда патриарх морской геологии и геофизики Яков Петрович Маловицкий перевез сюда из Мурманска вместе с собой остатки объединения «Союзморгео». Но это уже была совсем другая организация. Сейчас ее возглавляет Борис Сенин, а заместитель у него – Леонид Кузьменко. Там трудятся до сих пор многие из старой гвардии мурманчан. Еще очень много наших коллег, однокашников и знакомых – в других геленджикских организациях: «Южморгеологии», «Геохазаре», «Севморнефтегеофизике-юг». Даже Андрюша Богомягков из нашей студенческой группы живет в Геленджике, а еще и Валера Ковригин – приятель по мурманским еженедельным баням. Потому-то так хорошо и легко нам здесь отдыхать. Днем поплещешься на море, а вечерком зайдешь чайку попить к старым приятелям да вспомнить былое. Так незаметно и коротенький отпуск пролетит. Теперь, когда пишешь эти строчки, понимаешь, как же дороги мне все эти люди. Дай бог им здоровья, и поскорей бы увидеться снова.

Все же Черное море – это большая часть нашей жизни. В том числе и оно сформировало нас такими, какие мы есть, пусть во многом и разными.

Наверное, слова из той же песни в исполнении Георга Отса будут вполне к месту в завершении этих моих черноморских зарисовок:

Море в далекие годы
Пело мне песни, как мать,
Море меня научило
Грозные бури встречать…

Одну десятилетнюю бурю мы пережили. Будут ли еще? Но как бы там ни было дальше и какие бы новые проблемы нас ни поджидали, старая песня всегда будет греть душу теплыми воспоминаниями из далекого детства и юности:

Пусть нелегка эта доля,
Мне не прожить без нее,
Самое синее в мире —
Черное море мое…

Волжские дали

Круизы по родной матушке-Волге стали излюбленным видом нашего отдыха с 1989 года, когда мы впервые прошли на комфортабельном теплоходе «Михаил Фрунзе» по маршруту «Москва – Астрахань – Москва». Теплоход был почти новенький, чешской постройки. В каждой каюте кондиционер и полный набор удобств с небывалой по тем временам импортной сантехникой. У нас была трехместная каюта, в которой мы находились с супругой и десятилетним сыном Антоном.

Первый круиз по великой русской реке почти от истоков до устья и обратно произвел неизгладимое впечатление. Посетили большинство крупнейших волжских городов: Углич, Кострому, Ярославль, Горький, Казань, Куйбышев, Чебоксары, Ульяновск, Саратов, Волгоград, Астрахань – и несколько малых городов и зеленых стоянок. Здесь перед глазами проходит почти вся русская история, начиная от Ивана Грозного, присоединившего большинство этих земель к России. Времена смуты и лже-царей и освободительное ополчение Минина и Пожарского, родина Ленина и героическая Сталинградская битва – все это лишь некоторые крупные вехи волжской истории, которая во многом определяла историю всего Российского государства.

Кажется, лучше и интереснее отдыха придумать невозможно, когда знакомство с новыми городами и их историей сочетается с купанием на стоянках и праздником Нептуна, с многочисленными развлечениями и даже комедийными постановками народного театра, находившегося на борту. А вечерние танцы на корме под звездным небом, при «лунной дорожке», под звуки живой музыки ансамбля? Наша мурманская туристская группа, к которой мы присоединились при посадке на борт на Московском северном речном вокзале, была одной из

самых активных на судне и собирала большинство призов в различных конкурсах, проводившихся во время переходов между городами. Потом мы еще многие годы поддерживали отношения и вместе встречали некоторые праздники.

Второе наше путешествие состоялось спустя 15 лет, в 2004 году, и захватывало лишь часть верхней Волги от Нижнего Новгорода до Москвы. Но зато мы прошли по совершенно новой для нас части маршрута «Московская кругосветка» по Оке. Мы отошли от причала южного речного вокзала Москвы летним вечером на небольшом частном комфортабельном судне «Бородино». Большие пассажирские волжские суда по Оке не пройдут из-за того, что местами в фарватере глубина здесь едва достигает 2 м. Встречали каждую пару пассажиров радушно: с хлебом-солью, песнями и частушками. И маршрут, скажу я Вам, просто великолепный. Ока здесь имеет столько излучин, что, пройдя по ней с десяток километров, можно переместиться на местности на расстояние не больше двух верст. Очень интересно наблюдать, как другое судно, находящееся впереди или позади на несколько излучин реки среди низких берегов, поросших небольшими кустарниками, реально оказывается совсем близко, на расстоянии взгляда.

Первая остановка на маршруте – на родине Сергея Есенина, в селе Константиново, – была чрезвычайно интересна. От пристани долго поднимались вверх по крутому склону. Открывающийся с высокого берега живописный вид на безграничные русские просторы никого не оставит равнодушным. До самого горизонта простирается пойма Оки с заливными лугами, и надо всем этим – небесная синева с причудливыми кучевыми облаками. Становится понятным, откуда молодой поэт черпал свое вдохновение. С интересом осмотрели музей есенинской литературной героини Анны Снегиной, расположенный в отдельном небольшом особняке, Невдалеке был и дом родителей Есенина, к которым он приезжал, уже будучи известным поэтом. На центральной площади села, вблизи церкви, сохранилась сельская школа, где поэт постигал азы грамоты.

Дальше по маршруту были старые русские города: Рязань, Касимов, Муром, Павлово-на-Оке. Каждый по-своему неповторим и интересен: и старинными храмами со святыми иконами, и потомственными мастеровыми, и легендами о русских богатырях, конечно же, прежде всего об Илье Муромце, который был родом из этих мест.

И, наконец, достигли знаменитой «стрелки далекой», где Ока впадает в Волгу, вошли в Нижний Новгород. Здесь лучшие сыны земли русской Минин и Пожарский в 1611 году собрали

ополчение, пополнили его в Костроме и Ярославле и двинулись на Москву, освобождая Русь от непрошеных гостей. Город буквально полон достопримечательностей, связанных с огромными историческими периодами, начиная с тех времен и до наших дней.

В Костроме много любопытного, но особо знаменит Ипатьевский монастырь, где после долгого времени смуты русские люди избрали себе нового царя Михаила Романова, от которого и пошла династия.

Дальше вверх по Волге прошли через знаменитый волжский городок Плес. Здесь многие годы творил великий Левитан. В городе есть его дом-музей, с экспонатами которого мы с интересом ознакомились.

И уж точно нельзя забыть жемчужину золотого кольца России – город Ярославль. Со времени нашего волжского круиза 1989 года явно обновились и похорошели отреставрированные храмы – церковь Ильи Пророка в центре города и Спасский монастырь. Кроме обязательных экскурсий по городу и кремлю стоит посетить частный музей музыкальных инструментов, где чего только нет: от старинных клавесинов и граммофонов до музыкальных колокольчиков, которые вешали на шею коровам, чтобы те не потерялись.

Особенно удивил никому ранее неизвестный городок Мышкин. Лет 20 назад здесь не останавливался ни один круизный теплоход, а сейчас, наоборот, – ни один из них не пропустит этой пристани. За трудные для всей страны годы местные жители сами сделали свой город местной туристической Меккой, на полную катушку «раскрутив» брэнд, основанный на простой мышке. Каждый теплоход на пристани встречают с музыкой и полномасштабным театрализованным представлением, главными действующими лицами которого являются ряженые мыши, исполняющие местные песни и частушки. Жители своими руками и на свои средства создали два народных музея: музей мыши и музей старинных ремесел. В последнем во дворе поместили даже первые советские тракторы и грузовики, которые до сих пор на ходу. Кузнец в простой кузнице на глазах изумленной публики делает за несколько минут какую-нибудь простую вещицу, которую туристы нарасхват пытаются купить, предлагая несусветную цену, да еще выстраиваются в очередь. Еще почти рядом с пристанью есть музей валенок, где из этой простой русской обуви делают все, что угодно, даже фигурки самолетов, и подвешивают их к потолку. А в завершении визита в этот веселый городок настоятельно рекомендуем посетить чайный домик, где местные ряженые барышни со своими

частушками и прибаутками не дадут вам скучать. Этот город – яркий пример того, как силами простых людей, без всякой помощи государства в очень тяжелые для страны годы удалось на простом энтузиазме создать процветающий городок, жителей которого теперь по масштабам российской глубинки можно считать зажиточными. В то время как в большинстве других малых городов России все приходило в полный упадок при пассивном ожидании их гражданами лучших времен и надежды на господа бога и милость новых властителей.

Ну и последняя традиционная стоянка перед входом в канал имени Москвы – старинный город Углич, где во время экскурсии основное внимание гиды уделяют обстоятельствам убийства царевича Димитрия. Хотя в городе очень много самых разнообразных достопримечательностей. К одному из чудес местного масштаба относится постепенное проявление ярких росписей на стенах и потолке одного из заброшенных храмов. При этом никто не проводит никакой реставрации.

На десятый день теплоход «Бородино» доставил нас к причалу северного речного вокзала Москвы. «Московская кругосветка» закончилась. Мы душевно попрощались с прекрасным экипажем. Удовольствие от этой поездки получили огромное.

Еще через год мы в третий раз прошли часть уже хорошо известного маршрута верхней и средней Волги, но уже в круизе до Соловецких островов через Карелию и Беломорский канал. Но об этом отдельная коротенькая история чуть позже.

На байдарках по России

Отдых на реке на комфортабельном теплоходе, конечно, хорош, но при этом ты не ощущаешь полной близости с природой. Ты как бы отгорожен от нее благами цивилизации. И чтобы почувствовать себя внутри природы, ее составной частью, требуется совсем другая обстановка.

Когда Татьяна и Михаил Сазыкины, с которыми мы работали сначала в Апатитах, а потом в Мурманске, предложили нам сходить несколькими семьями на байдарках по тихим и спокойным речкам средней полосы России Мы с радостью согласились. Правда, до этого у нас не было никакого опыта байдарочных походов, тем более, с детьми. Но со слов наших опытных попутчиков, маршрут не представлял ни малейшей сложности, и байдарки использовались лишь для того, чтобы перебираться с одной понравившейся стоянки на другую, проводя большую часть времени на берегу с купанием и рыбалкой.

Сбор всех байдарочников происходил в Воронеже, где жили родители Сазыкиных. Участники похода являлись их бывшими

однокашниками по Воронежскому университету.

В первый двухнедельный поход мы отправились по реке Медведица в пределах Саратовской области. Следует отметить, что это уже была третья часть нашего чудесного двухмесячного летнего отпуска. У жителей Крайнего Севера были тогда такие продолжительные отпуска. До этого момента мы уже успели съездить на Черное море, в круиз по Волге до Астрахани и обратно, а также побывать у родителей в Железногорске и у бабушки в Москве. И все это только за одно лето. Мы тогда почти каждый год отдыхали с такой насыщенной программой. Благо, наши северные заработки позволяли нам это делать.

Сначала добирались поездом из Воронежа до небольшого городка Аткарска – с пересадкой в Тамбове. Сойдя с поезда, стали искать какой-нибудь грузовичок, водитель которого за умеренную плату смог бы доставить нас со всем нашим снаряжением и скарбом на берег реки. Через час-другой желающий «подкалымить» местный водитель, как обычно, нашелся. Мы распределились на пять семейных байдарок. Причем все они были единственной продаваемой в Советском Союзе марки – «Таймень». Сазыкины находились в своей байдарке с двумя детьми – Сашей и Темой; Винокуровы – с дочерью Юлей; мы с Люсей и десятилетним Антоном – тоже втроем; в четвертой лодке Сергей с Ольгой были в полном комплекте: со своими двумя очень беспокойными мальчишками да еще фокстерьером Филей, который зачастую был вместо впередсмотрящего, облаивая неизвестные и подозрительные предметы и предупреждая о возможной или мнимой опасности. Семья Холиных, присоединившаяся через несколько дней на второй стоянке, в буквальном смысле размещалась, как в известном произведении «Трое в лодке, не считая собаки»: Владимир с Ольгой, их чадо и собака Доня, тоже фокстерьер. Фокстерьеры Доня с Филей весь поход забавляли нас своими непростыми взаимоотношениями, а наша ребятня была просто счастлива, наблюдая за ними.

Этот первый для нас поход запомнился навсегда. Маршрут от Аткарска до Лысых гор проходил по чудным местам, где был когда-то природный заказник, и потому здесь сохранился хороший лес по берегам, полный всякой живности. Можно было наблюдать, как журавли учат летать своих птенцов, видеть изредка белок, «улепетывающих» перепуганных зайцев и даже встречать иногда в маленьких притоках реки подобие небольших плотин, которые бобры пытались соорудить из поваленных деревьев. Случалось, что и лесные гадюки грелись невдалеке на солнышке, и потому в густую траву не следовало заходить босиком, чтобы невзначай не наступить на одну из них. Эти змеи

сами никогда первыми не нападают. Их интересует живность не крупнее маленькой лягушки. Купались мы без конца, с превеликим удовольствием – как на песчаных отмелях, так и в заводях с большим количеством водных лилий и кувшинок. Однажды даже устроили и сами срежиссировали праздник Нептуна со всевозможными забавными водными конкурсами на надувных матрацах и без них.

Приготовление пищи осуществлялось на костре. А после ужина, уложив детей по палаткам, сидели вокруг костра, смотрели на звездное небо, вели неспешные беседы и пели туристские и геологические песни. До чего же было хорошо и душевно!

Приготовление пищи на столь большую компанию при отсутствии по берегам каких-то населенных пунктов с магазинами было непростым делом, но наши женщины как-то очень неплохо справлялись с этим. Никогда не возникало никаких проблем, кому чистить картошку, кому варить кашу. Были лишь проблемы, из чего все это делать. В основе рациона были всевозможные крупы и консервы, закупленные впрок на весь поход. Готовилось обычно целое ведро или очень большой казан. Именно столько требовалось, чтобы накормить 16 человек и две собаки. Для того, чтобы немножко повысить питательную ценность утренних каш из какой-либо крупы, иногда использовали детские сухие молочные смеси «Малыш» на рисовой или гречневой основе, предназначенные для детей при недостатке грудного молока. Этими смесями были завалены все магазины, в то время как купить просто сухого молока иногда было проблематично. Но этот факт тщательно скрывали от Володи и Сергея, справедливо предполагая, что им в рационе не понравятся добавки для грудного молочного вскармливания. Тем не менее, они с удовольствием уплетали за обе щеки все, что было приготовлено, в том числе и на основе детских молочных смесей. Но однажды коробку из-под смеси не успели бросить в костер, и она попалась на глаза Володе.

– Усатый, ты посмотри, чем они нас кормят, – произнес он, рассматривая упаковку и собираясь внимательно читать инструкцию, – А это, случайно, не ты? – продолжал он, показывая на изображение румяного малыша на коробке.

– Да нет, не я, – ответил Сергей, нахмурившись, – видишь, у него еще усы не выросли.

– Да, точно, не ты, – продолжил Володя и стал читать вслух инструкцию. – …Предназначено для дополнительного вскармливания детей в возрасте старше трех месяцев…

– Тебе три месяца есть? – прервал Володя свое чтение.

– Есть, – ответил усатый, но шутить ему явно не хотелось, поскольку, действительно, он испытывал сложные и в целом неприятные ощущения от того, что уже целую неделю употреблял в пищу детские молочные смеси.

– Ладно, – продолжал Вовка, – …старше трех месяцев при недостатке грудного молока.

– Понял, – опять прервался Володя, – значит, тебе грудного молока не хватает. А я-то думал, тебе водки и сигарет мало, и потому ты такой хмурый. Придется поискать тебе в деревне молочницу с большой грудью, чтобы тебе с твоими ненасытными губищами молока хватило.

Молочницу мы Сергею, к сожалению, не нашли. Да, думаю, и Наталья, его жена, возражала бы против большегрудой молочницы. Но зато сходили на ферму за 5 км и купили пластмассовую канистру молока по 24 копейки за литр. В последующие дни Володя с Сергеем старались не есть никаких каш, опасаясь, что им опять добавят какой-нибудь детской неожиданности.

Перед походом Сергей с Володей серьезно готовились к предстоящей рыбалке. Взяли с собой кроме удочек небольшую сеть да еще специальное рыболовное приспособление под названием вентерь, который имел немалую массу, из-за чего полностью нагруженная людьми и провизией байдарка шла, едва не черпая воду через борт. Он представлял собой металлический обруч с натянутой на него длинной сетью. Предполагалось, что рыба зайдет в него, а выйти не сможет. Несмотря на то, что местные рыбаки по берегам всегда были с хорошим уловом, у нас ничего не получалось. Лишь наш десятилетний Антон пару раз после нескольких часов терпеливого стояния вылавливал какую-то мелочь. Упражнения с сетью, в которую мы пытались, топая и хлопая, загонять рыбу, успеха не имели. Один комичный случай стоит того, чтобы о нем упомянуть. На очередной стоянке Володя с Сергеем еще с вечера установили вентерь, а сами ранним утром, взяв одну из байдарок, отправились по дальним заводям искать рыбацкого счастья. В это время женщины, приготовив завтрак и накормив детей, ждали возвращения рыбаков. Недалеко от места нашей стоянки у небольшой заводи подъехавший на велосипеде деревенский мальчик успешно вытаскивал на удочку и спиннинг одну рыбку за другой. Мы подошли посмотреть улов и обнаружили пару серьезных щук. Ольга, сориентировавшись в ситуации, попросила мальчика продать одну щуку, чтобы к обеду сварить хотя бы полведерка жиденькой ушицы на всю нашу немаленькую компанию. К обоюдному удовольствию, цена в 3 рубля устроила и покупателя, и продавца. Тут же у женщин

созрел коварный план разыграть наших рыбаков. Решили сказать, что щуку вытащили из вентеря, и этот секрет им не открывать. Завидев приближающуюся байдарку с очередным «пустым» уловом, Ольга высоко подняла рыбину над головой и стала ею размахивать. Мы все кричали: «В вентерь зашла». Сергей с Володей стали от радости так быстро грести, что через несколько секунд байдарка уже ткнулась носом в берег возле нас.

– Слышь, усатый, я же говорил тебе, что вентерь – это вещь, – сказал Володя, обращаясь к Сереге.

– А я разве тебе сильно возражал? – ответил Сергей, с удовлетворением разглядывая «пойманную» щуку.

С этого момента на каждой стоянке ребята тщательно выбирали место для установки этого «успешного» орудия лова, тратя на это немалое время. Но рыба в него больше не зашла. Женщины строго хранили молчание и «раскололись» лишь на Новый год, когда воронежцы приехали погостить к нам в Мурманск, Тогда все лишний раз посмеялись, но Сергей с Володей довольно строго посмотрели на своих жен. Как же могли они такое допустить: «дурить» заядлых рыбаков столько времени?

Мы с удовольствием просматривали в те новогодние дни кадры любительского кинофильма с нашим байдарочным походом, который я снимал на пленочную камеру «Кварц» (эпоха доступных портативных видеокамер тогда еще не наступила). За окном завывала заполярная январская вьюга, а на экране мы плескались в теплых водах реки среди лилий и кувшинок. Здорово!

На следующий год байдарочный поход в том же составе был повторен, но уже по реке Хопер – от города Балашов до станции Пески. Река не обманула ожиданий, предоставив очень много живописных мест для отдыха и стоянок с ночлегами и даже неплохой рыбалкой на этот раз.

Какая была чудесная и беззаботная пора!

Амурские волны

В то же лето 1990 года, по возвращении из байдарочного похода и после небольшой остановки в Железногорске, мы отправились в Москву, чтобы потом присоединиться в аэропорту Домодедово к нашей группе туристов из Мурманска, направлявшейся в Благовещенск. Мы были вчетвером: я, супруга Людмила, сын Антон и моя мама, которая провела свое детство в годы войны на Дальнем Востоке и с тех пор ни разу там не была. Поэтому ей очень хотелось побывать в этих местах.

Многочасовой перелет до Благовещенска с промежуточной посадкой в Красноярске был довольно утомительным, но все обошлось без происшествий. Прибыв в Благовещенск, мы провели

здесь три дня в ожидании отхода судна «Ерофей Хабаров». Были запланированы экскурсии по городу и окрестностям. Для середины августа погода показалась чересчур жаркой.

Посмотреть в Благовещенске было что, но три дня – все же многовато для сравнительно небольшого областного центра. Запомнился выезд на Мухинскую турбазу, где красивейшие окрестные сопки, поросшие богатой таежной растительностью, местные жители называли Амурской Швейцарией. Почему-то наш российский человек очень часто норовит назвать понравившиеся ему места на западный манер. Да здесь, как минимум, не хуже, чем в швейцарском альпийском лесу.

Напротив Благовещенска, на другом берегу широкого Амура, просматривался китайский город Хэй-Хэ. Во время запланированной речной прогулки мы подходили близко к китайскому берегу и наблюдали, как в речном порту работали сотни, если не тысячи китайцев, разгружавших вручную речные баржи и строивших портовые помещения.

В то время жителям Благовещенска и приграничного Хэй-Хэ стали разрешаться однодневные безвизовые некоммерческие поездки друг к другу. Но предприимчивые граждане находили способы сделать такие визиты хотя бы немного коммерчески привлекательными. Было очень комично наблюдать сцену несанкционированной торговли на площади перед гостиницей. Китайцы приезжали обутыми в новые не по размеру, большие для них кроссовки и спортивные костюмы, а уезжали иногда в сваливающихся с них женских шлепанцах и запахнутых старых халатах.

Амур оказался очень мощной и полноводной рекой с сильным течением. Наша Волга в сравнении с ним могла показаться небольшим весенним ручейком. Другой берег местами был еле виден, и это при том, что ширина реки здесь повсюду естественная, т. к. на Амуре нет ни одной плотины и водохранилища. Купаться в нем при таком течении даже вблизи берега было непросто. Если грести изо всех сил против течения, то в лучшем случае относительно берега будешь оставаться на месте.

В один из вечеров мы с супругой и Кузнецовыми из Мурманска решили немного разориться и сходить в здешний китайский ресторан – отведать известной по тем временам китайской пищи. Самым дорогим блюдом были лягушачьи лапки по 29 рублей за порцию – неслыханная по тем временам «обдираловка». Взяли одно блюдо на четверых и чуть-чуть попробовали. Думаю, вряд ли нам захочется их еще раз. Наверное, для нас это примерно то, что детские молочные смеси

«Малыш» для воронежцев Сергея и Володи из рассказанного выше «байдарочного похода».

Наконец отошли от причала Благовещенска и направились вниз по течению реки. Населенных пунктов по берегам амурской тайги почти не было. С китайской стороны время от времени появлялись небольшие деревушки, и в бинокль было видно, что вместо домов там часто были укрытые соломенными крышами землянки, едва возвышающиеся над землей, наверное, лишь для того, чтобы оставались щели для проникания солнечного света. Часто попадались моторные лодки с китайцами, и мы махали руками, приветствуя друг друга. Однажды щедрые китайцы, догнав наш теплоход и идя рядом с бортом на одинаковой скорости, перекинули в руки кому-то из наших на корме пару спелых арбузов.

На следующий день была чудесная зеленая стоянка на песчаной отмели, с прекрасными условиями для купания и загара. Антон поймал на удочку несколько средних рыбешек, но, поскольку готовить их было негде, скормили чайкам, сопровождавшим нас в пути почти все время. Погода стояла чудесная. Мы загорали на верхней палубе, любуясь живописными берегами Амура. Когда становилось жарковато, ополаскивались под душем, который был здесь же, на палубе, и предназначался прежде всего для загорающих. Это, конечно, не бассейн, как на больших круизных судах, но все же освежало.

Первая полноценная экскурсионная стоянка была в Хабаровске, которого достигли через два дня после отхода из Благовещенска. Стояла 30-градусная жара при 100 %-ной влажности воздуха, и создавалось полное ощущение, что мы находимся в парилке. Тем не менее, экскурсию по городу мы совершили. Амур здесь разлился так широко, что другой берег в дымке просматривался с трудом.

В Хабаровске был особый культ певца Виктора Цоя, который погиб за год до нашего визита. На улицах слышались песни в его исполнении, а на одном из домов была мемориальная доска, перед которой лежали свежие цветы. В основном мы ходили по городу пешком. Посетили краеведческий музей и панораму «Волочаевский бой». Много узнали о русском офицере и исследователе Дальнего Востока Г.И. Невельском, который, ослушавшись царя, позволившего лишь налаживать торговые связи, приказал снять с корабля орудие и выставить его на высоком утесе, водрузив рядом российский флаг. Оставшийся при этом боевой расчет из нескольких человек стал первым форпостом России в Приамурье. Американцы, китайцы и японцы, намеревавшиеся было тоже «прикарманить» эти земли, не стали

вступать в конфликт с сильной и авторитетной Россией второй половины XIX века. Так Дальний Восток стал нашим. И что же сейчас? Теперь этот богатейший край «влачит» жалкое существование. Очень непросто в нашей нынешней ситуации, в условиях уменьшения численности населения и полной бездарности и непрофессионализма управленцев всех звеньев, удержать то, что наши предки собирали с таким трудом.

Мы попытались найти в Хабаровске своих старых знакомых: моего однокашника Юрку Талтыкина и коллегу мамы по работе в Железногорском НИИ КМА Хорошевского, перебравшегося в Хабаровск. Юра оказался в отпуске в отъезде, а вот бывшего железногорца нашли и пообщались с ним полчаса к обоюдному удовольствию. Еще мы в магазине «Океан» купили огромных тихоокеанских крабов, уже пригодных для употребления. Вернувшись на теплоход, мы сели за столик на прогулочной палубе и стали с удовольствием их «уплетать» за обе щеки, запивая прохладным пивом. Вкуснятина!

Удивительный факт состоял в том, что Амур в 1990 году был полон рыбы. Прямо на стоянке в порту на простую удочку один из пассажиров поймал огромного сазана. Взвесив его на безмене, получили результат – почти 9 кг.

На следующий день прибыли в Комсомольск-на-Амуре. Здесь было совсем не жарко. В молодом современном городе, крупнейшем промышленном центре Дальнего Востока, кроме памятника на набережной, воздвигнутого в честь высадки здесь 10 мая 1932 года первого комсомольского десанта, и художественного музея со скромной экспозицией, смотреть было особенно нечего. Довольствовались краткой обзорной экскурсией по городу.

Еще через день причалили к пристани большого села Мариинское, основанного в одну из экспедиций Г.А. Невельского. Здесь женщина-экскурсовод с такой любовью рассказывала о своем крае, что мы, слушая ее с неподдельным интересом и восхищением, сами искренне полюбили этот Амурский край. С высокого холма открывался хороший вид на окрестности реки и на гору Шамана. Шаманы в этих местах долгое время определяли жизнь и быт коренных народностей, основными из которых были «ульчи». В этом же селе в эпоху наступившего дефицита и «полусухого» закона деньги были малоупотребительны в товарообмене, а самой твердой валютой у местных жителей стала водка, которую мы возили с собой именно для бартерных сделок. На одну пол-литровую бутылку водки удалось выменять три красных рыбины приличного размера. А еще за одну бутылку емкостью 0,7 л мы получили трехлитровую банку красной икры.

Потом, во время каждого приема пищи в судовом ресторане, Людмила, боясь, что мы не довезем икру в сохранности, заставляла нас есть ее большими столовыми ложками. Вновь вспомнились слова Верещагина в «Белом солнце пустыни», но уже по поводу этого деликатеса: «Опять эта икра…».

Во второй половине того же дня достигли села Богородское, где главным образом знакомились с языческой культурой проживавших здесь долгое время «ульчей». Вечером на берегу развели костер, пели песни и лакомились икрой, поскольку все ее набрали в избытке.

Наконец достигли конечной точки маршрута – Николаевска-на-Амуре, откуда до выхода в Охотское море и Тихий океан было рукой подать.

На обратном пути в Благовещенск зашли в город Амурск, где особо запомнился крытый ботанический сад с очень богатой коллекцией тропических растений, созданный руками самих жителей.

Несмотря на то, что бюро путешествий из Благовещенска слабовато подготовило развлекательную программу круиза, наша мурманская группа была на высоте. Опять большинство призов было за нами. Все танцевальные и песенные конкурсы мы безоговорочно выигрывали за счет Виктора и Людмилы Кузнецовых, ставших впоследствии нашими друзьями на много лет. Но, наверное, «гвоздем» нашей программы было исполнение «Танца маленьких лебедей» *в* постановке моей супруги. Тогда еще мужчины в женских ролях были не так «затасканы», как сейчас, когда совсем не смешные новые «русские бабки» не сходят с экрана телевизора. Нас было всего три лебедя: рослый и лысый немолодой мужчина Александр, бородатый лебедь среднего телосложения – это я, и маленький лебедь – наш одиннадцати летний Антон. Пачки и короны балерин удалось соорудить очень похожими на настоящие. В некоторых танцевальных движениях «лебедей» явно просматривалось нечто, напоминающее битье лошадиным копытом по земле, Публика в салоне «укатывалась» от смеха.

В общем и целом Амурский круиз все же удался, и спустя годы остались самые хорошие воспоминания об этом.

К Соловкам через Онегу и Кижи

Водные путешествия в любых видах: на байдарках и теплоходах, по морям или рекам – для меня всегда были самым лучшим способом проведения отпуска. И похоже, что вода – это вообще моя стихия. Как бы ни были прекрасны загородный лес или раздольные степи, или чудесные горы, но если на дворе лето, а рядом нет приличного водоема, где можно было бы

«макнуться», у меня всегда возникает чувство сильного дискомфорта и ощущение того, что время проходит зря. Поэтому быть летом всегда рядом с водой – неотъемлемая составляющая душевного спокойствия. И, конечно, наилучшим образом это реализуется в водных путешествиях с созерцанием новых мест, знакомством с новыми людьми, когда все это чередуется с «зелеными» стоянками для купания и отдыха.

Выбирая в очередной раз маршрут для речного круиза в период короткого летнего отпуска 2005 года, мы исходили из того, что Волгой мы уже налюбовались вполне, а заграничный отдых с некоторых пор стали практиковать только зимой или весной, когда кусочками иногда удавалось «догуливать» отпуск. (Полный отпуск за последние несколько лет взять ни разу не получалось из-за напряженного графика выполнения проектов). В то же время в период нашего жития на Севере мы так и не удосужились посетить ни Соловки на Белом море, ни знаменитые Карельские Кижи. В общем, северный маршрут на теплоходе от Москвы до Соловецких островов и обратно показался нам очень заманчивым, тем более что другие популярные и освоенные речные маршруты нами уже были пройдены.

Теплоход «Белинский», на котором мы отправлялись в путь, принадлежал частной компании «Агидель-круиз» и был широко разрекламирован в интернете как единственное пассажирское судно класса «река-море» с «евроремонтом» в каютах, способное как пройти каналы, так и доставить туристов прямо по морю на Соловки без пересадки на морское судно в Беломорске. Большинство других компаний пересаживали пассажиров. Поскольку у нас был положительный опыт речного круиза на частном судне «Бородино» в предыдущий год, мы с удовольствием собрались и в этот раз на «частнике», тем более что нам достались лишь каюты полулюкс, т. к. более дешевые стандартные были все проданы еще за три месяца до отхода. Надо сказать, что отдохнуть организованно по путевке в России обойдется значительно дороже, чем слетать на отдых в дальнее зарубежье. При этом уровень сервиса здесь будет многократно ниже. Это так называемый бизнес по-русски. Тем не менее, мы в своем полулюксе ожидали увидеть хоть что-то приемлемое. Комфортабельных кают, как на большинстве предыдущих судов, на которых мы путешествовали, нам и не требовалось. Главное – насладиться природой, обогатиться новыми впечатлениями, вновь посетить родную Карелию, которую уже давно не видели после отъезда из Мурманска, и обязательно искупаться в ее чудных озерах.

Но когда мы пришли на борт и, с трудом открыв замок,

заглянули внутрь своей каюты, взору предстало очень маленькое пространство, по размерам едва превышающее купе в поезде. Единственная полуторная кровать была с трудом втиснута между стенкой каюты и самодельно сооруженным боксом с душем и туалетом, внешняя стенка которого была обита дешевым пластиком «под дерево». Заглянув в этот туалетный бокс, обнаружили, что, например, чистить зубы за мизерным умывальником, равно как и принимать душ, можно было лишь сидя здесь же на унитазе. Вся площадь этой санкомнаты вряд ли превышала один квадратный метр. «Полулюкс» отличался от стандартной каюты наличием с трудом втиснутого потрепанного кресла и закрывающимся шкафчиком для одежды, куда даже два пиджака вряд ли можно было повесить. В стандартной каюте у Никитиных, отправившихся с нами в компании в этот круиз, не было разве что этого шкафчика. А вместо него было два мощных крюка для одежды прямо в стенке. К тому же их маленький холодильник «Самсунг» морозил явно лучше, чем совсем уж крохотный «Морозко» в нашем полулюксе. Чемоданы с вещами тоже деть было особо некуда, кроме как поставить «на попа» под маленький столик, прикрепленный к стене под иллюминатором. При этом сесть за этот стол в случае необходимости и поставить под него ноги не представлялось возможным.

Все же переживали мы недолго и, чтобы не портить себе настроение, а быстрее настроиться на приятную волну отдыха, прихватили с собой коньячок с шоколадкой, вышли с Никитиными на палубу, сели за столик под навесом и под музыку и накрапывающий июльский дождик отправились в это увлекательное путешествие. Теплоход отошел от причала Северного речного вокзала, и мы пошли знакомым уже маршрутом вверх по Москве-реке, а потом – по каналу имени Москвы с его многочисленными шлюзами.

Как всегда, первая остановка на этом пути – старинный русский город Углич. Поскольку это было наше третье посещение Углича, мы хорошо знали типовую экскурсионную программу: немного хождения по городу с рассказами гида, посещение церкви Димитрия-на-крови с выдуманными «страшилками» об убийстве царевича и свободное время на магазины. Поэтому, покинув группу и вооружившись путеводителем, мы сами обошли историческую часть города, побывали в заброшенной церкви Иоанна Предтечи с хорошо сохранившимися очень редкими изразцами и в Воскресенском мужском монастыре. Далее, пройдя немного вверх и миновав справа бывший женский монастырь, мы заглянули в церковь Федоровской иконы Божьей матери, где за год до этого стало происходить нечто наподобие чуда: старинные

фрески очень ярких синих тонов стали без всякой реставрации самостоятельно проявляться на стенах. Действительно, со времени нашего прошлого визита немного проявились новые фрески и усилилась четкость ранее проявившихся. Некоторые из них стали выглядеть, как совершенно новые – только что написанные. Большинство прихожан сочли это за божью благодать. Думаю, что этому есть более простое объяснение. Церковь уже несколько лет как стала действующей и потому более теплой от присутствия большого количества свечей и от человеческого дыхания. Сырость и налет стали потихоньку подсыхать, пропуская очень яркие краски, использовавшиеся здесь иконописцами.

Потом с планом города в руках разыскали редчайшую по архитектуре на Руси трехшатровую церковь, выглядевшую очень необычно.

После Углича и Рыбинского водохранилища, оставив по правому борту промышленный центр северо-запада – город Череповец, вошли в воды реки Шексна, уже на территории Вологодщины. Первая стоянка здесь была в старинном селе Горицы. Здесь, на берегу Сиверского озера, находится известный на всю округу Кирилло-Белозерский монастырь, построенный еще в начале XV века. Кроме осмотра монастыря я не преминул искупаться как в Сиверском озере, так и в Шексне. В Горицах еще очень многое можно посмотреть, но это было запланировано на обратном пути.

Вскоре миновали Волго-Балтийский канал. В последнем шлюзе впечатлила разница в уровне воды по обе стороны от него, составившая почти 16 м. При нижней точке казалось, что наш теплоход находится в глубоком колодце. Почти тут же проходила административная граница между Вологодской областью и Карелией. Оглянувшись назад, увидели надпись: «Добро пожаловать в Вологодскую область, на родину Деда Мороза». Но эта надпись для тех, кто идет с севера. Мы же оставили родину Деда Мороза позади и вошли в Карелию, в изумительно чистые воды огромного Онежского озера. Погода выдалась на славу, и мы почти весь день загорали с книжками в руках на палубе, ополаскиваясь иногда чуть прохладной забортной водой из душа, находящегося здесь же, на палубе. Местами берегов озера не видно совсем, как в открытом море. Часто попадались многочисленные живописные необитаемые острова, и, глядя на них, можно было строить «маниловские планы»: а не построить ли здесь дачку и обзавестись хорошим катером? В шутку мы определяли, кому и какой островок неплохо было бы заполучить. Переход по озеру был довольно долгим.

Наконец прибыли в поселок Повенец на северном берегу озера. Здесь начинался Беломоро-Балтийский канал, *в* который нам предстояло войти. Но перед этим мы ознакомились с местным музеем строительства канала. Это была поистине ударная стройка социализма, но понятно, какой ценой в конце 30-х годов XX века он был сооружен. Все до единого инженеры, проектировавшие и строившие канал, а также все руководители стройки были политзаключенными.

Итак, мы вошли в канал. Это поистине уникальное инженерное сооружение. Прямо от Онежского озера на север – крутой и высокий берег. В итоге здесь шлюзы расположены целым каскадом – один за одним. Этот подъем занимает многие часы. Ширина канала здесь небольшая, поэтому большие пассажирские суда не пройдут и после Онеги сворачивают на Ладогу и дальше – в Санкт-Петербург. Это наиболее популярный маршрут, заказываемый иностранцами.

Мы же шли дальше по Карелии. Недалеко от городка Надвойцы у нас была «зеленая» стоянка. Автобусами нас доставили в прекрасный карельский лес, где поблизости был очень живописный водопад. Высота уступа невелика – 5–6 м, но из-за огромного потока воды шум был такой, будто мы стояли перед Ниагарским водопадом. Нашли вблизи место поспокойнее и с удовольствием поплавали в бодрящей водичке карельского озера.

Наконец, хмурым туманным утром прибыли на Большой Соловецкий остров. Тут проявились преимущества нашего теплохода, имевшего расширенный регистр «река-море». Другие группы, оставив свои «борта» в Беломорске, прибывали сюда на «Кометах». Всего Соловецкий архипелаг в Белом море насчитывает около ста больших и маленьких островов. Мы начали свой осмотр с подъема на Секирную гору. Миновав несколько старых монашеских скитов и преодолевая полчища комаров, достигли вершины. Здесь со смотровой площадки открывается вид на остров, поросший густым лесом, сквозь который видны просторы Белого моря. Осмотрели и церковь на вершине. Здесь, на Соловках, причудливым образом переплетаются сложные перипетии русской истории – от монашества, посвятившего всю жизнь богу, до полного безбожия и истребления лучших людей России во времена ГУЛАГа. Спустившись с Секирной горы по крутой деревянной лестнице с 270-ю ступеньками, увидели у подножия памятник – сооружение в виде большого креста, как бы накрытого двускатной поверхностью. Этот знак был открыт и освящен Патриархом всея Руси Алексием Вторым в 90-х годах в память о жертвах ГУЛАГа.

Следующей достопримечательностью острова был ботанический сад, основанный монахами в XIX веке. Удивительно, но здесь, на Севере, совсем недалеко от полярного круга, под открытым небом прижились разнообразные достаточно теплолюбивые деревья и кустарники с разных концов земного шара. На краю сада стоит двухэтажное деревянное здание середины XIX века – дача архимандрита, основавшего этот сад. В 30-е годы здесь располагалось лагерное начальство ГУЛАГа, а сейчас находятся небольшие музейные помещения со сменяемыми экспонатами.

После обеда на судне при прояснившейся погоде продолжили осмотр Большого Соловецкого острова. Теперь главной задачей было знакомство с Соловецким монастырем, представлявшим собой с внешней стороны фундаментальное крепостное сооружение. Его башни и стены были сложены из огромных валунов, скрепленных таким составом древних цементов, что за 400 с лишним лет в них не появилось ни одной трещины. Основанный в середине XVI века монахами Саввой, Зосимой и Германом монастырь был все эти годы оплотом веры и духовности на русском Севере.

Перед монастырем раскинулась бухта Благополучия, куда приставали суда купцов и паломников в разные времена. Вот и сейчас мы застали последний день Соловецкой ярмарки, проводившейся с размахом на берегу бухты. Ряженые с песнями ходили меж торговых рядов, где было что купить. Текстильная продукция предприятий российского Севера, различная посуда частных фирм, ковры, украшения заполнили все прилавки.

Еще одно интересное явление осталось здесь пока исторической загадкой. Выложенные из камней спиралевидные лабиринты, датированные примерно XI веком до нашей эры, встречаются на нескольких Соловецких островах.

Глубоким вечером отправились в обратный путь. Было несколько «зеленых» стоянок, оказавшихся очень кстати, поскольку июль в Карелии в тот год выдался жарким.

Жемчужиной Онежского озера, конечно, является остров Кижи с находящимся здесь музеем русского деревянного зодчества. Больше нигде в мире не встретишь такой великолепной 22-главой церкви, построенной без единого гвоздя. Да и другие многочисленные памятники деревянной архитектуры вызывают неподдельное восхищение. Полдня для знакомства с таким уникальным островом явно недостаточно.

Произвел очень благоприятное впечатление чистый и опрятный Петрозаводск – столица Карелии. Город очень выгодно отличается от типичных и безликих областных центров России.

Очень оригинальная набережная с причудливыми абстрактными фигурами, изображающими различные человеческие эмоции и привычки.

Из Онежского озера через Волго-Балт вновь вошли в Шексну. Не показалась лишней и небольшая экскурсия по небольшому городку Вытегре – одному из райцентров Вологодской области. К тому же на специальной поляне недалеко от причала шеф-поваром ресторана были организованы шашлыки.

И вновь на Шексне знаменитое вологодское село Горицы, но теперь уже на обратном пути. Небольшая, но интересная поездка на автобусе от пристани в Ферапонтов монастырь, основанный в конце XIV века, стоит того. Перед монастырем озеро, а на нем вдалеке виден небольшой остров с большим крестом, который во второй половине XVII века собственноручно поставил здесь опальный Патриарх Никон. Но знаменит Ферапонтов монастырь прежде всего хорошо сохранившимися фресками Дионисия, большинство из которых уже аккуратно отреставрированы, причем рука мастера на фресках сохранена почти полностью.

Почти рядом с пристанью села Горицы – остатки женского монастыря, основанного еще теткой Ивана Грозного Евфросиньей. Здесь же впоследствии, якобы по приказу самого царя, и утопили в Шексне непослушную тетушку. Монастырь находится в заброшенном состоянии, но кое-какие реставрационные работы начались.

За сутки до прибытия в Москву вновь посетили интересный городок Мышкин, о котором уже шла речь ранее. Затем в очередной раз увидели полузатопленную красивую колокольню близ Калягина, на фоне которой всегда хочется сфотографироваться. Вскоре вошли в канал имени Москвы и, пройдя по живописным и красивым местам Подмосковья, вернулись в столицу. Все же, несмотря на ненавязчивый российский сервис, эта поездка чрезвычайно увлекательна,

Эпилог

Ну что же, дорогой читатель, спасибо, что Вы прочли хотя бы часть моего повествования. Может быть, это Вам напомнило и свои годы молодости, а в ком-то из героев Вы узнали и себя, хотя не все персонажи здесь реальны, Некоторые «типажи» могли выступать и в качестве «собирательных образов» и не иметь прямых прототипов. Но все же я надеюсь, что мне правильно удалось подметить приметы того и нынешнего времени и «перевести» их в наши с Вами переживания и эмоции. Но будут ли кого волновать наши с Вами ощущения и мысли через несколько десятков лет? Или весь этот набор частных событий, из которых состоит наша жизнь, «сгинет» безвозвратно в бесконечном течении времени? Ведь это просто миг в масштабе геологической истории Земли. Представьте себе, что с помощью ускоренной киносъемки 5 млрд лет существования нашей планеты удалось сжать до одного месяца. Тогда, просматривая на экране этот гипотетический фильм непрерывно целый месяц, мы увидим начало эпохи фанерозоя, когда появились простейшие ростки жизни, только на 28-й день т. е. за три дня до окончания фильма. Строительство египетских пирамид в такой шкале времени промелькнет на экране за три секунды до конца, а мы с вами родились лишь мгновение назад (три сотых секунды), не успев моргнуть. А через секунду пройдет еще 2000 лет.

Да, действительно, на фоне вечности кажутся ничтожными наши мысли, чувства, переживания. Но нам представляется это несправедливым. Как же так? Мы же здесь! Мы есть, мы живем, работаем, ссоримся, миримся, любим, наконец. Неужели это никому не будет интересно уже через историческое мгновение?

Увы, по большому счету это так, А в чем тогда смысл жизни? Поесть, выпить, попрыгать на дискотеке, хапнуть деньжат, оставить пару «отпрысков» и все??? Как-то маловато будет.

А что же деньги, вокруг которых ломается столько копий и из-за которых рушится столько судеб? Разве они заслуживают того. чтобы за ними постоянно охотиться и набивать ими карманы, покупать все новые и новые вещи, шикарные автомобили и строить особняки, хвастаясь перед знакомыми? Конечно, нет. Почему-то многие люди, испытывающие нужду, думают, что с деньгами приходит счастье. Но, как показывает опыт человечества, большинство богатых людей умирают несчастными, в то время как немало людей без достатка могут испытать мгновения запредельного счастья, и бывает это гораздо чаще.

Но вы, наверное, хотели бы оставить своим детям в наследство нечто материально существенное: большую квартиру, дом, доходный бизнес и т. п. А представьте, что все это в одночасье будет утрачено из-за нестабильности нашей системы и бездарности наших политиков. Поэтому самое ценное наследство, которое мы могли бы оставить не просто абстрактным потомкам, а своим собственным детям – это процветающая страна, в которой они могли бы зарабатывать, творить, любить, наслаждаться счастливой жизнью, ничуть не опасаясь за последствия. Но до этого пока что, ох, как далеко.

Ну а как же с нашим поколением геологов-романтиков и прагматиков? Действительно, нелегко приходится многим. Но и ворчать на судьбу не стоит: случались испытания гораздо более тяжелые в жизни поколений. Нечего пенять на власть, на своих начальников, на несправедливость вокруг. Не так уж мало зависит и от нас самих.

Наши корифеи и хранители традиций в родном МГУ: Пущаровский Дмитрий Юрьевич, Хмелевской Виктор Казимирович и многие другие – делают все, чтобы сохранить дух всего нашего факультета в целом и отделения геофизики в частности. Но как-то с молодой сменой туговато. Да, молодежь, конечно, стала возвращаться в профессию, но пока робко и с оглядкой. Обращаясь к молодым читателям, хочу предложить: задумайтесь о жизни не только в меркантильном смысле – с получением сиюминутной материальной выгоды, а взгляните на всю проблему более широко. Может быть, Вы тогда по-другому оцените свой дальнейший путь, который может оказаться более удачным и счастливым для Вас, Жизнь – это своего рода экзамен, который суждено сдавать каждому.

В этой связи будет уместно завершить мое повествование стихотворением «Экзамен», автором которого является мой отец Петр Ампилов. Оно впервые было опубликовано в его книге «Времена и судьбы», вышедшей два года назад к его 75-летию. Отец в своем немолодом уже возрасте старается жить активно: работает в совете ветеранов, преподает студентам художественного училища обществознание и политологию, пишет статьи и стихи, пытаясь достойно выдержать свой экзамен. Думаю, эти строчки подойдут многим из нас.

Экзамен

Мне много лет, но я не старый,
Хоть сила мышц уже не та,
Зато душа, считай, осталась
В былых заботах и мечтах.

Они о том, чтобы крепчала
Россия – ныне и вовек;
Семья была бы тем причалом,
Где греет душу человек.
Тепло сердец для ветеранов,
Студентам – знания, урок;
Стихи – в ночи, в закат багряный
Иль на лыжне, под ветерок…
Жена встречала бы улыбкой
И провожала за порог,
Простив невольную ошибку.
Домашний выпекла пирог…
Все это было, есть. И будет!
Как долго – вычислить нельзя.
И потому средь прозы буден
Дарю признания друзьям.
…Меж тем все зримее морщинки
Следы исхоженных дорог,
Судьбы и времени тропинки
Смятенных лет, ночных тревог.
В составе жизненных сказаний —
Пролог, сюжет и эпилог…
Как трудно выдержать экзамен
Достойный музы… И признаний
Твоих, читатель…
Видит Бог!
Москва, июнь 2007 г.

Книга о науке и отечестве (Т.Н. Александров)

В мировой литературе есть немало примеров, когда ученые создают художественные, документальные, мемуарные произведения. Это и Л. Кэрролл, написавший « Алису в Зазеркалье», и В. Обручев, сочинивший увлекательный роман «Земля Санникова», и Б. Вронский, рассказавший в книге «Тропою Кулика» о поисках Тунгусского метеорита, и многие-многие другие. Книгу Юрия Ампилова можно отнести к этому ряду, Известный российский ученый-геофизик, рассказывая о своей жизни, о постижении науки, одновременно воссоздает широкое полотно с изображением десятков людей, с переплетением событий, характеризует их, поэтому книга приобретает общественное звучание. В ней можно найти изображение провинциальной России и столицы, а во второй части содержится увлекательное повествование о разных странах и народах. На ее страницах можно познакомиться с людьми очень известными и рядовыми, зримо представить их если не по внешним описаниям, то по роду занятий, по отношению к ним самого автора. Одна из ценнейших черт Юрия Ампилова – изумительная память, способная воспроизводить мельчайшие детали. Но не менее важно и то, что он, словно художник-мозаик, может объединять эти детали в полную картину, и они тогда воспринимаются не сами по себе, а как части единого целого.

Книга Юрия Ампилова – это не отвлеченное повествование о ком-то или о чем-то. В ней автор предстает, словно создатель древнерусского «Слова о полку Игореве», страстным патриотом, переживающим за всех и вся в своем Отечестве. Так что, читая о положении дел в продажных столичных сферах или о путешествии на Соловки, читатель идет вслед за автором, переживает вместе с ним, потому что верит в его откровения. А то, что Юрий Ампилов абсолютно искренен, не возникает и толики сомнения. Иначе он не взялся бы за это повествование.

Язык книги Юрия Ампилова прост, без каких-либо художественных изысков, иногда в нем угадывается не писатель, а ученый. Главное его достоинство – динамизм. Автор словно задался целью сказать как можно о большем, он, как пушкинский Ленский, «и жить торопится, и чувствовать спешит». Но это нисколько не умаляет достоинств книги. Напротив, она читается легко, увлекательно, вызывает у читателя как положительные, так и отрицательные эмоции по поводу изображаемых событий. И большинство любителей чтения с удовольствием поместят книгу

Юрия Ампилова на книжные полки.

Геннадий Александров,
член Союза писателей РФ

Вклейка

Сборы в Таманской дивизии

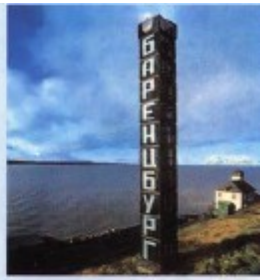
Тот самый Гавриш

В рейсе на "Куренцове"

Практика в Никитцах

НИС "Профессор Куренцов"

Шпицберген



Хибины

Кольский п-ов

Конец полярной ночи

Летняя ночь

Март в Мурманске

Алагиты

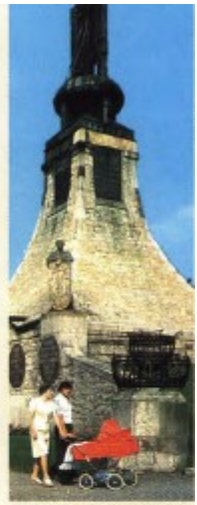
Северное сияние в Хибинах

А.Б.Миллер вручает первую премию ГАЗПРОМА

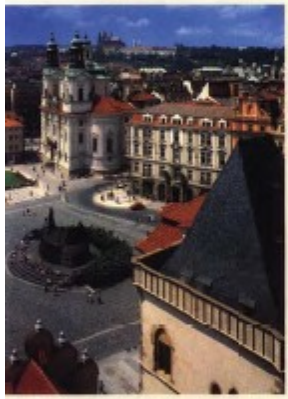
На съемках рекламы ГАЗПРОМА

Прага

Чехословакия



Под Аустерлицем



В пещере Мацоха

На Шипке

С коллегами из "Овергаза"

Дворец президента

Болгария

"Болгарская кухня" в Габрово

Рыльский монастырь

В Венеции

На площади Сан-Марко

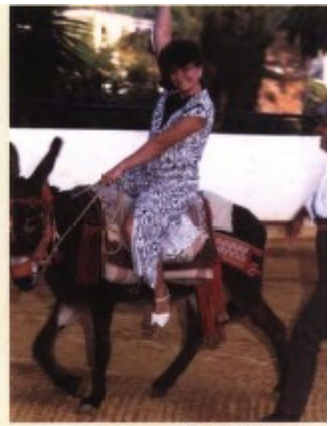
Арка Августа в Римини

Италия

"Италия в миниатюре"

В Сан-Марино

Фламенко



Коррида на осле

Испания

В качестве тореро

Коста-дель-соль

Сказочные фиорды

Норвегия

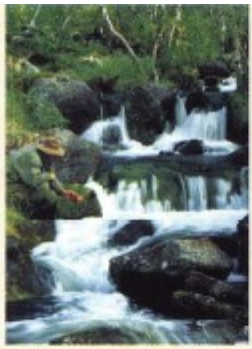
"Тролль А"

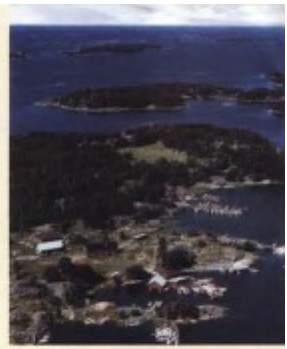
В окрестностях Бергена

На промысле

Смена вахты

ВНИИГАЗовцы в "HYDRO"





Царство воды и лесов

Рованиеми

Финляндия

В деревне Санта-Клауса

В Хельсинки

Олени на дороге

На Женевском озере

Германия-Швейцария

В Берне

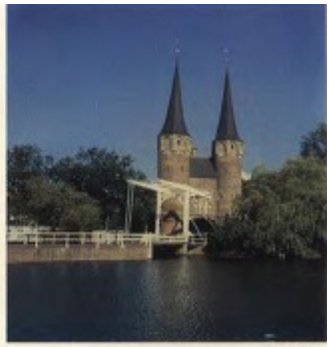
С Р.Артсом и Г.Кривицким в Лейпциге

Ганновер-монде

В баре Гете

В Касселе

В порту Роттердама



Дельфт

Нидерланды

Мельница в Заансе

В каналах Амстердама

Разводные мосты

Нотр-Дам де Пари

С Робсм на Мон Мартре

Франция

Парижская мэрия

На набережной Сены

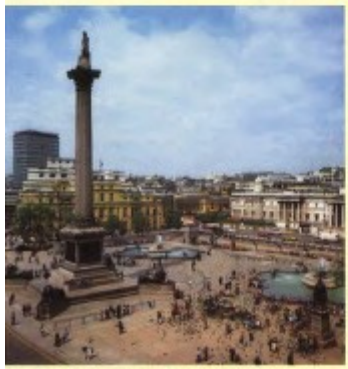
Вестминстерское аббатство

Тауэр

С шотландским гвардейцем

Британия

Замок шотландских королей



На Трафальгарской площади

В Эдинбурге

Австрия

В Бадене

/ Музеи искусств

Замок на Дунае

Собор св.Стефана

У Бельведера

На гала-вечере EAGE

В кафе Моцарта

Венесуэла

Каракас

Карибские пеликаны

Остров Рокос

Вместе с охраной

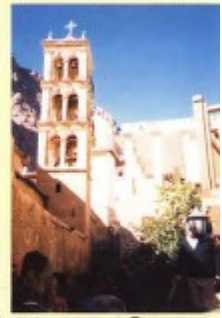
Каракас из окна отеля

В отеле

Сфинкс

Рассвет на горе Моисея

Египет



В монастыре св.Екатерины

Перед погружением

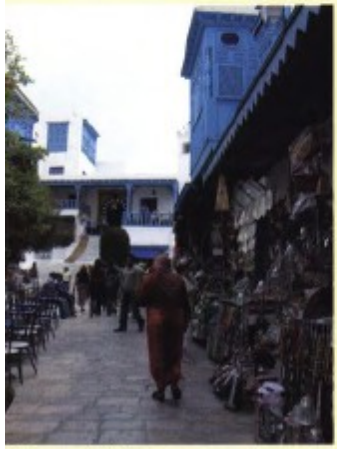
Пирамиды

Зима в Хургаде

У Каирского музея

На иесте Карфагена

Тунис



"Бело-голубой" город

В музее римской мозаики

Перед взлегом

В порту Суса

В древнем Сусе

Вьетнам

Взвесим улов

У о.Катьба

Жилище рыбаков

Рыбаки

Рыбный обед

В Южно-Китайском море

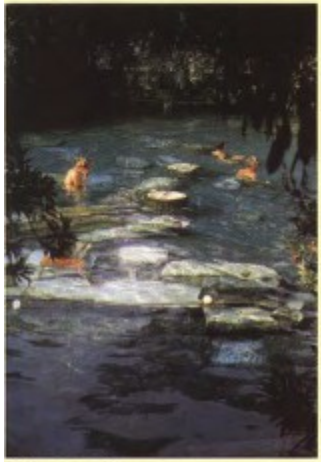
В храме спящего Будды

На Памуккале

Амфитеатр Хиераполиса

Памятник Ататюрку в Анталии

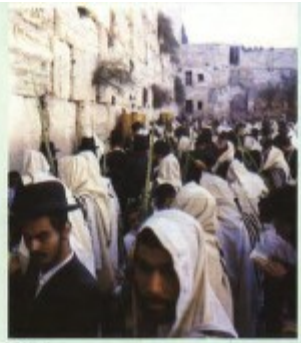
Турция



В Купальне Клеопатры

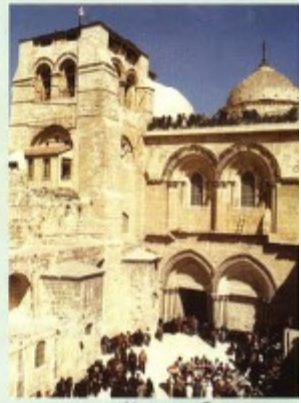
Вечерняя Анталия

С продавцом мороженого



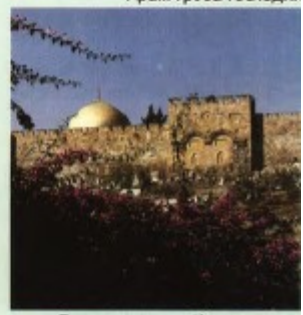
У стены плача

Израиль



Храм гроба господня

На Илионской горе



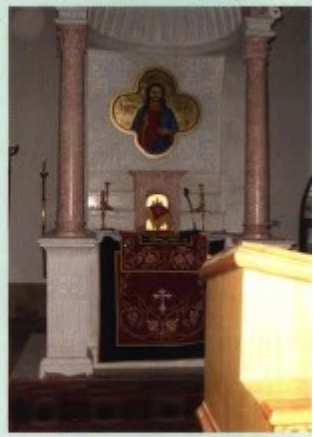
Вcрота старого Иерусалима

На могиле библейского Авеля

Позади Ливан

Сирия

С сирияксими монашками



В богословском университете

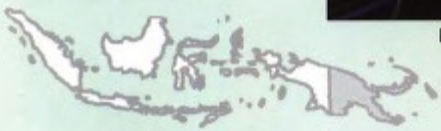
Вечерний Дамаск

В Джакарте

Джакарта

На чайных плантациях о.Ява

Индонезия

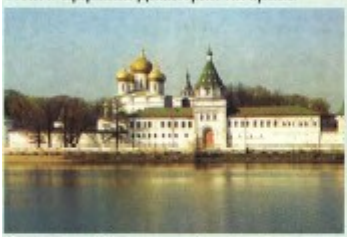


На сафари

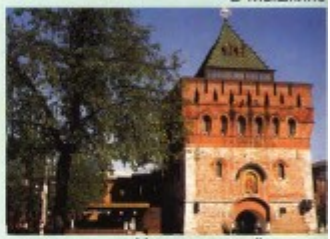
Волга

Углич. Церковь Димитрия на крови

В Мышкине



Кострома. Ипатьевский монастырь



Нижегородский кремль

Зеленая стоянка

Волгоград

Нижний Новгород. Вид на храмы

Московская кругосветка

Рязань. Памятник С.А.Есенину

Ярославль. Церковь Ильи Пророка

Нижний Новгород. Чкаловская лестница

Плес. Домик Левитана

Москва-Соловки

Стены из валунов

Загадочные лабиринты

В Соловецком монастыре

Кижи

Набережная Петрозаводска

Онежская чайка

Водопад у п.Надвойцы